

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

49

А. Л. МОНГАЙТ

СТАРАЯ РЯЗАНЬ

УЧЕНЫЕ ЗАВОДЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР

1955

I. ВВЕДЕНИЕ

Для изучения древнерусского города археологические исследования являются важнейшими. Их значение особенно велико в связи с тем, что городские архивы древней Руси не сохранились, а летописные известия о городах крайне разрознены.

Буржуазная историография в старой, довоенной России мало интересовалась историей русских городов. Соответственно и археологические раскопки были несистематичны, случайны, носили любительский характер и вследствие своей плохой методики дали науке меньше, чем могли бы дать.

Советские археологи приступили к плановым, систематическим раскопкам древнерусских городов. При этом перед ними встали такие конкретные исторические и культурные проблемы, как вопросы происхождения города, развития городского ремесла, искусства, изучения истории жилища и т. д. Параллельно с широко развернувшимися раскопками ведется работа по обобщению уже накопившихся в музеях и архивах материалов, по сведению воедино литературных источников. Проблема истории русского города заняла соответствующее ей место в советской историографии. Большое значение для исторической науки имели такие обобщающие труды, как исследование академика М. Н. Тихомирова «Древнерусские города» (М., 1946), в котором сведены все письменные источники и использованы важнейшие археологические материалы, коллективный труд «История культуры древней Руси» (т. I и II, М., 1951) и книга Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» (М., 1948), в которых подве-

дены итоги изучения древнерусской культуры и ремесла. Помимо этого в последнее время подготовлен ряд монографий, посвященных отдельным городам.

Во многих из городов раскопки ведутся давно и настало время для подведения итогов. Эти итоги пока еще предварительные, они суммируют результаты лишь определенного этапа исследований, так как ни один древнерусский город не только не раскопан полностью, что в большинстве случаев вообще невозможно, но ни в одном городе раскопки еще не достигли таких масштабов, чтобы была исследована значительная часть его территории. Если бы мы ждали таких исчерпывающих исследований, то пришлось бы написание истории древнерусских городов отложить на десятки или даже сотню лет, так как процесс раскопок города очень трудоемок и даже при больших затратах сил и средств требует много времени. Между тем, если раскопками охвачены наиболее важные районы города, то в большинстве случаев можно получить более или менее полное представление об его истории и исторической топографии, не ожидая полного завершения раскопок. К числу довольно подробно исследованных в археологическом отношении городов принадлежит древняя столица Рязанского княжества — Старая Рязань.

Городище Старая Рязань находится в 50 км от современного города Рязани на правом высоком и крутом берегу Оки, напротив города Спасска, в 4 км вниз по течению Оки от места впадения в нее Прони. Сейчас от древнего города на поверхности земли не осталось ничего, кроме величественных валов, окружающих его территорию

(рис. 1). В валу с восточной стороны имеется трое ворот: Исадские, Старые Пронские и Новые Пронские. Северо-западная часть городища отделена от остальной территории внутренним валом, в середине которого имеются ворота (Северные; рис. 2).

Старорязанское городище — один из самых замечательных археологических памятников в нашей стране. В отличие от других древнерусских городов, позднейшая застройка которых мешает раскопкам, Старая Рязань целиком открыта для археологических

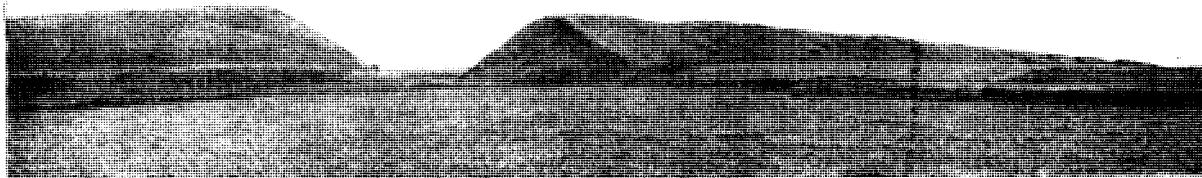

Рис. 1. Валы Старой Рязани.

Восторженный отзыв о Старорязанском городище дал проезжавший здесь в 1829 г. молодой В. Г. Белинский. «Какие плениительные и, можно сказать, единственные виды представляет Старая Рязань со своими окрестностями. Представьте себе высокую равнину, которая оканчивается такою крутою, неприступною горою, что пеший человек едва может, и то в некоторых только местах, взобраться на оную. В левой стороне на покатой горе, и как бы в яме, стоит Рязань, а при подошве течет широкая Ока, которая, разделяясь на 2 части, делает довольно большой остров и одною своею частью омывает живописный берег стоящего противу Старой Рязани городка Новоспасска. Ежели станете на горе лицом к Оке, то какое величественное и восхитительное зрелище представится изумленным очам вашим: у подошвы крутизны, под ногами вашими гордо расстилается быстрая Ока, покрытая барками; низкий, почти равный с Окою, противоположный берег, желтый, песчаный, как необозримое море, теряется в своем пространстве и граничит с горизонтом; в левой стороне, на возвышенном месте, которое, однажды, гораздо ниже крутизны, на которой вы стоите, стоит Новоспасск. О, с каким восторгом, с какой гордостью, стоя на помянутой крутизне, я обозревал сии восхитительные виды! Эти места достойны, чтобы на них стоял столичный город»¹.

исследований. На городище почти нет построек, и многолетние раскопки по определенному плану дали возможность изучить топографию древнего города и получить представление о различных сторонах жизни населения. Археологические материалы из Старой Рязани настолько обширны и важны, что они, несомненно, заслуживают подробной публикации и исследования, чему и посвящена настоящая книга.

2

Первое значительное открытие, заставившее обратить внимание на Старорязанское городище, относится к 1822 г., когда крестьянами Ефимовыми были выпаханы из земли золотые бляхи, медальоны и бусы, получившие в научной литературе название «рязанских барм». Это один из замечательнейших русских кладов, выдающийся и по обилию предметов и по их высокой художественной ценности. Нахodka рязанских барм сразу сделала Старорязанское городище знаменитым и заставила обратить на него внимание столичных и местных любителей старины².

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. I. СПб., 1914, стр. 12, «Журнал моей поездки в Москву и пребывание в оной», к А. П. и Е. П. Ивановым, конец 1829 г.

² Первые «раскопки» были произведены на месте находки клада генерал-губернатором и доктором Гаммелем. Целью их была проверка, не остались ли вещи из клада в земле. Вслед за этим, летом 1822 г., К. Калайдович близ места находки заложил три шурфа, в которых был обнаружен культурный слой, «равный $\frac{3}{4}$ аршина и насыщенный белыми камнями, кирпичом, черепками, угольями и человеческими kostями». Между прочим были найдены обломки стек-

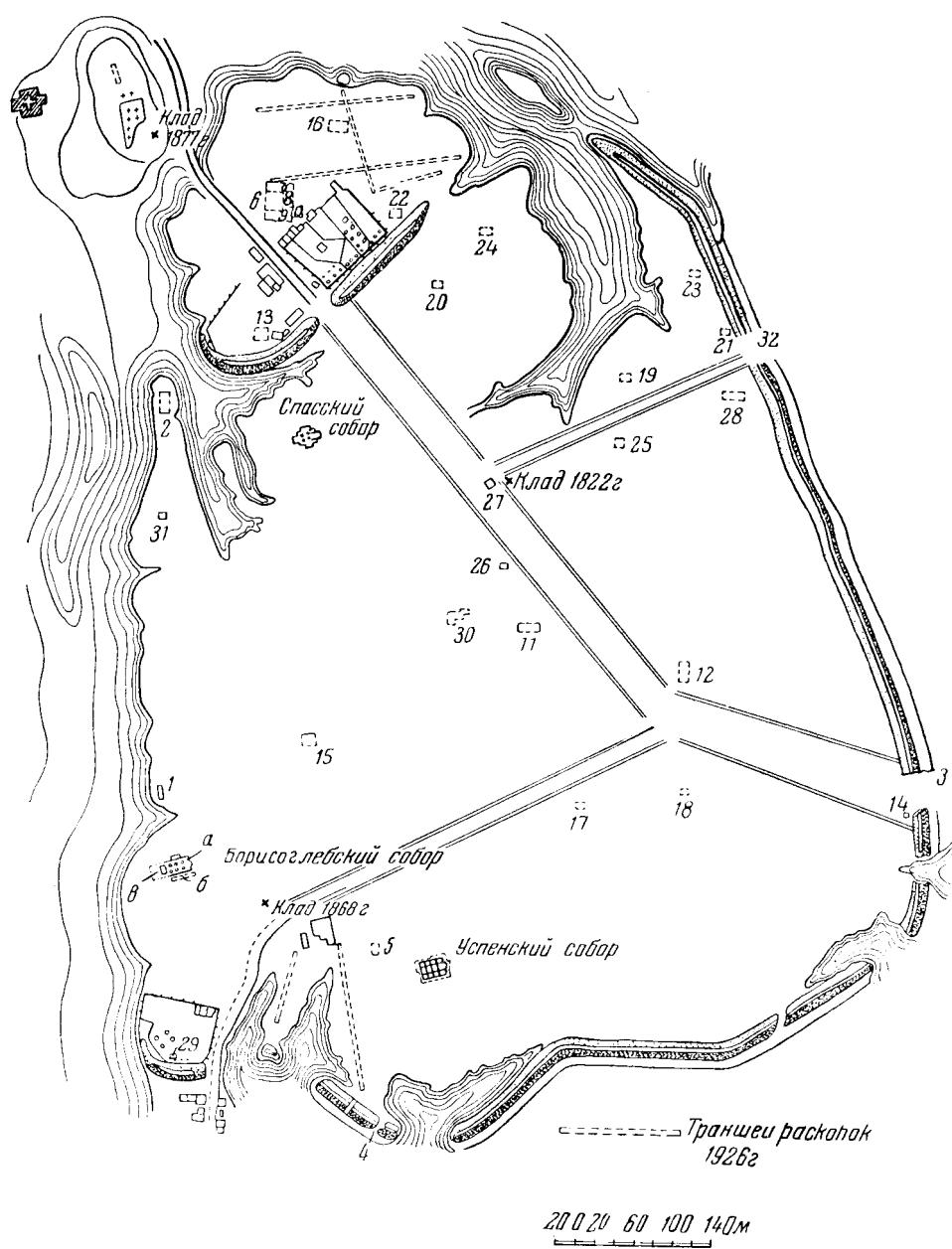

Рис. 2. План городища Старой Рязани с указанием мест раскопок.

Борисоглебский собор. *a* — раскопки 1836 г.; *b* — раскопки 1926 г.; *в* — раскопки 1943 г. Спасский собор — раскопки 1888 г. Успенский собор — раскопки 1949 г. **1** — раскоп 1945 г., № 4; **2** — раскоп 1945 г., № 2; **3** — разрез вала у Новых Пронских ворот 1945 г.; **4** — разрез вала 1945 г.; **5** — раскоп 1946 г., № 1; **6** — раскоп № 2Г; **7** — раскоп 1948 г., № 2А; **8** — раскоп 1948 г., № 2Б; **9** — раскоп 1948 г., № 2В; **10** — раскоп 1949 г., № 2Г; **11** — раскоп 1946 г., № 3; **12** — раскоп 1946 г., № 4; **13** — раскоп 1946 г., № 5; **14** — шурф 1946 г.; **15** — раскоп 1949 г., № 1; **16** — раскоп 1949 г., № 2; **17** — раскоп 1950 г., № 1; **18** — раскоп 1950 г., № 2; **19** — раскоп 1950 г., № 3; **20** — раскоп 1950 г., № 4; **21** — раскоп 1950 г., № 5; **22** — раскоп 1950 г., № 6; **23** — раскоп 1950 г., № 7Б; **24** — раскоп 1950 г., № 8; **25** — раскоп 1950 г., № 9; **26** — раскоп 1950 г., № 10; **27** — раскоп 1950 г., № 11; **28** — раскоп 1950 г., № 12; **29** — раскоп 1950 г., № 13; **30** — раскоп 1950 г., № 14; **31** — раскоп 1950 г., № 15; **32** — разрез вала у Исадских ворот 1950 г.

Один из них, «купеческий сын» Д. Тихомиров, в 1836 г. предпринял большие раскопки. Ему не хватало ни знаний, ни опыта, но ему нельзя отказать в добросовестности и трудолюбии. Им написаны книги «Записки об археологических исследованиях в Рязанской губернии» и «Исторические исследования о генеалогии князей рязанских, муромских и пронских», изданные в Москве в 1844 г. Обе книги анекдотически наивны и никакого научного значения не имеют. Они изобилуют предположениями, подобными тому, что название Рязань произошло от глагола «резать», так как древние рязанцы были очень воинственны и резали своих соседей. Однако большой интерес вызывает третья изданная им книжка «Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани» (М., 1844), представляющая публикацию о раскопках 1836 г.

На территории Старорязанского городища было два холма, скрывавших остатки древних сооружений. Один из них, находившийся в юго-западной части городища, и раскопал Тихомиров. Он открыл остатки большого храма. Несмотря на неопытность руководителя раскопок, ему удалось сделать ряд ценных наблюдений и проследить план храма. Методика раскопок того времени вообще была крайне примитивна, и нельзя утверждать, что работа Тихомирова была по уровню ниже требований, предъявлявшихся к научному исследованию в первой половине XIX в.

Во время раскопок не были замечены притворы собора, заваленные мусором при вскрытии центральной части³. Никаких стратиграфических наблюдений Тихомиров не делал, профилей не зарисовывал, и поэтому многие находки не удается датировать, так как они смешаны в общую массу. Внутри собора были обнаружены гробницы, высеченные из цельного известкового камня, а также ценные украшения, фрагменты тканей и т. д. К сожалению, почти все они не сохранились, а сделанные Тихомировым ри-

лянных браслетов, которые Калайдович описывает, как «винтообразно загнутое стекло, в толщину гусиного пера». К. Калайдович. Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М., 1825, стр. 4.

³ В 1926 г. южный притвор был раскопан В. А. Городцовым; в 1948 г. западный притвор был раскопан экспедицией ИИМК.

сунки крайне схематичны и не дают полного представления о найденных вещах⁴.

После раскопок Тихомирова исследование городища на несколько десятков лет прекратилось, но в эти годы были все же обнаружены отдельные находки, и среди них даже несколько кладов. В 1868 г. крестьянин, копавший землю у дороги близ храма, исследованного Тихомировым, нашел клад серебряных вещей, состоявший из серебряного ожерелья, пяти блях оплечья и др. В 1876 г. крестьянин И. Ермолаев в основании второго храма (раскопанного позже, в 1888 г.) между плитами белого камня нашел серебряные слитки (гривны). В 1885 г. был выкопан каменный гроб с остатками костей в нем, а также найден образок из черного камня с изображением Деисуса⁵. В 1887 г. на высоком бугре на берегу Оки за Благовещенской церковью был найден клад серебряных вещей⁶.

В 1884 г. была создана Рязанская ученая архивная комиссия (РУАК), которая многое сделала для собирания и сохранения памятников древности Старой Рязани. Ею были предприняты раскопки в Старой Рязани. Они велись любителями-краеведами, недостаточно обеспеченными необходимыми средствами, часто не имевшими соответствующей квалификации и слабо контролировавшимися в научном отношении. Одним из препятствий к сохранению и исследованию рязанских древностей были частновладельческие права местных помещиков⁷.

⁴ Все вещи из раскопок Д. Тихомирова утрачены, за исключением одного каменного гроба, хранящегося в РОКМ. В 1915 г. С. Д. Яхонтов дополнительно исследовал храм, открытый Тихомировым, но отчет его не сохранился.

⁵ А. В. Селиванов. Древности Старой Рязани. Труды VII археологического съезда в Ярославле в 1887 г., т. II. М., 1891, стр. 210.

⁶ ТРУАК, т. II. Рязань, 1888, стр. 101; А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1937, стр. 79—80.

⁷ Примером того, как относились рязанские помещики к археологическим памятникам, является история с распахиванием местным помещиком Стерлиговым валов Старорязанского городища. Несмотря на неоднократные протесты РУАК, Стерлигов продолжал распашку валов. Единственные меры, которые могла принять комиссия, заключались в том, что она вновь постановила: «обратиться с просьбой к А. Ф. Стерлигову, не признает ли он возможным пристановить дальнейшее распахивание древних валов, и принять меры к их охранению от разрушения» (Заседание 10 октября 1890 г.). ТРУАК, т. V. Рязань, 1891, стр. 143.

В 1888 г. были предприняты раскопки, которыми руководил секретарь РУАК А. В. Селиванов. Объектом раскопок был избран второй холм, находившийся в северо-западной части Южного городища (небольшие работы разведывательного характера велись в том же году на Северном городище). Под насыпью были обнаружены остатки древнего каменного храма; вокруг храма — многочисленные могилы; под храмом — христианское кладбище, существовавшее до построения храма. Из вещей найдены стеклянные браслеты, серебряные звездчатые подвески и др.⁸.

Раскопки были проведены тщательно с соблюдением основных правил раскопочной техники, но фиксирование сооружений и находок было совершенно неудовлетворительным, а опубликованные отчеты и дневник недостаточно подробными. Стены храма были почти полностью разрушены (в последние перед раскопками годы) крестьянами, выбиравшими бут и строительный мусор для хозяйственных целей. Селиванов вынужден был применить нижеследующий метод для прослеживания сооружений: «Раскопки сперва велись посредством проложения двух параллельных канав с запада на восток, а затем канавы расширялись до соединения одна с другой, причем земля выбиралась до материка. Там, где обнаруживалась стена, она не раскапывалась, но с обеих сторон ее выбиралась земля таким образом, чтобы направление стен было видно ясно». «Совершенно ясно обнаружились все стены или, вернее, следы стен, так как на месте их сохранились лишь глубокие канавы, наполненные мусором. Произошло это потому, что изо всех стен бут был тщательно выбран, причем выбранные места заваливались мусором. Только в некоторых местах уцелел не только бутовый камень, но и кирпичная кладка самих стен»⁹.

Как указывалось выше, фиксация раскопок была неудовлетворительной, план храма, изданный Селивановым, представляет схему без всяких деталей. Вещи из раскопок Селиванова находятся в Рязанском област-

ном краеведческом музее (РОКМ) но, как это часто случалось при раскопках того времени, они были смешаны в общую массу без указания в отчете места находки, слоя и т. д. Так как при раскопках были вскрыты могилы кладбища, относящегося к трем периодам (до постройки храма в XII в., после его постройки и, вероятно, после татарского нашествия), то перепутанность вещей и отсутствие стратиграфических наблюдений очень затрудняют изучение обнаруженного материала.

Наряду с научными раскопками на Старорязанском городище очень много копали кладоискатели. Кладоискательство сделалось профессией некоторых местных крестьян, продававших находки богатым коллекционерам. Они нанесли огромный вред городищу, так как перерыли его, испортив значительные участки. Выкопанные вещи сбывались на переливку, терялись, распылялись в руках отдельных любителей и были недоступными для ученых¹⁰. РУАК собрала лишь часть находок.

В особенности много предметов собирали, скупал и в свою очередь перепродавал житель Спасска А. Ф. Федоров. Почти вся его коллекция, которую он начал собирать еще в конце XIX в., и большая часть вещей, хранившихся в Спасском музее, были похищены в 1942 г., после смерти коллекционера. Среди кладоискальств известна фамилия крестьян Ермолаевых, обнаруживших ряд интересных находок. В 1891 г. один из них нашел на размытом весенними водами краю городища пять древних гирек¹¹. В том же году были найдены разные железные вещи (косы, пешни, топоры) и среди них два железных рычага от безменов и две железные гири¹². Из отдельных находок этого времени следует отметить несколько свинцовых пломб¹³, серебряные арабские диргемы, медную фракийскую монету Лизимаха, римскую серебряную монету Faustina, монеты ханов Узбека и Джанибека, пряслица,

¹⁰ Имеются сведения, что во второй половине XIX в. много вещей из Старой Рязани покупали московские антиквары и золотых дел мастера.

¹¹ А. И. Черепинин. Кулаковский могильник и городище Старой Рязани. ТРУАК, т. XVIII. Рязань, 1903, стр. 141.

¹² Его же. Древние рязанские гирьки. ТРУАК. т. VII. Рязань, 1893, стр. 106—110, 126—134.

¹³ Его же. Борковский остров и его древности. АИЗ, т. II, № 6 и 7. М., 1894, стр. 177—193.

⁸ А. Селиванов. Отчет о раскопках в Старой Рязани. ТРУАК, т. III. Рязань, 1888, стр. 159—164; Его же. Дневник раскопок в Старой Рязани. Там же, т. V, стр. 31—36.

⁹ А. Селиванов. Отчет о раскопках... Там же, т. III, стр. 160.

бусы и т. д.¹⁴. В районе Старой Рязани было найдено несколько чудских¹⁵ вещей, происхождение которых оставалось неясным, пока в 1894 г. А. И. Черепнин не раскопал в районе села Шатрищи чудской могильник.

В 1895 г. В. А. Городцов, не производя раскопок, сделал очень интересные наблюдения, опубликованные им в «Материалах для археологической карты долины и берегов р. Оки»¹⁶. Городцов произвел зачистки боковых разрезов канав и оврагов и обнаружил остатки 48 глинобитных печей, им были также измерены рвы и валы.

В 1899 г., по поручению РУАК, А. Черепнин произвел раскопки на площади городища, лежащей между развалинами двух каменных храмов. Им было прорыто 20 траншей длиною 5—6 сажен и шириной 3,5—6 аршин. В траншеях, близких к храму, открытому в 1888 г., были обнаружены остатки погребений, датируемые XII в. Далее на юго-запад находились остатки жилых домов и в них кости животных и рыбы, зерна, черепки посуды, гребни, пряжки и т. д. В том же году Черепнин проложил 10 траншей за южным валом, которые шли по правой стороне оврага, прилегающего к Черной речке. Траншеи не дали никаких материалов — ни могил, ни остатков жилья, ни от-

¹⁴ А. И. Черепнин. Кулаковский могильник... ТРУАК, т. XVIII, стр. 115—160.

¹⁵ «Чудские племена» — это условный термин, применяемый в данном тексте для обозначения группы племен, населявших в древности район средней Оки и являвшихся предками современной мордовы, а также предками известных из письменных источников, но исчезнувших в процессе славянской колонизации муромы и мещеры.

Все эти племена говорили на языках, принадлежавших к финно-угорской языковой семье, поэтому в исторической литературе их часто называют финами. Это название применяется как к древним племенам, так и к многим современным народам, ничего общего не имеющим с современным финским народом (финами-сумми). Их языковое родство, свидетельствует лишь об общем происхождении и очень древних связях. Русские летописи называют чудью племена эстов, но иногда этот термин применяется в качестве общего названия для группы народов финно-угорского языка, например «чудь заволжская». Считаем возможным применять это название по отношению ко всем племенам финно-угорской группы для всей летописной поры и вместо термина «финские племена», «финские древности» писать «чудские племена», «чудские древности». Этот термин был принят в русской историографии, а потом не-правомерно исключен.

¹⁶ Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г., т. I. М., 1905, стр. 515—672.

дельных находок. В 1902 г. Черепнин исследовал площадь городища, примыкающую к юго-восточной и северо-восточной сторонам храма, раскопанного в 1888 г. В проложенных им 12 траншеях он нашел стеклянные браслеты, обломки древних кирпичей с клеймами, керамику, кости домашних животных. В том же году В. Крейтон обследовал более древнюю северо-западную часть городища по обе стороны большой дороги, за внутренним валом. Находки были аналогичны находкам, сделанным Черепнином. В 1901—1903 гг. Черепнин и Крейтон продолжали работы по обследованию северо-западной части городища¹⁷.

Методика раскопок Черепнина и Крейтона так же неудовлетворительна с современной точки зрения, как и всех предшествовавших работ в Старой Рязани. Большое количество прорытых траншей без вскрытия широких площадей, не раскопанные до конца жилые дома, погоня за отдельными находками, препятствующая тщательному изучению всего комплекса, и в то же время плохая регистрация этих находок, крайняя схематичность опубликованных отчетов и дневников — все это значительно снизило научную ценность раскопок. Исследователи не сумели определить глинобитные печи, большое количество которых попадалось в проложенных ими траншеях. Найденная ими печь для обжига гончарных изделий была принята за какое-то сооружение религиозного культа¹⁸.

В 1905 году А. И. Черепнин умер. Рязань лишилась деятельного краеведа. Вследствие смерти Черепнина не был осуществлен составленный им 10-летний план раскопок, рассчитанный на постепенные раскопки всего Старорязанского городища. В исследовании Старой Рязани наступил длительный перерыв. Если не считать отдельных находок и небольших раскопок, проводившихся любителями-краеведами, нигде не опубликованных и не научных, то до 1926 г. никаких работ на городище не проводилось.

Подводя итоги досоветскому периоду раскопок в Старой Рязани, необходимо отме-

¹⁷ А. И. Черепнин. Кулаковский могильник... ТРУАК, т. XVIII, стр. 154—159; В. Крейтон. Дневник раскопок, произведенных в 1902 г. на городище Старой Рязани. Там же, стр. 200—202.

¹⁸ Их ошибка вскрыта А. А. Мансуровым в статье «Древнерусские жилища». ИЗ, т. 12. М., 1941, стр. 63—64.

тить заслуги рязанских краеведов Тихомирова, Селиванова и Черепнина. Эти самоотверженные труженики, «поощряемые единством любовью к родному краю и уважением к науке», делали большое и полезное дело. Можно, конечно, говорить о том, что научный уровень их раскопок был недостаточно высок, но это можно сказать о любых раскопках прошлого века. Прогресс археологии невозможен без раскопок, а методика неизменно устаревает. Поэтому нельзя осуждать того, кто в свое время произвел раскопки методом менее совершенным, чем современный. Старорязанское городище непрерывно перепахивалось; кладоискательство, строительство усадеб вели к истощению культурного слоя. Многое погибло бы для науки, если бы не труды рязанских краеведов.

В 1926 г. в Старой Рязани Московским государственным историческим и Рязанским областным краеведческим музеями были произведены большие раскопки. Во главе раскопок стал крупнейший русский археолог В. А. Городцов, и это определило соответствующий научный уровень раскопок и обилие научных результатов. Стремясь собрать максимальное количество материалов и охватить раскопками большую площадь, Городцов прорыл несколько десятков траншей и заложил много шурfov в различных частях городища. На северном мысе городища были обнаружены несколько очагов VIII—IX вв. и ряд бытовых предметов, датируемых X—XIII вв. На Северном городище было прорыто 8 траншей, в которых было найдено 17 жилищ и большое количество отдельных предметов. На южной окраине Южного городища были прорыты 5 траншей и произведены дополнительные раскопки исследованного в 1836 г. Тихомировым храма. Была прошурфована вся площадь южной части городища вдоль дороги, идущей от кирпичного здания Шатрищенской школы до Новых Пронских ворот, и вдоль дороги, идущей от Северных ворот (во внутреннем валу) до Новых Пронских ворот. Всего было сделано 62 шурфа. При раскопках собрано 3173 предмета¹⁹.

¹⁹ В. А. Городцов. Дневник археологических раскопок Старорязанского городища в 1926 г. Научный архив РОКМ, № 152. (В дальнейшем ссылки на Научный архив Рязанского музея — НАРМ.)

В раскопках 1926 г. имеется ряд недостатков. Самым крупным из них является метод раскопок траншеями. Траншеи были шириной 2 м, и только в тех местах, где встречали предполагаемое жилище, вырезался квадрат 8 × 8 м и этими произвольно взятыми размерами определялась площадь жилища²⁰. От этого ни разу не отступили даже для того, чтобы проверить, не заходили ли жилища за пределы вырезанного квадрата. Наоборот, в ряде случаев жилища, перерезанные траншеями, не были до конца раскопаны. Так, например, в северо-западном углу жилища № 1 обозначилась яма С, принадлежащая уже, повидимому, другому жилищу, почему ее решили не обследовать²¹. Из 64 открытых жилищ только 19 были полностью раскопаны.

Этот недостаток раскопок был отмечен самим руководителем²². Все находки в пределах 8 × 8 м отнесены к жилищу, все найденное вне этой ямы считалось не принадлежащим к жилищу. Все раскопки жилищ имели исходным пунктом остатки глинобитной печи, обнаруживавшиеся в профиле траншеи в виде пласти глины, уходящего в грунт ниже подошвы траншеи, но значительная часть пласти бывала срезана при проложении траншеи (жилище № 6 и др.). Это приводило к неточным планам. В дневнике нет никаких нивелировочных данных, чертежи крайне схематичны, а в записях исследователем внесено столько индивидуального, что приходится большей частью полагаться на высокий научный авторитет В. А. Городцова, не имея возможности проверить его предположения, сделанные в дневнике иногда без приведения раскопочных данных, на которых могут быть основаны эти предположения.

Отмечая эти недостатки, все же не следует умалять научное значение раскопок, произведенных под руководством такого крупного специалиста, как Городцов. Блестящий метод реконструкции печей, мимо которых проходили все исследователи в прошлом, точ-

²⁰ «Размеры жилища равнялись, приблизительно, 8 м в квадрате, почему и расчистка его ведена колодцем в эти размеры». В. А. Городцов. Дневник археологических раскопок..., лл. 51 и др.

²¹ Там же, л. 18.

²² А. А. Мансуров. Описание рукописей этнографического архива О-ва исследователей Рязанского края. Труды о-ва исследователей Рязанского края. Вып. XV, XVII, № 329.

ные определения назначения вещей и датировка их В. А. Городцовым должны быть признаны образцовыми. Недостатки раскопок следует отнести за счет рекогносцировочного характера работ, при которых не было возможности вести раскопки большими площадями. Предполагалось в следующем году продолжить раскопки и вести их в течение пяти лет. Но после 1926 г. работы не возобновлялись и материалы, добытые в них, были лишь частично опубликованы А. А. Мансуровым²³ и С. А. Боголюбским²⁴. Сам В. А. Городцов посвятил раскопкам в Старой Рязани лишь небольшое сообщение²⁵.

Раскопки Старой Рязани возобновились вскоре после окончания Великой Отечественной войны. В 1945 г. экспедиция ИИМК произвела небольшие раскопки на «набережной»²⁶ к северу от Борисоглебского собора.

В раскопе было обнаружено жилище с глинобитной печью, отдельные части которой были выложены из плитчатого кирпича. На северном участке «набережной», на мысе, отделенном оврагом, было раскопано кладбище XII—XIII вв. Наиболее интересные результаты дали разрезы валов, сделанные на северной стороне у Новых Пронских ворот и в южной части городища неподалеку от дороги, ведущей в село Шатрищи. Здесь были обнаружены деревянные конструкции, хорошо сохранившиеся в верхней части насыпи вала²⁷.

В 1946 г. начались большие раскопки в северной части городища. Раскоп № 2 площадью 400 кв. м., начатый в 1946 г., был в дальнейшем расширен до общей площади 1230 кв. м путем последовательных прирезок (раскопы № 2А, 2Б, 2В 1948 г. и раскоп № 2Г 1949 г.). Важнейшим результатом раскопок является открытие ремесленных мастерских и жилищ, а также установление факта существования двух типов жилищ —

²³ А. А. Мансуров. Древнерусские жилища. ИЗ, т. 12, стр. 61—95.

²⁴ С. А. Боголюбский. Палеофауна сельскохозяйственных животных Старой Рязани по раскопкам Городцова. Труды секции археологии РАННОН, т. IV. М., 1928, стр. 75—98.

²⁵ В. А. Городцов. Раскопки городища Старой Рязани. «Хочу все знать», № 1. М., 1927 г., стр. 5—7.

²⁶ Здесь и далее под «набережной» подразумевается край городища, возвышающийся над поймой Оки.

²⁷ А. Л. Монгайт. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани. КСИИМК, вып. XVII. М., 1947, стр. 28—47.

наземного и полуземляночного²⁸. Кроме того, в раскопе № 2 было открыто большое кладбище XIII в., на котором, вероятно, были погребены жертвы разгрома Рязани в 1237 г. В северной части городища были исследованы также остатки жилищ и погребения в раскопе № 5 (вблизи юго-западной части внутреннего вала). В южной части городища разведывательный раскоп (№ 1) помог обнаружить строительные остатки и кладбище, связанное с Успенским собором. Раскопы № 3 и 4 были заложены в центральной части городища, вблизи от дороги, ведущей к Новым Пронским воротам. Они обнаружили довольно бедный находками культурный слой, свидетельствующий о кратковременном (накануне татарского нашествия) заселении этой части городища.

Раскопки Старорязанской экспедиции в 1948 г. привели к открытию на Северном городище еще 5 полуземлянок и 11 наземных жилищ. Они дали массу вещевых находок, в том числе фрагмент амфоры с надписью XII в. В этом году были закончены исследования кладбища в северной части раскопа № 2, и раскоп вплотную примкнул к траншеи № 8 раскопок 1926 г.

Кроме работ на северном участке городища, в 1948 г. были завершены раскопки Борисоглебского собора — исследован его западный притвор²⁹.

В 1949 г. Старорязанская экспедиция, продолжая раскопки в северной части городища, изучила керамический и металлургический горны (раскоп № 2Г), подпольные ямы и жилища XII—XIII вв. (раскоп № 2). На Южном городище было исследовано жилище XIII в. (раскоп № 1). Главным объектом раскопок был Успенский собор XII в. Еще в 1946 г. было определено возможное местонахождение собора. В 1949 г. произведены полные раскопки фундаментов³⁰. Найдены 1949 г., очень многочисленные и интересные,

²⁸ Отчет о раскопках см. Архив ИИМК 1946 г., № 78, 1948 г., № 232. Основные выводы, касающиеся исследованных жилищ, изложены в статье А. Л. Монгайта. Древнерусские жилища XI—XIII веков. СЭ, № 4, 1948, стр. 54—69. Об общих итогах раскопок см. А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани (1946 г.). КСИИМК, вып. XXI. М., 1947, стр. 118—125.

²⁹ А. Л. Монгайт. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 г. ИОИФ, т. VI, № 5. 1949, стр. 454—463.

заполнении ямы, то остается неизвестным, когда они туда попали: было ли это в период использования ямой или они сползли в нее вместе с культурным слоем. Поэтому иногда, при невозможности установить более точную дату, находку приходилось датировать суммарно: XI—XIII вв. Все эти обстоятельства лишают возможности раскапывать Старорязанское городище по точно датированным археологическим слоям. Поэтому мы членим материал по относительно более ранним или более древним пластам. Вскрытие сооружений также велось по пластам, но независимо от квадратов. При этом сооружение, заполняющий его культурный слой и культурный слой ближайшего окружения рассматривались как единый комплекс.

В Старой Рязани, как и на всех древнерусских городищах, встречается огромное количество ям. Это остатки полуземлянок, подпольные ямы наземных жилищ, хозяйственные и другие ямы. Здесь мы имели дело не с тонким выветрившимся культурным слоем, а со слоем, в котором возможны и необходимы стратиграфические наблюдения. Поэтому очень важно было получить разрез ямы и ее заполнения. При вскрытии ямы спачала вырезалась часть ее, а когда четко обнаруживались слои заполнения, раскопки велись послойно. От этого правила отступали в редких случаях. Так, когда необходимо было получить план полуземляночного жилища целиком (например, для фотографирования), применялись горизонтальные срезы с зачисткой послойно без вырезки отдельных частей. Так же велись раскопки горна, печей и других сооружений, опущенных в ямы: частичный разрез испортил бы сооружение до его полной фиксации, поэтому и здесь раскопки велись горизонтальными срезами земли лопатой, а главным образом мелким инструментом. На таком археологически сложном памятнике, как Старорязанское городище, где дерево почти не сохранилось, где слой выпахан и стратиграфические наблюдения очень затруднены, особенно важно соблюдать общее для всех раскопок правило: копать не торопясь, чаще применять ножи и кисти, чем лопаты, больше наблюдать.

Из раскопа брались все без исключения найденные вещи, керамика, кости. В первые раскопочные сезоны вся керамика шифровалась, описывалась и поступала на хранение

в РОКМ. Однако, когда накопилось достаточно большое количество образцов керамики и были изучены основные ее типы, мы перешли к обработке керамики в поле. Керамика учитывалась по специально выработанной форме карточек, зарисовывалась, и брались только отдельные образцы. Остальная керамика закапывалась в северо-западном углу раскопа при его засыпке.

Из изложенного выше видно, что методика раскопок в Старой Рязани не отличается, по существу, от обычной методики раскопок. Мы сообщили о ней для того, чтобы не только специалисты, но и любой читатель мог знать, как добывались данные, на базе которых основывается наше изложение.

Археологические материалы, собранные в Старой Рязани, хранятся в Московском государственном историческом музее, в музее г. Спасска и в Рязанском областном краеведческом музее (наиболее значительная часть). Рязанский музей был основан в 1884 г., и тогда же в него поступило несколько предметов из Старой Рязани. С тех пор его коллекции непрерывно пополнялись.

Письменные источники для истории Старой Рязани — это, собственно, все источники по истории Рязанского княжества, столицей которого была Старая Рязань. Мы не будем здесь подробно останавливаться на них. Скажем лишь важнейшее.

Основными источниками для русской истории эпохи феодализма (домонгольского периода) являются летописи. Рязанские летописи до нас не дошли, но они, несомненно, существовали. Об этом можно судить на основании наличия местных рязанских записей, попавших в общерусские своды и, очевидно, заимствованных из каких-то утраченных рязанских летописей³². Несомненно, какая-то рязанская летопись находилась в руках у составителя Иконниковской летописи (1556 г.), содержащей сведения о Рязани,

³² В. Л. Комарович. Рязанский летописный свод XIII в. История русской литературы. М.—Л., 1945, т. II, ч. I, гл. V, пар. I; К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, стр. 58, 139, 156; И. Тихомиров. О Лаврентьевской летописи. ЖМП. 1884, № 10, стр. 265; А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов. М., 1938, стр. 19; В. С. Иконников. Опыт русской историографии. Киев, 1908, т. II, кн. 1. отд. II, стр. 1049—1055; Д. Н. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 302.

34. 3кчелннна NNMK и Dзачек 661. крееръ.
B. Hen' yacтpoбaнн e пaшe фoи apxeojoиnнe. A. B. Hинкнн, C. A. Nзюмoвa, H. H. Kypkazинa.
A. B. Hинкнн, C. A. Nзюмoвa, H. H. Kypkazинa. 1949, trp. 119—143; C. K. M а m а r o. M — JI,
Бaтpem, «Boнckиe нoбecнн apбeнн Dзaан». 111—XIV Bз. Hctopinя pycckoи nintepaipy, t. II,
кнne нoбecнн, Jintepaipy Dзaанcoлo Kryakcra.
B. A. Kозинн, T. H. Kypkazинa, A. Ф. Meжeлеr.
Myea пaгoтaиa no пyкpoжcтBom A. JI. Moнaннa.
Holo нeчeнtyToB n яf.

4. I, II, V, map. 2.
B. A. Kозинн, T. H. Kypkazинa, A. Ф. Meжeлеr.
B. A. Kозинн, T. H. Kypkazинa, A. Ф. Meжeлеr.
B. A. Kозинн, T. H. Kypkazинa, A. Ф. Meжeлеr.
B. A. Kозинн, T. H. Kypkazинa, A. Ф. Meжeлеr.
B. A. Kозинн, T. H. Kypkazинa, A. Ф. Meжeлеr.
B. A. Kозинн, T. H. Kypkazинa, A. Ф. Meжeлеr.
B. A. Kозинн, T. H. Kypkazинa, A. Ф. Meжeлеr.
B. A. Kозинн, T. H. Kypkazинa, A. Ф. Meжeлеr.
B. A. Kозинн, T. H. Kypkazинa, A. Ф. Meжeлеr.
B. A. Kозинн, T. H. Kypkazинa, A. Ф. Meжeлеr.

нижнн пyкpoжcтBumн pacкoнkaM 34.
6pтиx Crapopaзaчkoи apxeojoиnнeckиx jaиnbix, JI-
c nзюkенеm apxeojoиnнeckиx jaиnbix, нoгyjno-
tob, 6yayt coодumebi B jaиnbix фak-
B. Tom nчce pяи Bорb ycraboejehnix фak-
prie Baskeniume cBejehnra no nctopin Dзaан,
straanm nctopin Dзaанcкои 3eJin. Heкto-
jaorann, B aсtocTcн, cBaзaнhix c paнchm
NNMK nocraobek pяи a чeunajhix ncaje-
tpedobaiia or Crapopaзaчkoи apchenuнu
Heкtaпa or Гaтpem, nctopin Dзaан no-
Hedapagatoнаccb nctopin Dзaан.
Dz. Hecapagatoнаccb nctopin Dзaан.
Ho atи cBejehnra no fojojune cra-
mojno no pycckoи nctopin Dзaан.
Ho atи cBejehnra no fojojune cra-
mojno no pycckoи nctopin Dзaан.
Ho atи cBejehnra no fojojune cra-
mojno no pycckoи nctopin Dзaан.
Ho atи cBejehnra no fojojune cra-
mojno no pycckoи nctopin Dзaан.
Ho atи cBejehnra no fojojune cra-
mojno no pycckoи nctopin Dзaан.
Ho atи cBejehnra no fojojune cra-
mojno no pycckoи nctopin Dзaан.
Ho atи cBejehnra no fojojune cra-
mojno no pycckoи nctopin Dзaан.
Ho atи cBejehnra no fojojune cra-
mojno no pycckoи nctopin Dзaан.
Ho atи cBejehnra no fojojune cra-
mojno no pycckoи nctopin Dзaан.

hemorohnicjeini. Lpекиe Beceo cTejeyr
necjeljorahn, noceauemhie Dзaан, тaкce
he apxeojoиnнeckиx jaиnbix. Hctopinя
topin Dзaан eme 6ojaмe nобimae тhaе-
Cryakcra nccmekhix Hctohinko to nc-
oumн nctoхink — Dзaанcкая jecthonch 33.
paзaнckoи nобecнn, Ohebnuо, Y hux Bzja
pynoxoje ha pycckne 3emjn» oгeбs exoja
jeционchix coгpinn. Coяepkamiaсa Bo Bex
baкkehium coгpinn. 3aкtoпoи 3amcroroBa omcane
jeционchix, n3 kotoпoи nponsejehn a paзaнckra
hre moarnecke n3 kotoпoи nponsejehn a
pattypl ariaietea «Lopectb o paзaopehnn Dz-
зан Dz. Barbem». B ochoe nобecнn jeekar jec-
Lluehiehium hamtrhikom paзaнckoи jntc-
upmepl B poctoBcкиx nji cy3iajchckix.
pnn coяepkacta B oгaичthix jeetonchix, ha-
cne coяapli, fakti, n3 ee nojintnjeckoi ncto-
nptacchih. Kpome cBejehnii o Dзaан, no-
kotoпoи Dзaан coяepkacta B oгaичthix, n3
bohb Bo306hobrijnac hocoje
happymaj nopaжok kunihi kryakcra, n
ha kopojkoе Bpem, kolla lpo3ahie coгpinn
paзaнckoi he3aBniciMocti. Ohо npephrajoc
оho cyмecTobaiia, haнnra c XII B. Jo kohna
otcytcbryoune B apfylx jeetonchix. Deko-
otcytcbryoune B apfylx jeetonchix. Deko-

II. НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СТАРОЙ РЯЗАНИ

1

Старорязанское городище (рис. 2) в настоящее время представляет собой распаханное поле, с южной и восточной сторон обнесенное валом с глубоким рвом. Северная сторона городища ограничивается оврагом, по дну которого протекает ручей Серебрянка, впадающий в Оку. Овраг этот очень глубокий с обрывистыми берегами. Его ответвления со временем глубоко врезались в территорию городища, уничтожив значительный его участок. Другая часть оврага прошла по линии рва. Часть вала, отделенная оврагом от остальной территории городища, высится в виде отдельного холма.

Южная сторона городища частично прилегает к правому берегу ручья, который местное население называет Черной речкой, а западная — омывается Окой. В южной части овраги также врезались в городище, частично разрушив его валы и рвы. Только с востока городище не имеет естественных границ и сливается с прилегающими полями. Здесь его территория отделена валом. В плане она близка к четырехугольнику.

В настоящее время остатки валов имеют протяжение около 1500 м. Раньше валы были значительно длиннее, так как только крутой окский берег не нуждался, повидимому, в укреплении валом и рвом. Впрочем, имеются сведения, что валы проходили и по западной стороне городища. Вот что об этом пишет Черепнин: «Наружные же валы, ограждавшие город с запада по высокому берегу Оки на 600 сажен, и с северо-востока, по левому берегу Серебрянки на 180 сажен — бесследно из消ели: они осыпались вместе с крутыми берегами Оки и Серебрян-

ки в течение последних 120 лет. На специальном плане Переславского уезда, Старорязанского стана, нагорной стороны села Старой Рязани, снятом в 1774 г., мая 31 дня землемером Александром Протасовым, все наружные валы были обозначены и представляли замкнутую линию неправильной формы пятиугольника. По измерениям землемера Протасова площадь городища, обнесенная валами, содержала более 48 десятин, протяжение самих наружных валов достигало 1480 саж., имевших в основании 5 саж. ширины»¹.

В первой половине XIX в. был составлен план Старорязанского городища, на котором помещены также план храма, раскопанного в 1836 г., и рисунок, дающий очень ясное представление об общем виде городища (рис. 3)². На этом плане Старой Рязани валы на берегу Оки уже не показаны; четко обозначены лишь внутренний вал и внешние валы с восточной и южной сторон городища, в том числе некоторые их участки, в настоящее время уже разрушенные. На плане показана дорога на село Исады³, идущая

¹ А. И. Черепнин. Кулаковский могильник... ТРУАК, т. XVIII, стр. 124—128. В 1903 г. план 1774 г. хранился в архиве Губернской рязанской межевой канцелярии.

² ЦГАДА, картографический отдел, МГАМИД, Рязанская губерния, № 7.

³ Село Исады находится на правом берегу Оки ниже Старой Рязани. Полем до села Исады 7 км. Упоминается в летописи под 1217 г. в связи с убийством здесь князьями Глебом и Константином своих братьев (ПСРЛ, т. I, стр. 186, т. VII, стр. 125, 243). По народному преданию, село Исады служило летней резиденцией рязанских князей. Об этом см. В. А. Городцов. Материалы для археологической

Вид Средицтв Ордона Княжеской столицы Рязани, притока Оки, состоящих въ составѣ 77 изъ географізъ
губерніи, въ мещерской области, съдуя по землемѣру Купчостава, внутреннему покровеню о. 1140.
лицо изъ перваго. Отмѣлено оставшееся въ глубокихъ холмахъ, подавшими по мерриволюшнамъ.

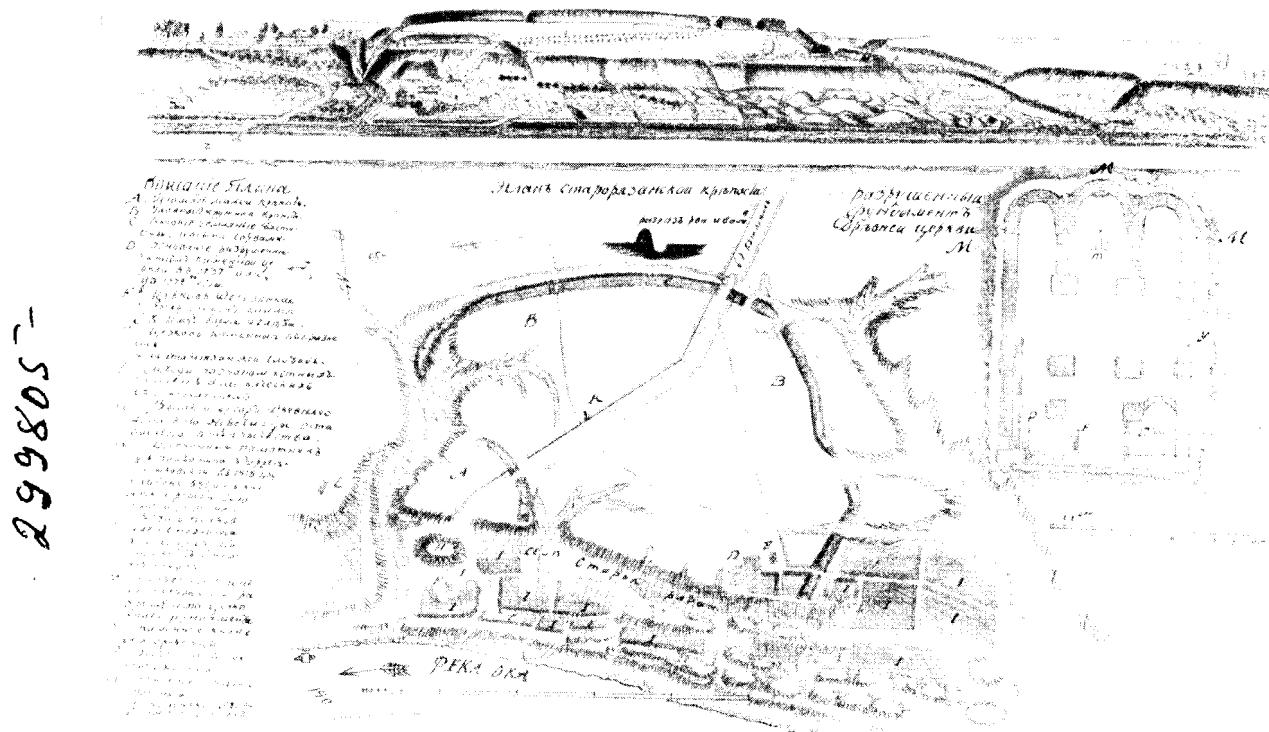

Рис. 3. План и общий вид Старой Рязани (чертеж первой половины XIX в., ЦГАДА, картографический отдел, МГАМИД, Рязанская губерния, № 7)

через Исадские ворота, и дорога на города Саножок и Пронск, проходящая через Новые Пронские ворота. Старые Пронские ворота ко времени составления плана были разрушены оврагом.

Кроме восточного и южного наружных валов сохранился еще внутренний вал, пересекающий городище с северо-востока на юго-запад. Этот вал отрезает от городища небольшой участок площадью около 7,6 га (в дальнейшем будем эту часть городища называть Северным городищем). Длина внутреннего вала 235 м. Он сильно расплылся, и его вы-

шина теперь не превышает 3,5 м. Концы вала дугообразно загнуты назад и направлены к берегам Оки и Серебрянки. Посредине сделали пролом (в дальнейшем называемый Северными воротами), по которому теперь проходит дорога. На всем протяжении вала с юго-восточной стороны сохранился ров.

Крайний северо-западный мыс городища ныне представляет собой холм, отделенный от общего массива глубоким оврагом, который образовался на месте рва, ограждавшего некогда древнейшее городище городецкой культуры.

Этот мыс, очевидно, был заселен еще в глубокой древности — в эпоху неолита. Здесь, на берегу Серебрянки, найдены полированные каменные топоры. С этого участка

карты долины и берегов р. Оки. Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г., т. I, стр. 641, № 83.

2 Материалы по археологии СССР, вып. 49

городища в Рязанский музей поступило 7 кремневых орудий. В. А. Городцовым здесь найдена кремневая стрела⁴, в коллекции ГИМ имеются найденные здесь кремневый и костяной наконечники стрел⁵. Следующая историческая эпоха, представленная находками на северном мысе, относится ко времени городецкой культуры. Эта культура связана с чудскими племенами, составлявшими основное население района средней Оки до появления здесь славян. Она датируется VII в. до н. э.—V в. н. э. и оставлена племенами, которые могут быть признаны предками современной мордовы, а также предками известных из письменных источников, но исчезнувших в процессе славянской колонизации муромы и мещеры. Типичной и основной находкой на городищах городецкой культуры является керамика, сделанная от руки и покрытая рогожным орнаментом⁶. На Старорязанском городище «рогожная» керамика встречена в небольшом количестве на разных участках городища в раскопках экспедиции ИИМК 1946, 1948 и 1950 гг., а также в раскопках Крейтона и Черепнина (1903 г.) и Селиванова (1888 г.). В основном она встречается на северном мысе, а также в случайных находках в овраге Серебрянки. Здесь же встречены отдельные фрагменты более поздней лепной керамики; это сосуды баночной формы с нарезным орнаментом по венчику, аналогичные боршевско-роменским.

Археологические поиски на территории северного холма очень затруднены, так как далеко зашедшие овраги и смывание почвы почти уничтожили древний культурный слой. На небольших доступных для исследования участках В. А. Городцов в 1926 г. прорыл траншею и заложил два шурфа. В основном культурный слой здесь относится к славянскому поселению XI—XIII вв. и характеризуется обломками стеклянных браслетов, керамикой курганного типа, бронзовыми пластинчатыми браслетами и перстнями. В самом нижнем слое была найдена керамика с примесью крупной дресвы в тесте, относящаяся к городецкой культуре, а несколько выше —

⁴ В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки, стр. 632.

⁵ Поступили из Румянцевского музея. Каталог отдела древностей Румянцевского музея. М., 1905, стр. 26.

⁶ А. Л. Монгайт. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. СА, т. XVIII, 1953, стр. 151—189.

костяное шило и бронзовая пряжка, которые В. А. Городцов связывал с «восточнофинскими древностями» VII—Х вв.⁷. К поселению VII—Х вв. относятся и три найденных очага, в одном из которых встречены шлакированные обломки глиняных сосудов, вероятно, тиглей.

Повидимому, дата существования Старорязанского городецкого городища может быть установлена по найденным боспорским монетам. А. Ф. Федоровым на Северном городище, т. е. там же, где встречаются городецкая керамика и другие вещи этой эпохи, найдены две монеты: статер царя Тиберия Юлия Рискупорида IV с датой ЕМФ (248 г. н. э.) и плохо сохранившаяся, медная, Рискупорида, последнего боспорского царя (315—332 гг. н. э.)⁸.

Керамика городецкой культуры с северного мыса Старорязанского городища ближе всего по типу к керамике Троице-Пеленицкого городища, находящегося в 10 км от Старой Рязани, и потому может быть датирована тем же временем. Сходны и фрагменты тиглей. Троице-Пеленицкое городище является поздним городищем городецкой культуры, вероятно, I—V вв. н. э. Датирующая один из периодов существования Троице-Пеленицкого городища монета царя Савромата IV, найденная на городище, относится к III в. н. э. (275 г.)⁹.

Старорязанское городище городецкой культуры не было одиноким. Оно входит в целую группу таких городищ, и ближайшим к нему

⁷ В. А. Городцов. Дневник археологических раскопок..., л. 3; там же, л. 5, траншея 1, слой 11, № 15.

⁸ Монеты были переданы А. Ф. Федоровым В. А. Городцову, а последним — в ГИМ. Определение монет сделано В. А. Городцовым, см. его рукопись 1926 г. «Боспорские монеты на берегах р. Оки». НАРМ, № 420—421; даты В. А. Городцова исправлены по А. Н. Зографу. Интересно отметить, что на территории Старорязанского городища были найдены и римские монеты. Таковы, например, серебряный динарий императрицы Faustina (А. И. Черепинин. Кулаковский могильник..., ТРУАК, т. XVIII, стр. 144), медная монета императора Адриана (117—138 гг. н. э.; там же, стр. 159) и медная монета царя Фракии Лизимаха (306—281 гг. до н. э.), но точное место находки не установлено (там же, стр. 144).

⁹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 г. Исследования и материалы Рязанского областного среднеокского музея, вып. V. Рязань, 1930.

вятические курганы XII—XIV вв. встречаются повсеместно в пределах Рязанского края по правому берегу Оки, они доходят и до Старой Рязани.

На Старорязанском городище были найдены семилопастные височные кольца, круглые хрустальные бусы, решетчатые перстни — характерные для поздних вятических погребений племенные украшения. Эти поздние материалы могут служить косвенным доказательством того, что племенем, колонизировавшим в X в. район среднего течения Оки, были вятичи.

Встретившись здесь с древним местным населением, вятичи частично ассимилировали и вытеснили его. Весьма вероятно отождествление этого древнего населения с мордовским племенем эрзей¹⁵. В названии Рязань сохранилось древнее племенное имя эрзи, воспринятое славянским городом от наследников того поселка, на месте которого этот город возник. «Рязань» — ославленная форма слова «эрзань», так как в русском языке перестановка гласных производилась часто для того, чтобы избежать соединения двух согласных¹⁶. Связи русско-рязанья по Верхней Оке и с Подоньем (см. А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919).

¹⁵ См. А. Л. Монгайт. Из истории населения... СА, т. XVIII, стр. 184—188.

¹⁶ По вопросу о происхождении слова «Рязань» были высказаны различные мнения. Его производили от глагола «резать» и сближали с монетами «резанами» и от слова «ряса» — топь, болото (Чтения Общества истории и древностей Российской, 1846 г., т. III, стр. 96. Добавок к заметкам о землях Рязанских М. Макарова). С этим последним мнением соглашался Иловайский. «Вероятнее всего сближение этого названия (Рязань) с местным словом «ряса», которое сзначает топкое, несколько болотистое место, обыкновенно заросшее мелким кривым лесом или кустарником. В связи с этим корнем находятся имена нескольких Ряс (реки в южной части Рязанской губ.), города Ряжска и, наконец, Рязани» (Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 23). Вряд ли это предположение справедливо, так как нигде в летописях мы не видим корня «Ряс», а везде «Рез», «Ряз». Название реки Ряса известно не ранее XVI в., да и лежит Рязань слишком далеко от Рясы, чтобы она ей передала свое имя. В смысле топи, болота странным было бы применение этого слова к Рязани, лежащей на высоком берегу с сухой почвой. Чертков считал Рязань южнославянским словом и приводил его в число географических названий, прототипы которому встречаются у дунайских славян (Исторический сборник Погодина, т. VI, прим. 164). Не говоря уже о сомнительности этого утверждения вообще, что общего у дунайских славян с Рязанью? Впервые правильное мнение о происхождении слова Рязань высказал

пронаселения с чудским (мордовским) прослеживаются не только в археологических материалах с северного мыса на городище Старая Рязань, но и в более поздних слоях XI—XII вв.: на городище встречаются шумящие привески, трапециевидные и треугольные привески, привески лапчатые, сюльгамы и пряжки, характерные для мордовских племен (рис. 4).

Древнейшее славянское поселение на территории Старой Рязани заняло в X в. место городецкого городища на северо-западном мысе; вскоре оно выросло за пределы этого городища и распространилось на тот северный участок Старорязанского городища, который и поныне отделен от остальной его территории внутренним валом. Южное же городище было заселено несколько позже, в самом конце XI — начале XII в.; его большие валы, оградившие все Старорязанское городище, были сооружены только в XII в. Внутренний же вал сооружен в X в.; подстилающий его культурный слой — не позже этого столетия. Конструктивно внутренний вал также отличается от внешнего: его вышина только 3,5 м, а внешнего не менее 9 м. В нем нет деревянных конструкций, характерных для больших старорязанских валов.

Возникшее раньше, чем поселение на Южном городище, северное поселение Старой Рязани, повидимому, и представляло тот город Рязань, который впервые упоминается в летописи под 1096 г.¹⁷. К этому времени Рязанская земля, входившая прежде, как и все земли к востоку от Днепра, в состав Черниговского княжества¹⁸, в результате феодаль-

местный священник Н. Любомудров, который считал, что это слово принято русскими от мордвы, одна из ветвей которой зовет и сейчас себя эрзя в отличие от мокши (Исследование о происхождении и значении имени Рязань. М., 1874.). Этую точку зрения поддержал А. А. Шахматов (Древнейшие судьбы русского племени).

¹⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 240. Под 1096 г. помещено сообщение о том, что Олег Святославич, изгнанный из Черниговской земли и не принятый смоллянами, «иде Рязаню».

¹⁸ Еще в 1054 г. по завещанию Ярослава сын его Святослав получил Чернигов с Тмутараканью, землей вятичей и землями по среднему течению Оки. По крайней мере, таково было представление о разделении земель у составителя Воскресенской летописи в XVI в., но соответствовало ли оно историческим представлениям, господствовавшим в XVI в., или заимствовано из какого-либо раннего источника, трудно решить. В этой летописи сообщается о том, что от Святослава пошли рязанские князья и что за сыном его Олегом был Муром и Рязань (ПСРЛ,

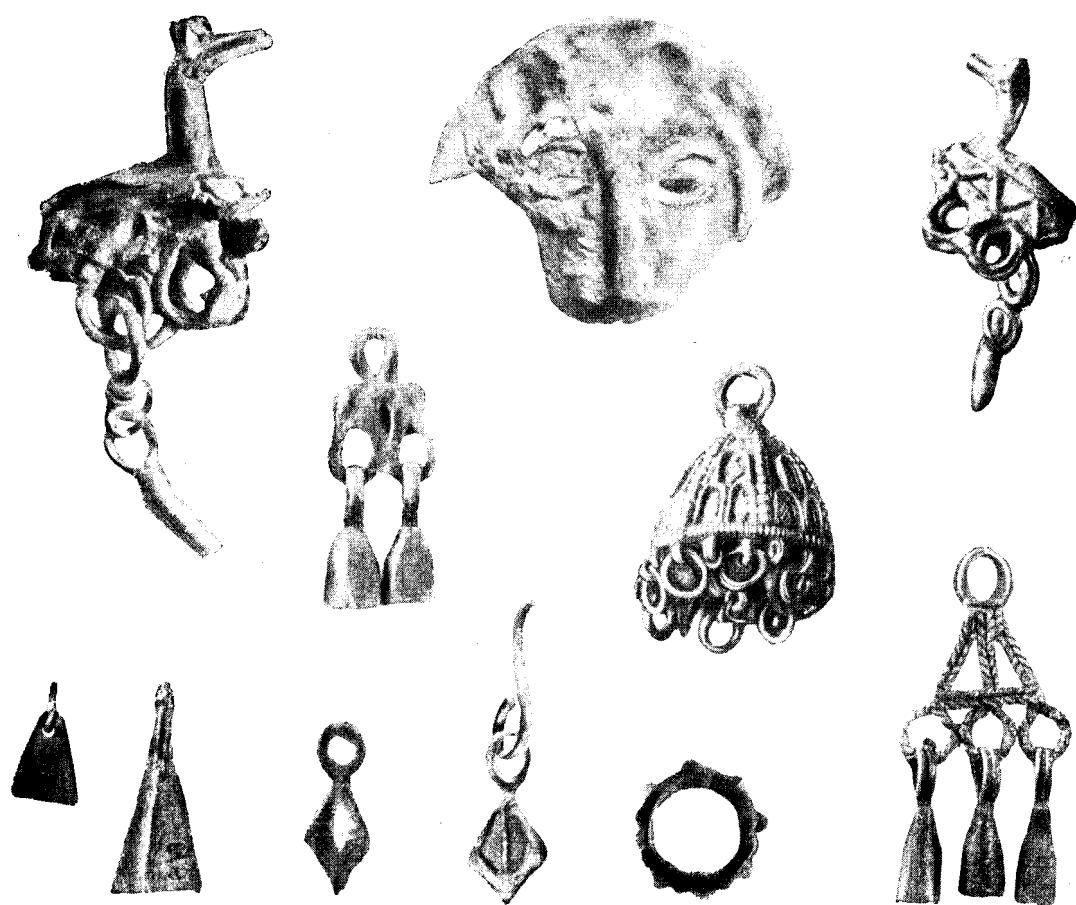

Рис. 4. Чудские вещи из находок на Старорязанском городище

ногого дробления последнего выделяется в самостоятельное Муромо-Рязанское княжество с главным центром в Муроме. По мере роста Рязани, определявшегося главным образом развитием ремесла и торговли, вокруг Северного городища возникает посад, в XII в. уже обнесенный стеной (внешний вал). В XII же

т. VII, стр. 232). Помещенное в Воскресенской летописи «начало о великих князех Рязанских», повидимому, является извлечением из каких-то местных летописей. В нем повторяется та же запись (ПСРЛ, т. VII, стр. 241—242). Известие о разделе земель между сыновьями Ярослава читается также в одной из статей, приложенных к Комиссионному списку Новгородской I летописи: «...и взя вятшии Изяслав Киев и Новгород и ины города многие Киевьскыя в пределах; а Святослав Чернигов и всю страну въсточную и до Мурома...» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 469). В пределы «восточной страны» «до Мурома» входила и Рязань.

веке, как об этом будет сказано дальше, административный центр города переносится на Южное городище, здесь теперь строятся наиболее богатые жилища и храмы.

Культурный слой Северного городища, тесно заселенного в древности, обильно насыщен вещами и остатками сооружений. Изучение этих вещей также подтверждает заключение о большей древности культурного слоя на Северном городище по сравнению с Южным.

Кроме названных выше вещей из слоя X в., нужно учесть также находки бус, браслетов из стекла и шиферных пряслиц.

Среди многочисленных сортов бус, найденных в Старой Рязани, есть ряд довольно точно датированных типов. Так, например, большинство позолоченных и посеребренных стеклянных бочкообразных и ребристых бус

рии Рязанского княжества, известные по летописям и другим письменным источникам. После первого упоминания в летописи Рязани в 1096 г. (в связи с появлением здесь Олега Святославича) почти на протяжении 30 лет Рязань не упоминается. Лишь под 1114 г. сообщается о смерти здесь Романа Всеславича²². Политическая история Муромо-Рязанской земли за это тридцатилетие неизвестна. В 1127 г. Ярослав Святославич черниговский, изгнанный из Чернигова, стал князем муромо-рязанским. Он умер спустя два года, и Муром, Рязань и Пронск стали уделами его сыновей. Очевидно, в это время Муром считался главным городом, так как и Ярослав из Чернигова возвратился не в Рязань, а в Муром, и дети его по старшинству занимают Муромский стол²³. Так продолжалось до середины XII в., когда старшие в роде рязанские князья перестают перемещаться в Муром. Начинается полное обосoblение Рязанского княжества от Муромского, значение первенствующего в земле города переходит к Рязани. К этому времени проложенные через вятические леса пути приблизили Рязань к другим русским центрам, и это привело к росту значения Рязани и к упадку значения Мурома, через который раньше лежал окружной путь на среднюю Оку. Начинается период наивысшего подъема Рязани. К этому времени (середина XII в.) и относятся (как выше уже было сказано) начало интенсивного строительства на Южном городище, постройка мощных укреплений вокруг всего города.

Об общественном и политическом строе Муромо-Рязанской земли в XI—XIII вв. известно очень немного. Даже генеалогия многочисленных рязанских князей неизвестна полностью, хотя в летописях они часто упоминаются.

В VIII—IX вв. в Муромо-Рязанской земле возникают классовые отношения. Среди населения усиливается классовая дифференциация. Все резче разделяются по инвентарю богатые и бедные погребения, яснее выделяются погребения с оружием, как наиболее богатые. Правда, черты племенной самобытности еще долго сохраняются в чудской среде, но элементы феодализма к X в. уже становятся заметными. К этому времени здесь

уже процветает подсечное земледелие (в рязанских и муромских могильниках часты находки железных топоров, серпов, льняных тканей). Выделяется ремесло (в первую очередь кузнечное)²⁴. Развитие подсечного земледелия, ремесла и торговли усилило имущественную дифференциацию и разложение родового строя. Когда в X в. вятичи колонизуют район рязанского течения Оки, а кривичи — район муромского течения, они застают здесь примерно тот же уровень социально-экономических отношений, на котором находятся сами. Это еще родоплеменной строй, но с резко выделившейся социальной верхушкой, с начинающим уже оформляться феодальным способом производства. В то время как в Киевской Руси в IX в. уже существует сложившийся феодальный строй, а процесс классообразования завершается созданием раннефеодального государства, в северо-восточной Руси этот процесс протекает медленнее. Вообще темп общественного развития Приокских земель и Подонья по сравнению с Поднепровьем и Приильменьем был несколько замедленным. Учитывая это, мы должны предположить, что в XI в. Муромо-Рязанская земля еще не была полностью подчинена феодалам, ее только начали осваивать. Значительная часть коренного местного населения сопротивлялась феодализации и сопровождавшей ее насильтвенной христианизации.

Первым князьям трудно было удерживать власть в Муромо-Рязанской земле, они сталкивались с местными племенными князьями. Отдаленность от Киева и Чернигова также затрудняла установление сильной княжеской власти.

Первые муромо-рязанские князья — Олег и Ярослав рассматривали Муромо-Рязанскую землю, как источник средств для борьбы за Чернигов. В XI в. они и установили в ней, очевидно, даннические отношения²⁵.

²⁴ Наиболее яркий пример — погребение кузнеца в Подболотьевском могильнике. В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях Мурома в 1910 г. Древности МАО, т. XXIV. М., 1914, стр. 40—216.

²⁵ В Рязанской земле имеется любопытный памятник раннего феодализма — Новый Ольгов городок. Это замок-усадьба князя Олега с небольшой придворной церковью и мощными укреплениями. Городок этот был выгодно расположен в устье Прони, что давало возможность князю контролировать судоходство по реке, собирать дань и охранять свои владения.

²² ПСРЛ, т. IX, стр. 143.

²³ Там же, т. II, стр. 21.

рии Рязанского княжества, известные по летописям и другим письменным источникам. После первого упоминания в летописи Рязани в 1096 г. (в связи с появлением здесь Олега Святославича) почти на протяжении 30 лет Рязань не упоминается. Лишь под 1114 г. сообщается о смерти здесь Романа Всеславича²². Политическая история Муромо-Рязанской земли за это тридцатилетие неизвестна. В 1127 г. Ярослав Святославич Черниговский, изгнанный из Чернигова, стал князем муромо-рязанским. Он умер спустя два года, и Муром, Рязань и Пронск стали уделами его сыновей. Очевидно, в это время Муром считался главным городом, так как и Ярослав из Чернигова возвратился не в Рязань, а в Муром, и дети его по старшинству занимают Муромский стол²³. Так продолжалось до середины XII в., когда старшие в роде рязанские князья перестают перемещаться в Муром. Начинается полное обособление Рязанского княжества от Муромского, значение первенствующего в земле города переходит к Рязани. К этому времени проложенные через вятические леса пути приблизили Рязань к другим русским центрам, и это привело к росту значения Рязани и к упадку значения Мурома, через который раньше лежал окружной путь на среднюю Оку. Начинается период наивысшего подъема Рязани. К этому времени (середина XII в.) и относятся (как выше уже было сказано) начало интенсивного строительства на Южном городище, постройка мощных укреплений вокруг всего города.

Об общественном и политическом строе Муромо-Рязанской земли в XI—XIII вв. известно очень немного. Даже генеалогия многочисленных рязанских князей неизвестна полностью, хотя в летописях они часто упоминаются.

В VIII—IX вв. в Муромо-Рязанской земле возникают классовые отношения. Среди населения усиливается классовая дифференциация. Все резче разделяются по инвентарю богатые и бедные погребения, яснее выделяются погребения с оружием, как наиболее богатые. Правда, черты племенной самобытности еще долго сохраняются в чудской среде, но элементы феодализма к X в. уже становятся заметными. К этому времени здесь

уже процветает подсечное земледелие (в рязанских и муромских могильниках часты находки железных топоров, серпов, льняных тканей). Выделяется ремесло (в первую очередь кузнецкое)²⁴. Развитие подсечного земледелия, ремесла и торговли усилило имущественную дифференциацию и разложение родового строя. Когда в X в. вятичи колонизуют район рязанского течения Оки, а кривичи — район муромского течения, они застают здесь примерно тот же уровень социально-экономических отношений, на котором находятся сами. Это еще родоплеменной строй, но с резко выделившейся социальной верхушкой, с начинающим уже оформляться феодальным способом производства. В то время как в Киевской Руси в IX в. уже существует сложившийся феодальный строй, а процесс классообразования завершается созданием раннефеодального государства, в северо-восточной Руси этот процесс протекает медленнее. Вообще темп общественного развития Приокских земель и Подонья по сравнению с Поднепровьем и Приильменьем был несколько замедленным. Учитывая это, мы должны предположить, что в XI в. Муромо-Рязанская земля еще не была полностью подчинена феодалам, ее только начали осваивать. Значительная часть коренного местного населения сопротивлялась феодализации и сопровождавшей ее насильтвенной христианизации.

Первым князьям трудно было удерживать власть в Муромо-Рязанской земле, они сталкивались с местными племенными князьями. Отдаленность от Киева и Чернигова также затрудняла установление сильной княжеской власти.

Первые муромо-рязанские князья — Олег и Ярослав рассматривали Муромо-Рязанскую землю, как источник средств для борьбы за Чернигов. В XI в. они и установили в ней, очевидно, даннические отношения²⁵.

²⁴ Наиболее яркий пример — погребение кузнеца в Подболотьевском могильнике. В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях Мурома в 1910 г. Древности МАО, т. XXIV. М., 1914, стр. 40—216.

²⁵ В Рязанской земле имеется любопытный памятник раннего феодализма — Новый Ольгов городок. Это замок-усадьба князя Олега с небольшой придворной церковью и мощными укреплениями. Городок этот был выгодно расположен в устье Прони, что давало возможность князю контролировать судоходство по реке, собирать дань и охранять свои владения.

²² ПСРЛ, т. IX, стр. 143.

²³ Там же, т. II, стр. 21.

Однако к XII в. после длительной эпохи феодальных войн Муромо-Рязанское княжество распалось на множество уделов, и мы сталкиваемся с фактом крайней чересполоцизы княжеских уделных владений.

О том, как далеко зашел процесс окняжения земли свободных общин и закабаления общинников в XIII в., говорит жалованная грамота князя Олега Ивановича рязанского Ольгову монастырю²⁶. Правда, этот документ относится ко второй половине XIV в., — вероятно, к 1371 г.²⁷, однако в нем упоминаются пожалования 1219—1237 гг.: «...тогда дали святой Богородицы дому 9 земли бортных, а 5 погостов». Эти 5 погостов были населены свободными крестьянами, занятими бортным промыслом. Следовательно, рязанские князья в XIII в. свободно распоряжались этими землями и населением, отдавая их феодалу — монастырю.

Развитие ремесла и торговли, с несомненностью доказанное археологией, заставляет предполагать в Рязани развитие класса горожан — ремесленников и купцов. Очевидно, городская верхушка приобрела значительное влияние на дела и с нею вынуждены были считаться князья и бояре. Можно предполагать существование в Рязани и Муроме веча, хотя в летописи о нем не упоминается. Но в ряде случаев князья ведут переговоры с населением городов, с горожанами заключают мир, они решают судьбу рязанских князей, и т. д. Так, когда в 1095 г. Изяслав Владимирович победил Олега Святославича и пришел к городу Мурому, «приаша и (его.—А. М.) муромци»²⁸. Под 1096 г. там же читаем, что Мстислав после победы над Олегом «створи мир» с «муромци», а потом и с «рязанци»²⁹. В 1177 г. Всеволод Юрьевич посыпает к рязанцам с требованием выдать ему Ярополка Ростиславича, укryившегося в Воронеже. Рязанцы же «сдумавше» поехали в Воронеж за Ярополком и выдали его. В 1207 г. после поражения рязанских войск Всеволод повелел «изъимати» рязанских князей «с своими думцами», «рязанцы вси сду-

²⁶ Грамота издавалась много раз, лучшее издание в «Сборнике Московского архива министерства юстиции», т. I, ч. I. М., 1913.

²⁷ Б. А. Романов. Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича рязанского Ольгову монастырю. Проблемы источниковедения, сб. III. М.—Л., 1940, стр. 205—224.

²⁸ ПСРЛ, т. IX, стр. 124.

²⁹ Там же, стр. 129.

мавше, послаша остаток князей и со княгиями вел. кн. Всеволоду в Володимерь»³⁰.

Повидимому, в рязанских городах, в отличие от соседнего Владимира-Сузdalского княжества, не возник союз горожан с князьями, служивший опорой князьям в их борьбе с боярством. Вероятно, поэтому на протяжении всего домонгольского периода истории Муромо-Рязанского княжества здесь не создалось сильной княжеской власти.

История Муромо-Рязанской земли наполнена братоубийственными раздорами князей. Междоусобия рязанских князей, их борьба с северными соседями — князьями владимиро-сузdalскими и борьба с половецкой степью держали княжество в постоянном военном напряжении, разоряли население, ослабляли торговый потенциал Рязанской земли и возможности ее культурного и экономического влияния на остальную Русь.

Пограничное положение Рязанской земли, в особенности в том районе, где половцы сильно нажимали на Русь, наложило отпечаток на всю историю княжества. Это в значительной мере определило деятельность его князей и повлияло на жизнь народа. Рязанские князья то отчаянно сопротивлялись половцам, то, не желая подчинять свою политику общерусской идеи объединения страны, искали союзников в среде кочевников. Ориентация на последних была традиционной политикой черниговских Ольговичей, стремившихся сохранить свою независимость. К ним примыкала также (по родственным и по политическим связям) и династия рязанских князей. Поэтому, зажатые между степью и могущественным соседом с севера, рязанские князья то находили убежище и поддержку у половцев, то выступали против них³¹.

Быстрый рост значения Владимира-Сузdalской земли создал опасного соседа для Муромо-Рязанского княжества. Владимиро-сузdalские князья были заинтересованы в Муромо-Рязанской земле, так как эта земля давала хлеб для северо-восточной Руси, через эту землю лежал торговый путь на юг и восток, а также и потому, что она могла служить заслоном в борьбе с кочевниками. ТERRITORIALНАЯ близость Владимира-Суз-

³⁰ ПСРЛ, т. I, стр. 183.

³¹ Там же, т. I, стр. 179; т. IX, стр. 157, 178, 207, 222.

дальской земли к Рязанской и окраинное положение последней облегчали ее подчинение владимиро-сузdalльским князьям. Однако совершилось это лишь в результате длительной и упорной борьбы.

Так, в 1146 г. муромо-рязанский князь Ростислав Ярославич держал сторону киевского князя Изяслава Мстиславича против Юрия Долгорукого. Нападение Ростислава на Сузdalскую землю, правда, отвлекло силы Юрия от похода на Киев, но дорого обошлось самому Ростиславу. Сыновья Юрия с войском пришли к Рязани, и Ростислав вынужден был бежать к половцам. Очевидно, неподготовленность к серьезной борьбе с Суздалем заставила Ростислава прибегнуть к союзу с Юрием Долгоруким, который через год дал ему возможность вернуться в Рязань. Позже (в 1152 г.) Ростислав принимал участие в походе на Киев против своего прежнего союзника Изяслава. Но союз рязанского и сузdalльского князей был непродолжителен. В 1154 г. Юрий прогнал Ростислава и посадил в Рязани сына своего Андрея. На сей раз Ростислав вместо попыток добиться доверия Юрия изгнал его сына с помощью половцев и возвратил себе Рязань.

Со времени княжения Ростислава собственно и начинается полное обособление Рязанского княжества от Муромского. Муром вскоре окончательно подчиняется владимиро-сузdalльским князьям.

Муромо-Рязанское княжество в середине XII в. занимало территорию по Оке, от Муромского района на востоке до района впадения реки Осетра в Оку на западе (Ростиславль), и низовья реки Москвы (Коломна), а также обширные земли, расположенные к югу от Оки. Простиравшаяся к северу от Оки (в рязанской ее части) так называемая Мещанская сторона, покрытая болотами и лесами, была мало обитааема и не освоена. В северо-восточном углу, в Муромском районе, и в северо-западном углу, в районе Коломны и Свирильска, Муромо-Рязанское княжество граничило с Ростово-Сузdalльской землей. На юго-западе Муромо-Рязанская земля граничила с Черниговской. Граница шла от Свирильска, пересекала Осетр и проходила между Пронском и черниговским городом Дедославлем, направляясь к реке Сосне. Юго-восточная граница Рязанской земли в середине XII в. шла через верховья Дона и

Воронежа к месту слияния Цны с Мокшой до города Кадома включительно. Рязанские города существовали и в Червленом Яру, и в бассейне Великой Вороны. На юг от Прони к верховьям Дона лежала полоса плодоносных степей с редким населением. Основное ядро княжества находилось между Окой, Проней и Осетром. По свидетельствам русских и иностранных путешественников, Рязань считалась областью, богатой хлебом, лесом, скотом, птицей, плодами, и особенно медом и воском.

Рязанское княжество с самого начала его обособления все больше и больше оказывалось в сфере политического и экономического воздействия Владимира-Сузdalльского княжества. Преемники Юрия совершенно свободно распоряжались как рязанскими князьями и их ратными силами, так и самою Рязанской областью.

Лишь в 1174 г., когда в результате боярского заговора погиб Андрей Боголюбский, рязанские князья пытаются не только выйти из вынужденного повиновения Владимиру-Сузdalльскому князю, но и самим вмешаться в дела своего северного соседа. Ростовское боярство, захватившее власть, вошло в согласие с рязанским князем Глебом Ростиславичем³²,

³² Повидимому, ко времени княжения Глеба Ростиславича относится единственный дошедший до нас памятник рязанской сграфитики домонгольской эпохи. На берегу Оки между старой Рязанью и селом Шатрище А. Ф. Федоров нашел свинцовую печать диаметром 18 мм, толщиной 3 мм. Печать поступила в Эрмитаж и была опубликована Н. П. Лихачевым во втором томе «Материалов для истории русской и византийской сграфитики» (без года). На одной стороне печати изображена Богоматерь в типе Оранты, в рост. На другой стороне изображены князья Борис и Глеб, в рост, фронтально, в княжеском одеянии. От надписей сохранилось полностью имя Бориса и буква Е из имени Глеба. «Работа печати довольно грубая. На рязанском моливдовуле очертания настолько неясны, что трудно говорить о подробностях одеяний, но обращает внимание строение княжеских шапок, высоких матерчатых со складками выпуклыми, как бы рубчатыми. По бокам идут от шапок серги, как бы пропендулии, замеченные и на некоторых других изображениях св. Бориса и Глеба. Изображение «Богоматери» в типе Оранты также выполнено стилизованно и грубо. Мы уже отмечали, что помещение такой композиции на моливдовуле отнюдь не означает, что мы имеем дело с печатью непременно духовного лица, но наблюдения позволяют сделать вывод, что изображение это относится к старейшему периоду русской сграфитики. С наибольшим вероятием перед нами экземпляр печати одного из Рязанских князей. Вопрос о том, какому из Рязанских князей можно приписать эту печать, решается ее стилем, изображениями и самой величи-

и они общими усилиями посадили во Владимире глебовых шурьев — Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Эти два ставленника ростовского боярства своей политикой вызвали восстание во Владимире, закончившееся вожняжением братьев Андрея—Михалки и Всеволода. У Глеба рязанского не было достаточных сил, чтобы выступить в защиту своих ставленников. Спустя некоторое время Глеб рязанский вместе со своим шурином Мстиславом выступил против владимирского князя и сжег Москву и ее окрестности. Это было началом войны, которая определила политические судьбы Рязани на ближайшие полвека. Обе стороны собрали значительные силы. В войсках Всеволода были, кроме владимирцев, и черниговцы и новгородцы, а Глеб призвал на помощь половцев. 7 марта 1177 г. при реке Колакше рязанцы были разбиты.

Рязанские князья попали в вассальную зависимость от владимиро-суздальских. Всеволод III вмешивался во все конфликты, возникавшие между рязанскими князьями, подавлял все их попытки выйти из повиновения и твердой рукой восстанавливал порядок в многочисленной и беспокойной семье рязанских князей.

Так, в 1180 г., когда Роман Глебович попытался отнять некоторые волости у княживших в Пронске своих братьев Всеволода и Владимира, Всеволод III пошел на Рязань. Несмотря на поддержку Святослава черниговского, рязанцы потерпели поражение. Постоянные поражения рязанских полков от суздальских объяснялись не случайностью и не удачей суздальцев, а их численным и техническим превосходством, а также большей организованностью суздальской армии по сравнению с рязанской, комплектовавшейся из отдельных отрядов мелких князей. Всеволод принудил рязанских князей к миру на «всей своей воле»³³. Он поделил волости между братьями и прину-

ной памятника. Как работа печати, так и изображения Оранты и малый размер моливдовула указывают на эпоху раннюю, во всяком случае домонгольскую. Родословная таблица князей, правивших в Рязани, изобилует именами Романов, Глебов, Давидов. С наибольшим вероятием мы должны остановиться на князе Глебе Ростиславиче, скончавшемся в неволе в 1177 г., после долголетного, более чем тридцатилетнего княжения в Рязани». Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 275—276.

³³ ПСРЛ, т. I, стр. 388.

дил рязанских князей вступить в борьбу с Святополком черниговским. Мир был нарушен в 1186 г. вследствие столкновения рязанских князей с пронскими. Попытки Всеволода III примирить их были неудачны, и он снова принял сторону пронских князей. Рязанские князья, испугавшись, сняли осаду с Пронска. Но, когда главные силы владимирского князя ушли, рязанцы вторично осадили Пронск и взяли город. Мирные переговоры Всеволода III с рязанскими князьями, предпринятые с участием черниговского епископа Порфирия, были неудачными. Всеволод повел войска в Рязанскую область и «землю их пусту створивше и пожгоша всю»³⁴. Одновременно с юга нанесли удар половцы. Сопротивление было немыслимым, и рязанские князья вернулись к вассальным отношениям с Всеволодом. Эти отношения установились на 20 лет, причем Всеволод не только принуждал рязанских князей участвовать в своих походах, но и сам считал себя обязанным защищать рязанские земли от половцев. Эту зависимость признают и другие русские князья. Даже черниговские князья, упорно боровшиеся за свое влияние в Рязани, вынуждены были признать свою неудачу. В 1194 г. Святослав черниговский, собравшись походом на рязанских князей, послал спросить разрешения у Всеволода и вследствие его отказа вынужден был возвратиться из начатого уже похода. Конец XII в. знаменуется полным отходом Рязани из сферы влияния Чернигова и почти безусловным подчинением ее Владимиру-Суздальской земле.

В 1198 г., вероятно, по настоянию Всеволода произошло выделение особой Рязано-Муромской епархии из Черниговской епархии. Это было одним из актов политического отделения Рязани от Чернигова.

В 1207 г. началась третья война Рязани с Всеволодом. Собираясь идти на Чернигов, Всеволод послал за муромским князем и рязанскими Глебовичами. Те выехали, но, по утверждению владимирского княжеского летописца, Всеволод получил сведения, что рязанские князья тайно вошли в сношения с черниговскими Ольговичами. Он арестовал шестерых рязанских князей и отоспал их во Владимир, а сам отправился в карательную экспедицию по Рязанской земле. Всеволод осадил и взял Пронск и вынудил к покорно-

³⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 406.

сти Рязань. Он посадил по рязанским городам своих посадников, а на рязанский стол послал своего сына Ярослава. Казалось, что Рязанская земля целиком вошла в состав Владимирского княжества и навсегда потеряла свою самостоятельность. Но рязанцы (очевидно, рязанское боярство), составив заговор, убили и заключили в тюрьму многих дружинников Ярослава. Всеволод с войском подошел к стенам Рязани, рассчитывая, что трижды покоренный город не осмелится ни в чем противоречить своему победителю. Однако рязанцы, по рассказу владимирского летописца, послали ему «буюю речь, по своему обычаю и непокорству»³⁵. Разгневанный Всеволод взял Рязань, приказал жителям выйти из города с имуществом, которое они могли унести, и сжег город. Вероятно, часть найденных в раскопках разрушенных домов, датированных первыми десятилетиями XIII в., сгорела не при взятии Рязани татарами, а при разгроме города Всеволодом в 1208 г. После того как Всеволод сжег Рязань, он пошел к Белгороду, который также предал огню. Жители разоренных городов были разосланы в разные места Сузdalского княжества, а рязанские бояре и епископ Арсений были уведены во Владимир. Но и это не было концом борьбы за независимость Рязани. В 1209 г. рязанцы совершили нападение на сузальские земли около Москвы, но были разбиты сыном Всеволода Юрием. В 1210 г. Всеволод снова вынужден был послать своего воеводу «ратью в Рязанскую землю», «и взяша Пру Рязанскую вниз по Оке, и возвратиша с многим полоном в Владимир»³⁶.

Всеволод, несмотря на постоянное сопротивление рязанцев, решительно стремился подчинить себе Рязанскую землю. Но когда после смерти Всеволода в самой Владимирской земле начались феодальные войны, на короткое время была восстановлена независимость Рязанского княжества. Уже в 1212 г. Юрий отпустил всех рязанских князей и епископа Арсения, взяв с них клятвенное обещание покорности и верности. Этот, на первый взгляд кажущийся неожиданным и загадочным по целям, акт объясняется тем, что Юрий не мог тратить силы на удержание в покорности Рязанской земли и предпочел иметь там зависимых от него князей.

³⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 434.

³⁶ Там же, т. X, стр. 60.

Нам почти неизвестны события рязанской истории от 20-х годов XIII в. до 1237 г., когда Рязань испытала бедствия татаро-монгольского нашествия. Старая Рязань первой приняла удар армии Батыя. Один из самых драматических эпизодов русской истории начинается в Рязанской земле. В начале зимы 1237 г. татары из Волжской Болгарии перешли к рязанской границе и, «расположившись станом на Онuze», послали требование к рязанским князьям дать «десятину во всем». Князья во главе с Юрием Ингварьевичем решили сопротивляться, но, зная об огромной силе татар и не надеясь на собственные силы, они обратились к Юрию суздальскому за помощью; Юрий легкомысленно отказался соединить свои полки с рязанскими для совместной борьбы. К этому моменту уже значительная часть земли была завоевана, и 16 декабря татары осадили Рязань. Пять дней рязанцы героически отстаивали свой город. 21 декабря татары штурмовали город, взяли и сожгли его. Князь Юрий и члены его семьи были убиты. Татары двинулись к Коломне.

Страшная картина разгрома была описана очевидцем и позже включена в русские летописи («Повесть о разорении Рязани Батыем»):

«А в шестый день рано прииода поганнико граду, овии с огни, а ини с пороки, а инеи с тмочисленыи лествицами, и взяша град Резань месяца декабря в 21 день... А во граде многих людей, и жены, и дети — мечи исекоша. И иных в реце потопиша, и ереи черниоризцы до останка исекоша, и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство рязанское и сродник их киевское и черньиговское поимаша. А храмы божия разориша, и во святых олтарех много крови пролияше. И не оста во граде ни един живых: все равно умроша и едину чашу смертную пиша...» «...Сий бо град Резань и земля Резанская, изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети — токмо дым и пепел...»³⁷.

Некоторые историки предполагали, что татарский разгром был концом Старой Рязани, что после этого она не смогла оправиться и столица княжества была перенесена в Переяславль Рязанский. Но в летописи гово-

³⁷ «Воинские повести древней Руси», М.—Л., 1949, стр. 12—13 и 15.

рится, что вскоре после того, как татарские полчища прокатились через Рязанскую землю, началось восстановление разоренных городов, и князь Ингварь Ингварьевич, прия в Рязань из Чернигова, где его застало татарское нашествие, «церкви постави и монастыри согради и пришельцы утеши и люди собра»³⁸.

Археологические материалы подтверждают, что после батыева разгрома жизнь в Старой Рязани продолжалась. Но после татарского погрома Старая Рязань не смогла достигнуть прежнего расцвета, город не был полностью восстановлен. Культурный слой послемонгольского времени фрагментарен, он открывается лишь в отдельных частях городища и нигде не является мощным и интенсивным. После 1237 г. город восстанавливается медленно, он постепенно угасал, уступая свое место Переяславлю.

Старая Рязань не только жила, она еще долгое время оставалась столицей княжества. К XIV в. (после 1355 г.) относится легенда о епископе Василии, в которой сообщается, что он на мантии приплыл из Мурома в Старую Рязань: «Ту бо тогда пребываху князи рязанскии»³⁹.

В XIV в., очевидно, столица была перенесена в Переяславль. Весьма вероятно, что причиной этого было не первоначальное разорение Рязани, от которого она, конечно, успела уже оправиться, а последующие нападения татар, ввиду близости Старой Рязани к степи⁴⁰.

Хотя и недалеко от нее отстоящий, но при-

³⁸ «Воинские повести древней Руси», стр. 19.

³⁹ Житие муромских чудотворцев Константина и чад его. Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860, стр. 232.

⁴⁰ Любопытное, но неправдоподобное сообщение о перенесении города из Старой Рязани в Переяславль Рязанский содержится у Олеария: «5-го с. м. (июля 1636 г.) мы проехали мимо местечка Рязань, бывшего раньше большим и даже главным городом целой провинции этого названия. Но когда в 1568 г. вторглись крымские татары и, избивая и пожигая, все опустошили, погиб и этот город. Так как, однако, эта провинция, расположенная между Окою и валом, построенным против татар, раньше была княжеством и, кроме того, будучи чрезвычайно плодородна, по хлебопашству, скотоводству и дичи преосходит все соседние провинции (как правильно о том свидетельствуют Гвагин и Петрей), то царь, по опушении ее, велел отовсюду собрать большое количество народа, всю страну вновь обработать и привести в полный порядок. Так как для постройки Рязани они нашли более удобное место, а именно то, где теперь лежит в 8-ми милях от (старой) Рязани

крытым лесами, Переяславль меньше страдал от нападений и потому быстро рос и приобрел значение первого города в Рязанской земле. Играя роль, конечно, и близость Переяславля к новому центру русских земель — Москве. Но и в XVI в. Старая Рязань упоминается в документах как город, а не как запустевшее городище. В духовном завещании Ивана IV (1572—1578 гг.) говорится: «...да сына же своего Ивана благословляю, даю ему Великое княжество рязанское,— город Переяславль Рязанский, город Старая Рязань, город Ряской, город Данков»⁴¹. В грамоте Федора Ивановича Терехову монастырю (1588 г.) говорится: «...и наместником нашим Переяславским и Старой Рязани Мещерским, и их тиуном, тех людей не судити ни в чем»⁴². В «Книге Большому чертежу» (1627) Старая Рязань упоминается, но не названа городом⁴³, а в окладных книгах XVII в. значится селом (1676 г.)⁴⁴.

Перенесение столицы в Переяславль не привело, однако, к переименованию его в Рязань. Лишь в XVI в. это название постепенно распространяется на Переяславль, но официальное переименование относится к 1778 г., когда был издан об этом указ Екатерины II. До XVI в., говоря о Рязани, летописи всегда имеют в виду город Рязань, т. е. Старую Рязань.

3

Основные археологические материалы, добытые на Старорязанском городище, относятся к XI—XIII вв., и хотя, как мы видим из вышеизложенного, история Старой Рязани не укладывается в эти хронологические

заны Переяславль, то они и перенесли сюда оставшийся материал зданий и построили совершенно новый город. Он называется Переяславлем Рязанским, так как большинство и наиболее выдающиеся из лиц, которые его строили и населяли, были из Переяславля, лежащего столь же далеко от Москвы к северу, как этот город лежит к югу» (А. Олеарий. Описание путешествия в Московию, изд. Суворина, 1906 г., стр. 353—354).

⁴¹ Дополнения к актам историческим, т. I, СПб., 1846, стр. 380.

⁴² Акты археографической экспедиции, т. I. СПб., 1836, стр. 490.

⁴³ «...а ниже Переяславля Рязанского 30 верст на Оке Старая Рязань». Книга Большому чертежу. М.—Л., 1950, стр. 122.

⁴⁴ Последнее не следует отождествлять с городищем. Село Старая Рязань, и ныне существующее, в основном расположено за чертой валов в северо-западной стороне от городища. Лишь несколько домов находится на городище.

рамки — она начинается задолго до XI в. и не заканчивается татарским разгромом, — все же в общей топографии городища ярче всего отразился период расцвета города — середина XII — начало XIII в.

В это время Северное городище представляло собой основной ремесленный район города. Здесь встречены мастерские ювелиров, костерезов, мастерская бус из янтаря, керамические и металлургические горны. Северное городище очень плотно заселено, жилища расположены близко одно от другого, вперемежку с мастерскими. Впрочем, нужно сказать, что все это открыто главным образом в части Северного городища, лежащей на восток от пересекающей городище дороги.

Западная (вернее, юго-западная) часть, меньшая по занимаемой площади, застроена современными домами и потому мало подвергалась раскопкам. Здесь древние жилища очень плохо сохранились. Их остатки перекрыты кладбищем XIII в. (раскоп № 5, 1946 г., у южной оконечности внутреннего вала). Все погребения произведены как будто бы на пожарище. Могильные ямы окружают зольные пятна, остатки сгоревших деревянных построек; в культурном слое всюду множество угольков. Повидимому, жилища здесь погибли от пожара незадолго до возникновения кладбища.

Кладбища Старой Рязани представляют значительный интерес для выяснения топографии города. Места расположения кладбищ очень часто менялись в разные периоды истории города, и сейчас по наличию кладбища того или иного времени на данном участке городища можно судить о том, когда тот или иной район был заселен и когда здесь перестали селиться, уступив место могильнику. Впрочем, в средневековых городах не всегда хоронили своих покойников вдалеке от жилища. Некоторые древние кладбища находятся в непосредственной близости к жилым кварталам, некоторые же вынесены далеко в сторону.

В восточной части Северного городища в непосредственной близости от жилищ XII—XIII вв. находилось кладбище этого же времени (траншеи I и VII, 1926 г., и раскоп № 2, 2А, 1946, 1948 гг.). Здесь вскрыто 90 погребений. Покойники на кладбище лежат в неглубоких ямах головою на запад и на юго-запад, чаще всего без вещей, со скрещенными на груди руками. Длительность су-

ществования этого кладбища выясняется наличием погребений, перекрывающих друг друга. Часть погребений относится к концу XII в. Таково погребение № 46, в котором был найден медный решетчатый перстень (см. рис. 137, 9) на указательном пальце правой руки. Эта, а также другие вещевые находки на этом кладбище (хрустальные шаровидные бусины, семилопастное височное кольцо) связывают его с вятическими курганными погребениями XII в.

На кладбище имеется ряд более поздних погребений, некоторые со следами насильственной смерти. В погребении № 3 череп мужчины был пробит стрелой, оставившей ясный след на височной кости. В погребении № 22 части скелета сложены в беспорядке, так, как будто бы труп был расчленен и погребены его отдельные части; на бедренной и тазовой костях следы удара острым орудием (мечом?). В погребении № 21 и 27 также следы повреждения костей мечом, в погребении № 37 стрела вонзилась в позвонок. Наконечник стрелы ромбовидный, черешковый, по типу близкий к татарским стрелам. Орнаменты шитой золотом ткани, в частности изображение двух птиц у дерева (см. рис. 132, 3), подобное сюжетам киевских колтов, позволяют датировать некоторые из этой группы погребений началом XIII в. На кладбище имеются семейные погребения (№ 4, 5 и 6): мужчина, женщина и подросток 10—12 лет. Очевидно, большая группа погребений, относящаяся к последнему периоду существования кладбища, связана с событиями 1237 г. Это погребенные жертвы батыева разгрома. В пользу этого утверждения говорит также тот факт, что в значительной части погребений, в том числе во всех тех, которые относятся нами к более поздним, а также во всех погребениях со следами насильственной смерти, покойники захоронены головой на юго-запад, а не на запад. Это можно объяснить тем, что все упомянутые погребения произведены одновременно, в зимнее время, когда ориентация по солнцу, ввиду низкого солнцестояния, иеминуемо приводит к подобной ошибке. Татарский же разгром Старой Рязани произошел в декабре 1237 г.

Южное городище изучено значительно хуже, чем Северное. На нем меньше велись раскопки, кроме того, оно занимает значительно большую площадь и даже самые ин-

тенсивные работы потребовали бы десятилетий для его полного изучения.

Основными ориентирами на Южном городище являются три каменных храма: Борисоглебский (открытый раскопками 1836, 1926 и 1948 гг.), Спасский (открытый раскопками 1888 г.) и Успенский (открытый раскопками 1949 г.).

Первый расположен в южной части города, на «набережной», второй — неподалеку от внутреннего вала, третий — в южной части, вблизи южного внешнего вала. Вблизи храмов были расположены кладбища, современные храмам, а иногда существовавшие дольше, чем самые храмы. Эта связь храма с кладбищем настолько закономерна, что по наличию погребений можно было определить близость церкви. Так, например, в 1946 г. в раскопе № 1 было открыто кладбище по фрагментам шитых золотом тканей (см. рис. 132, 2), бубенчикам, золотым пуговицам и нашивным бляшкам, датированное XII в. При продолжении раскопок на этом участке в 1949 г. были открыты основания Успенского собора. Выяснилось, что кладбище относится ко времени существования собора, так как погребения перекрывал строительный мусор времени первого разрушения здания. Позже, при раскопках собора, было установлено, что погребения здесь продолжались в течение нескольких веков: некоторые погребения над разрушенными стенами здания относятся к XV—XVI вв.

В юго-восточной части Южного городища в 1950 г. было, кроме того, вскрыто 23 погребения другого древнего могильника (раскоп № 2). Обряд погребения обычный, христианский, головою на запад, со скрещенными на груди руками, без вещей, в прямоугольных могильных ямах, судя по находкам гвоздей, вероятно, в деревянных дощатых гробах. В слое найдена керамика XII в., однако она не может служить основой для точной датировки кладбища, так как не является сопровождающей погребения. Слой, в котором вырыты могилы, — домонгольский. Вероятно, к домонгольскому времени относится и кладбище. В пределах раскопа не найдено следов церкви; возможно, что это кладбище и не было связано с церковью или же здесь стояла небольшая деревянная часовня, остатков которой не сохранилось.

Третье древнее кладбище на Южном городище было вскрыто на мысе у крутого спус-

ка к берегу Оки, напротив оврага, отделяющего набережную от храма, раскопанного в 1888 г. (раскоп № 2, 1948 г.). Посреди мыса возвышается холм диаметром 8 м, высотой 0,5 м. Холм этот был первоначально принят нами за остатки сильно оплывшего кургана. Однако оказалось, что под ним находится целая группа погребений. Погребения были произведены по христианскому обряду, головой на запад, со скрещенными на груди руками. Некоторые — в деревянных гробах в виде колоды или в сколоченных из досок. Под головы некоторых покойников были подложены плитчатые кирпичи ($20 \times 20 \times 4$ см). Несмотря на то, что эти погребения относятся к христианскому кладбищу, в них сохранились элементы языческой обрядности. Так, например, большинство погребений сопровождается сосудами с углами и костями животных. Керамика серая в изломе, из грубого теста, украшена зубчатым орнаментом. В Старой Рязани такая керамика относится к XII в. Над одним из скелетов прослежен целый слой углей — остатки костра, вероятно, зажженного во время трины. Кладбище, однако, находится на культурном слое XI — начала XII в. Таким образом, этот участок был заселен до появления здесь кладбища. Следовательно, уже в XI в. поселение выходило за черту внутреннего вала, а в XII в. это место запустело и его отвели под кладбище. При раскопках храма 1888 г. Селивановым было вскрыто кладбище, где наблюдалась та же черта в обряде погребения — под головами скелетов находились кирпичи. Кладбище это связано с храмом и датируется серединой XII в.

В центральной части Южного городища, у пересечения дорог, идущих на деревню Шатрищи и на Пронск, было заложено несколько раскопов, позволивших выяснить, что культурный слой здесь слабо насыщен находками и относится не только к домонгольскому, но и к позднейшему времени. Видимо, центральная часть городища, вблизи дороги, ведущей к Новым Пронским воротам, находилась под садами и огородами и заселялась лишь на короткое время.

Раскоп № 3 (1946 г.) выявил: слой XI—XIII вв., характеризующийся керамикой курганного типа, с зубчатым, а также волнистым орнаментом; слой XIII—XIV вв., характеризующийся керамикой из темной глины с ангобом без орнамента, и слой XV—

XVII вв. с чернолощеными сосудами, так называемого московского типа. Сооружений в раскопе не найдено. Культурный слой беден находками и, кроме керамики, содержал лишь кости животных, гвозди и крицы.

Раскоп № 4 (1946 г.), заложенный в 220 м к северо-западу от Новых Пронских ворот, показал, что культурный слой здесь очень тонок и почти лишен находок.

Раскоп № 1 (1949 г.), заложенный значительно западнее раскопов № 3 и 4 (1946 г.), в той части городища, которая прежде не могла подвергнуться исследованию ввиду того, что на ней находились усадьбы, дал ту же картину слабо насыщенного культурными остатками слоя. Однако здесь были обнаружены остатки жилого дома с глинобитной печью, частично выложенной из плитчатого кирпича. Слой в целом относится к XI—XIII вв., хотя отдельные предметы принадлежат к более позднему времени (XIV в.).

На Южном городище найдено большинство кладов, и притом самые ценные из них. Только один клад серебряных вещей 1887 г. был найден на древнем городке в северной оконечности городища. Клад 1868 г., клад 1937—1950 гг. и богатейший клад золотых вещей 1822 г. были найдены у дорог в разных частях Южного городища. Только в одном случае (клад 1937—1950 гг.) известны обстоятельства находки — клад был спрятан в печку жилища. Возможно, что и в других случаях клады были спрятаны в жилищах, но при пахоте или размывании слоя оказались в земле.

Кроме ремесленного района на Северном городище, был второй ремесленный район Старой Рязани — на Южном городище, у Исадских ворот. Здесь культурный слой насыщен различными вещами, среди которых значительное место занимают орудия труда ремесленников. Кроме того, открытые здесь жилища могут быть связаны с различными видами ремесленного производства. Одно жилище (раскоп № 3) принадлежало металлургу, другое (раскоп № 5) — ювелиру или мастеру по обработке цветных металлов (меди).

Вдоль дороги, ведущей в село Исады, а она, повидимому, в древности шла так же, как идет теперь, находился довольно густо заселенный жилой район. Кроме жилищ в вышеназванных раскопах, насыщенный жилой слой был в раскопе № 8 (1950 г.), рас-

положенном к югу от дороги на Исады, к юго-западу от раскопа № 3. Слой здесь относится к домонгольскому времени. В нем найдено много печин из разрушенных глинобитных печей. Одна яма относится к обычным хозяйственным, которые часто встречаются на городище. Судя по типам керамики, жилище, к которому принадлежала яма, относится к началу XIII в.

На Старорязанско городище ведут двое ворот, через них проходят дороги на Исады и на Пронск. Дороги эти пересекаются и соединяются в центральной части Южного городища, а дальше идет одна дорога, которая через пролом во внутреннем вале проходит на Северное городище и спускается к берегу реки. Если в древности на городище вели те же ворота, то следует предположить, что и дороги шли так же. Это подтвердилось нашим раскопом № 10 (1950 г.), заложенным на задернованном придорожном участке у стыка дорог на Южном городище. Он находился с юга от дороги, идущей к валу и далее на Исады, и с востока от дороги, идущей к Пронским воротам. В раскопе обнаружена старая дорога, ведущая на Пронск. Вероятно, она относится к XIX в. Ниже этой дороги найдена более древняя грунтовая дорога. Она была посыпана кирпичной щебенкой из разбитой плинфы. Нижняя дорога относится к домонгольскому слою. В слое щебенки найдены шиферное пряслице и сердоликовая пирамидальная бусина. Ширина полос колеи — от 20 до 30 см. Расстояние между двумя парными полосами — от 76 до 90 см. По другую сторону дороги, идущей на Пронск, был заложен раскоп № 11 (1950 г.). Здесь также найдена древняя дорога, шедшая параллельно современной. Очевидно, на простоянии веков дороги только смешались несколько в сторону, не меняя основного направления. Поэтому мы и находим колеи древних дорог по обеим сторонам современной.

У перекрестка дорог в центре городища была, повидимому, главная торговая площадь. Здесь найдены случайные вещи разных эпох, но нет остатков жилищ. Интересно отметить, что в XIX и XX вв. именно на этом месте была расположена торговая площадь, где происходили большие ярмарки.

В 1899 г. на набережной между Борисоглебским и Спасским соборами А. И. Черепнин сделал в шахматном порядке 20 тран-

шей. В результате раскопок он пришел к заключению, что территория, прилегающая к Оке, и береговой склон были густо населены. Значительные участки площади, исследованной Черепниным, теперь исчезли, вследствие осыпания берега, подмыываемого Окой. В 1945 г. на набережной севернее Борисоглебского собора был заложен раскоп, в котором были найдены жилища с глиnobитными и кирзовыми печами (жилища с кирзовыми печами встречены только на Южном городище). Слой на набережной в основном домонгольский, однако отдельные предметы относятся к XIV—XV вв.

В 1950 г. на набережной Оки на Южном городище, в 10 м от обрыва, к северу от Борисоглебского и к западу от Спасского соборов, был заложен раскоп (№ 15). В нем найдены два жилища: полуземляночное и наземное с глиnobитными печами и деревянными полами. Слой здесь насыщен находками и относительно более мощный, чем на остальной территории Южного городища. Следовательно, набережные были густо заселены.

В северной части городища дорога, шедшая вдоль набережной, а также дороги из Исад и Пронска встречаются и в настоящее время спускаются вниз к берегу Оки, огибая Северное городище. У места впадения Серебрянки в Оку, повидимому, была дрезняя пристань. Здесь найдены остатки дубовых свай, причалов, настилы мостовых и заборы⁴⁵. Эти сооружения не датированы, и поэтому у нас нет оснований решительно утверждать, что пристань у устья Серебрянки дрезняя. Однако найденные здесь древние пломбы, чаще всего встречающиеся на местах торговли или пристанях, подтверждают наше предположение.

Культурный слой у внешнего вала Старой Рязани в разной степени насыщен на разных участках. Шурф у Новых Пронских ворот (1946 г.) почти не дал культурного слоя. Найдки здесь случайные, сооружений нет. Культурный слой в основном выпахан.

⁴⁵ Дубовые сваи и настилы мостовых залегали на 1,5 аршина ниже поверхности террасы Оки и тянулись вдоль берега сажен на 40. А. И. Черепинин. Кулаковский могильник... ТРУАК, т. XVIII, стр. 152.

Раскоп № 7 (1950 г.) в 200 м к северу от Исадских ворот, у основания вала, также беден находками. Сооружений здесь нет. Найдки относятся к домонгольскому времени: стеклянные браслеты, глиняные светильники и т. п. Керамика круговая, тонкостенная, с белой и розоватой поверхностью и черная или серая в изломе черепка, без орнамента или с линейным орнаментом, относится к XIII в.

В южной части городища, у основания западного конца вала, был заложен раскоп № 13 (1950 г.). К сожалению, культурный слой здесь очень испорчен (сперва ямами, вырытыми для посадки фруктового сада, а потом при выкорчевывании пней после гибели деревьев). Однако на некоторых участках раскопа удалось проследить стратиграфию. Выяснилось, что этот район был обитаем в течение продолжительного времени. Верхний слой относится к XIX в. Затем идет слой с чернолощеной керамикой XVI—XVII вв., дальше — слои XIII—XIV вв. и очень четкий домонгольский с шиферными пряслицами, стеклянными браслетами и фрагментами амфоровидных сосудов.

Разная степень насыщенности Южного городища и наличие здесь больших ненаселенных участков объясняются не только тем, что эти участки находились под садами и огородами, но также и тем, что в городскую черту при постройке внешних валов были включены не только жилые кварталы, но и большие участки, свободные от застройки в расчете на последующий рост города. Повидимому, город в пределах новой городской стены не успел еще полностью застроиться к тому моменту, когда начало падать значение Старой Рязани и, следовательно, убывать население. По этой же причине не было и предгородий, расположенных за городским валом. Об этом можно судить по произведенным нами разведкам, а также по раскопкам А. И. Черепинина за валом на правом берегу Черной речки. В проложенных здесь 10 траншеях «не оказалось ни остатков древнего жилья и никаких признаков могил»⁴⁶.

⁴⁶ А. И. Черепинин. Кулаковский могильник... ТРУАК, т. XVIII, стр. 149.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Следует отметить, что восточный вал Старорязанского городища имеет форму пологой луковицы, а южный — форму квадрата с небольшими угловыми выступами. Края валов покрыты гравием и щебнем, а внутренние склоны — глиной. На восточном валу имеется проход в городище, а на южном — проход в городище и проход в городище из города.

III. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Наружный вал Старорязанского городища — мощное сооружение, тянувшееся на протяжении 1500 м (рис. 5). В некоторых местах

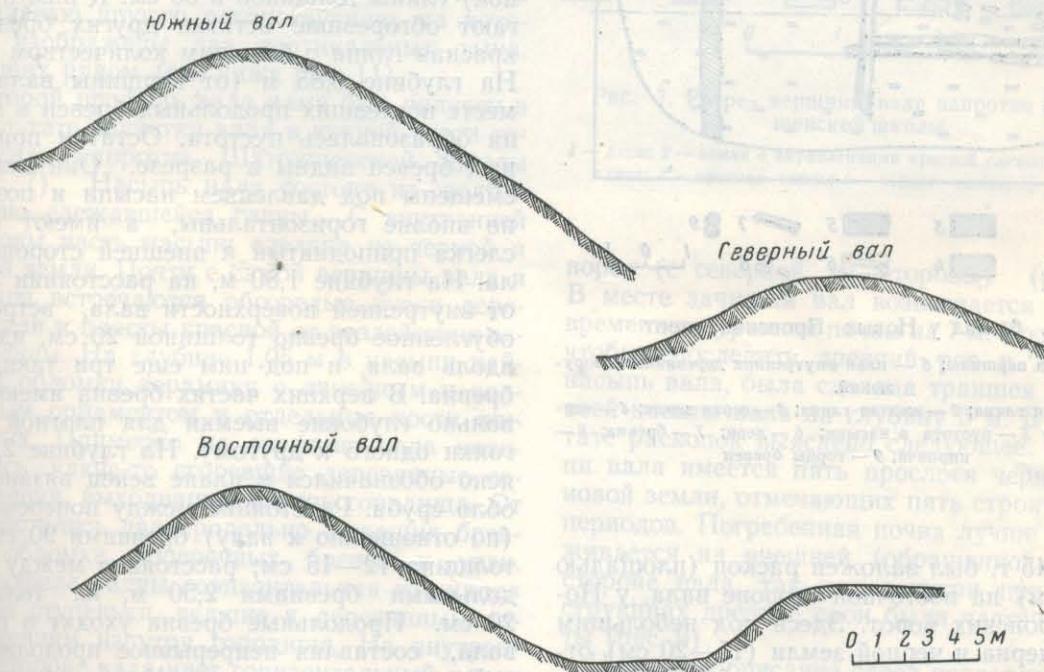
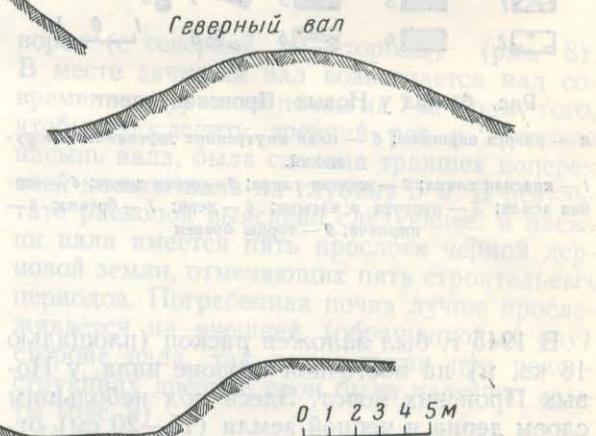

Рис. 5. Профили валов Старой Рязани

высота его 9—10 м, ширина у основания 23—24 м, а у верхней части 3 м. Ров по глубине немного менее высоты вала; на отдельных участках — до 8 м; ширина его в верхней части — 20 м, в нижней — 7 м. Как мы уже говорили, в восточной стороне вала имеется трое ворот: Старые Пронские, Новые Пронские и Исадские. В настоящее вре-

мя внешняя сторона вала стала более пологой и слилась с краями рва, в то время как прежде вал отделялся от рва бермой — по-

лосой земли шириной в 1,5—2 м, которая была необходима, чтобы предупредить оползание насыпи. Изнутри вал был более покатым, чем снаружи; крутизна внешнего склона затрудняла подъем противника, а пологий внутренний склон облегчал подъезд обороноящихся к стенам.

Кроме наружного вала, как уже говори-

³ Материалы по археологии СССР, вып. 49

лось, сохранился еще внутренний вал, пересекающий городище с северо-востока на юго-запад и отрезающий небольшой более древний участок — Северное городище.

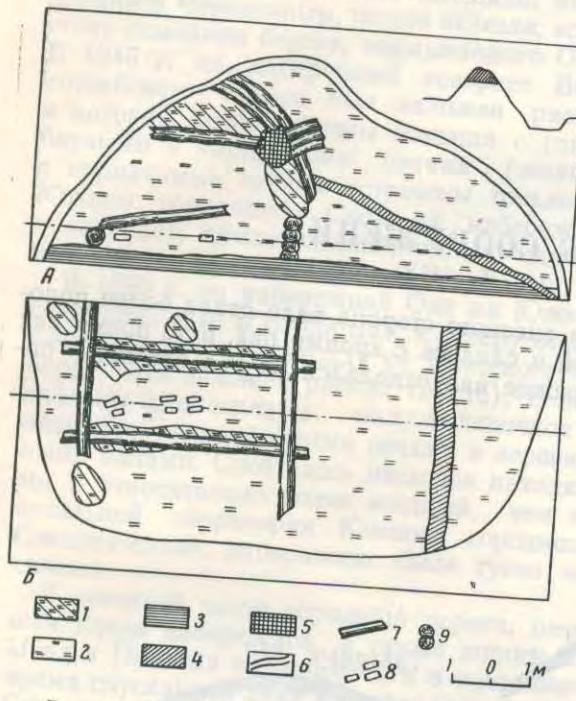

Рис. 6. Вал у Новых Пронских ворот
 а — разрез вершины; б — план внутренних деревянных сооружений.
 1 — красная глина; 2 — желтая глина; 3 — серая земля; 4 — черная земля; 5 — пустота в насыпи; 6 — дерн; 7 — бревна; 8 — кирпичи; 9 — торцы бревен

В 1945 г. был заложен раскоп (площадью 18 кв. м) на восточной стороне вала, у Новых Пронских ворот. Здесь под небольшим слоем дерна и черной земли (15—20 см) открылась насыпь вала из желтой плотно скрепившейся глины (рис. 6). На рисунке представлена раскопанная часть вала, заключавшая в себе деревянные сооружения; общая схема вала и рва дана на том же рисунке, справа вверху. На глубине 1,35 м, начиная с середины вала, слегка спускаясь к его внешней стороне и, наконец, выходя на поверхность, проходит полоса темного гумуса, образовавшегося от дерна, покрывавшего в свое время поверхность вала. Эта полоса четко отделяет древнюю поверхность от

позднейшей подсыпки, произведенной после того, как сгорели деревянные сооружения, стоявшие на валу.

Эти сооружения открывались в тыльной части насыпи, выходящей внутрь городища. Здесь встречены большие пятна красной обожженной глины, очевидно, прежде находившейся внутри или рядом со сгоревшими деревянными сооружениями. Почти выходя на поверхность вала, в насыпи находятся дубовые бревна, наклоненные внутрь городища под углом 45°. Их нижний край стесан с одной стороны и бревна заострены. Очевидно, они были вбиты в вал заостренным краем. Вверху бревна изогнуты под тяжестью поздней насыпанной земли. За ними находится второй ряд бревен, подобный первому, но отделенный от него слоем красной (обожженной) глины толщиной в 50 см. К ним прилегают обгоревшие остатки других бревен и красная глина с большим количеством угля. На глубине 0,85 м (от вершины вала) на месте истлевших продольных бревен в насыпи образовалась пустота. Остатки поперечных бревен видны в разрезе. Они немного смещены под давлением насыпи и поэтому не вполне горизонтальны, а имеют край, слегка приподнятый к внешней стороне вала. На глубине 1,80 м, на расстоянии 2,5 м от внутренней поверхности вала, встречено обугленное бревно толщиной 20 см, идущее вдоль вала, и под ним еще три таких же бревна. В верхних частях бревна имеют довольно глубокие выемки для плотной притяжки одного к другому. На глубине 2,25 м ясно обозначился в плане венец вязаного в обло сруба. Расстояние между поперечными (по отношению к валу) бревнами 90 см, их толщина 12—15 см; расстояние между продольными бревнами 2,50 м, их толщина 20 см. Продольные бревна уходят в глубь вала, составляя непрерывное продолжение найденного сооружения. Между бревнами нижнего венца сруба несколько плитчатых кирпичей как бы устилают площадку. Кирпичи и глина рядом с бревнами сильно обожжены. Под нижним венцом сруба находится тонкий слой черной земли, подстилавший найденное сооружение. Ниже этого слоя идет желтая насыпная глина без находок и без следов сгоревших деревянных сооружений.

Открытые в верхней части Старорязанского вала у Новых Пронских ворот деревян-

ные сооружения представляли собой сплошную стену из продольно лежащих бревен, перевязанных поперечными бревнами. Вдоль этой стены с внешней стороны стоял тын из двух рядов бревен. При публикации отчета о раскопках у Новых Пронских ворот¹ нами была сделана реконструкция наклонного бревенчатого тына, опиравшегося на срубленную стену. Однако дальнейшие исследования указали на ошибочность этой реконструкции. Наклоненный внутрь городища, тын представлял бы собой сооружение очень непрочное и неоправданное никакими техническими или военными соображениями. Введшее меня в заблуждение наклонное положение бревен легко может быть объяснено их смещением под давлением земляной насыпи позднейшего времени. Поэтому сейчас я предлагаю другую реконструкцию, на которой изображены два вертикальных тына, стоящих рядом (см. ниже рис. 11).

Второй профиль вала нами был получен в результате зачистки вала в южной части городища, напротив Шатрищенской школы (рис. 7). Насыпь вала состоит из желтой плотно слежавшейся глины. С внутренней стороны часть насыпи сделана из черной и серой земли. Почти с самой вершины вала в насыпи встречаются обгорелые куски дерева, угли и пласти красной от воздействия огня глины. На глубине 1,05 м в насыпи найдены обломки керамики с линейным и волнистым орнаментом и отдельные кости животных. Примерно на середине вала находились какие-то сгоревшие деревянные сооружения, выходившие внутрь городища. От них остались два продольно лежащих бревна, обломки поперечных бревен и угли. В профиле видны горизонтальная площадка и две ступеньки, ведущие к деревянным сооружениям изнутри городища. На внутренней стороне вала идет горизонтальный накат из коротких бревен на лагах. С глубины 0,70—0,80 м и до основания идет насыпь вала из плотной желтой глины без всяких находок. Под насыпью обнаружен культурный слой толщиной в 0,70 м, содержащий следующие находки — фрагменты гончарной керамики с зубчатым орнаментом, плитчатые кирпичи, кости животных, ручки большого амфоровидного сосуда с клеймами.

¹ А. Л. Монгайт. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 28—37, рис. 16.

Для подробного изучения конструкции вала необходимо было получить полный его разрез. С этой целью в 1950 г. была предпринята зачистка профиля вала у Исадских

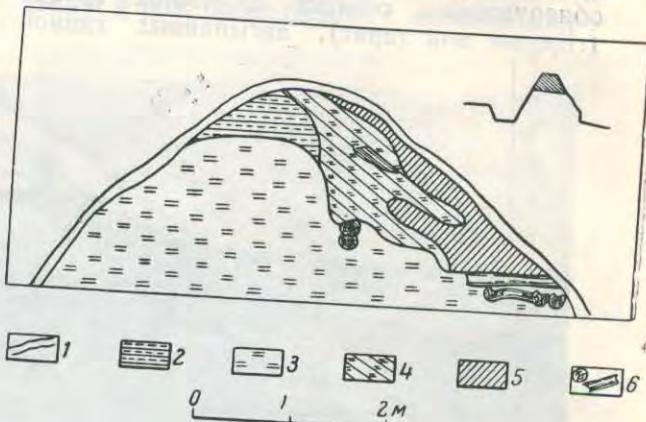

Рис. 7. Разрез вершины вала напротив Шатрищенской школы

1 — дерн; 2 — земля с вкраплениями красной глины; 3 — желтая глина; 4 — красная глина; 5 — черная земля; 6 — бревна

ворот (с северной их стороны) (рис. 8). В месте зачистки вал возвышается над современным уровнем почвы на 7 м. Кроме того, чтобы проследить древний ров и древнюю насыпь вала, была сделана траншея поперек всей насыпи вала на глубину 3 м. В результате раскопок выяснилось следующее: в насыпи вала имеется пять прослоек черной дерновой земли, отмечающих пять строительных периодов. Погребенная почва лучше прослеживается на внешней (обращенной к рву) стороне вала, так как изнутри при реконструкциях древние слои были частично срыты (рис. 9).

Начинаем описание слоев последовательно с вершины вала, т. е. от более поздних к более ранним.

Вся современная поверхность вала покрыта слоем черной земли с дерном на ней. Под этим слоем идет плотная желтая глина с обильным вкраплением углей, черной (с примесью угля) земли и кусков красной обожженной глины. При этом ближе к внутренней стороне вкраплений угля больше, нежели к наружной. Глубже лежит слой красной сильно обожженной глины, в который местами заходят прослойки угля. У основания этого слоя на погребенной почве II слоя

прослеживается сплошное угольное пятно, а также куски белого камня и битого кирпича. С внешней же стороны вала идет слой плотной глины. В вершине вала в I слое обнаружились остатки сгоревших срубов (городен или тарас), засыпанных глиной

некоторое время позже. Об этом свидетельствует небольшой слой погребенной почвы, проходящий с внешней стороны насыпи вала в самом верху II слоя.

III слой состоит из погребенной почвой (с внешней стороны) и темной (от вкрапле-

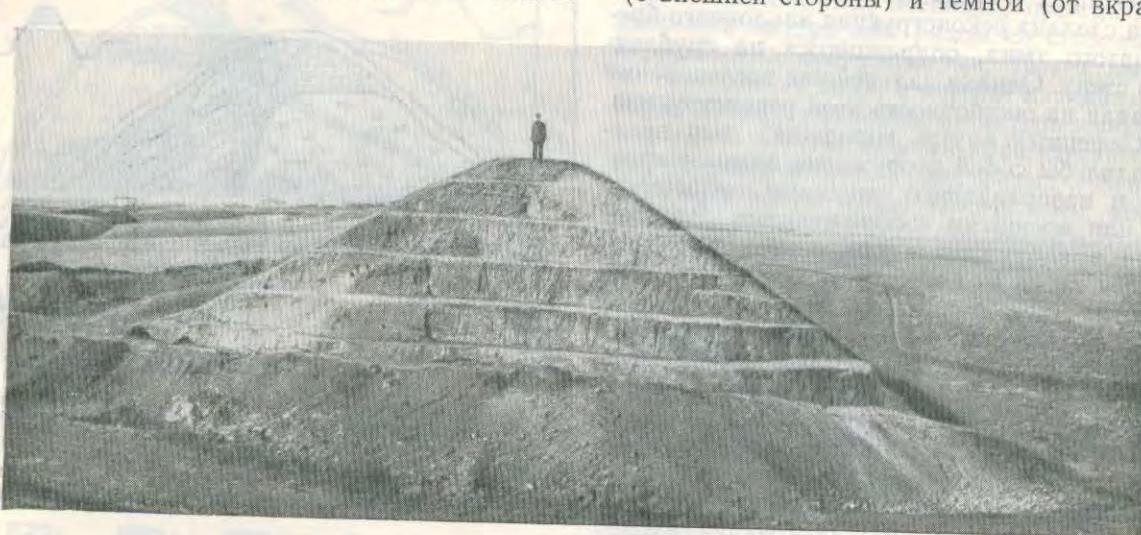

Рис. 8. Раскопки вала у Исадских ворот

(рис. 10). Срубы выходили на поверхность вала выше погребенной почвы II слоя. В результате пожара заполнившая их глина рассыпалась, прокалилась и легла на вершину вала плотным слоем. Угли в ней — это остатки сгоревших бревен.

Ниже, во II слое, видно основание срубов в виде концов бревен, лежащих одно на другом. Первоначально эта часть находилась под валом. II слой погребенной почвы отмечает поверхность вала в 1237 г., когда срубы были, повидимому, уничтожены пожаром. Ниже II слоя погребенной почвы идет насыпь из желтой глины, в средней части которой видны довольно широкие полосы глины с включениями черной земли. Эта самая значительная по ширине часть вала равномерно спускается в ров. Очевидно, существующий в настоящее время ров был вырыт вместе с насыпкой II слоя, но не одновременно с сооружением срубов. Берма закрыта оплавившей глиной из насыпи. Вероятно, реконструкция, заключавшаяся в значительном увеличении насыпи, ограничилась первоначально только подсыпкой земли. Срубы же были сооруже-

ния углей) земли (с внутренней стороны), сходящихся под острым углом друг к другу. Вершина этого угла отмечает древнюю вершину вала. В центральной части вала желтая глина смешана с черной землей. Последняя очень рыхлая из-за того, что здесь находились какие-то деревянные конструкции, сгнившие и оставившие после себя пустоты в насыпи. С внешней стороны насыпи видны серая земля и слой погребенной почвы. Лежащую между этим слоем и нижележащим слоем погребенной почвы насыпь из желтой глины мы не выделяем в отдельный слой, так как появление его не было связано, очевидно, со значительной реконструкцией, а лишь с небольшим исправлением насыпи вала.

IV слой находится с внешней стороны вала под погребенной почвой. Он заполняет древний ров и состоит из темносерой плотной земли. Под ним лежит слой глины с редкими включениями серой земли. В центральной части насыпи — желтая глина с черной землей и плотная желтая глина. Помимо находятся вертикально стоящий

столб. Столб сгнил, и от него остался лишь отпечаток в насыпи да отдельные куски сгнившего дерева. Этот столб возвышался на поверхности V слоя и, очевидно, являлся частью древнейшего тына. При реконструкции валов он был засыпан землей. С внут-

не. При первой реконструкции, произошедшей, вероятно, в том же столетии, насыпь была увеличена, тын уничтожен, а вместо него поставлены какие-то деревянные конструкции. Одновременно был, очевидно, засыпан и ров, проходивший с внешней стороны

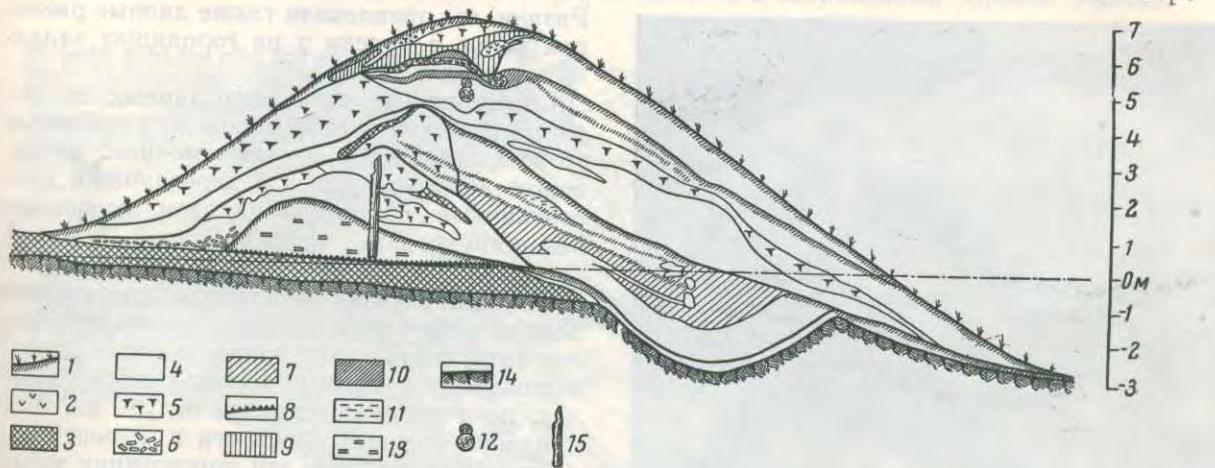

Рис. 9. Разрез вала у Исадских ворот (северная сторона)

1 — черная земля с дерном; 2 — уголь; 3 — темносерая земля; 4 — желтая глина с вкраплениями угля, черной земли и обожженной красной глины; 5 — желтая глина с черной землей; 6 — куски битого белого камня и кирпича (плинфа); 7 — серая плотная земля; 8 — прослойка золы; 9 — красная обожженная глина; 10 — черная плотная земля; 11 — рыхлая серая земля; 12 — остатки сгнивших бревен; 13 — черная земля с глиной; 14 — материк; 15 — остатки столбов древнего тына

ренней стороны вала в основании IV слоя находится множество обломков плинфы.

В слой состоит из плотной черной земли с глиной. Он лежит на древнем культурном слое. Насыпь V слоя невысокая (в центральной части всего 1,5 м), однако перед ней лежали довольно широкая берма и глубокий ров.

Древнейший ров имел в глубину 3 м. В насыпь был вбит тын из толстых бревен. Под насыпью вала (V слоя) идет тонкая прослойка золы. Вероятно, перед насыпкой вала по его линии выжигались трава и деревья.

Культурный слой, подстилающий вал, очень беден находками. В нем найдено всего пять фрагментов керамики, относящейся к XI — началу XII в. В насыпи же вала, в погребенной почве III слоя, найдена железная черешковая ланцетовидная стрела XII в.

Таким образом, история Старорязанского внешнего вала представляется следующим образом. Вероятно, в начале XII в. были сооружены валы, которые сперва представляли собой невысокую насыпь с тыном на верши-

ны вала. Однако вскоре насыпь вала была несколько исправлена. Затем вал подвергся значительной реконструкции, относящейся, вероятно, также к XII в. Потом последовала новая, еще более сложная реконструкция, во время которой высота вала была сильно увеличена, а на ее вершине поставлены деревянные сооружения. Эти реконструированные укрепления погибли, вероятно, либо в 1237 г., либо в 1208 г., когда Всеволод III, взяв Рязань, сжег и ее укрепления; отличить же следы пожарища 1208 г. от 1237 г. невозможно. После 1237 г. валы были возобновлены, а сгоревшие древние деревянные части прикрыты насыпью из глины. На ней и образовался дерновый слой, составляющий поверхность современного вала.

Для выяснения конструкции деревянных сооружений, стоявших на Старорязанском вале, на его вершине у Исадских ворот (у места описанной зачистки профиля вала), был заложен раскоп шириной 4 м, удлинявшийся по мере углубления в толщу вала. Обнаруженные здесь бревна идут до глубины

1,4 м (считая от вершины вала). Прослежено 9 венцов из дубовых бревен толщиной 12—15 см. Поперечные (по отношению к насыпи вала) бревна имеют длину около 4 м, расстояние между ними 1,2 м. С продольными бревнами они составляют прямоугольные

Рис. 10. Деревянные срубы в насыпи вала у Исадских ворот
продолговатые клетки, рубленные в обло (при этом чашки повернуты вверх, а не вниз). Клетки заполнены сильно обожженной глиной, окрашивающей верхнюю часть вала в оранжевый цвет. У основания клеток найдена вымостка из плитчатых кирпичей.

Внутренний вал, отделяющий Северное городище от Южного, не был подробно исследован. Однако раскоп № 6 (1950 г.), заложенный у основания вала, частично прорезал его. Он насыпан из чистой желтой глины, в которой прослеживается слой другой глины, не отделенной какой-либо прослойкой или погребенной почвой. Поэтому возможно, что это не подсыпка, а одновременная насыпь, состоящая из двух глин, разных по качеству. Оплившая насыпь вала частично прикрывает культурный слой XI—XIII вв. К центру вала этот слой исчезает и сменяется тонким культурным слоем с керамикой X в.

Очевидно, первоначально вал был насыпан в X в. При позднейших возобновлениях его насыпь была значительно повышена. В XI—XIII вв. часть вала оплыла и перекрыла разрушенные жилища на Северном городище.

Пытаясь реконструировать деревянные укрепления по данным раскопок в Старой Рязани, мы привлекали также данные раскопок валов в России и на городищах западных славян².

Сопоставление всех этих данных позволяет представить себе довольно устойчивые во всех славянских землях принципы сооружения земляных валов с деревянными конструкциями на них и на этом основании реконструировать валы Старой Рязани (рис. 11).

Во всех случаях деревянные сооружения делались на валах для того, чтобы еще более затруднить врагу доступ в город. Деревянные конструкции не только стояли на валах, но и частично уходили вглубь их. Для придания большей прочности и большей противляемости огню эти конструкции засыпали внутри землей или глиной. В Старой Рязани деревянные сооружения представляли собой сплошную стену из продольно лежащих бревен, перевязанных поперечными бревнами в обло. Высота стены доходила до 1,7 м над поверхностью древнего вала, высота которого без стен была не менее 7,4 м. С внешней стороны стена была присыпана землей до половины своей высоты, с внутренней — обнажена до основания. Стена служила опорой для двух рядов забитых в насыпь бревен, которые составляли нечто среднее между обычным тыном и бруствером. Нижние края бревен были заострены. Между собой бревна соединялись поперечными балками, которые проходили в специально вырубленных пазах внизу и посередине бревен. На деревянной стене находился ход, по которому передвигались защитники крепости. В верхней части бревен, составлявших бруствер, были прорезаны амбразуры для наблюдения за противником и стрельбы. На вал изнутри вели ступени, сделанные в его насыпи, а на деревянную стену подымались с помощью приставных лестниц. Все деревянные сооружения были смещены к внутренней поверхности вала.

² А. Л. Монгайт. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани. КСИИМК, вып. XVII, стр. 28—37.

Через рвы, вероятно, вели подъемные мосты. Над воротами могли быть поставлены башни. Однако это лишь предположение, так как раскопками ворота не вскрывались.

Как назывались укрепления, подобные старорязанским?

верхность³. Некоторые исследователи ошибочно предполагали, что тарасы появились в XVI в. Несомненно, что укрепления Старой Рязани, датируемые XII в., в точности совпадают с описанием тарас, а не городен. Тарасы были и в современных Старой Рязани,

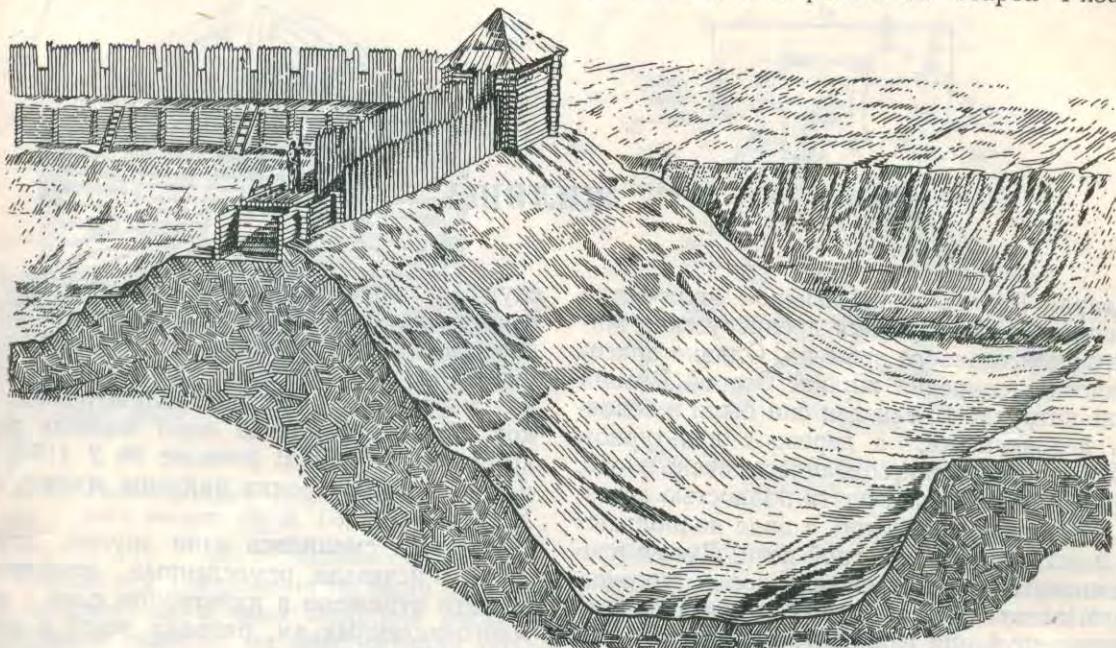

Рис. 11. Оборонительные сооружения Старой Рязани в начале XIII в. Реконструкция
(рис. Г. Б. Щукина)

В литературе распространены два названия для деревянных укреплений — городни и тарасы. Стена, построенная городнями, состояла из ряда продолговатых срубов, плотно прилегавших друг к другу. Стена, рубленная тарасами, состояла из двух параллельных бревенчатых стен, соединенных между собой короткими поперечными стенками. Эти поперечные стенки были сделаны также из бревен, концы которых были пропущены через продольные стены и выступали на их по-

Райковецком городище, Колодяжине и др. Укрепления, позже именуемые тарасами, существовали уже в XII в. В XVI в. тарасы появляются не как тип укреплений, а как новый термин.

³ Довольно точное определение термина «тарасы» имеется в документах XVIII в. В описи Самары за 1729 г. говорится: «...от того города от первого бальварка около слобод обнесено крепостью, от стены к Волге реке построены сосновые заборы в столбах с перерубами, что называются тарасы». ЦГАДА. Дела разных городов, кн. 66, д. 855.

IV. ЖИЛИЩА

Старая Рязань дала большое количество материалов для изучения древнерусских жилищ домонгольского времени. Однако археологическое изучение жилищ Старой Рязани очень затруднено, так как они были в основном деревянными, а дерево в культурном слое Старой Рязани сохраняется очень плохо.

Наземные жилища почти полностью исчезли и оставили след лишь в виде подпольных ям и остатков глинобитной печи. Лучше прослеживается полуземляночное жилище. Здесь видны не только яма, в которую был опущен сруб или глинобитно-каркасные стены жилища, но обычно и угловые столбы, а также центральные столбы, поддерживавшие крышу, и глинобитная печь. Рядом с жилищами были расположены различные ямы хозяйственного назначения — зерновые и др. Кроме того, здесь же были найдены многочисленные остатки ремесленных производств: керамические и металлургические горны, ямы для добывания глины и т. п. Раскопанный на большой площади участок Северного городища сплошь изрыт ямами и покрыт пятнами сильно обожженной глины — остатками глинобитных печей. Такая картина обычна для городищ, на которых жизнь длилась в течение значительного промежутка времени.

Как в подобном случае определить количество жилищ, одновременно существовавших? Ведь по находкам удается датировать жилища лишь «домонгольской эпохой» (XI—XIII вв.), или «последомгольской», или, в лучшем случае, в пределах столетия. А срок существования бревенчатого или глинобитно-каркасного дома равнялся 35—40 годам и редко превышал полвека (судя по срокам

службы современных деревенских изб)¹. Кроме того, остается неясным, каковы были наземные хозяйствственные постройки, как планировался приусадебный участок. В раскопках мы видим наслойение жилищ разных веков. При этом иногда одно жилище открывает другое². В раскопе № 2 (1946 г.) и при его расширении найдены жилища XI, XII и XIII вв.

Жилища сменялись одно другим, строились и исчезали ремесленные помещения; все это отражено в культурном слое в виде многочисленных ям, развода печей и вещевых находок.

Старорязансское жилище подвергается археологическому изучению давно. Археологи XIX и начала XX в. говорили в своих отчетах о «следах жилья» на городище, но никто из них не сумел уловить основной признак, обнаруживающий старорязанское жилище — глинобитную печь. Это сделал только В. А. Городцов во время раскопок 1926 г. Загадочные пятна красной глины, удивлявшие археологов, оказались следами развода глинобитной печи. Используя материалы раскопок и этнографические материалы, В. А. Городцов пытался реконструировать как печь, так и жилище. Он пришел к заключению, что

¹ Н. И. Лебедева, изучавшая жилища Сапожковского уезда Рязанской губернии, сообщает об еще более коротких сроках службы избы. «Изы стоят 15—20 лет, пожары сокращают и без того малую жизнь избы. Изба, простоявшая 25 лет, — самая старая. В то же время одежда служит двум-трем поколениям». Народное жилище южных уездов Рязанской губернии, НАРМ, III-885.

² Учитывая эти затруднения, мы не делаем попытки даже на большом раскопанном участке представить себе направление улицы.

все жилища были деревянными, просторными, с дощатыми полами, двускатными тесовыми и соломенными крышами, с глинобитной печью посреди избы и с одной или двумя подпольными ямами³ (рис. 12).

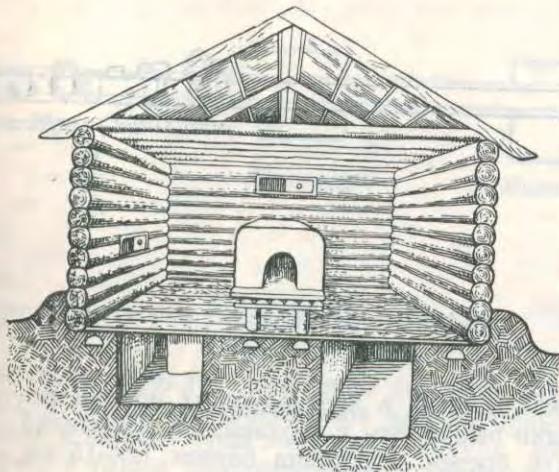

Рис. 12. Реконструкция старорязанского наземного жилища (В. А. Городцова)

Однако эти заключения не были достаточно обоснованы, а сама методика раскопок, как выше сказано, не обеспечивала объективности научных выводов.

Схематические планы траншей и жилищ, приведенные в дневнике раскопок 1926 г. (рис. 13, а, б), свидетельствуют о том, что размер жилищ установлен В. А. Городцовым произвольно, что при раскопках не были учтены многие детали, позволяющие по-иному представить себе старорязанское жилище и, в частности, обнаружить полуземляночные жилища, которые, как это ясно видно из «дневника», неоднократно встречались в раскопках 1926 г., но не были определены исследователем. Наиболее правильно В. А. Городцовым реконструирована глинобитная печь. Что касается верхних частей постройки, то раскопки дали очень мало материалов для реконструкции, и она сделана преимущественно по этнографическим данным.

Ввиду того, что сведений о жилищах, открытых в раскопках дореволюционных лет,

³ В. А. Городцов. Раскопки городища Старой Рязани. «Хочу все знать», № 1. М., 1927, стр. 5—7. Подробное изложение результатов раскопок 1926 г. дано в статье А. А. Мансурова. Древнерусские жилища. ИЗ, т. 12, стр. 61—95.

не сохранилось (их нет в отчетах), а о жилищах, раскопанных В. А. Городцовым, опубликована работа А. А. Мансурова, возникает необходимость подробно остановиться на постройках, открытых экспедицией ИИМК в

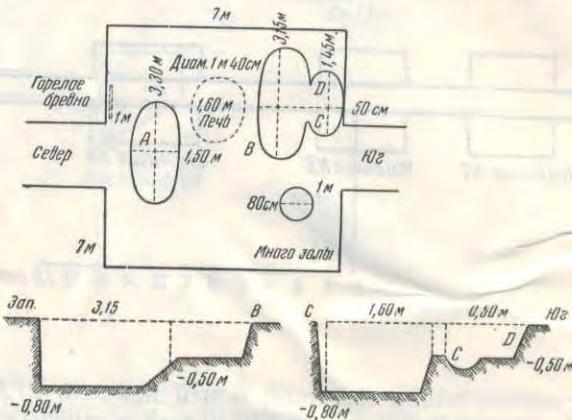

Рис. 13а. План жилища № 2. (Из дневника раскопок В. А. Городцова)

1945—1950 гг., частично используя при этом материалы раскопок 1926 г. Больше всего жилищ было найдено экспедицией ИИМК в раскопах № 2, 2А, 2Б и 2В на Северном городище (рис. 14).

1

Опишем сначала наземные срубные жилища, хотя, повторим, их остатки крайне невыразительны.

Жилище № 1 обнаружено на глубине 45 см от современной поверхности в виде больших пятен обожженной глины (остатки глинобитной печи), кусков сильно сгнившего бревна и подпольной ямы овальной формы (диаметром 2,2 × 1,05 м, глубиной 65 см). Найдены на территории, занятой жилищем, относятся к домонгольскому времени,— это бронзовый рубчатый перстень, железное шило, бронзовая лировидная пряжка (см. рис. 139, 12), шесть стеклянных браслетов, три шиферных пряслица, рыболовные крючки, металлическое круглое уплощенное с дырочкой посередине грузило, железные удила, нож, скоба, дужка от ведра (рис. 69, 1), кованые четырехгранные с круглой шляпкой гвозди. Подпольная яма заполнена тем же культурным слоем, который относится ко времени

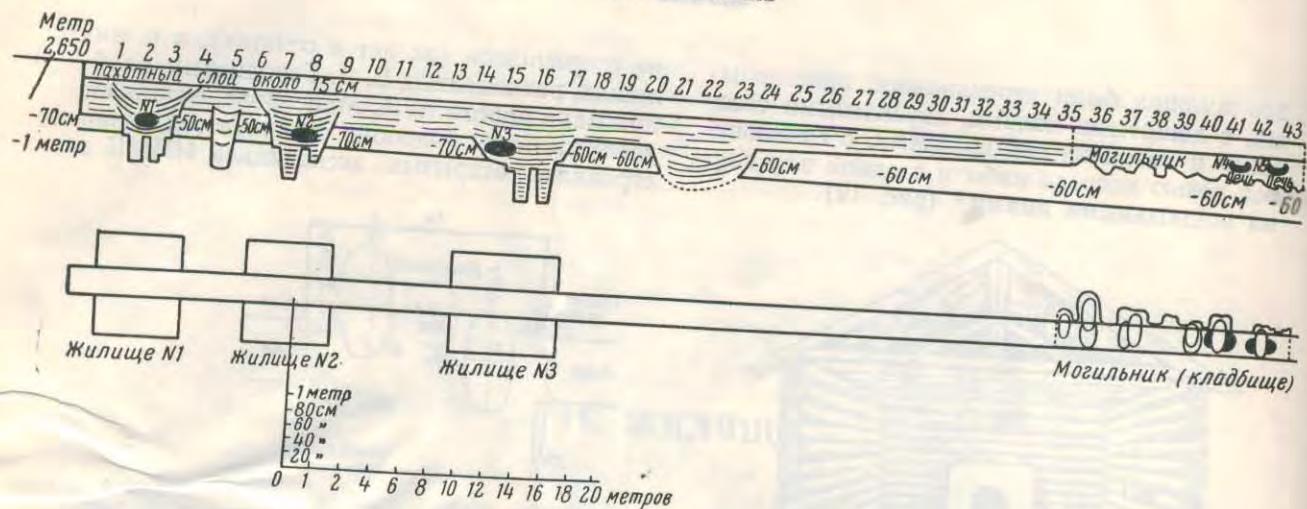

Рис. 13б. Профиль и план траншей 1 на Северном

городе

существования жилища; в ней найдено 272 фрагмента керамики и 116 костей животных, железное тесло, черешковая ланцетовидная железная стрела, костяной трапецевидный гребень, обломок венчика стеклянного сосуда, стеклянные браслеты, шиферные прядильца, железный светец, костяная трубочка с тремя отверстиями (для ссыивания нитей; см. рис. 141, 3). Вся керамика круговая, значительная часть ее, украшенная зубчатым орнаментом, относится к XII в. В восточной части жилища, граница которой отмечена сохранившимся бревном, найдены обломки не скольких крупного размера горшков с зубчатым орнаментом и большое скопление рыбьей чешуи. Чешуя лежала сплошным слоем, в отдельных местах достигавшим 10—14 см толщины на площади около 2,5 кв. м. Скопление на территории жилища (очевидно, под полом, который не сохранился) рыбьей чешуи, находка рыболовных крючков и грузила позволяют предположить, что в данном случае мы имеем дело с жилищем рыбака. К западу от жилища расположены две ямы, назначение которых не выяснено.

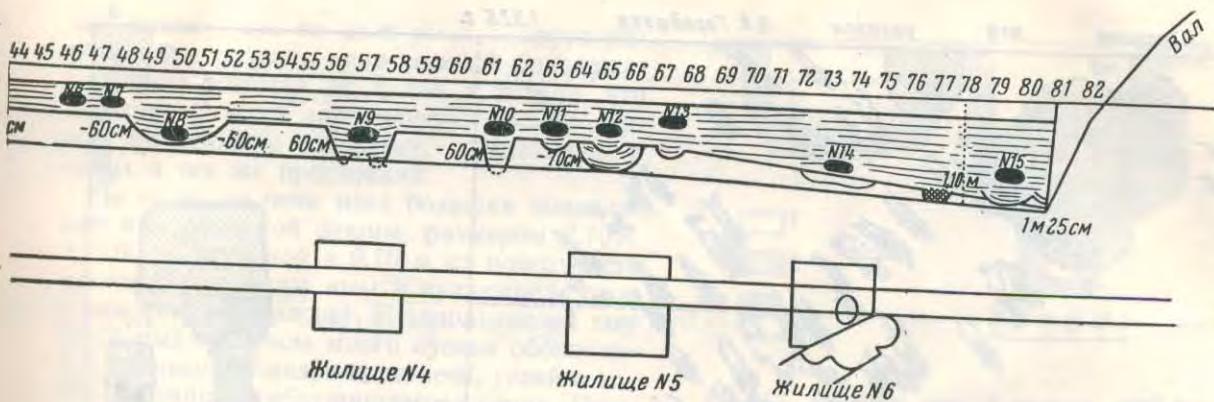
В юго-восточной части раскопа открыто жилище № 2. В северной части жилища находилась глинобитная печь. От нее остались многочисленные печины и пятна сильно обожженной глины общей площадью 1,0 × 1,12 м. Бревна от сруба, свалившиеся в яму, несмотря на плохую сохранность, позволяют определить характер рубки в обло и продольные пазы в верхней части бревен.

Как и обычно в древнерусских постройках, чашки вырублены в верхней, а не в нижней части бревен. Толщина бревен 12—15 см, длина — 2,26 м.

Подпольная овальная яма имела в длину (с запада на восток) 4,75 м, в ширину 1,40—1,30 м. В восточной части, ближе к печке, яма более глубокая (2,20 м). Стенка ямы в восточной части почти совершенно отвесная, в западной — наклонная (под углом 60°). Яма была заполнена серой землей с многочисленными фрагментами керамики, костями животных и отдельными находками; на дне ее прослежен тлен от досок деревянного настила (пола).

В яму попали и печины от развалившейся глинобитной печи. В середине наиболее глубокой части ямы обнаружено большое скопление чистого древесного угля. Это следы пожара, а не уголь из печи. Об этом свидетельствуют компактность угля, отсутствие прослоек золы, обычно образующихся в том случае, если в яму выгребали угли из печи. Край шестка печи скруглен и тщательно заглажен рукой. Под печи лежал на дощатом настиле.

В яме найдено 6365 фрагментов керамики и 511 костей. Керамика различных профилей от широкогорлых корчаг с прямым горлом до сосудов небольших размеров с резко отогнутым венчиком. Много обломков днищ с клеймами. Интересно клеймо в виде шкурки животного (см. рис. 80, 21), в виде коллекции (см. рис. 80, 1) и в виде креста с впи-

городище. (Из дневника раскопок В. А. Городцова)

санной в середину свастикой (см. рис. 80, 43). В восточной части ямы найден большой фрагмент толстостенного сосуда из красной глины хорошего обжига (амфоры). Почти на дне ямы среди золы лежал большой горшок с рыбьей чешуей. Рядом с ним — много костей рыб и чешуи. Найдены фрагменты тонкостенных стеклянных сосудов белого и зеленоватого стекла, три куска крицы (около 12—15 см в диаметре), два пряслица розового шифера — бипирамидальное и боченковидное (на боковых стенках последнего имеются две метки, каждая метка состоит из четырех процаррапанных крестиков), янтарный крестик XII в., обломки стеклянных витых синих браслетов, стеклянная шаровидная желтая бусина. Наиболее многочисленны в яме находки костей и поделок (см. рис. 96) из кости: рога со следами обработки, костяные проколки, накладки с глазковым орнаментом, кольцевидная бусина, маленький трапециевидный двусторонний гребешок, листовидная черешковая стрела (см. рис. 143, 11), накладка в виде стилизованного изображения кошки (см. рис. 98), счетная бирка (см. рис. 141, 1). Вне ямы на территории жилища найдены стеклянные браслеты, обломки серпа, железные ножи, пилочка (см. рис. 69, 5), шиферные пряслица, костяные изделия (см. рис. 97, 7, 9). Близ жилища найдена половина медного энколпиона (см. рис. 139, 10).

Жилище №2 представляло наземную бревенчатую постройку с одной большой подпольной ямой и глинобитной печью. Судя по

размерам подпольной ямы и расположению сохранившихся деревянных частей, размеры отапливаемой камеры жилища были около 18—20 кв. м.

Жилище №2 почти безошибочно можно назвать домом-мастерской ремесленника-костереза XII в. Многочисленные находки в подпольной яме и на территории жилища костяных изделий, костей и рогов со следами обработки и, наконец, такого инструмента, как небольшая пилочка, подтверждают это. Вероятно, для тонкой костерезной работы служили и небольшие ножички, найденные в жилище.

На запад от жилища №2 находилась продолговатая в плане яма, вероятно, относящаяся к хозяйственным постройкам жилища №2. Длина ямы 3,20 м, ширина 1,0 м, глубина в наиболее глубокой западной части 58 см (от поверхности земли 1,56 м). На дне ямы, в ее центральной части, — прослойка золы толщиной около 3 см.

На юг от вышеописанной подпольной ямы найден небольшой (диаметром 40 см) очаг из мелких (размером в кулак) плоских известковых камней со следами огня на них. Вероятно, это был летний очаг, принадлежавший одному из близлежащих жилищ.

В северо-восточной части раскопа находилось жилище №3, отмеченное в культурном слое скоплением печин и зольными пятнами. Пятно красной глины от развали глинобитной печи имеет 1,32 м в диаметре. Две ямы, принадлежавшие к этому жилищу, связаны с печью. Эта связь устанавливается

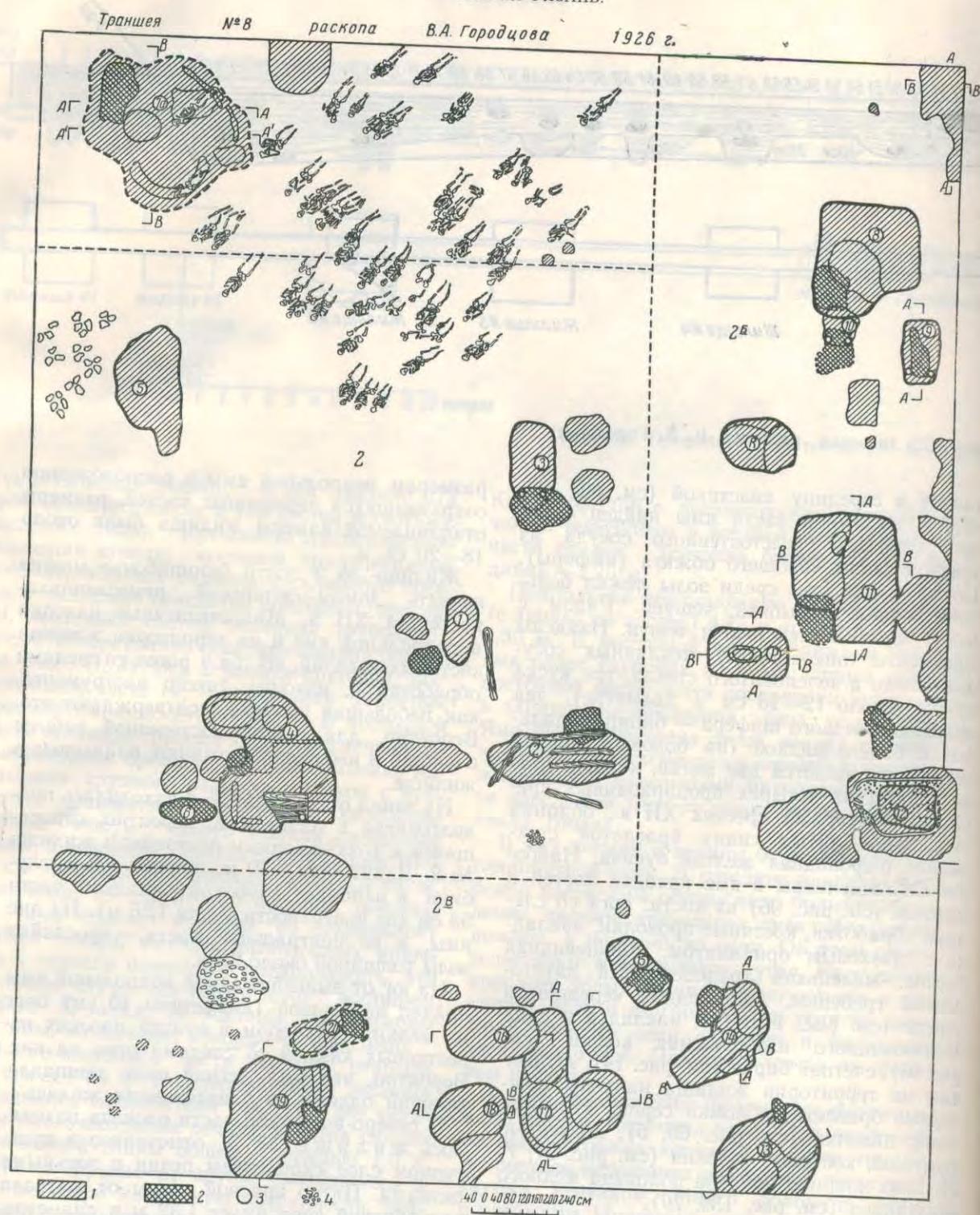

Рис. 14. План раскопов № 2, 2A, 2B и 2B' на Северном городище
1 — ямы; 2 — печи; 3 — цифра в круге — номера жилищ; 4 — камни

как потому, что во всех ямах обнаружены печи из развали единственный близлежащей печи жилища № 3, так и потому, что культурный слой, заполняющий ямы, содержит однотипную керамику, залегающую в одних и тех же прослойках.

На север от печи идет большая подпольная яма овальной формы, размером $2,70 \times 1,50$ м, глубиной в 0,70 м от поверхности материка (границы ямы в культурном слое установить не удалось). В заполняющей яму серой рыхлой земле много кусков обожженной глиняной обмазки пода печи, углей с золой и печин из обрушившегося свода. Печь своей задней стенкой опиралась на землю вне ямы, передняя часть — на столбы, забитые в яму. При разрушении печь частично свалилась в подпольную яму. На восток от этой ямы расположены две другие круглые ямы. Южная (рис. 15) диаметром 1,10 м, глубиной 1,25 м; дно и стены ее обмазаны глиной толщиной в 3 см и обожжены. Яма имела деревянный настил на дне. Под ним выкопана узкая ямка диаметром в 25 см, глубиной 40 см. Назначение указанной ямки не ясно, возможно, — для борьбы с сыростью. Яма, очевидно, служила для хранения зерна: на дне найдено обуглившееся просо. На север от описанной ямы расположена вторая яма диаметром 1,20 м, глубиной 0,75 м. Она была заполнена землей, в которой было найдено 1050 фрагментов керамики, 134 кости животных, много рыбьей чешуи и костей. По дну ямы шла тонкая прослойка, состоящая из остатков дерева, очевидно, истлевших досок.

В жилище № 3 среди печин завалившегося свода найдена бочкообразная стеклянная позолоченная бусина. Нахodka этой бусины в ненарушенном слое, связанном с периодом существования жилища, позволяет датировать жилище № 3 не позже начала XI в. Эту дату подтверждают и находки обломков сосудов, орнаментированных зубчиками (см. ниже, гл. VI). Типичная для XI в. керамика найдена на поду печи и в нижних прослойках культурного слоя, заполняющего ямы.

В северо-западной части раскопа № 2 обнаружена яма жилища № 5, в которой найдены большие куски печин, зола и уголь, 1300 фрагментов керамики и 530 костей животных. Повидимому, в яму попали части глинобитной печи, остатки которой вне ямы не сохранились. Судя по большому количе-

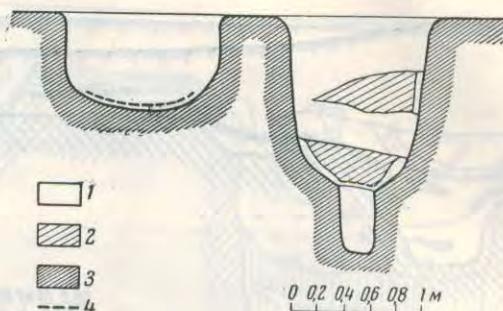

Рис. 15. Зерновые ямы у жилища № 3 (разрез север — юг).

1 — рыхлая земля с культурными остатками; 2 — обмазка из глины; 3 — материк; 4 — истлевшие доски

ству криц и железного шлака (свыше 100 кусков), найденных к северо-западу рядом с ямой, можно предположить, что яма была подпольной. Она принадлежала жилищу ремесленника, расположенному вблизи мастерской. Из готовых железных изделий в яме обнаружены лишь небольшие ножи (11 штук), которые, впрочем, могли составлять и инвентарь жилого дома, а не ремесленную продукцию его владельца. К западу от ямы найдены отдельные камни, размером 25—30 см в диаметре, не имеющие определенной кладки.

В юго-западной части раскопа № 2 большое пятно обожженной глины указывает на остатки печи какого-то более позднего наземного жилища № 6, перекрывавшего жилище № 4 (описанное ниже). Разрез остатков печи показал, что верхний пласт обожженной глины (20 см) лежит на прослойке золы с углем (40 см), в которой найдены кости животных и черепки глиняной посуды. Эту прослойку подстипал тонкий (в 5 см) слой глины (обмазка пода печи), под ним были положены доски. Печь была установлена непосредственно на земле, которая перед этим была, вероятно, уплотнена. Деревянные части жилища № 6, которому принадлежит эта печь, не сохранились.

В раскопе № 2Б часть ям, оставшихся от древних построек, не была полностью раскрыта. Их разрезы видны на профиле восточной стенки раскопа (рис. 16).

В жилище № 9 печь была сбита не на земле, а на деревянном помосте, опиравшемся на столбы, и стояла над подпольной

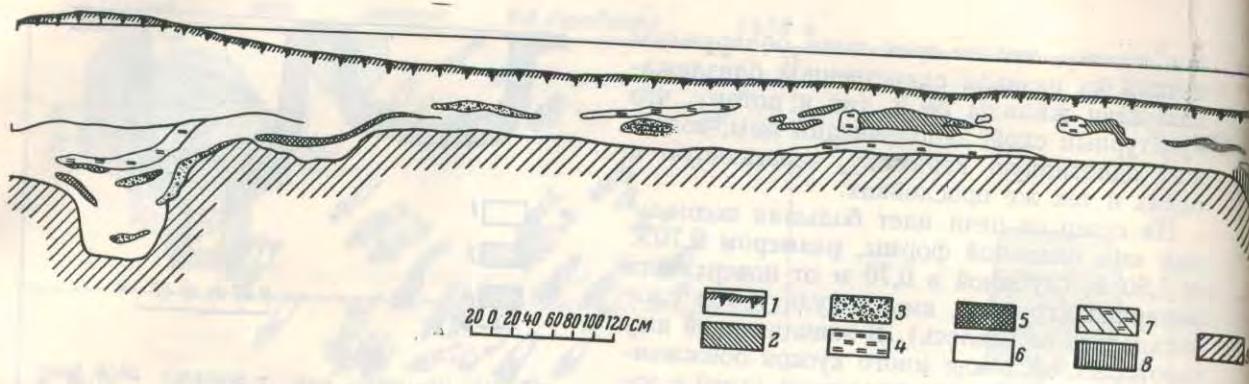

Рис. 16. Профиль № 800

1 — дерн; 2 — желтая глина; 3 — зола; 4 — охристая глина; 5 —

ямой. В этой яме и найдены остатки печи. Сюда они попали после того, как помост и столбы сгнили. Яма прямоугольной формы, размером $2,24 \times 1,45$ м, глубина ямы 1,0 м (рис. 17, 1).

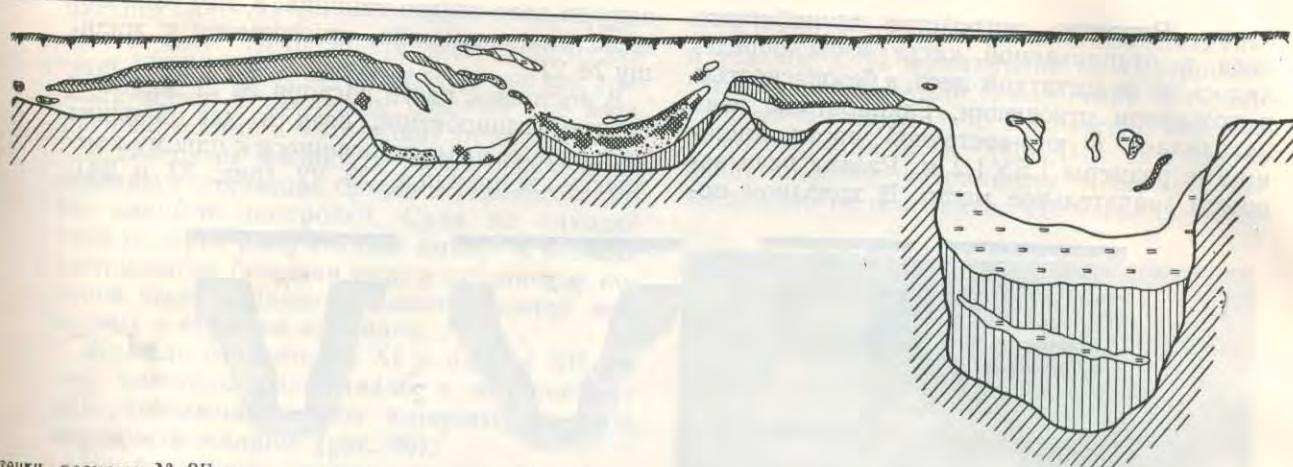
Остатки печи жилища № 10 хорошо сохранились (рис. 18 и 38). Обмазка пода печи (0,8—1,0 см) шла в несколько слоев, верхний слой добела обожжен, следующий — яркорыжий с белой поверхностью, а третий — оранжевый. Общая толщина обмазки пода 5 см. Свод печи из сильно обожженной глины имеет следы деревянного каркаса, на котором сбивалась печь. К глине примешана солома. В печи был слой золы, обуглившегося дерева и угольков. Размер печи $1,1 \times 0,85$ м. Под печью (отчасти передней) находится небольшая яма (диаметром 0,95 м, глубиной 0,7 м). Передняя часть печи располагалась на помосте, державшемся на двух столбах, стоявших в яме.

Две хозяйствственные ямы, открытые на раскопе № 2Б, принадлежали к каким-то наземным жилищам, остатки которых не сохранились. Яма «Р» прямоугольная со скругленными углами ($2,60 \times 1,52$ м, глубина 2,30 м; рис. 17, 2). Она конусообразно сужается до глубины 1,70 м, а дальше до дна спускается узким приямком (60×85 см). Стенки ямы до глубины 1,50 м выложены деревом и обмазаны глиной, нижняя часть не укреплена. Очевидно, как это наблюдалось и в других подобных ямах, над нижним приямком находилось деревянное

дно. В яме найдены стеклянный шлак, железный нож, шиферное и каменное прядильца, костяной гребень с циркульным орнаментом, фрагменты поливного сосуда с росписью по светло-желтому фону зеленым и коричневым цветом (см. рис. 123). Этот сосуд найден на самом дне ямы и служит датирующим признаком — это херсонесская керамика XIV в. Повидимому, яма принадлежала к жилищу этого времени.

Яма «R» овальная ($2,40 \times 1,80$ м, глубина 2,20 м; рис. 17, 3). Книзу она слегка сужается, а на глубине 1,35 м с западной стороны имеет широкую ступеньку. Яма не укреплена. На дне ее найдены зерна проса, железные «овечьи» ножницы, два ножа, дужка от ведра, рог лося со следами обработки и гребень с линейным орнаментом.

Жилище № 13 (раскоп № 2В; рис. 19) имело большую, но не сильно заглубленную в материк (всего на 20 см) овальную яму. В культурном слое границы ямы не прослежены. Такие лишь слегка углубленные в землю жилища следует считать наземными, а не полуземляночными. Повидимому, первоначально яма была четырехугольной, но опыла. Печь свалилась в яму и образует в ее северной части слой из печин и крупных углей. В дне большой ямы, определяющей границы жилища № 13, — две круглые ямы меньшего диаметра, глубиной 0,80—0,90 м; они, повидимому, были подпольными. В жилище найдены два шиферных прядильца и роговая рукоять в виде головки животного.

стенки раскопа № 2Б.

6 — рыхлая серая земля; 7 — красная глина; 8 — коричневая земля; 9 — материк

(см. рис. 141, 2). Последняя служит датирующим предметом — подобные рукояти плетей были распространены в XIII—XIV вв.

Жилище № 14 сохранилось очень плохо; удалось расчистить печь, основанную на материковой площадке; свод печи свалился в яму. Эта яма (рис. 20, 1) конусообразной формы достигает глубины 0,90 м относительно пола полуzemлянки. Керамика, найденная в жилище, датируется XII в. Из отдельных находок обнаружены шиферное прядильце и два железных ножа.

Печь жилища № 15 была расположена непосредственно над подпольной ямой. Последняя овальной формы размером 2,50 × 1,25 м, глубина 0,4 м. В яме никаких вещей не найдено.

Жилище № 16 имело большую подпольную яму овальной формы (2,75 × 1,70 м, глубина 0,65 м). Стенки ямы слегка сужаются книзу (рис. 20, 2). Глинобитная печь и остатки бревен стен (в виде больших кусков угля) свалились в яму. Нижележащий слой заполнявшей яму земли образовался в период существования жилища. В нем найдены два шиферных прядильца, ножичек, синий стеклянный браслет, лировидная пряжка и книжная застежка (см. рис. 139, 2). Выше развали печи и угля лежит слой серой земли, заполнившей яму после разрушения жилища.

Печь жилища № 18 почти не сохранилась. Ее фрагменты найдены в яме овальной формы размером 2,40 × 1,60 м (рис. 21). Глу-

бина ямы 1,80 м; ее стенки обмазаны слоем желтой глины толщиной 3 см. В яме найдены шиферное прядильце, удила, часть железного прямоугольной формы замка, шаровидная стеклянная бусина, калачевидное кресало, часть черенкового ножа. Керамики среди находок нет.

В ряде случаев остатки жилища настолько неопределены, что они лишь условно могут быть отнесены к тому или иному типу. Таково, например, жилище № 20, где сохранились лишь часть пода печи и неподалеку небольшая яма, возможно предпечная. Никаких деревянных частей жилища не сохранилось. Комплексы, подобные остаткам жилища № 20, ввиду своей фрагментарности не дают важных фактов для изучения жилищ и поэтому в данной работе не описываются⁴. При изложении же общих выводов об устройстве жилищ в Старой Рязани учтены все, в том числе и самые фрагментарные материалы.

В раскопе № 2Г (см. рис. 23) была открыта наземная часть жилища № 21, несколько лучшей, чем обычно, сохранности (рис. 22). Постройка была уничтожена пожаром, и обуглившееся дерево позволило проследить направление стен жилища. Это был бревенчатый жилой дом с глинобитной печью и глинобитным полом в южной части. К нему примыкало помещение с деревянным

⁴ См. данные о них в отчетах о раскопках. Архив ИИМК, № 19, 78, 232, 379, 523.

полом. Вероятно, устройство глинобитного пола в отапливаемой части избы определялось не недостатком леса, а безопасностью в пожарном отношении. Глинобитная печь находилась в юго-восточной части жилища, ее размеры $1,5 \times 1,2$ м. Развал печи занимал значительное место. В холодном по-

веру не дало следов жилища. К югу расположена яма, возможно, относящаяся к жилищу № 21.

В восточной части раскопа № 2Г найдены остатки глинобитной печи и две большие подпольные ямы, относящиеся к одному комплексу жилища № 22 (рис. 23 и 24).

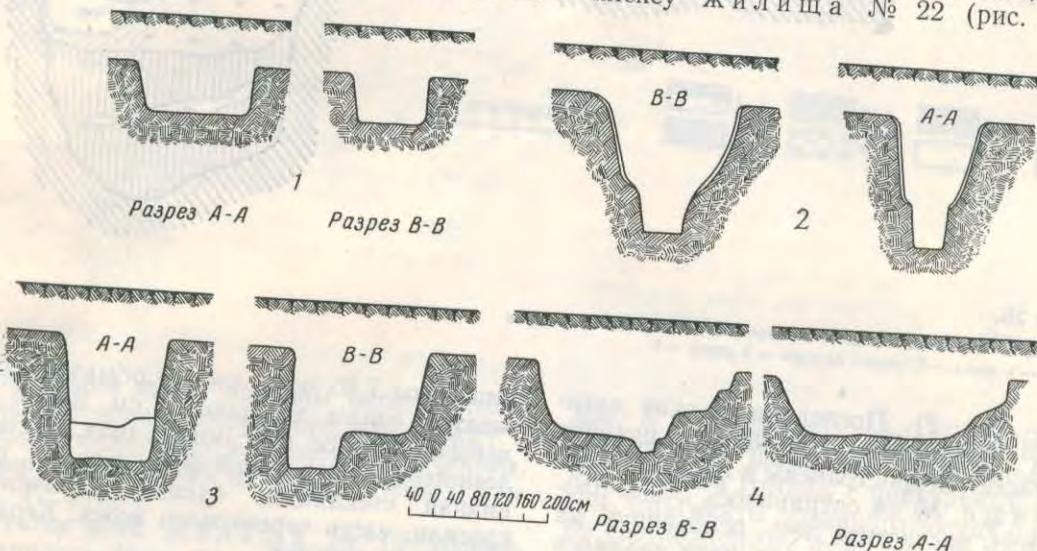

Рис. 17. Разрезы ям на раскопе № 2Б

1 — яма жилища № 9; 2 — яма «Р»; 3 — яма «Р»; 4 — яма жилища № 11
Разрезы А-А — север—юг; разрезы В-В — запад—восток

мещении с деревянным полом найдена небольшая круглая вымостка из булыжника, подобная очагу, обнаруженному около жилища № 2, но на ней нет следов огня; назначение этой вымостки неясно. На полу и под бревнами стен холодного помещения найдено много обугленных зерен ржи, чешуя и кости рыбы. В границах жилища и непосредственно на его полу были найдены четыре стеклянных браслета, три шиферных пряслица, хрустальная шаровидная бусина, два костяных трапециевидных гребня с глазковым орнаментом, два железных рыболовных крючка, железный нож, железное кольцо, костяная пуговица в виде палочки (см. рис. 97, 8). Керамика серая с линейным и зубчатым орнаментом. В большинстве случаев она относится к XII в. Интересна находка обломка семилучевого радиического височного кольца. Возможно, что одна из женщин, проживавшая здесь, принадлежала к этому племени. Жилище № 21 сохранилось лишь частично, продолжение раскопа к се-

Печь располагалась на невынутом грунте, но при разрушении сползла частично в яму. Южная яма овальная ($3 \times 2,15$ м, глубина 0,70 м); в восточной части с ней смыкается небольшая ямка глубиной 0,80 м. Северная яма на большей части своей равна по глубине первой, но в юго-восточной части она углубляется, уходя вниз наклонными стенками до глубины 2,35 м. В заполнении ямы найдены четыре обломка стеклянных браслетов, шиферное пряслицо, четыре гвоздя, два ножичка, сферическая костяная пуговица, обломок сопла.

В раскопе № 6 (1950 г.) в северо-восточной части Северного городища было открыто наземное жилище № 23. Две его стены прослежены по зольным пятнам — следам горевших бревен (рис. 25). Кроме того, границы жилища определялись по концентрации находок и по их характеру. В жилище была глинобитная печь. От печи сохранился под с частью стенок. Под сильно обожжен, на его глиняной обмазке видны следы

пальцев, идущие веерообразно по направлению к челу. Печь имела полусферический свод. Перед печью найдены жернова для размола зерна. С жилищем связаны две ямы, расположенные к юго-западу от печи.

К северу от жилища в земле прослежены отпечатки сгоревших бревен и углового столба какой-то постройки. Судя по находке слоя из зерен ржи, это был амбар. К востоку расположена большая яма, в заполнении которой было найдено множество костей животных и обломки керамики.

Жилище относится к XI — началу XII в.; оно вплотную примыкало к внутреннему валу, оплавившая насыпь которого частично перекрыла жилище (рис. 26).

На территории жилища и усадьбы обнаружены находки, позволяющие считать их владельца зажиточным горожанином, возможно, феодалом. Таковы находки боевого топора (см. рис. 72, 4), многочисленных наконечников стрел, серебряного зерненого пятилучевого колта, серебряных трапециевидных и прямоугольных пластин (см. рис. 101, 1, 2, 3), очевидно, украшавших парадный колчан. Об этом говорят также и размеры жилища (около 40 кв. м), которое по сравнению с рядовыми жилищами Старой Рязани значительно больше.

На Южном городище удалось проследить наземные жилища с кирпичными печами.

В раскопе № 1 (1945 г.) было обнаружено наземное жилище № 1а с кирпичной печью, лежащее выше другого жилища с глинобитной печью. Последнее имело предпечную яму, в которой найдены стеклянные браслеты и обломки амфор. Деревянный пол жилища с кирпичной печью перекрывал эту яму. Печь сложена из сырца, обожженного в процессе ее топки; кирпич крайне неровный, с вмятинами и следами ручной формовки. Его размеры $19 \times 17 \times 4,5$ см. Глинобитный под печи покрыт слоем золы толщиной в 10 см. Деталей устройства печи выяснить не удалось.

В раскопе № 1 (1949 г.) остатки наземного жилища № 24 представлены глинобитной печью, часть которой была сложена на глине из плитчатого кирпича XII—XIII вв. Несколько кирпичей было положено в основание печи, на деревянный помост, опиравшийся на столбы. В Рязанской земле традиция устройства глинобитных печей сохраняется до позднего времени, когда полу-

чили распространение кирпич и изразцы. Так, в усадьбе XVII в., открытой на Шатрищенском городище, была глинобитная печь, облицованная изразцами. Назначение кирпича в конструкции печи XII—XIII вв. неясно ввиду плохой ее сохранности; возможно, они выстилали ее основание. Что касается плит-

Рис. 18. Разрез остатков печи жилища № 10

чатых кирпичей, разбросанных вокруг печи, то из них мог быть выложен ее дымоход. В плане печь была, очевидно, прямоугольной.

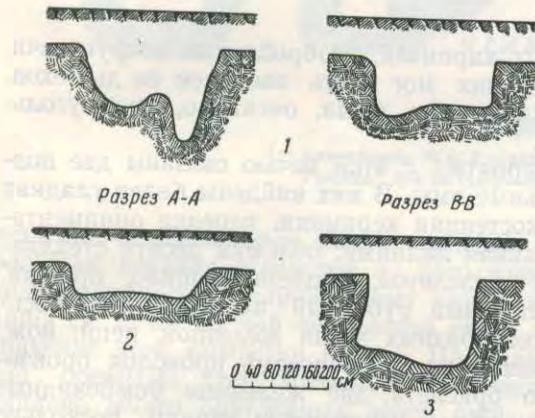
Вероятно, с этой печью связаны две подпольные ямы. В них найдены белая гладкая тонкостенная керамика, изредка орнаментированная линиями, обломки десяти стеклянных браслетов, железное шило, пряжка, биллоновый рубчатый перстень, два восьмеркообразных звена железной цепи, нож, обломок витого в восемь проволок бронзового браслета, две железные ромбовидные удлиненные черешковые стрелы, несколько кольчужных колечек.

В раскопе № 1 (1950 г.) на Южном городище открыто наземное жилище № 25 с глинобитной печью, в конструкции которой также применялись кирпичи. Судя по находкам (поливная тарелка с зубчатым орнаментом, керамика болгарско-золотоордынского типа), жилище относится ко второй половине XIII — началу XIV в.

Описанные выше жилища были наземными бревенчатыми избами с 1—2 подпольными ямами и с глинобитной печью, поставленной на земле или на специальном помосте, опирающемся на столбы. Зерновые ямы были расположены как внутри, так и вне жилища.

Рис. 19. Общий вид ям на раскопе № 2 В

Рис. 20. Разрезы ям на раскопе № 2 В
1 — жилище № 14; 2 — жилище № 16; 3 — жилище № 18

Второй тип жилища в Старой Рязани — полуземлянки.

Неправильно было бы представлять себе древнерусскую полуземлянку как примитивное жилище, близкое к первобытным. Древнерусская полуземлянка представляет собой один из способов сооружения жилища с частичным углублением его в землю. Хотя в районе распространения полуземлянок дерево обычно плохо сохраняется и поэтому

наземные деревянные части жилища плохо прослеживаются, все же, даже судя по распределению в культурном слое находок, весьма вероятно, что весь жилой дом иногда был значительно больше полуземляночного углубления; последнее составляло лишь часть жилища — его теплую комнату. Таким образом, открытие полуземлянок не исключает возможности существования здесь сложного, даже многокамерного жилища. Применяемый археологами термин «полуземлянка», отражающий конструктивные особенности постройки, не должен вводить в заблуждение читателя, создавая неправильное представление о примитивности древнерусского жилища.

Жилище № 4 (раскоп № 2, рис. 14) являлось прямоугольной полуземлянкой с двумя хозяйственными ямами в северной части (рис. 27) и с вырубленными ступенями входа с восточной стороны (рис. 28). В западной части полуземлянки находилась печь. При выкапывании ямы под жилище, для печи была оставлена площадка 1 × 1 м на высоте 73 см от пола землянки, на которой и была сбита глинобитная печь. Под печи прослеживается в виде остатков дощатого настила, многократно смазанного глиной и сильно обожженного. Свод печи свалился в яму, образовав завал многочисленных печин. Вероятно, вдоль южной и запад-

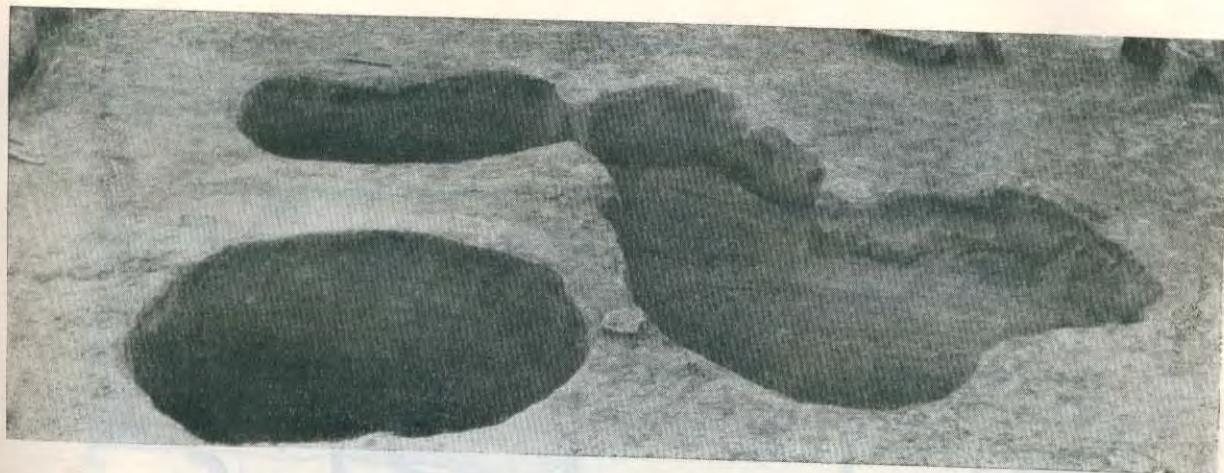

Рис. 21. Общий вид ям жилищ № 16, 17 и 18 на раскопе № 2 В

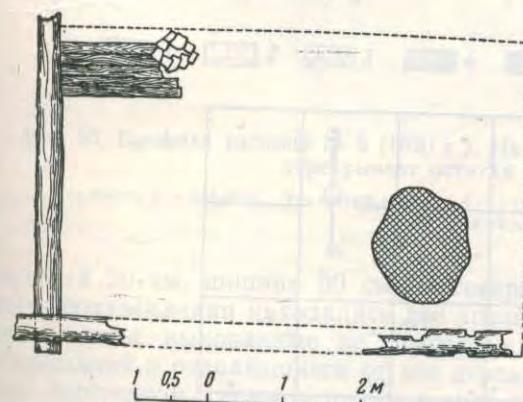

Рис. 22. План части жилища № 21

ной стен полуземлянки шли нары, покрытые досками. Пол жилища был устлан горбылями, повернутыми вниз полукруглой частью. Они были смазаны несколько раз глиной, общий слой которой составлял 7 см. Сверху горбылей шел настил из досок. Было ли такое сложное устройство пола первоначальным или оно является результатом последовательных ремонтов (перестилки пола), неясно.

У торцовой стенки лестницы сохранились, горбыли, впущенные в паз стоявшего в юго-восточном углу бревна. Они составляли обшивку стен жилища. Вход в землянку был

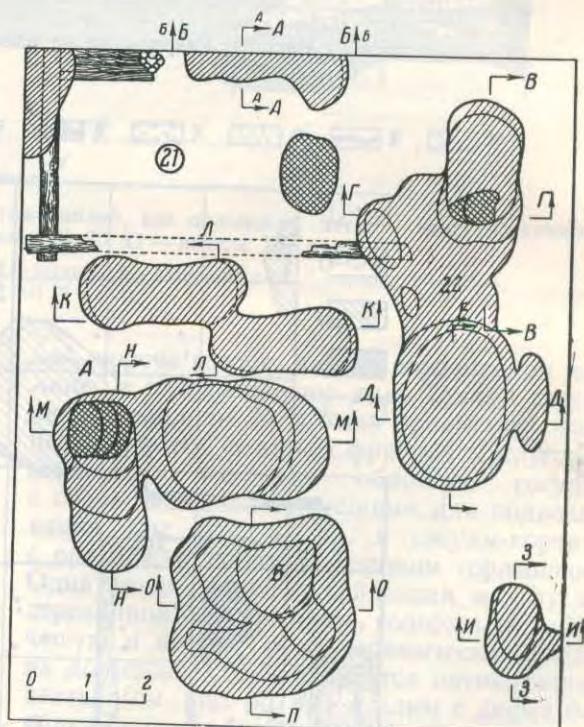

Рис. 23. План ям на раскопе № 2 Г
A — керамический горн; B — металлургический горн; 21, 22 — жилища. (Буквы со стрелками — разрезы ям на рис. 24)

с восточной стороны. Ступени входа, вырезанные в грунте, шли вдоль восточной стены землянки и поворачивали к двери, закругляясь в виде винтовой лестницы. Высота

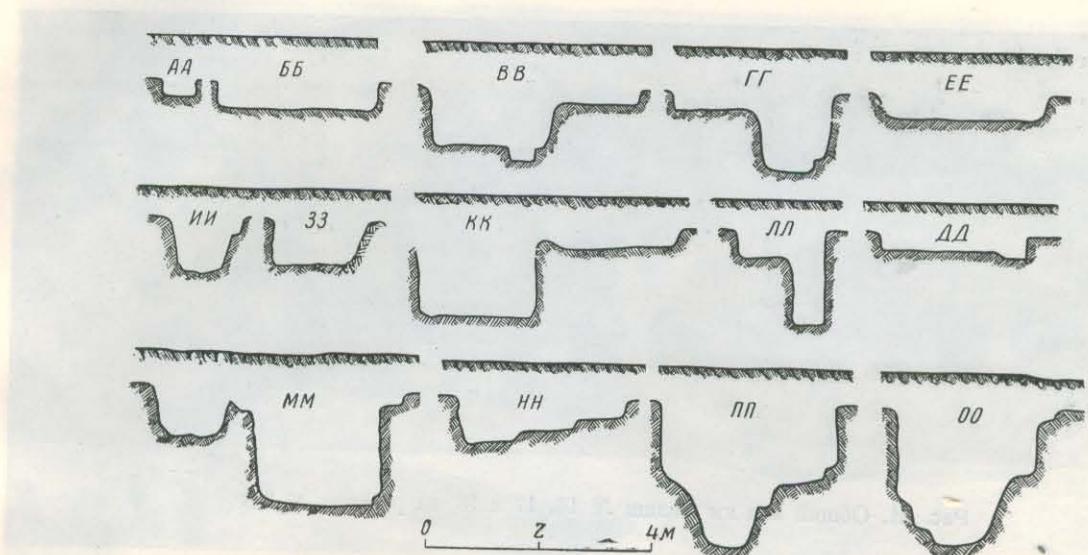

Рис. 24. Разрезы ям на раскопе № 2Г (см. рис. 23)

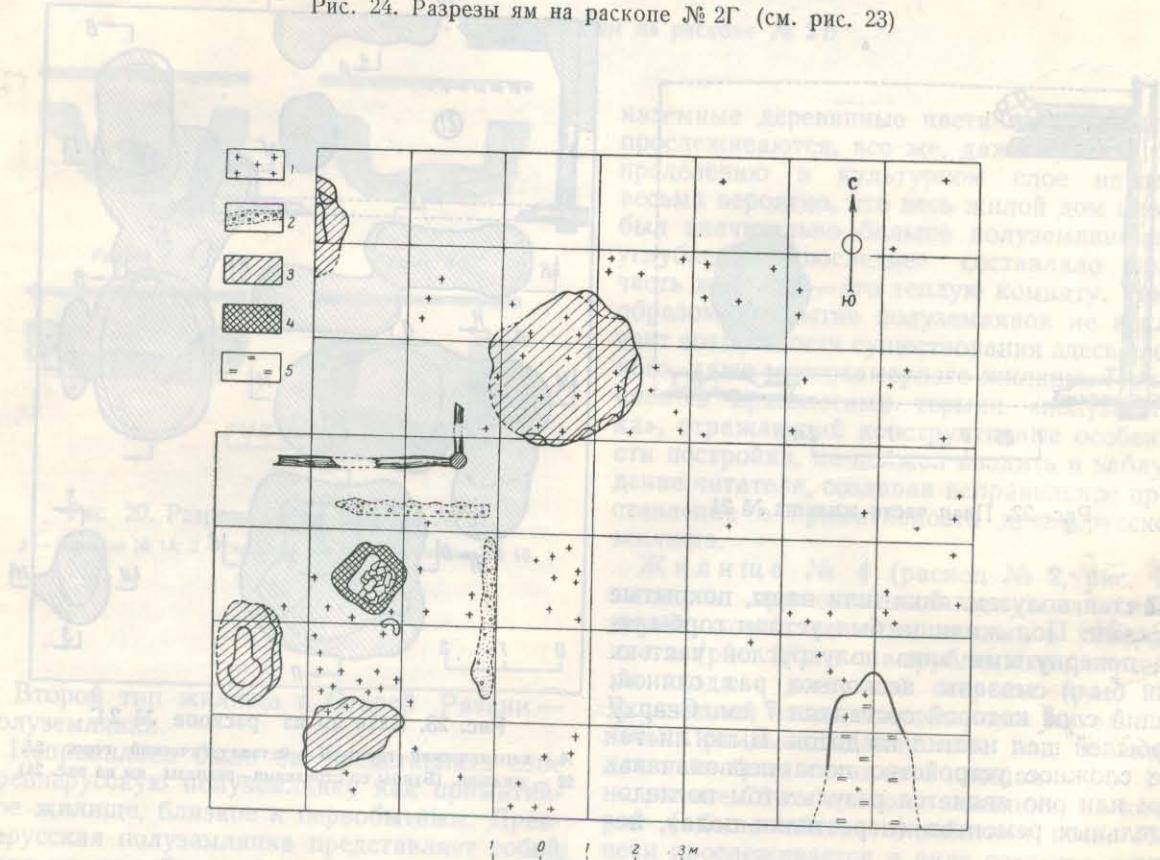

Рис. 25. План усадьбы и жилища № 23

1 — места находок; 2 — зола; 3 — ямы; 4 — печь; 5 — прослойка глины

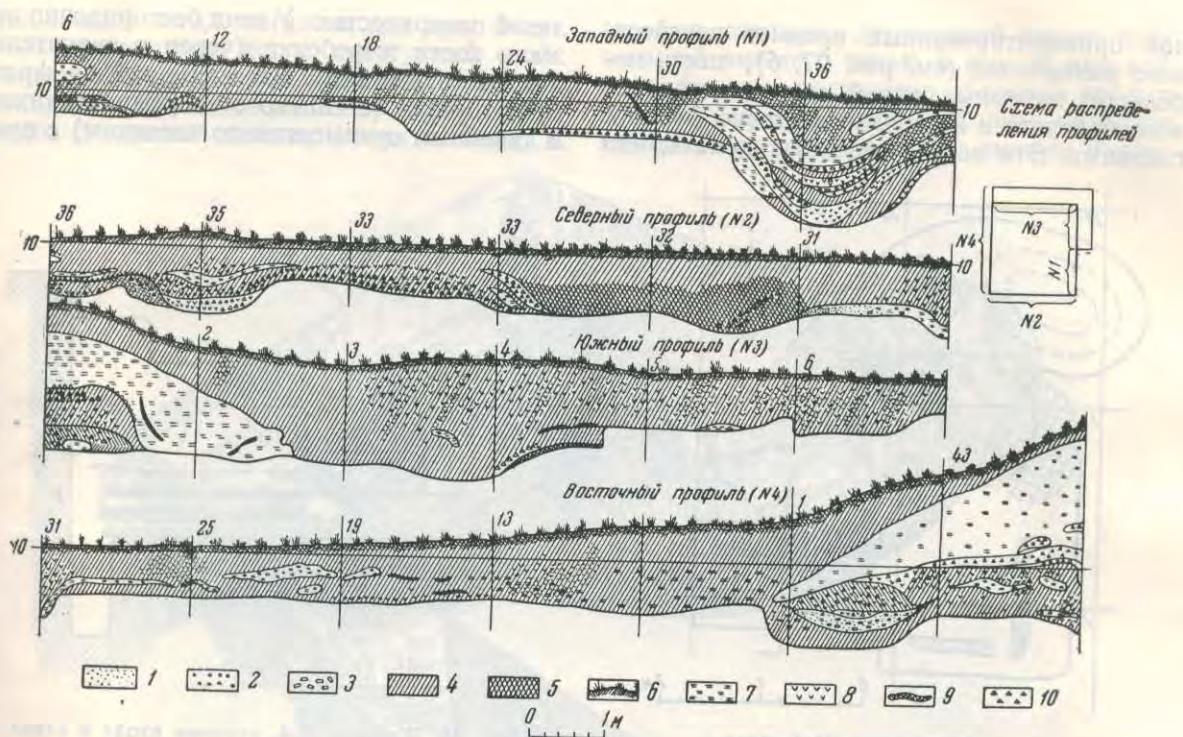

Рис. 26. Профили раскопа № 6 (1950 г.). На чертеже видно, как оплывшая насыпь вала частично перекрывает остатки жилища № 23 XI — начала XII в.

1 — песок; 2 — известь; 3 — битый кирпич; 4 — гумус; 5 — перекоп; 6 — дерновый слой; 7 — глина; 8 — уголь; 9 — прослойки угля; 10 — зола

ступеней 20 см, ширина 30 см. В северной части полуzemлянки находились две хозяйствственные ямы, выкопанные не одновременно с землянкой и отделявшиеся от нее деревянным простенком, следы которого в виде истлевших досок, прутьев и столбиков прослежены в северной части жилища (рис. 29).

Весьма вероятно, что многочисленные куски глиняной обмазки, попадающиеся вместе с угольками иногда в значительном удалении от печки и разбросанные по всему жилищу, не являются печинами, а составляют обмазку деревянных (дощатых или из хвороста) стен жилища.

При определении вещей, относящихся к тому или иному жилищу, мы встречаемся с затруднением, заключающимся в том, что заполнение ямы обычно относится к позднейшему времени. Связанными с жилищем и в какой-то степени датирующими его и определяющими его принадлежность можно считать лишь вещи, найденные непосредственно на полу жилища, под печью или под лежан-

кой, короче говоря, в слое, современном жилищу, а не заполнению ямы. Такими находками в жилище № 4 были орнаментированные зубчатым штампом фрагменты круговой керамики, несколько обломков сосудов с очень маленькими ушками для подвешивания (см. рис. 87, 6), и сосуды-корчаги с прямым, высоким и широким горлышком. Одна такая корчага, найденная в углу на деревянном полу жилища, содержала рыбью чешую и кости. Среди керамических клейм на донышках сосудов имеется пятиконечная звезда (см. рис. 80, 41) и ключ с двумя бородками (см. рис. 80, 28). Из отдельных находок необходимо отметить: железную ланцетовидную черешковую стрелу, медную лировидную пряжку, железные клещи-кусачки (см. рис. 68, 2), костяную трубочку с тремя дырочками, очевидно, служившую для сушкиния нитей, два шиферных и одно глиняное прядильца, железное тесло (см. рис. 72, 5), костяной гребешок трапециевидный двусторонний без орнамента, костяное шило, костя-

ной орнаментированный предмет неизвестного назначения (см. рис. 97, б), шесть небольших железных ножей, обломок стеклянного браслета и несколько пастовых бусин с глазками. Эти вещи позволяют думать, что

лленой поверхностью. У печи беспорядочно лежали кости жеребенка (череп и значительная часть костяка). Здесь же найден фрагмент горшка (с сильно отогнутым венчиком и линейным орнаментом по плечикам) с при-

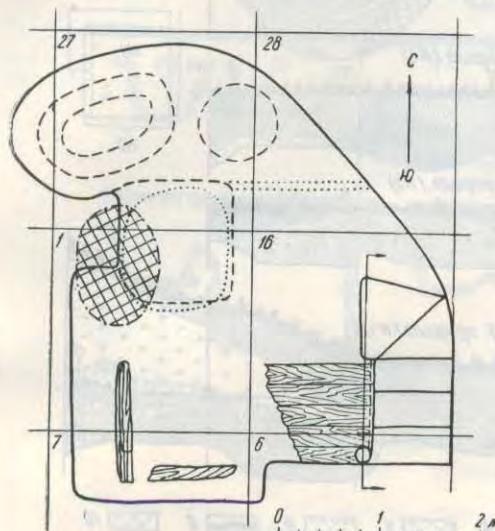

Рис. 27. Жилище № 4, план

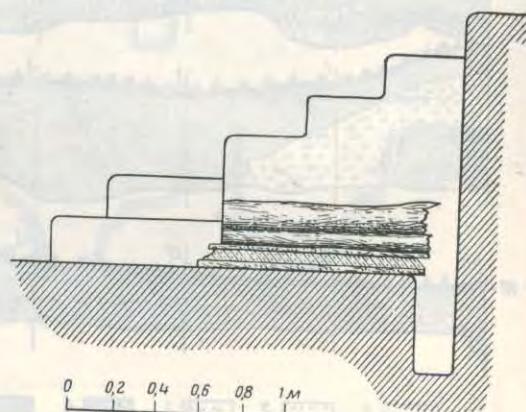

Рис. 28. Жилище № 4, ступени входа и схема устройства пола

жилище № 4 относится к первой половине XII в.

В примыкавших к жилищу хозяйственных ямах найдены чешуя и кости рыбы, кости коровы и овцы, обугленное просо.

В раскопе № 2В (1948 г.) был вскрыт комплекс из двух перекрывающих одно другое полуземляночных жилищ (жилища № 7а и 7б; см. рис. 14).

Яма жилища 7а имеет форму неправильного овала размером $5,20 \times 5,40$ м, вернее, четырехугольника с округлыми углами. В северо-западной части ямы находилась прямогульная глинобитная печь размером $1,15 \times 2,0$ м. Юго-восточный угол печи сломан. Устье печи обращено на юг. Свод печи обвалился и лежит на поде на слое золы и угля, спускающимся из устья печи в предпечную яму. Под печи представляет собой гладкую, слегка потрескавшуюся поверхность добела обожженной глины, лежащей на толстом слое другой, желтой по цвету глины. Последняя была положена на материковый суглинок перед сбивкой печи. В ее устье найден большой фрагмент амфоровидного сосуда из хорошо обожженной красной глины с риф-

липшим внутри куском железа и кусками желтой зернистой массы (песка?) с железными прожилками. Здесь же найден глиняный «хлебец».

Стены жилища были дощатые, обмазанные глиной; в северной и южной стенах ямы обнаружены фрагменты обугленного дерева, окантованные глиняной обмазкой, и зола. Входной проем двери находился в восточной части южной стены, где в ее деревянно-глинобитных остатках имеется разрыв длиною 80 см. На полу обнаружена прямоугольная полоса угля и золы размером 70×80 см, при расчистке которой найдены два гвоздя и железный пробой,— это сгоревшая дверь. К этой двери и было повернуто устье печи. Она находилась в углу, противоположном по диагонали. Так обычно располагается печь в жилище, которое топится по-черному. Пол жилища был деревянный. Его остатки (тлен) лежали неровно, так как местами он опустился в подпольные ямы. В заполнении ямы, несколько выше пола жилища, найдены куски глиняной обмазки деревянного каркаса, а также фрагменты обожженной глины. Очевидно, это остатки стен или потолка, об-

рушившихся тогда, когда на дне ямы полуzemлянки частично нарос культурный слой. Обмазка, толщиной от 3 до 8 см, состоит из нескольких последовательных прослоек — следов ремонтов жилищ. Уголь и зола, в

это был, очевидно, деревянный помост печи, осевший вместе с печью в яму. В яме найдены большое количество обломков керамики и костей животных, шиферное пряслице, глиняный «хлебец» с двумя ямками и пере-

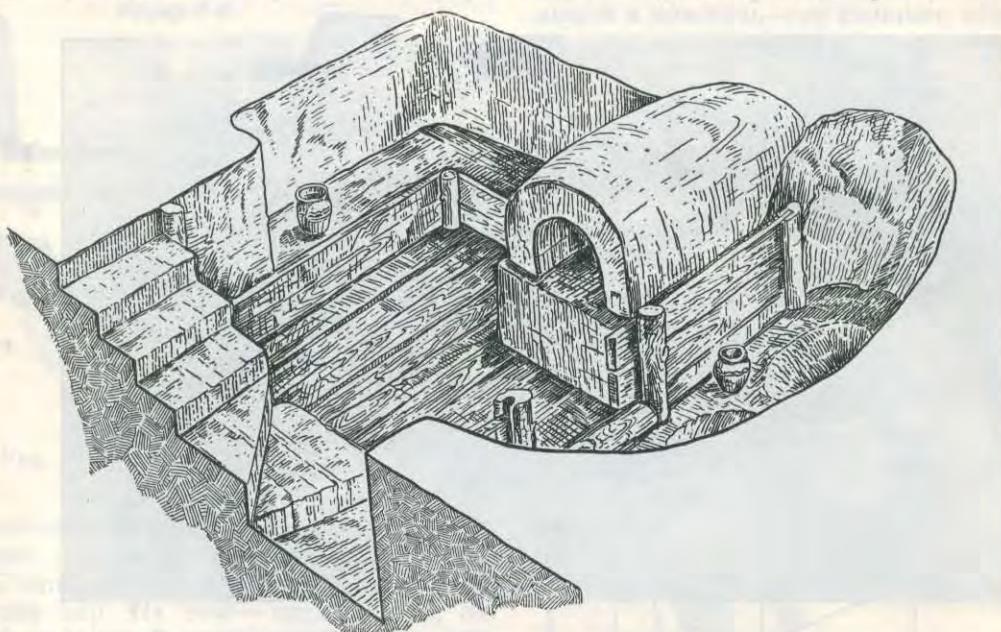

Рис. 29. Старорязанская полуземлянка (жилище № 4), частичная реконструкция.
(Рис. Г. Б. Щукина)

изобилии найденные в полуzemлянке 7а, позволяют думать, что жилище сгорело.

В полуzemлянке были две подпольные ямы. Одна — небольшая, овальная в плане, колоколовидная в разрезе, глубиной 1,2 м. Ее дно сохранило следы глиняной обмазки толщиной от 5 до 7 см. В заполняющей яму земле найдены кости лошади и овцы, а также несколько обломков неорнаментированной керамики (XII — начало XIII в.). Вторая яма находилась перед устьем печи и была целиком заполнена золой, видимо, угли и золу из печи выгребали прямо в эту яму.

Ниже уровня пола землянки 7а обнаружены еще две ямы, одна из них (размером 4,0×3,8 м) является остатками полуzemляночного жилища 7б, а вторая была его подпольной ямой. В большой яме этого жилища всю центральную часть занимал развал глинообитной печи (2,4×1,5 м). Под печи лежал на слое обуглившегося дерева в 3—10 см;

крещивающимися полосами, проведенными ножом по сырой глине, два небольших чеканковых ножа с прямым лезвием и горбатой спинкой, медные пластинки — заготовки для браслетов, костяное колечко.

Связанная с этой полуzemлянкой яма (вероятно, подпольная) — небольшая, неправильной прямоугольной формы, обмазана глиной. Максимальная глубина 2,10 м. В яме найдено много рыбьей чешуи, два шиферных пряслица, обломок медной поясной пряжки и стеклянная посеребренная бусина цилиндрической формы.

Обе ямы жилища 7б были перекрыты нарушенными остатками пола жилища 7а. Находки в этих ямах позволяют датировать жилище 7б XI — началом XII в. После разрушения этой полуzemлянки печь осела в подпольную яму, а яма постепенно заполнилась культурным слоем. Позже на этом же месте появилась полуzemлянка 7а.

Очевидно, она возникла вскоре после заполнения ям культурным слоем, но прежде чем этот культурный слой окончательно слежался и уплотнился. Поэтому пол жилища 7а имел неровную поверхность, так как

углубления, так что последнее было лишь частью дома, теплой комнатой.

Полуземляночное жилище № 8 (раскоп № 2Б, рис. 14) неправильной прямоугольной формы с выступом к югу. Прямоугольная

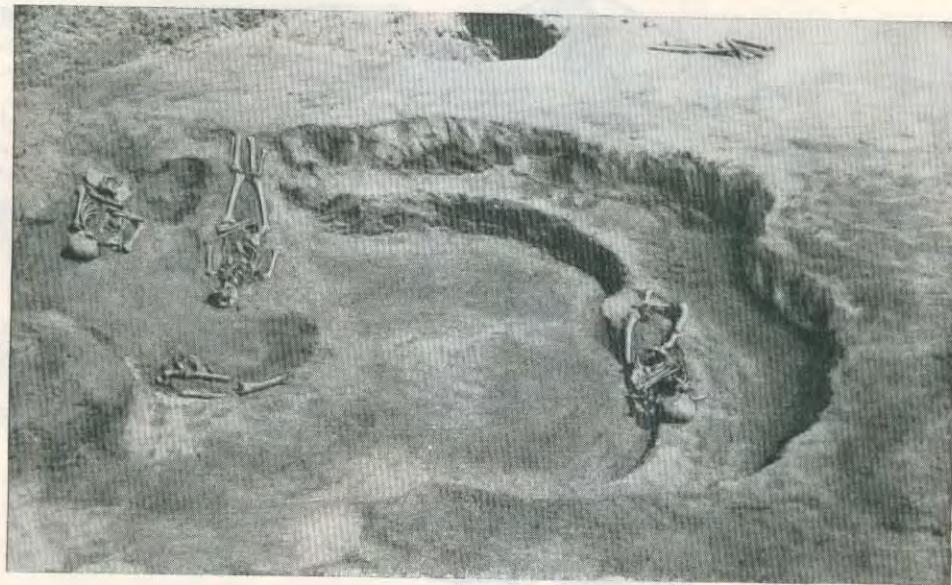

Рис. 30. Погребения на территории жилища 7а

после разрушения жилища оседал вместе с оседанием культурного слоя, заполнившего ямы более древнего жилища 7б. Дата разрушения жилища 7а устанавливается по перекрывающим ее погребениям древнего кладбища.

После разрушения полуземлянки на ее месте были запущены три погребения (рис. 30). Очевидно, погребения были произведены на площадке, образовавшейся после засыпки ям землей. Все три погребения спускаются вниз от краев землянки к ее середине; возможно, что они опустились при осадке насыпной земли. Так как позднейшие погребения этого кладбища относятся к 1237 г. (см. выше, главу II), то жилище 7а можно датировать началом XIII в.

Таким образом, жилища 7а и 7б были полуземлянками. Для реконструкции остальных наземных частей постройки раскопки не дали достаточных материалов. Судя по распределению находок в культурном слое, весь жилой дом был значительно больше прослеживаемого в раскопках полуземляночного

печь длиной 1,40 м, находившаяся в юго-западном углу, с устьем на север, была сбита на материке, выстланном предварительно досками толщиной 2—3 см. Глубина ямы полуземлянки 0,60 м. На всей площади полуземлянки найдены многочисленные куски глиняной обожженной обмазки стен со следами каркаса из прутьев. С восточной стороны печи было вскрыто значительное скопление чешуи и костей рыб. В полуземлянке № 8 найдены стеклянный шлак, небольшие ножички курганного типа, рифленый темно-зеленый стеклянный браслет. При расчистке ямы полуземлянки в ее центральной части найдена более древняя яма, засыпанная землей. Эта яма находилась под полом землянки и отчасти под ее печью. Датирующих находок в яме не было.

Полуземлянка № 8 в свою очередь была перекрыта вышеописанным наземным жилищем № 10, относящимся к домонгольскому времени. Поэтому вероятная дата полуземлянки № 8—XII в.

Полуземлянка № 11 (раскоп № 2Б,

рис. 14), имеет форму неправильного прямоугольника размером $4 \times 3,5$ м с выступом к югу, так же как и в жилище № 8. Здесь на

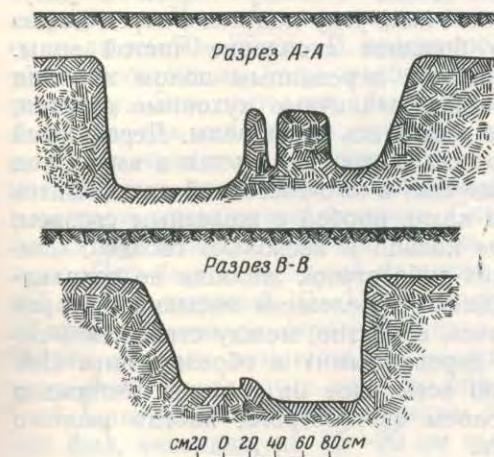

Рис. 34. Разрезы ямы жилища № 17

оставленной при рытье ямы материковой площадке была расположена глинобитная печь. С западной стороны вдоль стены идет уступ для нар. На нем — следы доски, лежавшей на глине. В центральной части полуzemлянки, перед печью, находится небольшая круглая яма (глубиной 45 см). Глубина полуzemлянки 1,1 м. Пол жилища смазан глиной. С востока к жилищу примыкает яма хозяйственного назначения. В ней обнаружено скопление крупных углей и стеклянного шлака. В полуzemлянке № 11 найдены ножницы (см. рис. 129, 3), четыре обломка стеклянных браслетов (два светлых гладких, один зеленый, один синий витой), медный перстенек (см. рис. 137, 10), трубчатая кость с тремя дырочками (для ссучивания ниток), два шиферных прядильца, два железных ножа, железная игла, ложкарь (см. рис. 68, 7), четыре гвоздя (костили), костяное колечко, много керамики, в том числе пять донышек сосудов с клеймами: два в виде ключа (см. рис. 80, 25, 26), два в виде колес (см. рис. 80, 2, 3) и одно в виде пятиконечной звезды (см. рис. 80, 40).

Яма полуземляночного жилища № 17 (раскоп № 2В, 1948 г.) в плане подобна букве Г (см. рис. 14 и 31). Углы ямы скруглены; наибольшие размеры $4,8 \times 3,4$ м. Деревянный пол жилища находился на глубине 80 см от поверхности материка. Стены полу-

землянки были обмазаны глиной и частично обшиты досками (сохранились на западной стенке). В северной части находилась печь. Разрез пода печи вскрыл следующие слои: верхний — желтой охристой глины, переходящей в красную, — от сильного обжига гли-

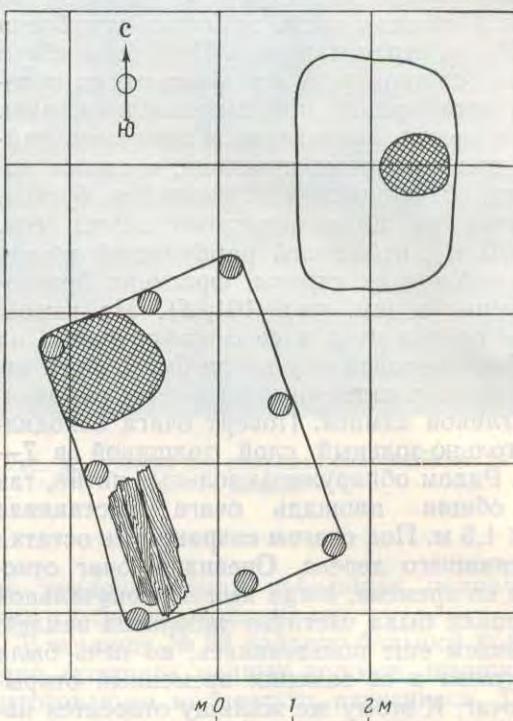

Рис. 32. План жилища № 26

на растрескалась; ниже — слой черной земли с угольками и золой (30 см), затем тонкий (5 см) слой светложелтой глины и, наконец, слой темнокоричневой — от истлевших остатков досок и земли, лежащей на материке. В полуzemлянке № 17 были две подпольные ямы овальной формы глубиной до 1 м. В жилище найдено: шиферное прядильце, синий гладкий стеклянный браслет, витой голубой браслет, цилиндрическая позолоченная бусина, ромбический наконечник стрелы, резец для токарного станка. Вероятная дата жилища по находкам и стратиграфическим данным — первая половина XII в. Возможно, к тому же жилому комплексу (№ 17) относится находящаяся к северо-востоку от него яма овальной формы ($1,80 \times 1,00$ м) глубиной 0,65 м, служившая зернохранилищем: в ней найдены зерна проса, ржи и пшеницы.

Полуземляночное жилище № 19 (раскоп № 2В, 1948 г.). Для устройства жилища была выкопана яма в основе четырехугольная, но очень деформированная (см. рис. 14). Наибольшие ее размеры $4,0 \times 3,2$ м. С восточной стороны сохранился вход, имеющий две ступеньки высотой по 20 см. Основная часть землянки углублена на 0,7 м от верха материка. Печь была сбита в юго-восточном углу на площадке из материка, оставленной при выкапывании ямы. В слое земли, заполняющем землянку, найдены три шиферных пряслица, костяная накладка, биконическая стеклянная бусина, пружина от цилиндрического замка (см. рис. 70, 4), небольшой ромбический железный наконечник стрелы, фрагмент бронзовой решетки (см. рис. 101, 6). На высоте 40 см от дна ямы, в ее северной части, на слое заполнявшей яму земли был найден открытый очаг, сложенный из мелких обмазанных глиной камней. Поверх очага находился угольно-зольный слой толщиной в 7—9 см. Рядом обнаружены зольные пятна, так что общая площадь очага составляла $1,1 \times 1,5$ м. Под очагом сохранились остатки перегнившего дерева. Очевидно, очаг относится ко времени, когда яма первоначальной постройки была частично заполнена землей. Жилищем еще пользовались, но печь была разрушена и ее заменил временный открытый очаг. К этому же жилищу относится находящаяся на запад от него небольшая, в плане круглая, в разрезе колоколовидная яма (диаметром 0,90 м, глубиной 0,75 м), обмазанная глиной. На дне ямы обнаружена темнокоричневая прослойка земли с остатками пшеничной соломы и зернами пшеницы. К северу и западу от этой зерновой ямы, на расстоянии от 1 до 3 м от нее, расположено 6 столбов, поддерживающих, вероятно, навес.

На Южном городище, у дороги на село Исады, в раскопе № 3 (1950 г.) было открыто полуземляночное жилище № 26 (рис. 32). Оно состоит из двух ям — большой ($4,3 \times 2,9$ м) прямоугольной и малой ($3,1 \times 2,0$ м) овальной. Большая яма — остатки жилого помещения, малая — вероятно, производственного. Глубина большой ямы — 2 м. Однако остатки печи и предполагаемого пола были на 1 м выше. Под всем жилищем шло подполье глубиной около 1 м. В углах ямы и в середине стен стояло 8 стол-

бов, которые либо закрепляли обшивку стен, либо поддерживали кровлю. Глинобитная печь располагалась непосредственно на материковой земле в северо-западном углу. В юго-восточном углу подполья перед печью найдено большое скопление чистой золы. Очевидно, под деревянным полом жилища скапливались различные кухонные остатки, сюда же ссыпалась часть золы. Деревянный пол частично обуглился и упал в яму. Вход в жилище был в юго-восточной части. Здесь найдены ключ, пробой с железным гвоздем, железное кольцо и несколько гвоздей. Следов каких-либо стенок жилища не сохранилось. Однако прослежена засыпка, которая находилась, вероятно, между стенками (возможно, деревянными) и обрезом ямы. Она видна во всем слое на границе жилища в виде полосы светлосерого, иногда желтого суглинка.

О назначении малой ямы судить трудно. Ясно только, что она связана с обработкой черного металла. В ней найдено было скопление золы, угля, 37 больших и 22 малых куска железного шлака и крицы.

Вещи, обнаруженные под полом жилища (стеклянные браслеты, светильник киевского типа, обломки рифленой амфоры и неорнаментированные сосуды), относятся к домонгольскому периоду. Об этом свидетельствуют формы венчиков (сильно отогнутых), орнаменты (линейный и волнистый) и белое керамическое тесто, характерные для рязанской керамики XIII в. Следовательно, данное жилище, принадлежавшее, повидимому, ремесленнику-металлургу, тоже относится к концу домонгольского периода, т. е. к началу XIII в.

В раскопе № 5 (1950 г.) были открыты полуземляночные жилища № 27, 28 и 29 (рис. 33 и 34).

Глинобитная печь жилища № 27 была расположена так близко к современной поверхности, что угол ее был разрушен плугом во время пахоты. При этом находившийся в западной части печи клад серебряных украшений был частично выпахан, а кольцо и серебряная цепь (см. рис. 118, 1, 2), обнаруженные в пахотном слое, были проданы ГИМ крестьянкой, нашедшей их. Остальная часть клада была найдена нами во время раскопок (см. главу IV). Свод и стенки печи представляли собой груду сильно обожженных печин. Под развалом печи находился

серый культурный слой, обычно заполняющий ямы. Можно считать, что глинобитная печь стояла на деревянных столбах, но проследить их при вскрытии культурного слоя не удалось. Под печи находился выше уровня пола на 70—80 см. В противоположном юго-восточном углу находился вход в землянку. Это, вероятно, была деревянная лестница, так как следов ступенек, вырезанных в материковом суглинке, нет, а в верхних пластиах прослежен языковидный выем, в котором помещалась лестница. Следов обшивки или обмазки стен жилища не обнаружено. Пол был деревянный из досок толщиной 2 см и шириной 10—12 см. Доски были обуглены и лежали непосредственно на материке поперек землянки. Возможно, под ними были продольные лаги, но они сгнили и обуглившаяся часть осела. Таким образом, пол был, очевидно, на 15—20 см выше. По углам землянки стояли толстые столбы, державшие кровлю и укреплявшие, вероятно, стены жилища. Размер землянки 3,4 × 2,6 м, а общая площадь около 9 кв. м.

Жилище - полуземлянка № 28 в плане несколько своеобразно: оно имеет в основном прямоугольную форму, но с юго-восточной стороны дополнено еще круглой частью (рис. 34 и 35). В северо-восточном углу землянки на материковом основании высотой около 50 см находилась глинобитная печь. Ее конструкцию и форму установить не удалось из-за очень плохой сохранности. Печь была сбита на деревянных плахах, обуглившиеся части которых были обнаружены в двух местах. Судя по расположению частично сохранившегося пода, устье печи выходило на южную сторону.

Очень интересной в землянке является конструкция стенок и нар. По всей длине западной стены сохранилась обуглившаяся деревянная обшивка из досок (толщиной 15—25 см и шириной 12—14 см), вбитых в материк вертикально и впритык одна к другой. В высоту они сохранились на 45—50 см. Вдоль стены ниже обшивки находились деревянные нары, устроенные на материковом возвышении (высота 42 см, длина 2 м, ширина 52 см). Обуглившиеся доски (толщиной около 2,5 см и шириной 12 см) лежали вдоль нар. Деревянного пола в землянке не обнаружено, но он, вероятно, был, так как на материке нет ни обмазки, ни черного утоптанного слоя, обычного в жилищах с земляным

полом. Вход в землянку был в юго-восточной части; так же как и в землянке № 27, это, очевидно, была деревянная лестница. Кровля опиралась на деревянные столбы. В цент-

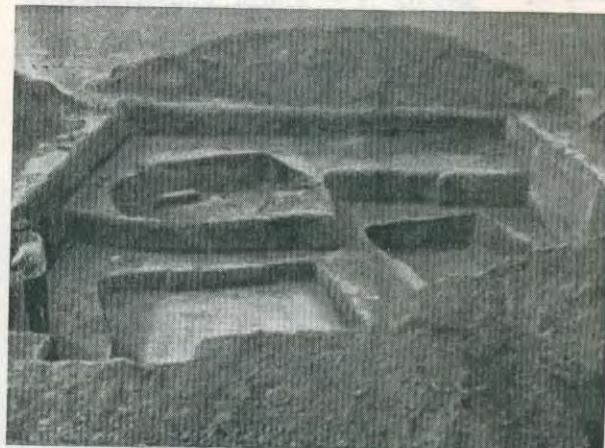

Рис. 33. Общий вид раскопок полуземлянок № 27, 28 и 29

ре землянки была небольшая подпольная яма глубиной около 40 см.

В жилище № 28 найдено большое количество заготовок медных полосок, шедших на изготовление мордовских наконечников. Такие же полоски и ряд других медных полуфабрикатов найдены и в полуzemлянке № 29. Судя по сходству этих находок, более нигде не встречающихся, жилища № 28 и 29 принадлежали одному владельцу, бывшему, вероятно, ремесленником.

Полуземлянка № 29 прямоугольна в плане ($3,1 \times 2,2$ м). Никаких следов печи здесь не обнаружено. Судя по расположению 8 деревянных столбов, как и в жилище № 26 (прослеживающихся по ямкам в материковом слое), перекрытие ямы было подобно другим полуземляночным жилищам. Помещение № 29 не отапливалось и служило местом работы ремесленника, жившего в полуzemлянке № 28. В помещении № 29 обращает на себя внимание обилие находок из цветного металла (преимущественно меди, а также олова). Это в основном полуфабрикаты — медная проволока, узкие полоски листовой меди (длиной до 16 см), медные пластины, кусочки меди в слитки олова (см.

рис. 107). Здесь вероятно, была мастерская по холодной обработке цветного металла.

Все три описанные полуземлянки, судя по находкам отдельных вещей (клад, стеклянные браслеты, шиферные пряслица), относятся к домонгольскому времени. Началом XIII в. они датируются и по керамике. Очевидно, жилища были уничтожены в 1237 г.

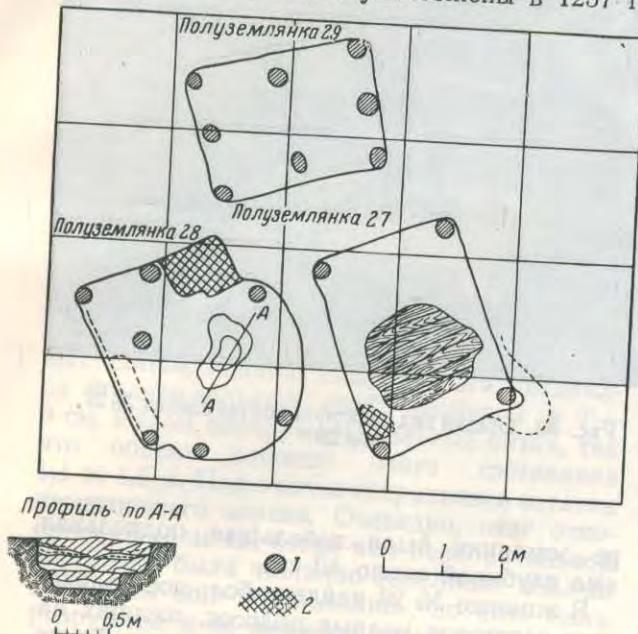

Рис. 34. Схематический план расположения полуземлянок № 27, 28 и 29 в раскопе № 5 (1950 г.).
1 — следы деревянных столбов; 2 — печь

Жилище № 30 было вскрыто в центральной части городища (раскоп № 14, 1950 г.). Это довольно большая полуземлянка ($3,7 \times 3,0$ м) и две расположенные рядом с ней зерновые ямы (рис. 36 и 37)⁵. Одна из ям обмазана глиной, которая потом была обожжена. В обшивке второй были применены плитчатые кирпичи, поставленные на ребро. Землянка была прямоугольной в плане с угловыми столбами, державшими обшивку. Вдоль западной и восточной стен со-

⁵ В настоящей работе все чертежи жилищ сделаны схематично; на них для удобства чтения опущены многие детали. Чертежи же жилища № 30 даны в том виде, в каком они представлены в отчетах, т. е. с подробной характеристикой заполнявшего ямы культурного слоя.

хранились обгоревшие сосновые лаги, а на них обуглившиеся доски — остатки деревянного пола, настланного на глубине 1,8 м от современной поверхности. Под ним — подполье (глубиной 1,8 м). В северо-западном углу землянки, на специально оставленном выступе материала, находилась печь, поставленная на лаги. В связи с тем, что эти лаги лежали под печью, они не обгорели, как все остальные деревянные части этой землянки, а сгнили. Каркас печи, в отличие от дощатых каркасов печей, сбитых из глины, состоял из переплетенных прутьев, обмазанных глиной с примесью соломы. Длина печи около 1,0 м, высота 1,1 м, толщина стен до 25 см; свод в виде короба (полуцилиндра) имел закругленный валик, идущий по заднему краю свода. Печь и остатки пода свалились в подполье после разрушения жилища.

На территории жилища найдено много вещей. Среди них: два височных вятических кольца, сердоликовые бипирамидальные и шаровидные хрустальные бусины, стеклянные браслеты, бронзовый бубенчик (см. рис. 139, 15), цилиндрические замки, железные ножи, множество фрагментов керамики (см. рис. 88) и костей животных.

По керамике и другим находкам жилище датируется первой половиной XIII в. Оно поглощено от пожара, возможно, в дни батыева нашествия.

Описанные жилища и связанные с ними хозяйствственные ямы являются усадьбами рядовых горожан, ремесленников, купцов, черного люда. Только в одном случае мы могли отметить жилище богатого горожанина или феодала (жилище № 23). Второй раз это можно сделать предположительно в раскопе № 2Б (1949 г.) на Северном городище. Здесь обнаружены две хозяйствственные ямы (жилище № 12; см. рис. 14 и 16).

Восточная яма прямоугольная в плане ($3,60 \times 3$ м) с прямыми, отвесными стенками. На глубине 60 см от поверхности материала яма была покрыта слоем обожженной глины и выложена досками, сохранившимися лучше с северной и южной сторон. Укрепленная часть ямы конусообразно сужается к дну (глубина 3,2 м) до площади $2 \times 1,5$ м. На глубину 1,8 м яма заполнена серой рыхлой землей с отдельными печинами (очевидно, из развали пещи, находящейся вблизи более позднего наземного жилища), зольными и угольными скопле-

ниями, а также костями животных и керамикой. Ниже, до 2,4 м, идет слой охристой глины, вероятно, результат разрушения обожженной глиняной обмазки стенок ямы. Под глиной залегает слой коричневой земли с прослойками глины со значительным количеством органических остатков. Этот слой представляет постепенно нараставшее заполнение ямы в период существования жилища, верхний же слой серой земли заполнил яму после его разрушения.

В верхнем слое заполнения ямы найдены: восемь кусков оплавленного свинца, орнаментированный двумя зигзагообразными линиями кирпич, девять железных гвоздей, два обломка стеклянного черного браслета, половина черной стеклянной бусины с синими глазками на белом поле, куски стеклянного шлака.

В слое коричневой земли, вероятно, современном жилищу, к которому могла относиться яма, найдены: три шаровидные хрустальные бусины, калачевидное кресало, костяная пластинка (слоновая кость) с нарезным орнаментом, железное долото, медный бубенчик с одной прорезью, костяная игла, медный витой тройной браслет, витое четырехпроволочное медное кольцо, цилиндрический замок и ключ от другого цилиндрического замка, наконечник ромбической стрелы, шпора, железный серп московского типа, железный пробой, железная стамеска, пять различных стеклянных бусин (одна — синяя цилиндрическая), семь обломков стеклянных браслетов, десять шиферных пряслиц.

Особо отметим 12 фрагментов амфор (от пяти различных сосудов), частично с желобчатым орнаментом. На самом дне в северо-западном углу ямы найден фрагмент амфоры с ручкой и с четырехстрочной славянской надписью (см. рис. 145) конца XI или первой половины XII в. Остальная керамика, обнаруженная в яме, представляет собой обломки парадной посуды, пышно орнаментированной зубчатым штампом и налепами. Меньший процент составляет обычная гладкая неорнаментированная кухонная посуда XI—XII вв. Из отдельных керамических находок интересны крышки, сплошь орнаментированные зубчатым колесиком, и четыре донышка сосудов с клеймами.

Исследование костей животных из восточной ямы дало следующую картину: крупный рогатый скот — 64 кости от трех особей,

(телецок, годовалая телка и взрослая корова), мелкий рогатый скот — 10 костей от двух особей, свиньи — 8 костей от двух особей, собаки — 25 костей от двух особей, кошка — 5 костей от одной особи, лось — 2 кости от одной особи, птицы — 11 костей.

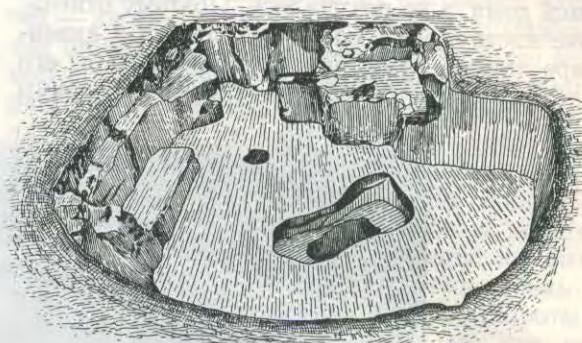

Рис. 35. Полуземлянка № 28

Дно ямы покрыто тонким слоем золы и угольков — остаток пола.

С описанной ямой связана узким и мелким углублением западная яма. Она имеет четкие не укрепленные прямые южную и западную стенки и нечетко очерченные восточную и северную. Ровное горизонтальное дно ямы входит в материк на глубину 60 см (в культурном слое она не прослежена). Углубление, соединяющее ямы, вероятно, след сгнивших бревен, прежде здесь лежавших. В яме найдены 11 костей лошади от двух особей, конские удила, железный пробой, керамический шлак.

Инвентарь, найденный в описанных хозяйственных ямах, в особенности фрагменты амфор и другой парадной посуды, а также амфора с надписью, позволяют предположить, что эти ямы принадлежали богатому, возможно, княжескому жилищу. Однако, поскольку само жилище не найдено, окончательные выводы о социальной принадлежности его владельца сделать нельзя.

Вообще подобные выводы нужно делать очень осторожно. Например, охарактеризованное выше жилище с рыболовными снастями и обильным скоплением рыбьей чешуи и костей, условно названо нами жилищем рыбака. Однако тот же инвентарь мог быть и в жилище рыболова-любителя, а не профессионала.

Нельзя утверждать, а это иногда делается, в частности в работе А. А. Мансурова, что жилище, в котором найдены орудия труда, непременно принадлежит ремесленнику. При натуральном хозяйстве, да и не только тогда, естественно, что многие вещи изготавливались дома, а не покупались. Поэтому отдельные инструменты могли находиться в инвентаре любого дома, чем ни занимался бы его владелец. Тем более это относится к таким

циальную характеристику всех открытых в раскопках жилищ представляется малоубедительной.

3

Рассмотрим отдельные детали устройства найденных в Старой Рязани жилищ и попытаемся реконструировать их.

Стены. Бревенчатые срубы прослежены в виде столь незначительных остатков,

Рис. 36. Полуземлянка № 30 в процессе раскопок. Сзади слева видны остатки свода глинобитной печи

вещам, как топор, молоток, тесло, сохраняющим свое значение и в современном крестьянском быту. Жилище ремесленника точнее определяется наличием полуфабрикатов или предметов, свидетельствующих о массовом производстве,— матриц, каменных литейных форм и т. п.

Точно так же и жилище феодала нельзя определять по одному какому-нибудь признаку, например, по находкам оружия, или по величине жилища. Только комплекс признаков может служить основой для отнесения владельца того или иного жилища к той или иной социальной категории. Таких ярко выраженных комплексов в старорязанских жилищах найдено сравнительно мало, поэтому попытка А. А. Мансурова дать со-

что они не позволяют даже определить размеры жилища. Сруб рубили в обло, в верхней части нижнего бревна делали продольный паз для более плотного примыкания бревен. Чашка врубки обращена кверху, а не вниз, как рубят сейчас. При таком способе рубки вода затекала в чашку, застывала в ней и вызывала загнивание сруба. Этот недостаток, видимо, не принимался во внимание потому, что подобный способ рубки был удобен для плотников, так как чашка и паз вырубались на месте, в уже положенном в сруб бревне, а не предварительно. Рубка чашкой вниз была введена только в XIX в.⁶

⁶ «Ржевский помещик Ранев ввел у себя следующий порядок рубки строений: чашины и пазы обра-

Особый характер носила обкладка стен полуземлянок. Она состояла из тесаных или колотых сосновых досок толщиной до 8 см и шириной 25—30 см⁷, впущенных в пазы вертикально стоявших бревен. Доски обмазывались глиной. Надземная часть полуземлянки могла быть сделана в виде невысокого бревенчатого сруба. Однако куски глины со следами хвороста дают возможность предполагать, что самий верх полуземлянок был плетенным из хвороста с глиняной обмазкой.

Так как верхние части жилищ в Старой Рязани не найдены, то основой для реконструкции должны служить археологические и этнографические сравнительные данные из других районов.

Бревенчатые наземные жилища Старой Рязани, конечно, не были такими просторными, как полагал В. А. Городцов («квадрат со стороной в 7 м»). Раскопки в Старой Ладоге⁸ и Новгороде⁹ показали, что средняя величина сруба древнерусской избы равнялась 4×4 или 5×5 м. На Райковецком городище¹⁰ длина жилых клетей была примерно 3,2—3,3 м при ширине 2,6 м (здесь жилища, повидимому, были двухкамерными, а длина горниц была больше длины «истопок»). Длина же домов, открытых на Дмит-

щались вниз, отчего стены и углы совершенно преодолеваются от прелести и залива водой и постройки стоят втрое далее». В. Пребраженский. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1854, стр. 134. «Мне приходилось видеть способ врубки (вынутия паза сверху) не более 20 лет тому назад». Л. Даль. Старинные деревянные церкви Олонецкой губернии. «Зодчий», 1877, стр. 97.

⁷ Древнерусские пильы, как правило, употреблялись лишь для поперечной распиловки. Для продольной распиловки пильы, очевидно, не применялись; на Руси они становятся известными только в XVII в. (П. Г. Любомиров. Из истории лесопильного производства в России. ИЗ, т. 10. М., 1941, стр. 223—226); в Белоруссии, например, употребление пильы отмечено лишь в постройках, возведенных в конце XIX в. (Н. И. Лебедева. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1928, стр. 26); в Черниговской губернии пильы не применялись до середины XIX в.

⁸ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, т. XI, 1949, стр. 15—40.

⁹ А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. СА, т. III, 1950, стр. 182.

¹⁰ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 32.

ровском городище¹¹, в Тверском кремле¹² и в Пронске¹³, не превышала 5—6 м.

Размеры сруба определялись размерами строительного материала. Даже в позднейшее время жилище увеличивалось не путем наращивания сруба основной клети, а путем пристроек и образования составных клетей — двойной, тройной и т. д.¹⁴. Наращивание бревна соединением «в зуб» не было известно: этот прием ни разу не установлен раскопками: нет его ни в древнерусских миниатюрах, ни в чертежах и рисунках XVII в.¹⁵. Еще недавно в Вологодской области для постройки длинного сруба приставлялся один сруб к другому, а чтобы не делать рядом двух поперечных стен, одну из них или обе заменяли двумя короткими стенами («контрфорсами»), срубленными из коротышей только при самых углах¹⁶. Все это не позволяет предполагать, что размеры старорязанского наземного жилища, срубленного из горизонтально лежащих бревен, превышали 16—25 кв. м. Археологические данные показывают, что постройки из срубов не исключали в ту же эпоху пристроек и из вертикальных бревен (Сузdal) и дощатых с бревенчатым каркасом (Старая Рязань, Киев). Система постройки из вертикальных, вкопанных в землю столбов, оплетенных хворостом, имеет древнюю традицию, не менее древнюю, чем сруб.

Подпольные ямы. Почти во всех старорязанских домах открыты подпольные ямы. Их число колеблется, по данным Городцова, от одной до четырех, чаще же всего устраивались две ямы. Так как границы старорязанских жилищ в настоящее время определить трудно, то весьма вероятно, что некоторые ямы были не подпольными, а дво-

¹¹ Н. П. Милонов. Дмитровское городище (Кремль г. Дмитрова). СА, т. IV, 1937, стр. 147—168.

¹² Его же. Археологические разведки в Тверском кремле. «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1935, 9—10, стр. 150—152.

¹³ Его же. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931, стр. 18—27.

¹⁴ И. А. Забелин. Черты самобытности в русском зодчестве. Древняя и новая Россия, т. I, 1878, стр. 194.

¹⁵ Древнерусская миниатюра (100 листов миниатюр). М., 1933, лист 58 обор., лист 802 обор. и др.; А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры, как исторический источник. М., 1944, стр. 186.

¹⁶ В. Д. Мачинский. Крестьянское строительство в России. М., 1924, стр. 51.

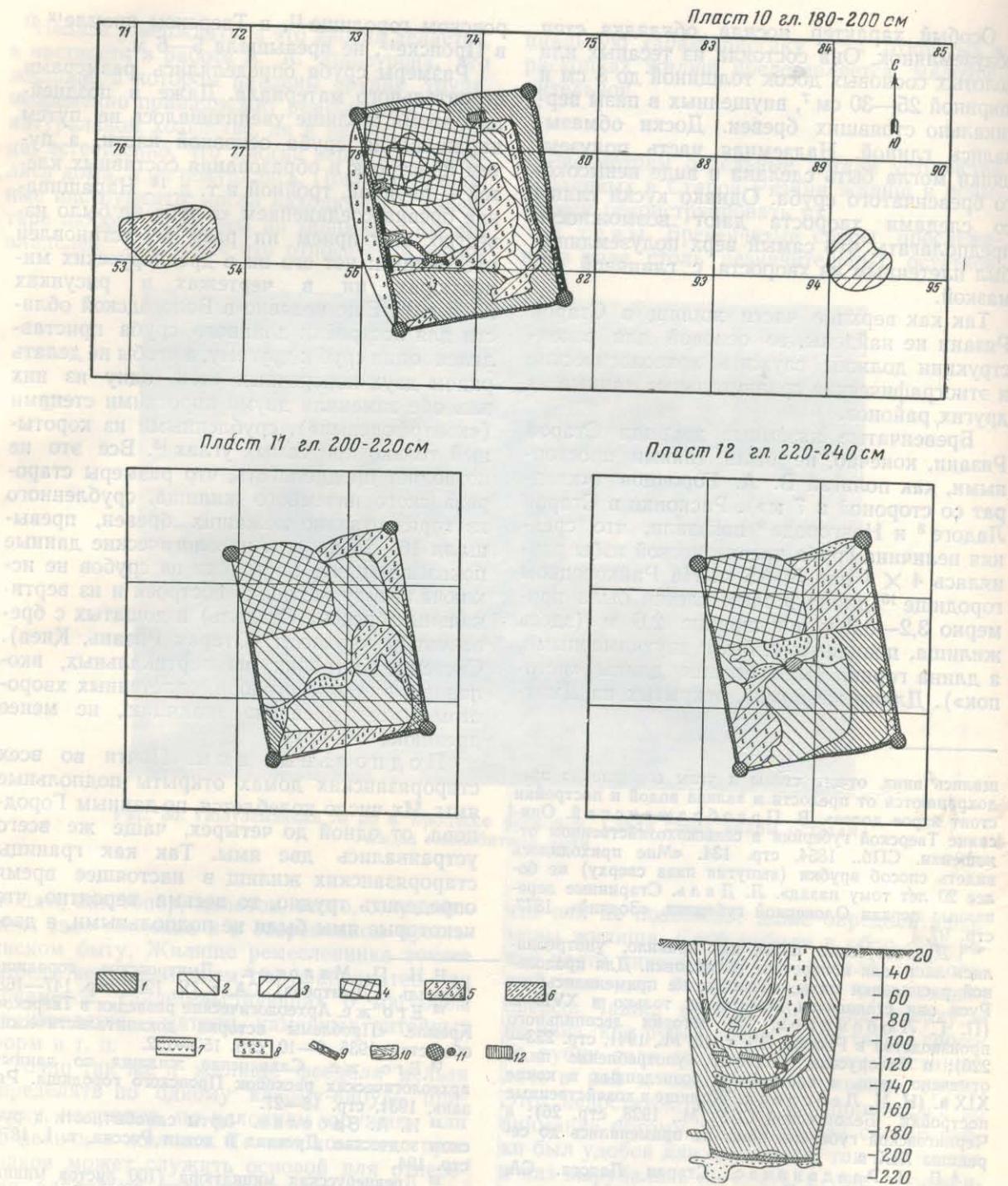

Рис. 37. План полуземлянки № 30 (раскоп № 14, 1950 г.) и разрез зерновой ямы С-3—Ю-В
1 — черная пластичная земля с угольками; 2 — темнокоричневая рыхлая земля с битым кирпичом и углем; 3 — красная обожженная глина; 4 — развал глиноbatisной печи; 5 — темно-желтая земля с глиной; 6 — темносерая рыхлая земля; 7 — угольные прослойки, зола; 8 — светло-желтая глина; 9 — обугленные бревна; 10 — обугленные доски; 11 — следы столбов; 12 — кирпичный щебень

ровыми, принадлежащими хозяйственным пристройкам. Большинство подпольных ям овальной формы, некоторые были первоначально прямоугольными, но деформировались и приобрели овальную форму, часть ям — круглые и несколько ям имеют форму глаголя. Площадь подпольных ям — от 1—2 до 8—9 кв. м, глубина от 0,8 до 2 м (в исключительных случаях глубже 2 м). Стены и дно подпольных ям обшиты досками или обмазаны глиной. В жилище № 3 ямы были смазаны глиной и обожжены. Ямы в полуzemлянках (например, жилище № 4) собственно не могут называться подпольными, так как они были вырыты рядом с полуземлянкой с самой поверхности земли и верхняя часть ямы была расположена значительно выше пола полуzemлянки. Судя по находкам на дне ям чешуи и костей рыб, костей животных, зерен злаков, обломков глиняной посуды, ямы служили для хранения продуктов. Ямы, обмазанные глиной и обожженные, служили для хранения зерна и муки¹⁷. Как вместилища продуктов ямы известны с древнейших времен. На раннеславянских городищах зернохранилища встречены в виде конусообразных или колоколовидных ям. Не исключено содержание в зимнее время в ямах молодняка домашних животных, которые нуждались в тепле.

Разнообразие типов ям жилищ Старой Рязани характерно для южнорусского жилого строительства. Так, в киевских жилищах формы ям также разнообразны. Здесь встречены ямы овальные, круглые и прямоугольные. Отдельные ямы обмазаны глиной и обожжены. На дне одной такой же ямы с хорошо обожженными стенками найдены остатки муки. Около одной из землянок найден целый комплекс из 12 хозяйственных ям от 25—60 до 90 см глубины¹⁸. Стенки круглой котлообразной ямы, раскопанной в киевском жилище на территории б. усадьбы Петровского, были плотно обмазаны беловатой глиной. В Белгородке четырехугольные подпольные ямы иногда достигали больших размеров (2,8 м длины, 1,4 м ширины и глубины)¹⁹. В древних жилищах Вещижа обна-

ружены как подпольные ямы, так и большие зерновые ямы (емкостью около 2 т зерна каждая), находившиеся с внешней стороны дома²⁰. Хозяйственные ямы (погреба) вне жилища были исследованы в связи с землянками на городище у села Спас (на Оке)²¹. В Пронске внутри жилища XII в. открыта овальная подпольная яма, обмазанная глиной²². Количество примеров можно было бы умножить. Подпольные ямы свойственны только южнорусскому жилищу, в северных же районах ямы заменяет высокое подполье — подклеть в домах, приподнятых над землей.

П о л ы. Самый факт наличия ям большой площади внутри старорязанских жилищ свидетельствует о существовании здесь деревянных полов, так как ямы сверху должны были быть закрыты. В ряде описанных выше наземных и полуzemляночных жилищ остатки деревянных полов были прослежены в натуре. В раскопках Городцова дощатые полы найдены в четырех исследованных им жилищах. Следует особо отметить сложное устройство пола из двух настилов со слоем глины между ними (полуземлянка № 4). Возможно, что деревянные полы не покрывали всего пространства жилища, а занимали только часть его (как мы это видим в современных хатах), на остальной же площади пол мог быть глинобитным или земляным.

П е ч и. Как показано выше, глинобитные печи сохранились в виде пластов обожженной глины с прослойкой из золы и угля (рис. 38). При разрушении печи обваливались в подпольные ямы и широко расплывались по участку жилища, образуя развалы, площадью от 2 до 8 кв. м. Отдельные печи носят оттиски брусьев и бревен, к которым примазывалась глина с примесью соломы. Печи встречены плоские и закругленные с одного края (в четверть окружности), вероятно, закруглялся передний край печи. По реконструкции Городцова, старорязанская печь четырехугольная с плоскими боками и верхом, без лежанки и без трубы

¹⁷ О ямах-зернохранилищах упоминает Русская Правда: «аже крадеть гумно или жито в яме».

¹⁸ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, стр. 13—14.

¹⁹ В. В. Хвойко. Древние обитатели среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 88.

²⁰ Б. А. Рыбаков. Жернова Вещижского городища. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 16.

²¹ Раскопки П. Н. Третьякова. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 47—48.

²² Н. П. Милонов. Славянские жилища..., стр. 25—29.

(рис. 42). В большинстве случаев печь была приподнята над полом на особой платформе на столбах, врытых в землю. В отдельных случаях печь стояла на грунте. В таком случае во время стряпни хозяйка спускалась в предпечную яму.

разумные домохозяева делают опечек на особых столбах, врытых в землю, независимо от стен избы и переводин пола, затем, чтобы давление всей груды печи не вредило избе»²⁴. Столбы в старорязанских жилищах прослежены неоднократно. Часто мы видим,

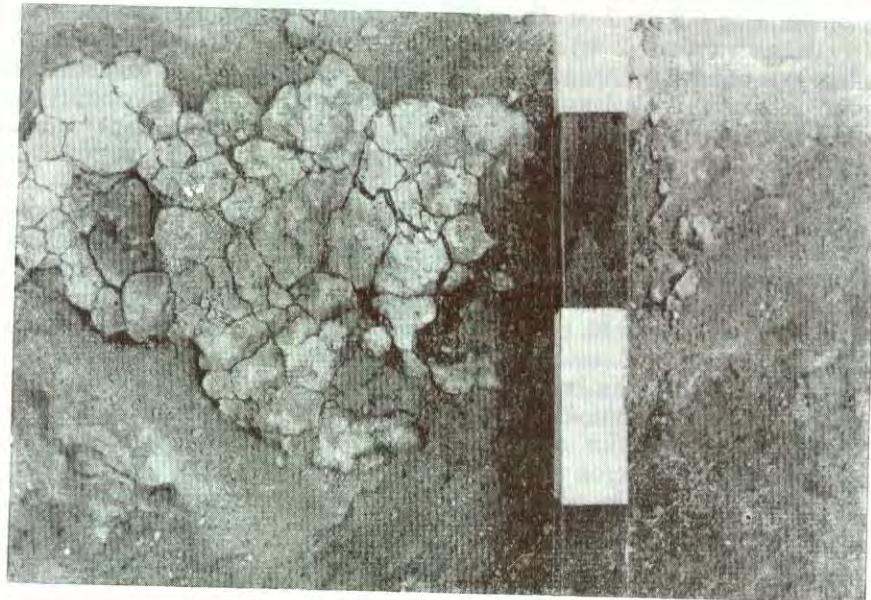

Рис. 38. Под глинобитной печи (жилище № 10)

Глинобитные печи, подобные реконструированной В. А. Городцовым, бытовали в рязанской деревне до сравнительно недавнего времени (рис. 39)²³. В одном из лучших этнографических сочинений середины прошлого века «Год русского земледельца» В. Селиванова мы находим описание способа сооружения подобной печи: «Благо-

что в полу их два, а не четыре, как следовало бы ожидать. Это объясняется тем, что два передних закапывались в подпольную яму, а два задних — в землю непосредственно под полом. «В углу, назначенному для печи, устанавливался деревянный опечек на деревянных, врытых в землю столбах, возвышавшихся над поверхностью пола на аршин или четверти на три. На таком деревянном основании сбивали глиняную печь (материалы раскопок дают еще другой способ сооружения печи, непосредственно на грунте.—А. М.). Сперва делали на обручах из досок свод, долженствующий составлять внутренность печи, потом досками же обгораживали стороны обращенного внутрь избы места, где должна быть воздвигнута печь. В это обгороженное кубическое пространство в

²³ Исторические данные свидетельствуют о том, что древнерусские городские жилища в массе своей не отличались от деревенских, хотя археологическая проверка этого почти невозможна из-за неизученности синхронных городам селищ. Привлечение этнографических параллелей для изучения городского жилища древней Руси правомерно, так как очевидно, что древние типы жилища, исчезнувшие в городах под влиянием городской культуры, сохранились в современной деревне. Употребляя в отношении этнографических данных выражения «до наших дней», «современная», я имею в виду деревню и жилища конца XIX — начала XX в., к какому времени относятся основные этнографические сочинения. Современная нам деревня, быстро преобразуемая социалистическим хозяйством, утрачивает и в значительной мере уже утратила эти древние типы жилища.

²⁴ В. В. Селиванов. Год русского земледельца (1856—1857 гг.) Зарайского уезда Рязанской губернии. «Календарь Рязанской губернии на 1887 г.», стр. 69.

углу избы накладывали глину, нисколько не смачивая ее предварительно водою, а прямо в том виде, как она вынута из ямы, и утаптывали ногами и убивали чакмарами до тех пор, пока вся печь складывалась в один плотный ком. Тогда доски внутри и снаружи разбирались, а в готовой печи, чтоб ее просушить, немедленно разводили огонь. Хорошо сбитая печь никогда не трескается и по истечении многих лет бывает так крепка, что иногда нужно употребить много усилий, чтобы ее разрушить»²⁵. Этот способ сооружения печи представлен в нескольких открытых в Старой Рязани жилищах. Однако он не был единственным.

При раскопках жилищ были встречены печи конической и цилиндрической формы, в ряде случаев внутри печин сохранились прутья и колышки. Это остатки печей, сооружавшихся путем обмазки глиной деревянного каркаса, который оставался внутри обмазки. Каркас из тонких кольев имела печь жилища № 30 (рис. 40). Толщина этих кольев 2—3,5 см; они служили стояками и ставились с промежутком в 13—15 см и затем переплетались менее толстыми прутьями. Плетневая основа облепливалась снаружи и изнутри глиной. Свод делался полуциркульным (коробовым), снаружи по его краю шел закругленный валик (рис. 41). Для предохранения печи от растрескивания при просушке свод накрывался сверху грубой тканью, оставлявшей отпечатки на глине. Под печи обычно делали на досках и многократно подмазывали. Следы этих подмазок и постепенного утолщения пода ясно видны в разрезах печей.

В одном из раскопанных в 1946 г. жилищ в своде печи было прослежено круглое отверстие с тщательно отделанным краем, слегка отогнутым вверх, как венчик большого сосуда. В раскопках Городцова при разборке печи жилища № 14 также было найдено большое глиняное кольцо с внутренним диаметром 10 см, явившееся, по мнению исследователя, частью устройства печи (очевидно, также свода). Так как во всех случаях найденные в Старой Рязани печи были разрушены, то не удается изучить в деталях различные их типы. Хорошо прослежены лишь вышеописанные, сбитые из глины прямоугольные с плоским верхом или

обмазанные глиной на плетневой основе печи с коробовым сводом.

Глинобитная печь в нашей стране известна с трипольского времени²⁶ и до наших дней²⁷. В течение веков формы и конструкции печи, естественно, менялись. Но и для жилищ одной эпохи, хронологически и терри-

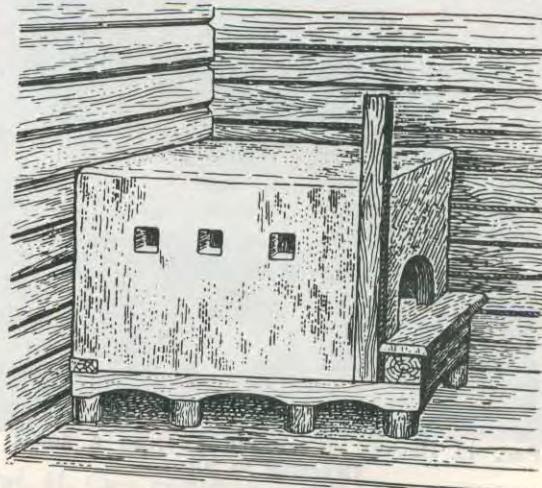

Рис. 39. Глинобитная печь в деревне Казаковой (слобода Старой Рязани), усадьба крестьянина Н. И. Ускова. Печь сооружена в 1891 г. Зарисовка 1926 г.

ториально сравнительно близких, мы можем наблюдать многообразие форм. Такое явление наблюдается и в жилищах Киевской земли, хронологически близких к старорязанским. В Киеве встречены печи, вырезанные в массивном пласте нанесенной и плотно утрамбованной глины, со сводом, вылепленным из глины с примесью соломы (на горе Киселевке); печи с каркасом из хвороста, расположенные непосредственно на грунте; печи с каркасом из прямоугольных колышков со сводом прямым, суженным вверху наклоном стенок и, вероятно, с существовавшим отверстием вверху (на территории Михайловского монастыря)²⁸. Интересна ши-

²⁶ Т. Пассек. Трипольские модели жилищ. ВДИ, № 4 (5), 1938, стр. 235—247.

²⁷ О глинобитных печах, бытовавших до недавнего времени, см., например, «Этнографический сборник», вып. 1, 1853; Верхневолжская этнографическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926; В. Д. Мачинский. Крестьянское строительство в России, стр. 43—45.

²⁸ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, стр. 11, 181.

²⁵ Там же, стр. 19.

роко распространенная в киевских жилищах XI—XIII вв. конструкция пода печи из слоя битой глиняной посуды, покрытой глиняной

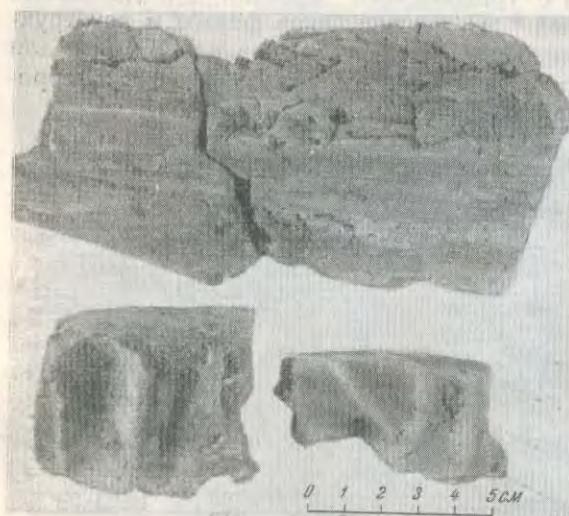

Рис. 40. Печины со следами прутьев и досок (жилище № 30)

обмазкой. Хорошо сохранившаяся печь в землянке киевского художника XIII в. имела свод полусферической формы, сделанный из глины на деревянном каркасе. Размеры печи (по поду) $1,50 \times 1,17$ м²⁹. Разнообразной формы печи открыты в Киеве и в Белгороде раскопками В. В. Хвойки, среди них печи в виде усеченного конуса, прямоугольные и другие³⁰. Впрочем, сделанные Хвойкой реконструкции открытых печей³¹ заставляют усомниться в том, что они целиком основаны на материале раскопок. Большая глинобитная печь открыта Б. А. Рыбаковым на Вещижском городище.

Печи, подобные старорязанским, открыты также А. П. Смирновым при раскопках булгарского городища Сувар³². Он считает, что глинобитные печи появляются у волжских булгар под воздействием славянизации³³.

²⁹ М. К. Каргер. Землянка-мастерская киевского художника XIII в., КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 6—7.

³⁰ В. В. Хвойка. Древние обитатели среднего Приднепровья, стр. 73 и 91.

³¹ Изданы Л. Нидерле в Slovanské Starožinosti Oddíl kultury, вып. 2, 1913, гл. V.

³² А. П. Смирнов. Сувар. Труды ГИМ, т. XVI, 1941, стр. 141—144.

³³ Его же. Волжские булгары. М., 1951, стр. 23.

Разнообразие типов печи как в Киевской земле, так и в Рязани, и длительное существование глинобитной печи самой примитивной формы на территории нашей страны вообще не позволяют установить какой-то эволюционный ряд (на Украине и в Молдавии глинобитные печи — самого примитивного типа — сохраняются и сейчас в виде летних печей, вынесенных из жилища) или утверждать, что определенному периоду времени в пределах одного-двух столетий свойственна определенная форма и конструкция печи.

Несомненно лишь то, что в домонгольское время печи были глинобитными, что кирпичная печь появилась позже, но никогда не вытесняла глинобитную, а существовала одновременно с ней.

Печная труба появилась и распространилась сравнительно недавно³⁴. В летописи «дымницы» упоминаются впервые в 1560 г. в Новгороде³⁵. Однако на планах и чертежах XVII в. большинство жилых построек изображено без труб. В сельских местностях курная изба стала исчезать главным образом во второй половине XIX в.³⁶. Между тем, если считать первым шагом к сооружению трубы устройство отверстия для тяги в своде печи, то необходимо указать, что такие отверстия существовали в самые различные эпохи — и в трипольских печах и в печах на городище «Монастырище», а также в Киеве и Старой Рязани.

В этом отношении интересно наблюдение, свидетельствующее о том, что печная труба была изобретена следующим образом: сначала проделали дыру для тяги и постепенно удлиняли ее вверх в виде трубы, пока ее не вывели наружу³⁷.

Кроме глинобитных печей, существовал и другой вид — печи-каменки. Печь-каменка, подобно глинобитной, известна в разные исторические эпохи. В Старой Ладоге она появляется в IX—X вв. и на севере удерживается

³⁴ В последнее время появилось предположение о печах с дымоходами XII в., открытых во Вещиже. Пока это единственное известие о древнерусских дымоходах.

³⁵ ПСРЛ, т. III, стр. 160.

³⁶ А. Харузин. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907, стр. 177.

³⁷ Troels Lund. Das tägliche Leben in Skandinavien während des sechzehnten Jahrhunderts. Kopenhagen, 1882.

ется до недавнего времени в жилищах³⁸ и широко распространена в банях.

На юге нашей страны каменки позже X в. почти не встречаются. Печь-каменка в Старой Рязани ни разу не найдена. Это естественно, так как рязанское жилище в основном связано с южной традицией.

Очаг из плоских известковых камней найден в Старой Рязани вне жилища. Он служил, вероятно, летней печью. Ни ямы с тягой, ни открытые очаги в жилищах не обнаружены. Впрочем, во многих жилищах найдены камни размером в кулак и больше с явными следами действия огня, возможно, принадлежавшие к разрушенным очагам. Можно предположить, что они существовали вместе с печью, а иногда — в бедных жилищах — и вместо нее. Не об открытом ли очаге говорится в Изборнике Святослава, где «теплые храмины» господ противопоставляются жилью бедноты: «вздохни, подумав о бедных, как стонут они, над малым огнем скорчившись, имея большую беду глазам от дыма, согревая лишь руки, когда плечи и все тело замерзают»³⁹. В жилищах, раскопанных в Суздале и относящихся к XI—XII вв., очагов также не обнаружено⁴⁰. Вылепленные из глины, они вскрыты вместе с глинобитными печами при раскопках в Белгородке⁴¹. Землянки без печей, но с очагами и предочажными ямами обнаружены в Вышгороде, в слое XI—XII вв.⁴².

Даже учитывая неопределенность археологического термина «очаг», которым обычно обозначают различные сооружения для отопления (прослеживаются в виде груды обожженных камней или прокалившейся земли), можно утверждать, что в древнерусских жилищах существовал открытый очаг. Косвенным указанием на существование таких очагов в древнерусском жилище является наличие в их инвентаре котлов и цепей, на которых эти котлы подвешивались над

Рис. 41. Свод глинобитной печи (жилище № 30)

огнем. Подобное устройство встречается даже в современных крестьянских избах. Шесток в современной русской печи, на который выгребают из печки угли, когда она истоплена, и где на треноге-тагане варят или подогревают пищу, также является отражением былого очага⁴³.

Длительное существование открытого очага в славянском жилище (а в позднейшее время сосуществование его с печью даже в период всеобщего распространения печей), устанавливаемое археологически, разъясняет нам вызвавшее столько недоумений сообщение Ибн-Русте о зимнем жилище славян и его отоплении⁴⁴. Исследования П. Н. Третьякова установили, что в IV—V вв. н. э. в Поволжье действительно имел место способ отопления, описанный Ибн-Русте и заключавшийся в том, что раскаленные камни очага обливали водой,— способ, заставивший

³⁸ В. Д. Мачинским в книге «Крестьянское строительство в России» приведены рисунки подобных печей, заимствованные из книги Karelka Byggnauder architect-Blomstedt och Sucksdorff. Helsingfors, 1900.

³⁹ В. Шимановский. К истории древнерусских говоров. Варшава, 1887, стр. 42.

⁴⁰ А. Ф. Дубинин. Археологические исследования г. Суздаля. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 91—99.

⁴¹ В. В. Хвойка. Древние обитатели среднего Приднепровья, стр. 87.

⁴² ВДИ, № 1 (2), 1938, стр. 114.

⁴³ D. Zelenin. Russische (ostslavische) Volkskunde. Berlin und Leipzig, 1927, стр. 263.

⁴⁴ А. Д. Хвольсон. Известия Ибн-Даста о хазарах... СПб., 1869, стр. 33; А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 266.

предположить, что арабы смешивали жилище русских с баней⁴⁵. Очевидно, и в начале X в. (к этому времени восходят источники Ибл-Русте) у славян сохранялся открытый очаг, хотя в это время уже существовали печи. Очень показателен переход от открытого очага к печи и сосуществование того и другой в раннеславянских городищах, например в Боршеве. Здесь, наряду с открытыми очагами из булыжника или со стенками, высеченными в мелу, встречается уже и глинообитная печь с полукруглым сводом, обложенным камнями.

Учитывая вышеприведенные данные, можно предположить с большой долей вероятности, что найденные в старорязанских жилищах булыжники с сильными следами воздействия огня являются остатками открытых очагов, существовавших наряду с печами.

В Старой Рязани печь обычно была расположена в середине избы. Это установлено исследованиями В. А. Городцова и А. А. Мансурова⁴⁶. Так как контуры наземного жилища в Старой Рязани очень трудно установить ввиду плохой сохранности дерева, положение печи определялось по расположению подпольных ям. В тех случаях, когда их было две, они располагались по обе стороны печи, тем самым определяя положение печи в средней части избы, но, вероятно, не в центре, а у стены. Новые раскопки не опровергают выводов Городцова о местоположении печи в старорязанском наземном жилище. Нельзя лишь утверждать, что центральное положение печи свойственно всем жилищам Старой Рязани⁴⁷, так как в ряде слу-

⁴⁵ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, стр. 54.

⁴⁶ См. А. А. Мансуров. Древнерусские жилища, стр. 75.

⁴⁷ В статье «О древнерусском деревянном зодчестве» (Архитектура СССР, вып. 14, 1947) Н. И. Брунов, ссылаясь на историческое развитие печи из очага, находившегося в центре жилища, утверждает, что все древнерусские жилища унаследовали от первобытного жилища расположение печи в середине избы. Это не совсем верно и вообще и в частности для Старой Рязани, на пример которой Н. И. Брунов ссылается. Прежде всего само положение печи в избе определялось не только и не столько традицией, сколько удобствами отопления по-черному: устье печи всегда было повернуто к двери, и даже когда появилось волоковое окно, для вытяжки дыма его устраивали рядом с дверью. Кроме того, далеко не всегда в древнерусских жилищах печь занимала середину помещения. Даже в древнейших, где тради-

чаев, когда в жилище открыта только одна подпольная яма, определить положение печи не удается, и она могла быть как в лю-

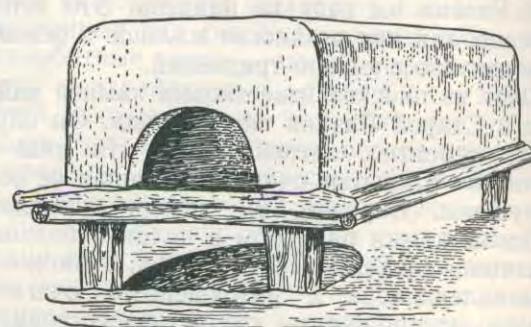

Рис. 42. Реконструкция старорязанской глинообитной печи (В. А. Городцова)

бом углу, так и в середине избы. Так, например, в открытой нами полуземлянке (жилище № 4) печь находилась в северо-западном углу.

Внутреннее устройство старорязанского жилища нам почти неизвестно (кроме наличия подпольных ям и формы и положения печей). Что касается полуземлянок, то можно утверждать, что вдоль стен шли сидения или нары (подобно таким же в суздальских землянках). Неподвижные лавки для сидения вдоль стен, сохранившиеся в русских избах (и в славянских жилищах вообще) до наших дней, имеют очень древнюю традицию. Лежанки между печью и стеной открыты в киевских полуземлянках, а также в землянках Вышгорода и суздальских.

Что касается устройства крыш старорязанского наземного жилища, то В. А. Городцов пришел к выводу, что они были двускатными тесовыми или соломенными. К этому заключению его привели обнаруженные в одном случае лежавшие под острым углом другу к другу сгоревшие бревна, которые можно объяснить, как остатки упавших слег, а также найденные в жилищах обуглившаяся солома и желтовато-серая зола, позволившие предположить, что это следы сгоревшей соломенной крыши⁴⁸. Хотя материалы рас-

ция очага должна была бы сказываться сильнее, печи часто расположены были в углу, как это делается в современных крестьянских избах.

⁴⁸ А. А. Мансуров. Древнерусские жилища, стр. 71.

копок явно недостаточны для такой реконструкции, нет оснований возражать против нее, так как подобный способ покрытия широко был распространен в Рязани в недавнем прошлом и частично сейчас⁴⁹.

4

Хронологическое распределение открытых в Старой Рязани жилищ позволяет установить пока лишь следующее. В. А. Городцов считал, что открытые им дома принадлежали к последнему периоду существования Рязани и погибли при нашествии Батыя. Как показывает изложенный выше материал, это неверно. Все открытые на Северном городище жилища датируются XI—XIII вв., а в дальнейшем можно ожидать находок домов, относящихся и к более древнему периоду, так как в культурном слое городища найдена лепная керамика VIII—IX вв. Одна часть из изученных нами жилищ с остатками глиновитых печей появилась в глубокой древности; другая часть принадлежит к позднейшему времени и погибла от пожаров в 1208 и 1237 гг. Здесь мы встречаем даже дома XIV в. и позднейших столетий.

Очевидно, монгольское нашествие, сильно изменившее жизнь города (что отразилось, в частности, на изменении бытового инвентаря), не вызвало резких преобразований в устройстве жилого дома. Жилища XIV в. подобны более ранним, домонгольским.

Удивительно сходство старорязанских полуземлянок с современными им жилищами Киевской земли. М. К. Каргер, открывший и

изучивший в последние годы целую серию киевских жилищ, пишет: «Землянки обычно в плане четырехугольные, близки квадрату, наземная часть этих жилищ восстанавливается только гипотетически и далеко не во всех частях. Судя по весьма фрагментарно сохранившимся остаткам изучаемых частей построек, они представляли несколько различных решений. Широкое распространение имел тип жилища с вертикальными столбами по углам и в середине стен. Промежутки между последними заполнялись глиной или зашивались досками, врубленными в пазы вертикальных столбов (как и в Старой Рязани.—А. М.). Двускатная кровля таких жилищ опиралась на столбы, остатки которых находятся в средней части двух параллельных стенок. Вероятной формой надземной части жилища являлся также сруб в несколько венцов, сооружавшийся над вырытым в материке углублением»⁵⁰.

Тип застройки в Старой Рязани, расположение жилища относительно двора и улицы, плотность застройки и тому подобные вопросы пока остались невыясненными, так как ответ на них можно получить лишь в результате дальнейших широких раскопок. Вообще же можно утверждать, что древнерусские жилища XI—XIII вв. большей частью однокамерные, с хозяйственными постройками, примыкающими к жилищу или расположенными в стороне. Нередко, однако, встречаются двух- и даже трехкамерные жилища.

Согласно принятой этнографами классификации, основные типы восточнославянского жилища различаются по высоте пола над землей и по материалу: это рубленая изба на подклети и мазанковая хата. Хата, в отличие от избы на подклети, устраивалась непосредственно на земле, а не на возвышении из сруба. Избы на подклетях были распространены только у северных великорусов. Предполагается, что первоначально широко распространенным типом жилища была землянка, потом хата, и лишь в XIV—XV вв. «на русском Севере глубокий снег, весенние наводнения и необходимость защищаться от лесных зверей заставили русских поднять

⁴⁹ Здесь уместно отметить, что совершенно неясны основания для настойчиво отстаивавшегося Д. К. Зелениным утверждения, что четырехскатная крыша у восточных славян древнее других типов крыши (D. Zelenin. Russische (ostslavische) Volkskunde, стр. 265; Его же. Об исторической общности культуры русского и украинского народов. СЭ, т. III, 1940, стр. 27). Этнографические материалы свидетельствуют о сравнительно позднем распространении четырехскатной кровли, о том же говорят и рисунки XVII в. (план Тихвинского монастыря, план части Новгорода конца XVII в.). Археологические материалы также свидетельствуют о древнейшем типе двускатной кровли (Березники, Боршево, некоторые из открытых в Киеве жилищ). В курганах XI—XIII вв. в Волынской губернии над трупами были устроены особые деревянные срубы, венчающиеся деревянной двускатной крышей. А. А. Спицин. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении, ЗРАО, новая серия, т. XI, стр. 286.

⁵⁰ М. К. Каргер. Жилище Киевской земли. Рефераты научно-исследовательских работ Отделения истории и философии АН ССРР за 1945 г., стр. 84—85; Его же. Археологические исследования древнего Киева, стр. 170—187.

хату высоко над землей»⁵¹. Изучая современные типы крестьянской застройки, В. Д. Мачинский показал, как в направлении с юга на север, в лесную зону, возрастает значение дерева как строительного материала, который все дальше оттесняет плетень, глину, са- манный кирпич и, наконец, совсем их вытесняет. Пол поднимается все выше и выше над почвой.

Граница между избой и хатой точно не установлена, но она проходит по Владимирской и Рязанской областям, в южных частях которых господствует хата⁵². Во Владимирской области хата распространена в зоне «ополья». Здесь дома низенькие, с глинобитными и деревянными полами, без подполья и подклети; вокруг же Владимира избы высокие, с теплым помещением для скота под ними. Многие дома в городе ничем не отличаются от деревенской избы.⁵³

В южных районах Рязанской области срубные избы строятся из березы и осины и стоят 15—20 лет. Наряду с бревенчатой избой здесь встречается иной тип постройки. Вкапывают четыре столба, между ними ставят вертикально жерди или тесины, заплетают их лозой и обмазывают слоями глины внутри и снаружи. Псл обычно деревянный, иногда земляной. Печь из кирпича или глинобитная. Крыша двускатная, покрытая соломой, промазанная глиной. Встречаются и землянки (в качестве временных жилищ у погорельцев землянки наблюдались в селах Сапожковского уезда — Самодуровке, Красном, Дегтяных Борках). Землянки представляют собой ямы глубиной до 1,5 м, над которыми поставлена двускатная крыша высотой до 1 м. Размеры землянок от 4,25×3,75 до 3,25×2,15 м. Изнутри землянка выстлана легким тесом. Дверь делается с узкой стороны. Печь представляет собой

⁵¹ Д. Зеленин. Об исторической общности культуры русского и украинского народов. СЭ, т. III, 1940, стр. 28. В это правильное в целом замечание Зеленина следует внести поправку. Высокая подклеть северных изб появилась не в XIV—XV вв., а, как это доказано раскопками в Новгороде, значительно раньше.

⁵² См. K. Rhamm. Die Altslawische Wohnung. Braunschweig, 1910, а также рецензии Д. Зеленина на книгу Рамма «Живая старина», 1911, и Archiv für slawische Philologie, Berlin, 1911, стр. 594—605.

⁵³ Сборник сведений о сельскохозяйственных постройках. Сельские постройки во Владимирской губернии. Журнал Министерства государственных имуществ, кн. VII (ч. 56), 1855, стр. 191.

глинобитный куб с отверстием для дров. Когда лепят печь, то место, где должно быть чело, закладывают пнями; когда печь готова, пни выжигаются. Иногда печь ставят на подпечке из невырытой земли в 0,75 м высотой⁵⁴.

Нужно думать, что современная этнографическая граница между южновеликорусским и северовеликорусским жилищами определилась еще в древности, когда первое было представлено полуzemлянками, а второе — наземными домами. В Рязани, находящейся на границе этих двух зон, полуzemлянки сосуществовали с наземными домами. Хронологически они одновременны и датируются XI—XIII вв. То же самое мы видим и в Суздале, где рядом с полуzemлянками открыты подпольные ямы деревянных наземных домов с глинобитными печами. Можно предположить, что наземное жилище постепенно вытесняло полуzemлянку, но оснований для более точной датировки тех и других пока не имеется. В XI—XIII вв. на Руси развиваются два типа жилища — полуzemлянка и бревенчатая изба, граница между районами распространения которых примерно совпадает с границей распространения позднейшей хаты и избы на подклети. Таким образом, добывшие советскими археологами материалы дают некоторые основания для доказательства ранее высказанной гипотезы о том, что хата произошла из полуzemлянки, выбравшейся на свет⁵⁵.

Переходные типы от полуzemлянок к хате известны и описаны этнографами⁵⁶. Еще в XIX в. (по Л. В. Далю) в Херсонской губернии были нередки хаты, углубленные в почву. Естественно, намечая такую исторически сложившуюся границу, мы должны иметь в виду, что в древности типы жилищ

⁵⁴ Н. И. Лебедева. Народное жилище южных уездов Рязанской губернии. НАРМ, III-885 (рукопись 1926 г.).

⁵⁵ Ал. Харузин. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907, стр. 302; Ф. Е. Волков. Этнографические особенности украинского народа. Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. II. Пгр., 1916, стр. 507; В. Петров. З истории житла на Украине. Наукові записки Інст. ист. матер. культ. УАН, кн. I — Київ, 1934, стр. 75—101; Н. Н. Воронин и М. К. Каргер. Архитектура. История культуры древней Руси, т. II. М., 1951, стр. 245 и 247.

⁵⁶ Н. Ф. Сумцов. К истории хаты, Киевская старина, т. XXV, 1889, стр. 493—499.

были разнообразны и что в районах распространения полуземлянок всегда найдутся наземные дома, а в северных районах — низкие избы с земляными полами. В основном эти типы зависят от природных условий, с которыми часто связаны и материал, и техника, и форма жилища. Однако неправильно было бы думать, что особенности в постройке жилища определяются только географическим фактором и целиком зависят от климата и почвы. Исторический фактор — древние традиции, связи и влияния, колонизационные движения — также играет немаловажную роль⁵⁷. В самом деле, если рассматривать северные жилища по методу Мачинского, то легко убедиться, что далеко не все они имеют одинаково повышенный пол; совершенно необязательно, чтобы в наиболее северных районах пол был выше. И на юге, в Киевской земле, наряду с полуземлянками были наземные жилища⁵⁸. Само по себе географическое положение жилища на севере еще не определяет все элементы его устройства. Наземное жилище и полуземлянка возникли одновременно и независимо одно от другой еще задолго до того, как сложились восточнославянские племена. Проследить же непрерывную древнейшую традицию в формах и конструкции жилища на одной и той же территории при нынешнем состоянии источников трудно.

Однако в отношении старорязанских построек есть основания говорить о преемственности типа полуземляночного жилища. Ведь киевские полуземлянки, так удивительно похожие на рязанские, непосредственно восходят к роменским. Раннеславянские поселения, предшествующие так называемой «великокняжеской эпохе», дают тот же тип полуземляночного жилища, обнаруживаемого в раскопках в виде прямоугольных ям площадью от 3×4 до 4×5 м и глубиной от 0,5 до 1 м⁵⁹. В углах полуземлянок обычны

⁵⁷ С. П. Толстов. Русские крестьянские постройки. «Этнография», № 1—2, 1927, стр. 175—184 и 359—366; Его же. К проблеме аккультурации. «Этнография», № 1—2, 1930.

⁵⁸ Имеется сообщение о наземных деревянных жилищах, якобы открытых Хвойкой в Поднепровье, но оно нуждается в проверке. В. Е. Козловская. Славянские курганы и городища, как исторические источники. Киев, 1914, стр. 23.

⁵⁹ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 32, 1907, стр. 55—68; И. Ляпушкин. Мате-

риалии к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КСИИМК, вып. XII, стр. 11—120; Его же. Старо-слов'янське поселення XII—XIII ст. на території м. Полтави: «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I. Київ, 1949, стр. 65 и след., Его же. Раннеславянські поселення дніпровського лесостепного Левобереж'я. СА, т. XVI, 1952, стр. 22—27.

Откуда этот тип жилища проник в Рязанскую землю? Связано ли это с поздней колонизацией из Киевской земли или с более ранней традицией? Здесь имеют значение два момента. Во-первых, полуземлянка в форме прямоугольника со стенами, обложенными досками, и с угловыми столбами существовала в Рязанской земле еще в эпохугородецких городищ⁶⁰. Но прямой преемствен-

риалии к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X ст. КСИИМК, вып. XII, стр. 11—120; Его же. Старо-слов'янське поселення XII—XIII ст. на території м. Полтави: «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I. Київ, 1949, стр. 65 и след., Его же. Раннеславянські поселення дніпровського лесостепного Левобереж'я. СА, т. XVI, 1952, стр. 22—27.

⁶⁰ На городище у села Петровского землянки IX—X вв. четырехугольные, с 6—8 ямками для столбов, с глинобитной печью, с подпольными ямами. П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. «Археологія», т. I. Київ, 1947, стр. 129 и след.

⁶¹ Например, на Донецком и Ницахском городищах в жилищах IX—X вв. В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экспедициями XII археологического съезда. I. Донецкое городище; II. Ницахское городище и курганы. Труды XII археологического съезда в Харькове, т. I, стр. 110—130; А. Федоровский. Археологічні розкопки в околицях Харкова. Хроніка археології та мистецтва, 1930, вып. I, стр. 6—10.

⁶² М. Макаренко. Городище «Монастырище». Науков. збірн. істор. секції УАН, 1924, т. XIX, стр. 76.

⁶³ В. А. Городцов. Бытовая археология М., 1910, стр. 378.

ности между жилищем городецкой культуры и более поздним мордовским мы не можем проследить, так как жилища V—X вв. здесь не изучены. Во всяком случае нужно предполагать, что когда вятичи колонизовали среднее течение Оки и принесли сюда полуzemляночный тип жилища, эти жилища не были новостью для местного населения. Вторых, боршевские жилища, являющиеся наиболее вероятным прототипом старорязанских, близки к вышеописанным раннеславянским и отличаются от них лишь в деталях⁶⁴. Вятская колонизация из Подонья на среднее течение Оки должна была привести к появлению здесь полуzemляночных жилищ, даже если древняя традиция городецкого времени уже исчезла.

Появление в Рязанской земле наземного бревенчатого жилища, вероятно, связано с другим потоком колонизации — кривичской. Кривичские жилища, повидимому, были бревенчатыми и обмазывались по стенам глиной⁶⁵. Впрочем, и у вятичей, очевидно, были оба типа жилищ. Вятские погребения в бревенчатых срубах, вероятно, воспроизводят бревенчатые жилища согласно принятому в древности правилу, что жилища мертвых должны быть подобны жилищам живых.

Итак, в Рязанской земле встречаются два основных типа славянского жилища: северный, вероятно, связанный с кривичской колонизацией, возникший в условиях северного лесного ландшафта, в стране с сырой почвой и суровым климатом⁶⁶, и южный, распро-

⁶⁴ Такие же полуземлянки широко распространены на юге. Они были обнаружены и на Маяцком городище и в Верхнем Салтове. Каркасные дома, обмазанные глиной, также обычны в ранних памятниках алан.

⁶⁵ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства. ИОИФ, № 3, 1945, стр. 161.

⁶⁶ Археологические отчеты иногда отмечают наличие полуzemляночных жилищ на севере. Часто это наземные жилища, подполья которых принимают за контуры полуzemлянки, иногда же действительно жилища слегка углубленные в землю. Например, для Новгорода с его болотистой почвой были характерны наземные бревенчатые жилища. При этом в первом этаже находилась холодная клеть, во втором — жилище с печкой. Но близ Новгорода, на берегу Ильменя, в урочище Пернынь, где почва сравнительно сухая, раскопками 1948—1951 гг. открыты жилища с углубленным в землю полом. Конечно, такие примеры не нарушают основной схемы деления древнерусских жилищ на южное — полуzemляночное и северное — наземное.

страненный в лесостепной и степной областях, с относительно сухим климатом, с развитым земледельческим хозяйством, с недостатком леса как строительного материала. Этот тип связан с одним из южных племен, принявших участие в этногенезе великоруссов, — с вятичами. Вятичи восприняли его у своих ближайших соседей — жителей роменских городищ и принесли его на север. Различия в типах жилищ, подобно некоторым другим элементам культуры и быта, разделяющим северных и южных великоруссов, существовали уже в XI—XIII вв. Эта традиция сохраняется в течение веков, и даже современная граница между северовеликорусским типом двора и южновеликорусским приблизительно совпадает с намечаемыми археологическими районами колонизации кривичей и вятичей⁶⁷. Границей является река Пра. К северу от нее тип двора характеризуется перпендикулярным положением избы по отношению к улице, открытym четырехугольным двором, объединяющим в себе амбар, погреб, сарай. Все постройки бревенчатые с высоким поддомьем. К югу от Пры жилище характеризуется параллельным положением избы в отношении улицы, четырехугольным двором с амбарами, сарайми, мазанками, вынесенными на улицу или позади двора, на огород. Также характерно для северовеликорусского быта наличие бань. На территории Рязанской области они распространены к северу от Пры и на восток от реки Рановой⁶⁸, т. е. тоже в областях древней кривичской колонизации.

Эта граница между типами жилищ совпадает не только с границей вятской и кривичской колонизации, но и с границей лесостепной и лесной полос. Этот фактор был очень важным для сохранения древней традиции. Южная традиция в домостроительстве Старой Рязани поддерживалась и ее связями с Киевской и Черниговской землями.

Сравнение рязанских жилищ с жилищами булгарскими и мордовскими приводит к выводу о несомненном сильном воздействии русского типа жилища на соседей. Дома-

⁶⁷ А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища... СЭ, т. 4, 1948, стр. 54—69.

⁶⁸ Н. И. Лебедева. Жилища и хозяйственные постройки Белорусской ССР. Труды Государственного центрального музея народоведения, вып. I. М., 1929, стр. 80; Н. И. Лебедева и Н. П. Милонова. Типы поселений Рязанской области. СЭ, т. 4, 1950, стр. 107—132.

срубы в Булгаре и Суваре с деревянными полами, с ямами для хранения зерна, с глинообитными печами, так же как и дома с плетеными обмазанными с обеих сторон глиной стенами, почти тождественны с рязанскими жилищами того же времени. Вряд ли нужно для объяснения этого явления предполагать, что эти типы жилищ были заимствованы у хазар или восприняты непосредственно от антов⁶⁹. Это явление было позднее и передалось, повидимому, к болгарам от рус-

⁶⁹ А. П. Смирнов. Волжские булгари. М., 1951, стр. 139.

ских. У мордвы влияние русских сказывается не только в устройстве жилищ, но и в значительном количестве названий построек и их частей, заимствованных у русских (стена, порог, косяк, печь и т. д.)⁷⁰. При этом у мордвы-эрзи русское влияние сказалось сильнее, чем у мокши. Часть элементов сходства в устройстве русского и мордовского жилищ восходит к сравнительно поздним историческим эпохам, часть же — к очень древним временам.

⁷⁰ Н. Н. Харузин. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895, стр. 117.

V. КАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО

Укрепления и жилища в Старой Рязани, как и в других древнерусских городах XI—XIII вв., были дерево-земляными, каменными были лишь храмы. Однако если в Новгороде, Пскове, Киеве, Владимире и других древних городах Руси храмы сохранились с теми или иными изменениями и могут изучаться как архитектурные памятники, то в Старой Рязани, рано прекратившей свою жизнь, древние храмы сохранились в виде руин, лежащих под покровом земли, они вскрываются только в процессе археологического исследования. При этом в большинстве случаев удается изучить лишь планы сооружений, и только в некоторых случаях — отдельные их детали. Реконструкция облика здания всегда остается гадательной и спорной, так как при одинаковом решении плана характер здания может быть различным. Но все же, сопоставляя планы храмов, строительные приемы, примененные рязанскими мастерами, и отдельные детали, открытые раскопками, с другими древнерусскими храмами, можно составить общее представление о своеобразии рязанской архитектурной школы.

1

В 1836 г. местный любитель старины «купеческий сын» Д. Тихомиров раскопал находившийся в юго-западной части Старорязанского городища холм, скрывавший остатки большого храма. Неопытный руководитель раскопок, не имевший к тому же никакого вспомогательного штата для производства обмеров и зарисовок, вскрыв остатки здания, не сумел их ни зафиксировать, ни сохранить. Был применен такой способ исследования. Прорыв канаву в 2 аршина в северной части

холма, обнаружили стену храма. Далее, следуя по наружным сторонам стен, обкопали все здание. При этом не были замечены притворы, заваленные мусором, вынутым при раскопках центральной части. Когда наружная часть храма была очищена до фундамента, приступили к раскопкам внутри стен. Рисунки, приложенные к отчету¹, схематичны, но все же передают общие контуры здания. Однако описание руин очень кратко и вследствие неопределенной терминологии автора (называющего, например, кирпичную кладку то каменной, то плитяной, и т. п.) крайне запутано. Таким образом, это интереснейшее открытие было в значительной мере обесценено неумелым ведением работ.

К сожалению, проверка раскопок Тихомирова повторными раскопками оказалась невозможной из-за того, что остатки храма не были сохранены. В 1886 г. на месте древнего храма была построена часовня, причем были использованы бут и кирпичи древнего здания². В 1913—1914 гг. на месте древнего храма и разрушенной к этому времени часовни «изждивением местной помещицы Стерлиговой» был сооружен громоздкий уродливый храм. Этот последний похоронил под своими стенами все остатки древнего храма, кроме двух притворов. Последние, к счастью, не были замечены ни «археологом» Тихомировым, ни строителями церкви 1913—1914 гг.

В результате раскопок 1836 г. было

¹ Д. Тихомиров. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1844.

² В. Самаринов. Извлечение из дела о построении каменного храма или часовни в с. Старая Рязань, ТРУАК, т. III, 1888, стр. 35—103.

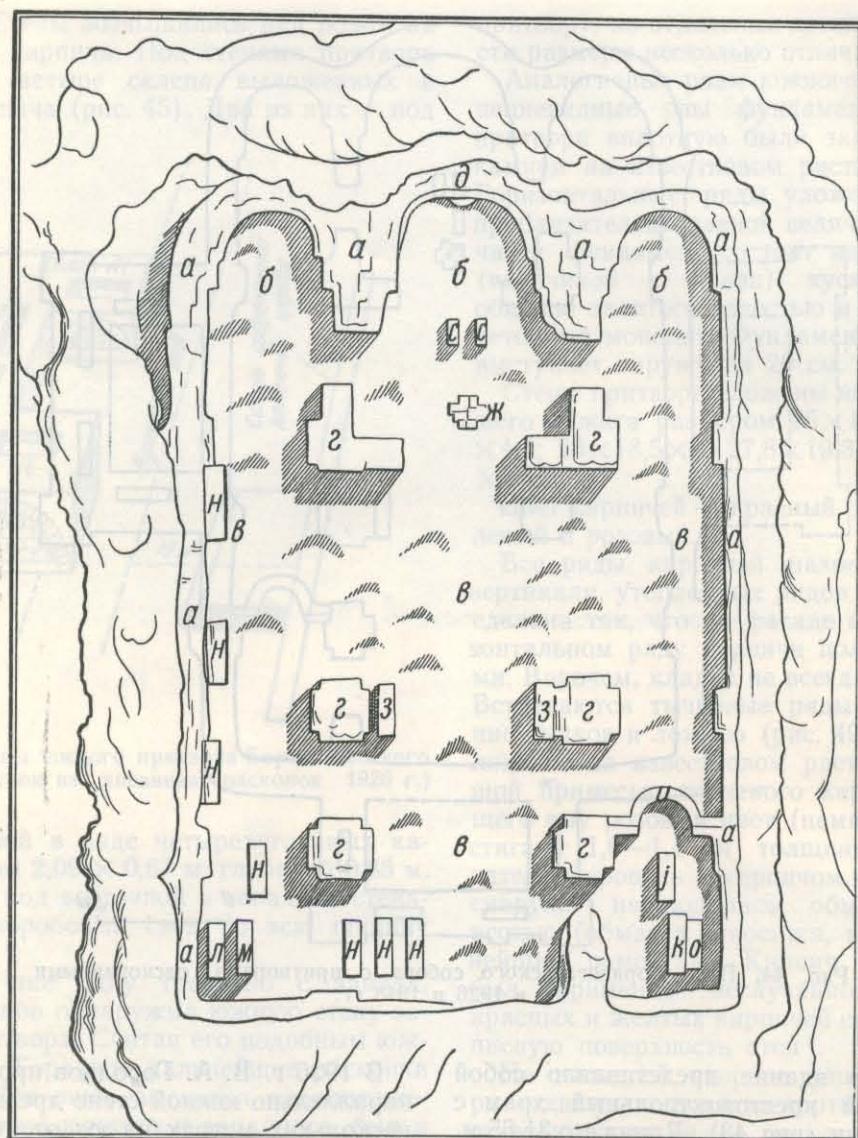

Рис. 43. План церкви (Борисоглебского собора), раскопанной в 1836 г. (Рисунок из книги Д. Тихомирова. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани)

a — стены церкви; *b* — три алтarya; *v* — перковый пол; *g* — столбы каменные, поддерживающие арки; *d* — полукружие с уступами (горнее место); *e* — каменные стены, основание престола; *ж* — плиты зеленые обливные, составлявшие пол алтаря; *з* — приложенные к столбам возвышенности из белого камня; *и* — придел небольшого размера; *j* — гроб, находившийся под плитами со стертыми неясными буквами; *к* — каменный гроб с 12 черепами и множеством костей; *л* — каменный гроб с 10 черепами; *м* — кирпичный склеп; *н* — гробы деревянные с остатками богатой одежды; *о* — каменный гроб с прахом 4 человек

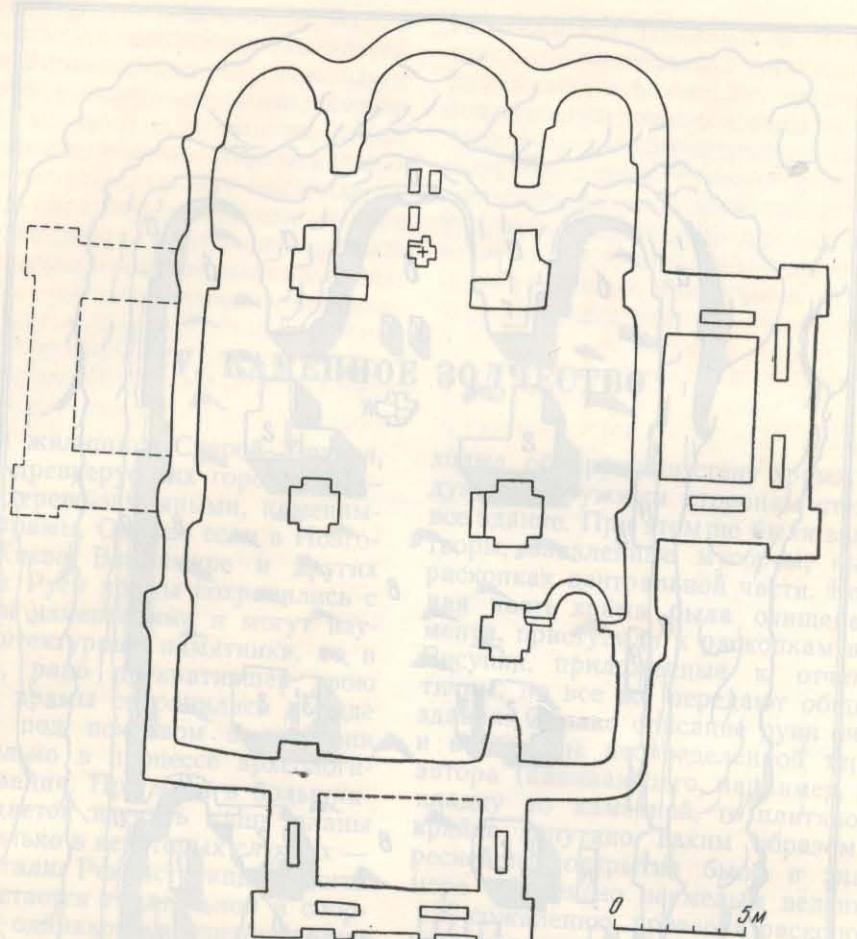

Рис. 44. План Борисоглебского собора с притворами, раскопанными в 1926 и 1948 гг.

выяснено, что здание представляло собой шестистолпный крестовокупольный храм с тремя апсидами (рис. 43). Длина его 31,65 м., ширина 19,9 м. Центральная апсида (6,4 м) значительно шире боковых (по 3,9 м). Столбы центральной и западной частей крестчатые, восточная пара плохо прослежена при раскопках. Столбам отвечают плоские лопатки. Между восточными столбами были найдены остатки фундамента, очевидно, алтарной преграды. В юго-западном углу находилось небольшое одноапсидное помещение, которое могло служить усыпальницей и крещальней. Толщина стен храма около 1,0 м; они сложены из кирпичей размером $26,7 \times 17,8 \times 6,67$ см³.

³ Д. Тихомиров. Ук. соч., стр. 5—14.

В 1926 г. В. А. Городцов провел траншею параллельно южной стене древнего храма, в нескольких метрах на юг от нее, и обнаружил южный притвор, сложенный из плитчатого кирпича на фундаменте из бута (рис. 44). Для фундамента были выкопаны рвы, имевшие трапециевидное сечение. Ширина рвов в верхней части была различна: восточного — 3,00 м, южного — 2,45 м, западного — 2,75 м; глубина 1,70 м. Такой же формы был и ров для фундамента южной стены храма. Его размеры: ширина в верхней части 2,75 м, ширина по дну рва 2,15 м; глубина 1,70 м. Ширина стен притвора, поднимавшихся над фундаментом, равнялась 2,50 м. На всем пространстве внутри притвора были открыты остатки пола из плитчатых

кирпичей. Стены возвышались над полом на 1—5 рядов кирпича. Под стенами притвора находилось четыре склепа, выложенных в буте из кирпича (рис. 45). Два из них — под

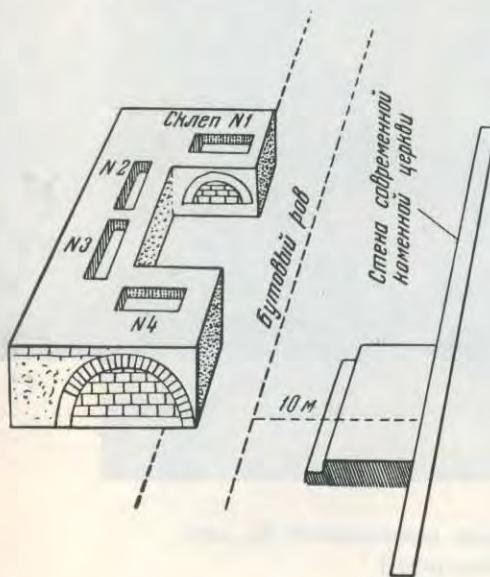

Рис. 45. Склепы южного притвора Борисоглебского собора. (Рисунок из дневника раскопок 1926 г.)

южной стеной в виде четырехугольных камер размером $2,09 \times 0,61$ м, глубиной 0,85 м. Два других под восточной и западной стенами имели коробовый свод во всю ширину фундамента⁴.

Проведя еще одну траншею с запада, В. А. Городцов обнаружил южную стену западного притвора. Считая его подобным южному, В. А. Городцов дальнейшие раскопки прекратил. Он лишь высказал предположение, что, кроме южного и западного, был и северный притвор. Все они придавали плану церкви крестообразную форму.

Ввиду того что в 1926 г., как признавал сам руководитель раскопок, архитектурная фиксация вскрытого притвора не была достаточно тщательна, а также для завершения исследования памятника в целом, летом 1948 г. был вскрыт западный притвор⁵ (рис. 46). Общая схема его подобна южному

⁴ В. А. Городцов. Дневник археологических раскопок..., лл. 65—69.

⁵ А. Л. Монгайт. Археологические исследования Старой Рязани. ИОИФ, т. VI, № 5, 1949, стр. 454—463.

притвору, но отдельные детали и в особенности размеры несколько отличаются (рис. 47).

Аналогичные рвам южного притвора, трапециевидные рвы фундаментов западного притвора вплотную были заполнены белым камнем на известковом растворе (рис. 48). Горизонтальные ряды уложены из камней приблизительно равной величины. В верхней части фундамент состоит из более мелких (величиной с кулак) кусков песчаника, обильно залитого известью и составляющего бетонный монолит. Фундамент шире стены и выступает наружу на 20 см.

Стены притвора сложены из кирпича хорошего обжига размером $25 \times 18 \times 4$; $25 \times 25 \times 4,5$; $26 \times 18,5 \times 5$; $27,8 \times 19,3 \times 4,5$; $28 \times 19 \times 5$ см.

Цвет кирпичей — красный, желтый или палевый и розовый.

Все ряды кирпичей находятся на одной вертикали, утопленных рядов нет. Перевязка сделана так, что на фасаде в каждом горизонтальном ряду кирпичи положены ложками. Впрочем, кладка не всегда систематична. Встречаются тычковые ряды или чередование тычков и ложков (рис. 49). Кирпичи положены на известковом растворе с небольшой примесью толченого кирпича, придающего ему розовый цвет (цемянка). Швы достигают 1,0—1,4 см толщины; они гладко затерты вровень с кирпичом. В двух местах снаружи наблюдалась обмазка стен известью (обмазка относится, видимо, к позднейшим ремонтам). Кирпич разных цветов был применен неслучайно,— чередование красных и желтых кирпичей создавало живописную поверхность стен⁶.

На западной стороне западного притвора — две узкие лопатки портала. На углах — широкие лопатки, не расчлененные угловой выемкой. У входа положена большая каменная плита. Пол притвора несколько приподнят над древней поверхностью земли, поэтому к входу вели три ступени из больших каменных плит. Полы выполнены из неполивных кирпичных плиток двух основных размеров: квадратных $18 \times 18 \times 4,5$ см и прямоугольных $25 \times 18 \times 4,5$ см. Ряды прямоугольных чередуются с квадратными (рис. 50). Плитки розового цвета, некоторые имеют

⁶ Подобный прием применен в Благовещенском соборе 1186 г. в Чернигове. См. Б. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, т. II, 1949, стр. 84.

Рис. 46. Общий вид раскопок западного притвора Борисоглебского собора

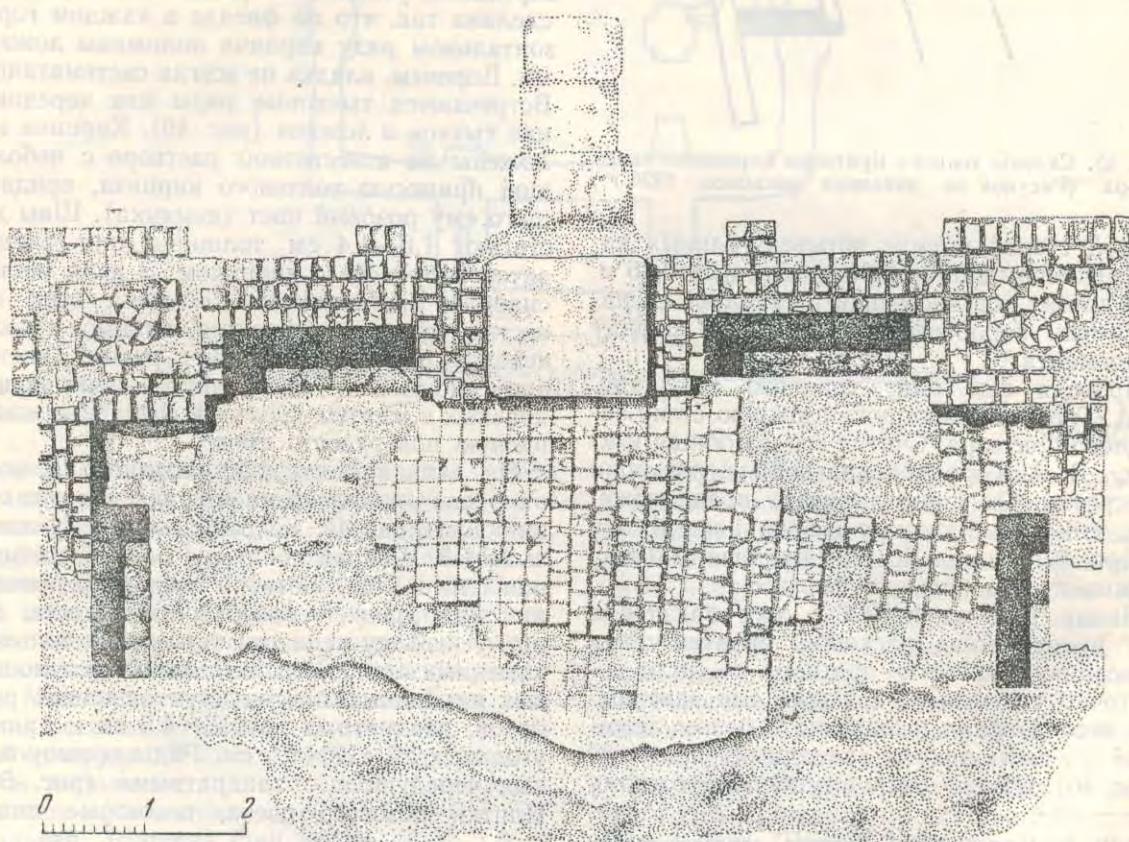

Рис. 47. План западного притвора Борисоглебского собора

Рис. 48. Белокаменная кладка фундаментов западного притвора
Борисоглебского собора

Рис. 49. Кладка стены западного притвора Борисоглебского собора

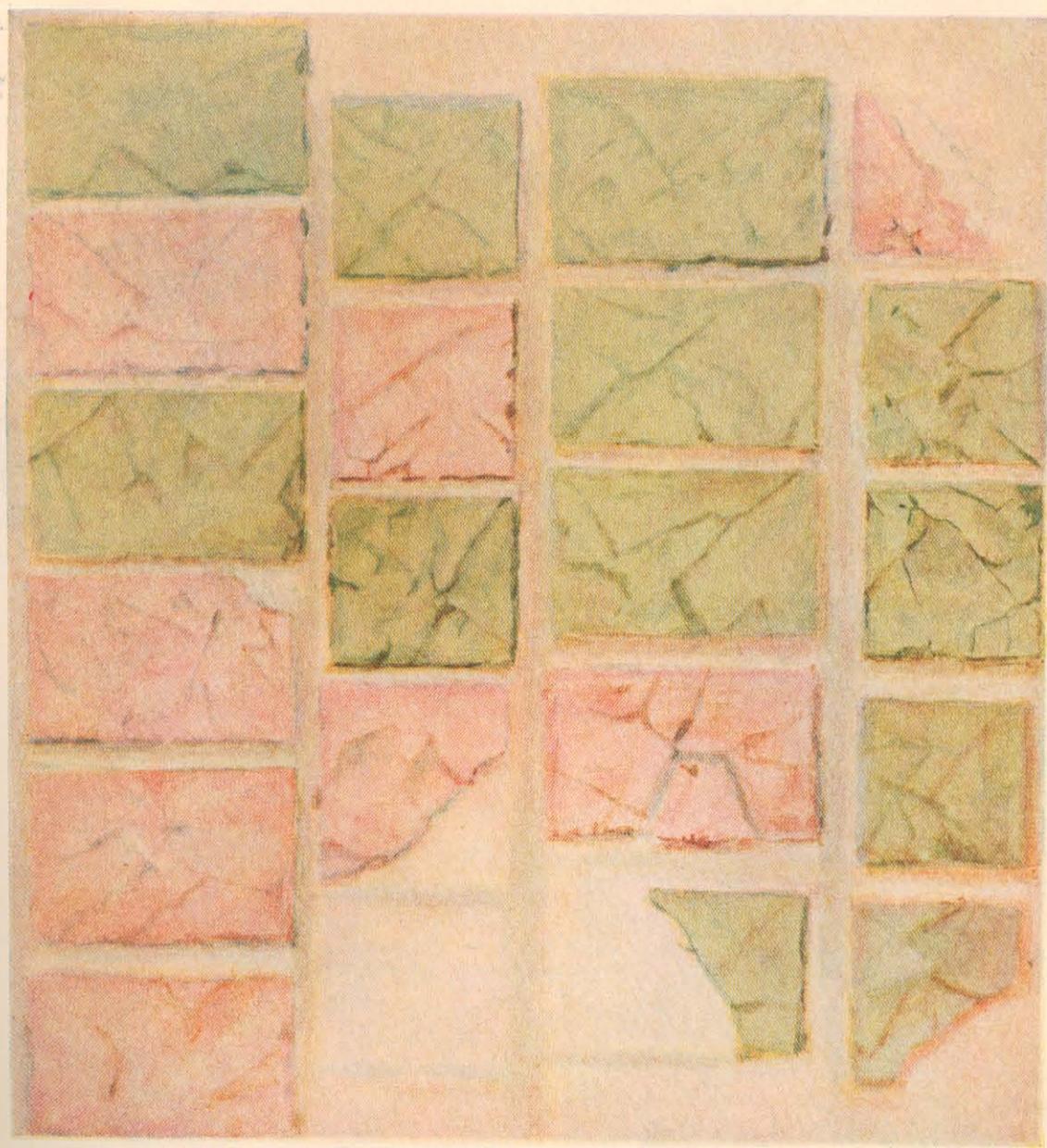

Рис. 51. Пол западного притвора Борисоглебского собора
(деталь).

голубовато-белый или желтый оттенок (см. рис. 51) ⁷.

В раскопках притвора найдены и поливные плитки, вероятно, употреблявшиеся для полов в храме, а в притвор попавшие слу-

Майоликовые плитки изготавливались в самой Старой Рязани. Раскопками 1902 г. был открыт горн, в котором обжигались поливные керамические изделия ⁹. Найдены также обломки мраморных облицовочных плиток бе-

Рис. 50. Пол западного притвора Борисоглебского собора (деталь)

чайно, со строительным мусором. Все поливные плитки квадратные ($12 \times 12 \times 2,5$ см), желтого или зеленого цвета. Покрашенных плиток в раскопках храма не обнаружено, хотя вообще они в Старой Рязани были ⁸.

⁷ На одной из плиток пола, найденных в западном притворе, сделан чертеж в виде двух вписанных один в другой прямоугольников и дуги. По мнению Б. А. Рыбакова, подобные чертежи служили модулем для расчетов мер длины.

⁸ В 1903 г. при раскопках в Старой Рязани была найдена декоративная строительная плитка, квадратная (8,5 см), покрытая с одной стороны блестящей эмалевой поливой желтого цвета «с орнаментом из слегка выпуклых зеленых стекловидных линий, параллельных и сходящихся под острым углом, пересеченных под прямым углом к параллельным зеленым линиям чертами; последние, повидимому, проведены каким-либо острым орудием, в то время когда эмаль еще не отвердела, вследствие чего зеленая и желтая полива тянулись за острием орудия». В. Крейтон. Раскопки в Старой Рязани в 1903 г. ТРУАК, т. XVIII, стр. 201. Эти плитки, судя по описанию, совершенно подобны белгородским. См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, рис. 98. Фрагменты таких же плиток найдены в раскопках экспедиции ИИМК (см. рис. 91, 3).

лого и розового цвета ¹⁰. Возможно, что ими были вымощены отдельные участки пола в храме. Подготовка под пол в притворе небольшой толщины: на поверхности земли уложен слой желтой хорошо утрамбованной глины, залитой слоем извести, в который и вдавлены плиты пола; известковая заливка неравной толщины (от 30 до 12 см), так как она выравнивала все неровности глиняного слоя до горизонтальной поверхности.

В западной стене западного притвора расположены два прямоугольных склепа (рис. 52, 1—2 слева). Нижняя часть склепа сложена из белого известняка, дно залито известью, стенки в верхней части выложены кирпичом. Под южной и северной стенами находились склепы, выложенные из кирпича в буте фундамента. Склепы имели коробчатый свод во всю ширину фундамента (рис. 52, 1—3 справа). Размеры кирпичей из

⁹ А. И. Черепнин. Кулаковский могильник... ТРУАК, т. XVIII, стр. 156—157, В. Крейтон. Дневник раскопок... Там же, стр. 202.

¹⁰ Раскопки Д. Тихомирова. Коллекция РОКМ.

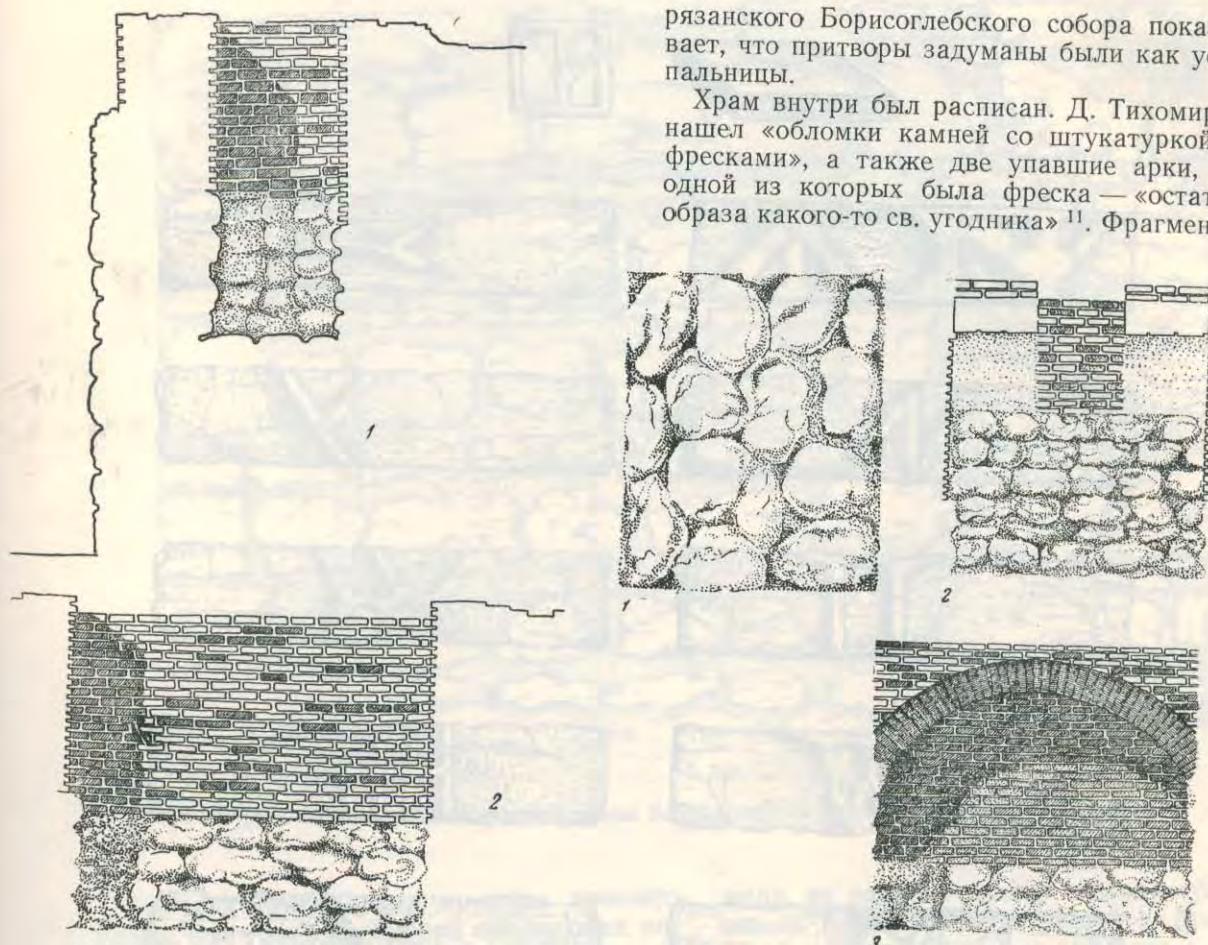

Рис. 52. Разрезы склепов западного притвора Борисоглебского собора.
Прямоугольный склеп; 1 — поперечный разрез; 2 — продольный разрез. Склеп с коробовым сводом: 1 — кладка основания
в плане (деталь); 2 — поперечный разрез; 3 — продольный разрез

кладки склепов приблизительно такие же, как и в кладке стен, иногда попадаются более крупные ($28 \times 20 \times 5$ — $5,3$ см). Многие кирпичи с клеймами. Все клейма ложковые (на боковых гранях). По рисунку они весьма разнообразны: в виде креста, стрелы, буквы «У» и другие (рис. 53).

В древнерусских храмах в нартексе обычно располагались погребальные ниши — аркосолии для княжеских погребений. Такие ниши были в нартексе и галерее Борисоглебского собора в Чернигове, в киевской Кирилловской церкви, Каневском соборе и других. Устройство склепов в фундаменте притвора

рязанского Борисоглебского собора показывает, что притворы задуманы были как усыпальницы.

Храм внутри был расписан. Д. Тихомиров нашел «обломки камней со штукатуркой и фресками», а также две упавшие арки, на одной из которых была фреска — «остатки образа какого-то св. угодника»¹¹. Фрагменты

11 Д. Тихомиров Ук. соч., стр. 18.

фресок в большом количестве найдены при раскопках притворов. Некоторые принадлежат, очевидно, к фигурным изображениям (рисунки глаза, уха, части одежды), но большинство орнаментально. Цвета: желтый, коричневый, красный (киноварь), синий, светло-зеленый. На фресках имеются граффити, изображающие человечков, орнаменты, молитвенные формулы, имена. Известковый грунт фресок, отощенный мелом или мелко истолченным мрамором, имеет примесь кости, пакли или льна, а также мелко

¹¹ Д. Тихомиров Ук. соч., стр. 18.

многой яркое отображение гравировок, а на кирпичах — изображения, вырезанные в камне.

Кирпичей с листовыми клеймами изображают на фресках в Борисоглебском соборе, а также чашечку под кружкой из кирпича — складной чайник из кирпича.

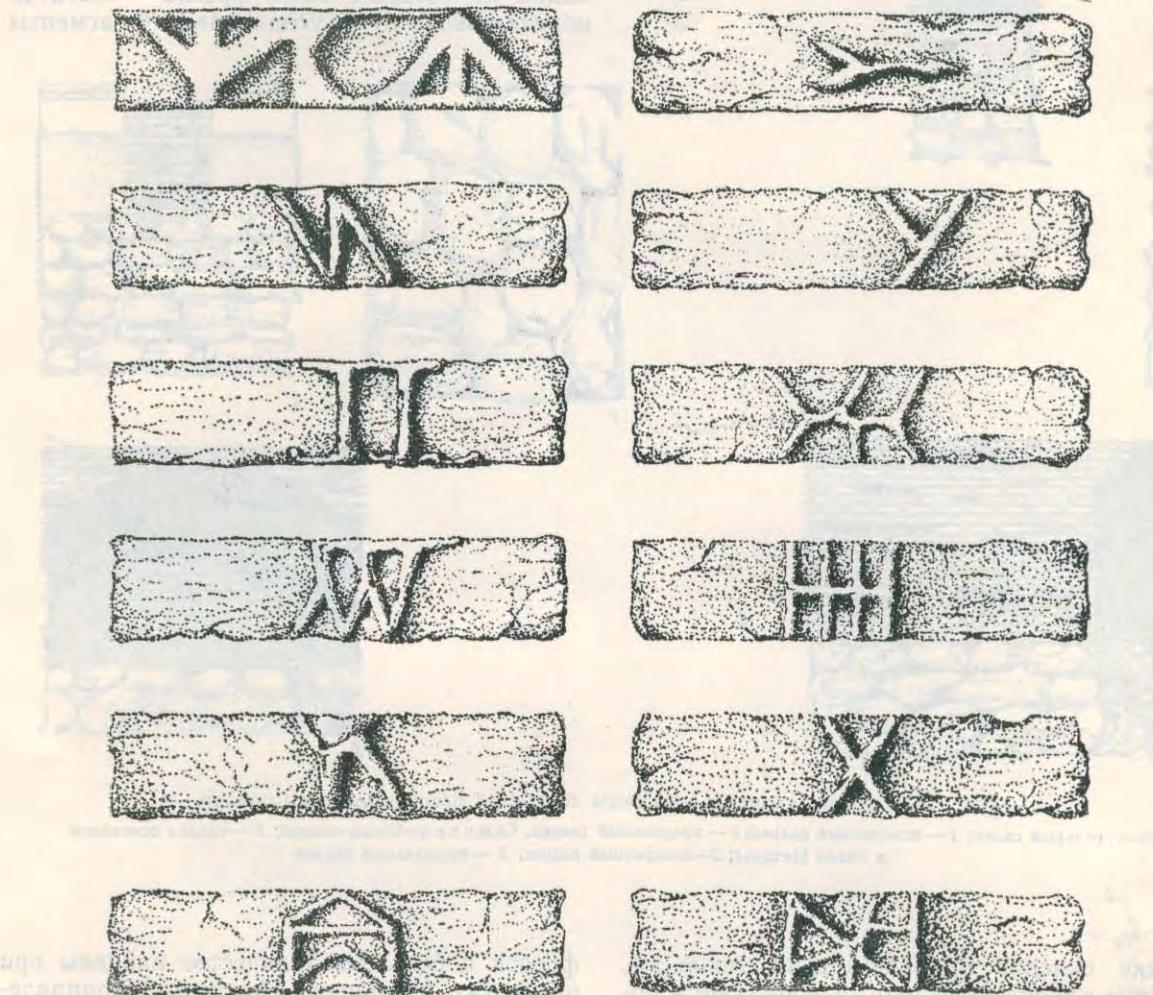

Рис. 53. Клейма на кирпичах Борисоглебского собора

истолченного кирпича (в небольших количествах) ¹². Химический состав грунта следующий (в %):

SiO_2	2,93
SiO_2 (растворимая)	1,00
Al_2O_3	1,10

¹² Н. П. Коротков. Химический анализ грунтов древнерусских фресок XI—XII вв. М., 1929.

Fe_2O_3	0,33
CaO	50,27
MgO	1,89
SiO_3	0,25
Влаги гигроскопической	1,42
Органических примесей	0,20
Нерастворенных остатков	3,75
Потеря при прокаливании	41,38

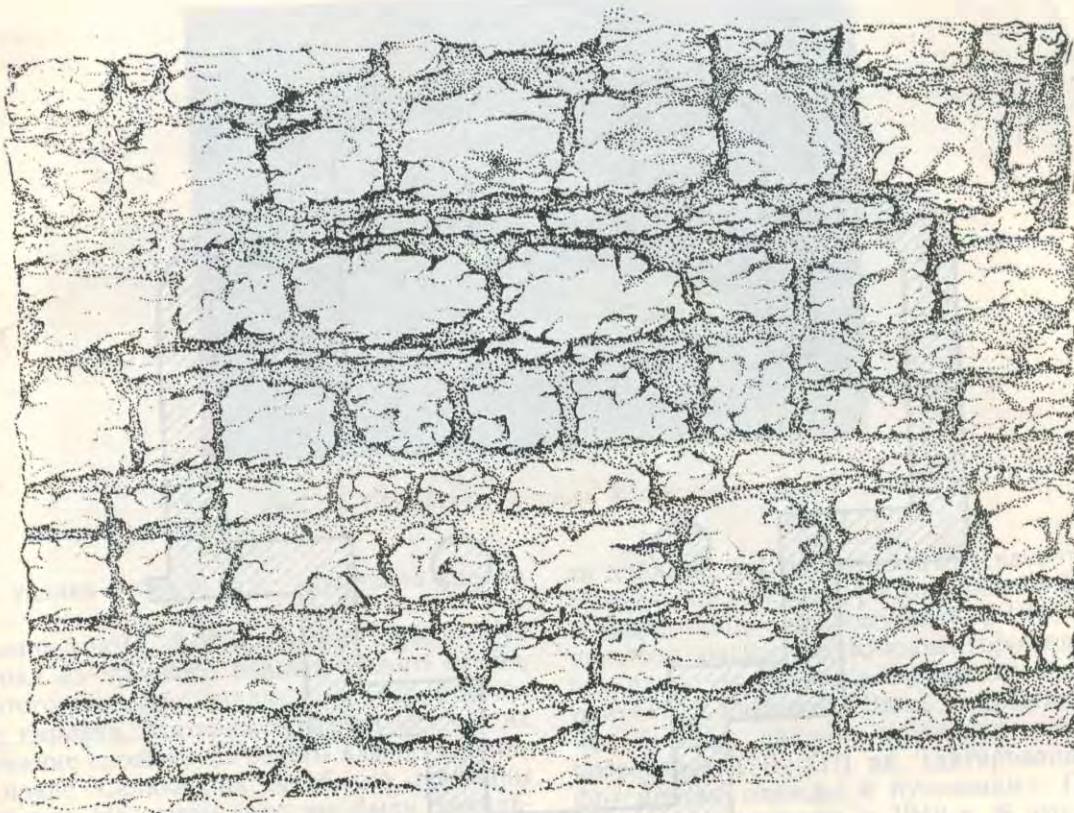

Рис. 54. Часть белокаменной стены Борисоглебского собора (юго-западный угол)

Так как фундаменты и стены древнего храма были разрушены при позднейших постройках, то нам не удалось решить вопроса о связи притворов с основным зданием. Были ли они отделены от главного здания стеной с порталом, перевязана ли кладка притворов с кладкой церкви, были ли притворы сооружены одновременно с церковью или сооружены позже — все эти вопросы остаются нерешенными. Надежды на раскопку северного притвора также очень малы. Он целиком находится под церковью 1913—1914 гг. (ее фундаменты разрушили его часть). Фрагменты же притвора были вскрыты (без всякой фиксации) в процессе строительных работ. По настоянию РУАК, при постройке церкви в 1913—1914 гг. были все же сохранены два фрагмента древней кладки, которые находятся в подцерковье и доступны для обозрения. Обследование этой кладки в юго-западном углу собора показало, что часть древнего здания была выло-

жена из рваного белого камня с толстыми швами на известковом растворе (рис. 54). Ряды крупных камней чередуются с рядами плит. Видимо, и кладка стен здания в отдельных частях была не кирпичной, а белокаменной: судя по отчету Тихомирова, из белого камня были выложены стены крешильни в юго-западном углу собора¹³. Резной белый камень был использован и для наружного украшения храма. Вероятно (судя по месту находки), большинство фрагментов резных камней, найденных в Старой Рязани, относится к храму, раскопанному в 1836 г.¹⁴

¹³ В № 129, 262, 265, 274, 286, 297 «Северной пчелы» за 1836 г. содержатся отчеты о раскопках Д. Тихомирова, посылавшиеся им в газету по мере хода работ. В отчетах имеются некоторые подробности, опущенные Тихомировым в его книжке «Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани».

¹⁴ Большая часть камней с резными украшениями, доставленных в Рязанский музей из Старой Рязани, была найдена близ развалин Борисоглебского

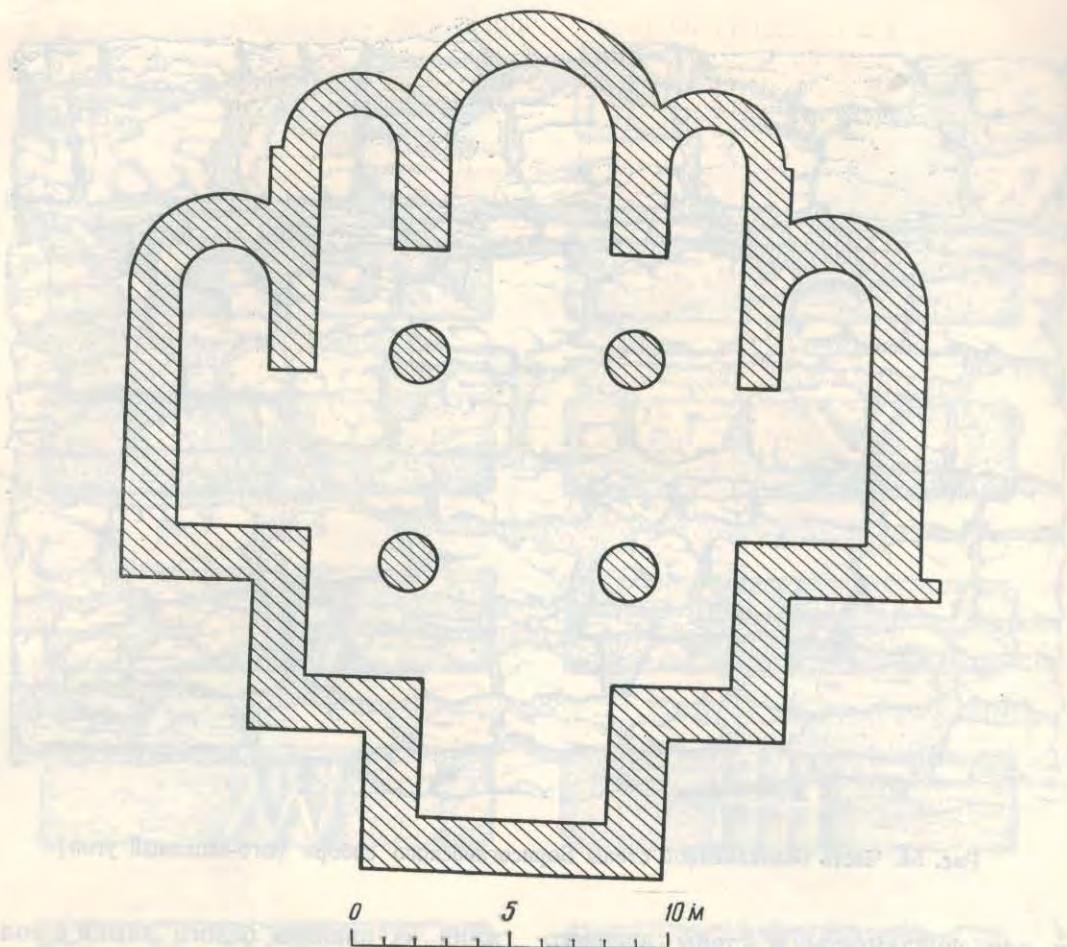

Рис. 55. План Спасского собора

Вопрос о белокаменной резьбе мы рассмотрим дальше.

2

В северо-западной части городища находился второй холм, который видел в 1823 г. К. Калайдович. Тогда предполагали, что под ним находятся остатки княжеского дворца. В 1888 г. этот холм был раскопан А. В. Селивановым и под ним были обнаружены остатки церкви, в плане имевшей «вид че-

собора или среди надгробий примыкавшего к собору кладбища. Местные крестьяне использовали древние камни при постройке памятников. Резные украшения из белого камня, составлявшие карниз древнего собора, видел здесь еще К. Калайдович. Ук. соч., стр. 12.

тырехконечного креста, в средину которого вписан четырехугольник»¹⁵. В действительности это четырехстолпный трехапсидный храм с тремя притворами. Боковые притворы имели свои апсиды, т. е. были придельными храмами. Благодаря им собор был пятиапсидным (рис. 55). Деталей храма Селиванов не выяснил, а его чертеж весьма схематичен. Исследователь ссылается на сильное разрушение фундамента выборкой бута и заполнение рвов мусором. Только в немногих ме-

¹⁵ А. В. Селиванов. Отчет о раскопках в Старой Рязани. Дневник раскопок в Старой Рязани. «Рязанские губернские ведомости» от 4 и 8 февраля 1889 г., № 10 и 11. Перепечатано в ЗРАО, т. IV, вып. 2, новая серия, 1889, стр. 215—222; то же в ТРУАК, т. III, 1888, стр. 159—164.

Рис. 56. Общий вид раскопок Успенского собора

стах уцелел и бут и даже кирпичная кладка стен.

Длина храма 28,09 м, ширина 25,95 м. Бут состоял из крупного рваного белого камня, залитого известью; кладка стен — из плиточного кирпича. Материал столбов неясен; их основание сложено из белого камня. Столбы на плане Селиванова ошибочно показаны круглыми. На самом деле они были, повидимому, крестчатые. Отвечая на вопросы в связи с докладом на VIII археологическом съезде, Селиванов указал: «Круглыми на плане столбы сделаны потому, что круглой формы остатки бута, который сохранился в этих местах. Какой формы были самые колонны, я определить не могу, так как эти столбы и вообще щебень и бут из канав были выбраны за несколько лет до моего исследования одним крестьянином, который сказал мне, будто они были в виде креста с вогнутыми углами»¹⁶. Пол был плитчатый. В отчете Селиванова упоминается находка фигурных кирпичей разнообразной формы. Здание было разрушено и, вероятно, сожжено во время монгольского нашествия. Следы разрушения сохранились в виде пепла, угля, кусков расплавленного стекла, меди, олова и т. д.

3

Летописи упоминают о трех храмах в Старой Рязани. После того как два из них бы-

¹⁶ Труды VIII археологического съезда в Москве 1890 г., т. IV. М., 1897, стр. 93.

ли найдены, мы попытались отыскать третий. Неподалеку от храма, раскопанного в 1836 г., в направлении к южному валу, в 1946 г. был заложен раскоп на Южном городище, где при пахоте встречалось множество обломков плитчатых кирпичей. Здесь открылись развал бутовых камней, скопления извести и погребения XII—XIII вв. (датированные по фрагментам одежды и пуговицам). Поиски храма продолжались в 1949 г. В это время было заложено два раскопа восточнее раскопа 1946 г., так как предполагали, что вскрытые погребения относятся к кладбищу, которое было расположено к западу от древнего храма. Предположение оправдалось: была найдена центральная апсида третьего храма.

По размерам апсиды были приблизительно определены границы здания. Его раскопки велись путем вскрытия всей площади с послойным снятием земли. Почти весь культурный слой оказался сравнительно недавно перерытым, вероятно, в связи с выборкой белого камня местными жителями. В северо-восточной части раскопа была найдена яма для обжига извести. Судя по находкам монет, окончательное уничтожение руин храма произошло около 1735 г. Кладка стен здания, кроме двух фрагментов, не сохранилась, но весь план церкви удалось проследить по рвам фундаментов и по сохранившимся их частям (рис. 56).

Церковь была трехапсидной шестистолпной (рис. 57). Наружные размеры 31,6 × 20,0 м. Между столбами и лопатками

идут ленточные фундаменты. Соответственно столбам на внутренней поверхности стен помещены прямоугольные лопатки. Опорные столбы были, вероятно, крестчатыми, о чем можно судить по северо-восточной внутренней лопатке, значительно меньшей, чем ши-

пичей имеет клейма в виде отдельных букв или значков, а на нескольких кирпичах оттиснуто имя мастера: «Яков тв...», вероятно, «творил». Надпись вырезана была в форме и оттиснулась на кирпиче, как зеркальное отражение (рис. 60).

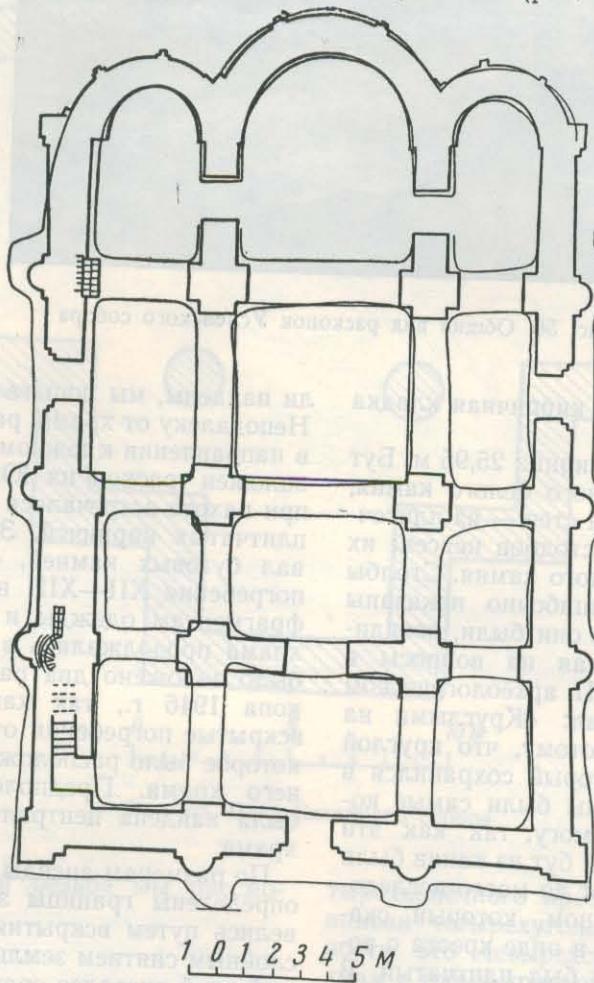

Рис. 57. Схема плана Успенского собора и реконструкция архитектора К. Н. Афанасьева

рина фундаментов столбов: крестовина столба соответствовала величине лопатки. Наружные лопатки осложнены полуколоннами (рис. 58). Полуколонны были выполнены из секторовидного кирпича. Диаметр полуколонн 92—94 см, вынос 45—47 см. Кладка стен (рис. 59) из плитчатого ($28 \times 19,5 \times 3,5$ —4 см) кирпича на цемяночном растворе. Слой цемянки по толщине равен одному ряду кирпичей. Большая часть кир-

пачей имеет клейма в виде отдельных букв или значков, а на нескольких кирпичах оттиснуто имя мастера: «Яков тв...», вероятно, «творил». Надпись вырезана была в форме и оттиснулась на кирпиче, как зеркальное отражение (рис. 60).

Снаружи на стенах нет следов ни побелки, ни штукатурки, внутри же (насколько можно судить по единственному фрагменту кладки лопатки на северной стене) здание было оштукатурено.

Фундаменты церкви выполнены в трапециевидных рвах (почти прямоугольных, лишь слегка суживающихся книзу) глубиной 1,3 м; заполненных мелким бутовым камнем и залитых известковым раствором. Верхняя часть

фундаментов и цоколь сделаны из плит белого камня. Фундаменты значительно шире сохранившихся фрагментов стен. Лишь в алтарной части ширина фундаментов приблизительно равна толщине стен. В этом отношении устройство фундаментов рязанского

внутри уничтожены, очевидно, при сломке храма. С западной стороны сохранилось кладбище, часть погребений которого относится ко времени существования храма, часть же — позднейшего времени и перекрывает фундаменты западной стены.

Рис. 58. Остатки полуколонны северной стены Успенского собора

храма аналогично системе, принятой в архитектуре древнего Галича и владимиро-суздальском зодчестве — там фундаменты также в верхней части шире стены, а в Галиче применялись и ленточные фундаменты, выложенные из бута на известковом растворе.

Полы рязанского собора были выложены из специально сделанных квадратных плиток ($19 \times 19 \times 4,5$ см); часть из них сохранила зеленую глазурь. Подготовка под пол состояла из уплотненной земляной подсыпки с прослойками глины, залитой сверху известковым раствором (без примеси толченого кирпича), толщиной 8—15 см.

Церковь не совсем правильно ориентирована по странам света — апсиды направлены на юго-восток, а не на восток¹⁷. Погребения

¹⁷ Обычно все древнерусские храмы неправильно ориентированы (с отклонением на юго-восток или на северо-восток). Очевидно, это объясняется определением востока по восходу солнца. В зависимости от времени года, когда закладывалась церковь, менялась ориентация. Черниговские храмы ориентированы очень неточно: Борисоглебский собор — азимут 330°, Спасский — 317°, Пятницкая церковь — 300°. Только Благовещенская церковь ориентирована с

4

Вопросы о наименовании и времени построения найденных в Старой Рязани храмов очень сложны. В летописи упоминаются старорязанская церкви: Бориса и Глеба под 1194/95 г.¹⁸, церковь Спаса под 1258 г.— в связи с погребением Олега Ингварьевича¹⁹; Успенский собор под 1237 г.— в связи с батыевым нашествием. В «Повести о разорении Рязани Батыем» церковь названа соборной «пресвятые владычицы богородицы

редкой точностью на восток. Азимут поперечной оси церкви равен всего-навсего 2° (Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, стр. 70—71). То же явление наблюдается и в других странах. См. С. J. P. Cave. The Orientation of Churches. The Antiquaries Journal, т. XXX, № 1—2, 1950. Ориентация рязанского Успенского храма на юго-восток, вероятно, свидетельствует о начале постройки его во второй половине лета, что совпадает с праздником Успения, которому посвящена церковь.

¹⁸ ПСРЛ, т. I, стр. 173; т. X, стр. 22. «Того же лета преставися князь Игорь Глебович Рязанский, и положен бысть во граде в Рязани, в церкви камене-святых мученик Бориса и Глеба».

¹⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 203; т. X, стр. 141.

честного ея Успения». Батыем церковь была разорена: «...а церкви все погорела, великая церковь внутрь погоре и почернеша...»²⁰.

Для сопоставления приведем повторно размеры всех трех открытых в Старой Ряза-

Калайдович, который писал о ней, называя ее: «Деревянная церковь во имя Рождества Богородицы, именуемая Борисоглебской Городищенской»²².

Успенским должен быть назван собор,

Рис. 59. Фрагмент кладки стен Успенского собора

ни церквей: церковь, открытая в 1836 г., без притворов $31,65 \times 19,90$ м, с притворами $37,9 \times 32,4$ м; церковь, раскопанная в 1888 г., $28,09 \times 25,95$ м; церковь, раскопанная в 1949 г., $31,6 \times 20,0$ м.

Тихомиров называл Борисоглебским раскопанный им в 1836 г. собор. Право назвать церковь Борисоглебской оспаривал у Тихомирова Селиванов, так как считал, что открытая им в 1888 г. церковь представляет главный собор, а таким предполагался Борисоглебский²¹. В пользу мнения Тихомирова говорит то, что рядом с раскопанной им церковью была в 1836 г. деревянная Борисоглебская, крайне ветхая и, по предположению, построенная взамен рухнувшей древней и принявшая ее название. До Тихомирова туже мысль о преемственности названия деревянной церкви от древнего храма высказал

открытый в 1949 г. Основанием для этого предположения служит прежде всего то, что в Старой Рязани один из храмов был посвящен, как говорилось, Успению. В древнерусской архитектуре XI—XII вв. городские Успенские соборы следовали «образцу» Успенского собора киевского Печерского монастыря, ему следует и старорязанский храм. Это широко распространенный в XII в. тип шестистолпных трехнефных храмов²³.

Таким образом, третий малый пятиапсидный храм был Спасским.

Для реконструкции и датировки старорязанского Успенского собора наибольшее значение имеет группа зданий середины и второй половины XII в., с которыми он имеет много общих черт. Это черниговские Борисоглебский собор и Успенский собор Елец-

²⁰ К. Калайдович. Ук. соч., стр. 3.

²² Сравнительную схему древнерусских шестистолпных храмов см. А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани 1949 г. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951.

²¹ А. В. Селиванов. Отчет о раскопках... ТРУАК, т. III, стр. 161.

кого монастыря (вторая половина XII в.); киевские церкви — Успенская на Подоле («Пирогощая», 1131—1132 гг.) и Кирилловская (1146 г.); Успенская церковь в Каневе (1144 г.); владимир-волынские Успенский со-

относится важный факт в истории рязанско-смоленских отношений, который в летописи отмечен в следующих словах: «...Ростислав Мстиславич Смоленский князь, целова хрест с братьею своею с Рязанскими князи

Рис. 60. Кирпич с надписью из Успенского собора

бор (1157 г.) и так называемая «Старая кафедра»; Борисоглебский собор на Смядыни (1145—1146 гг.) в Смоленске; Успенский собор в Галиче и Успенский собор Андрея Боголюбского во Владимире (1158 г.). Конечно, все эти здания принадлежат к разным строительным школам, и поэтому мы можем отметить лишь частичное сходство, а не полную аналогию.

По пропорциям своего плана старорязанский Успенский собор ближе всего к Борисоглебскому на Смядыни (хотя он несколько больше его) и к Успенскому во Владимире-Волынском.

Открытый нами Успенский собор, несомненно, принадлежит к группе киево-черниговских шестистолпных храмов XII в.²⁴, общие пропорции планов которых находятся в отношении 2 : 3²⁵. Сходство проявляется и в строительных приемах: в устройстве фундаментов, размерах кирпичей, клеймах на них, устройстве полов из поливных плиток²⁶. При всей осторожности, необходимой при со-поставлении недатированных памятников, следует все же отметить связь рязанского храма с собором Борисоглебского монастыря на Смядыни, выстроенным Ростиславом Мстиславичем в 1145—1146 гг., ибо к 1155 г.

²⁴ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, МИА, № 11, стр. 89.

²⁵ Ю. С. Асеев. Архитектура Кирилівського за-повідника. Сб. «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 79, табл. 1.

²⁶ И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. «Смоленская старина», вып. I, ч. 1, 1909, стр. 195—312.

на всей любви; они же вси зряху на Ростислава, имеяхуть и отцемъ собе»²⁷. Не было ли создание рязанского храма по образцу смоленского связано с этим дипломатическим актом?

Сравнение плана Успенского собора с перечисленными памятниками XII в. дает основу для реконструкции его плана (см. рис. 57)²⁸. Подкупольное звено плана Успенского собора представляет собой квадрат со стороной 6,16 м. Толщина стен и столбов храма определяется по сохранившимся и обнаруженным в раскопках фрагментам стен, при этом толщина стен оказывается равной 1,5 исходного размера (т. е. стороны подкупольного квадрата), как это было принято у большинства зданий XI—XII вв. Южный неф храма равен половине ширины большого как продольного, так и поперечного нефов. Северный неф в восточной части несколько шире южного, что связано с вероятным устройством лестницы в толще стены. На это же указывает утолщение в западной части северной стены. Полукруглые

²⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 478.

²⁸ Реконструкция плана Успенского собора сделана архитектором К. Н. Афанасьевым, подробно изучившим раскопочные данные и применившим разработанный им метод, основанный на изучении пропорций древнерусских зданий. Он высказал справедливое предположение, что основой построения древнерусского собора и его пропорций является метод разбивки плана на местности без применения угломерных инструментов, с помощью правила египетского треугольника. Основным модулем при разбивке плана была диагональ подкупольного квадрата. К. М. Афанасьев. Про пропорциональность пам'ятників древньоруської архітектури XI—XII ст. Сб. «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 49—54

Рис. 61. Обломок белокаменного карниза

колонны по фасадам храма определяются найденными в раскопках фрагментами. Однако форма углов храма, особенно по восточному фасаду, а также порталов, входа на лестницу, ведущую на хоры, полуколонки на апсидах нанесены на план по аналогии с другими храмами, но без достаточных данных, извлеченных из раскопок. Особо отметим отсутствие лопаток на восточных углах храма: стены храма, скругляясь, переходят в апсиды. Подобный случай известен в открытых раскопками В. В. Хвойко остатках церкви св. Апостолов в Белгородке²⁹. Однако мы реконструируем обычные восточные углы стен, хотя, повторяем, фундаменты в этих местах скругляются и переходят в фундаменты апсид плавной кривой.

Общее соотношение размеров храма в интерьере следующее. Полная длина храма соотносится с его шириной, как 3 : 5. Длина храма без апсид соотносится с его шириной, как 3 : 2. Извне полная длина храма относится к его ширине, как 3 : 2; соотношение же ширины и длины без апсид — 3 : 4.

Меньше данных для реконструкции внешнего облика храма. Снаружи здание было, очевидно, неоштукатуренным и порядовая кладка из кирпича на розовом цемяночном растворе была открытой. Кроме широких полуколонн у лопаток (за исключением угловых), единственным украшением здания служил, вероятно, аркатурный пояс с расположенным над ним поребриком, как мы это видим в черниговской церкви Успения Елецкого монастыря. Основанием для этого предположения служит находка лекальных кирпичей аркатурного пояса. Никаких пристроек храм не имел. Его простой облик был лаконичен и чегок.

Борисоглебский собор по основным размерам, плану с крещальней и строительным

²⁹ Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в местечке Белгородке. Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда. М., 1911, стр. 46—66.

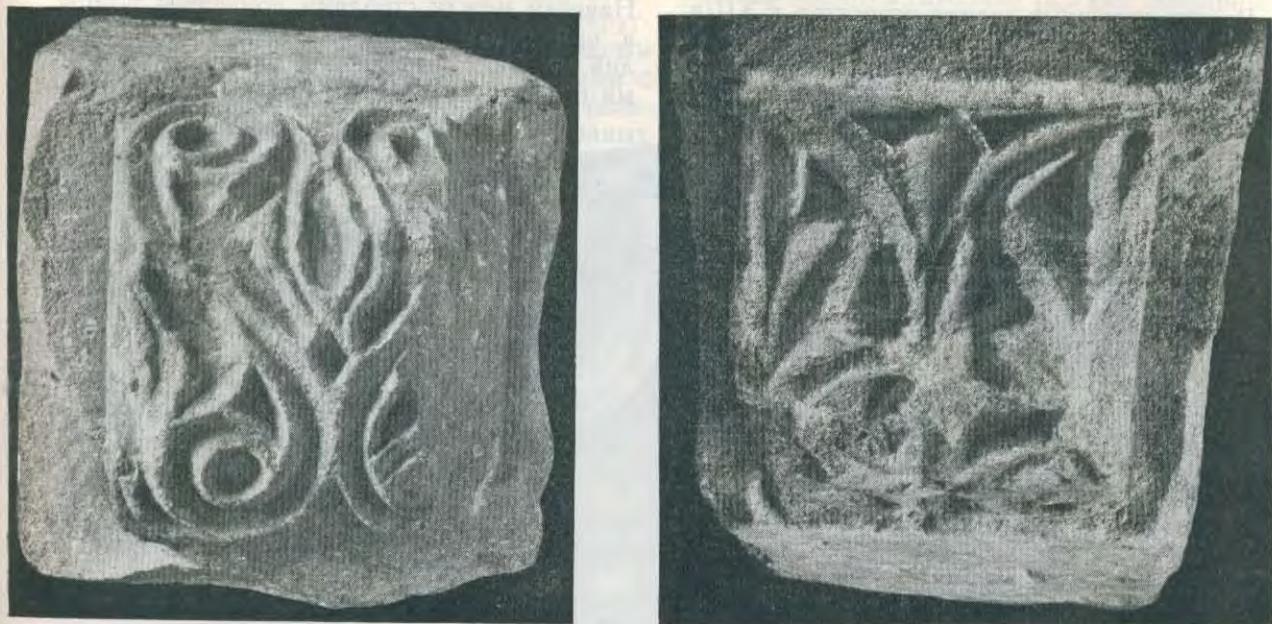

Рис. 62. Белокаменные консоли

приемам также близок к Елецкой церкви³⁰. Сходные клейма на кирпичах позволяют предполагать, что в Рязани и Чернигове даже работали одни и те же мастера. Притворы Борисоглебского собора также можно сравнивать с памятниками черниговского зодчества. В 1923 г. Н. Макаренко раскопал пристройки к черниговскому Спасо-Преображенскому собору, по характеру кладки и использованным материалам подобные раскопанному нами притвору рязанского Борисоглебского собора³¹. Фундаменты Спасско-

го собора, склепы, открытые в раскопках, также близки к рязанским. Северная однопролетная пристройка — усыпальница у Спасского собора построена из дикого камня и подобна каменной кладке Борисоглебского рязанского собора. Эта пристройка сделана позже, чем собор, но в домонгольское время. Сходство рязанского Борисоглебского собора с черниговскими пристройками позволяет датировать его XII в. Более точная датировка пока невозможна.

Для храма Спаса, раскопанного А. В. Селивановым в 1888 г., имеется своеобразный terminus post quem. В полу храма, между плитами или под ними был найден клад монет, большинство которых относится ко времени Иоанна Комнина (1118—1143 гг.)³². Если считать, что монеты были спрятаны вскоре после их выпуска, то храм существовал уже в середине XII в.³³.

³⁰ Это сходство могло бы служить надежным основанием для датировки, если бы было точно известно время возведения Успенской Елецкой церкви. К сожалению, оно неизвестно, и мнения относительно ее датировки резко расходятся. Поздние источники связывают ее постройку со временем пребывания в Чернигове св. Антония Печерского (1069 г.) и называют в качестве строителя Святослава Ярославича. Однако Елецкая церковь по технике порядовой кирпичной кладки и типу принадлежит к кругу киево-черниговских сравнительно точно датируемых шестистолпных храмов XII в. Большинство исследователей относит построение Елецкой церкви к XII в., а некоторые — ко второй его половине.

³¹ М. Макаренко. Чернігівський Спас, археологічні досліди — року 1923. Київ, 1929; І. Моргилевський. Спасо-Преображенський собор; М. Макаренко. Біля Чернігівського Спаса. «Чернігів і північне лівобережжя». Київ, 1928.

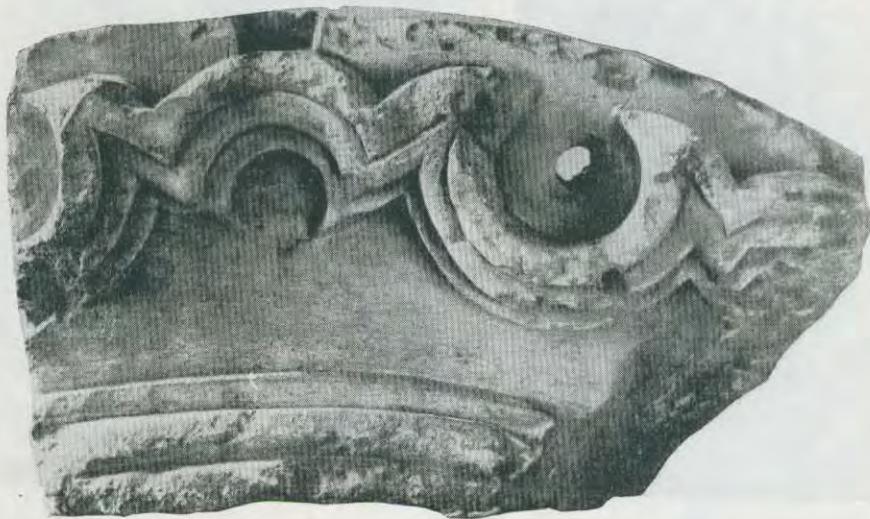
³² А. В. Селиванов. Отчет о раскопках...

ТРУАК, т. III, стр. 161.

³³ Г. Ф. Корзухина (Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII вв. Сборник аспирантов ГАИИМК, вып. I. Л., 1929, стр. 76) относила постройку церкви из раскопок 1888 г. к концу XII или началу XIII в., основываясь главным образом на том, что в ней были круглые столбы, а появление в русской архитектуре круглых и граненых столбов

Таким образом, все открытые в Старой Рязани каменные здания относятся к XII в., примерно к тому же времени, когда в ней были насыпаны большие валы, вырыты рвы и сооружены другие укрепления.

гнутых стеблей, развертывающихся листами. Наверху между стеблями помещены ромбы, а внизу — стилизованные изображения лилий. Техника выполнения рисунка, с резкими остро отточенными краями и примене-

и.с. 63 Часть архивольта портала

5

Для декорировки рязанских храмов был использован резной белый камень. Несомненно, белокаменной резьбой был украшен Борисоглебский собор; резные камни были найдены при его раскопках³⁴. Возможно, что белокаменная резьба была применена и для украшения других храмов, так как несколько камней, найденных на городище, не связаны по месту находки с Борисоглебским храмом. Всего в настоящее время известно семь фрагментов каменной рельефной декорировки рязанских храмов.

В особенности интересен обломок карниза (его размер $36 \times 25 \times 20$ см), найденный, повидимому, Д. Тихомировым, но не попавший тогда в музей, а доставленный в РОКМ в 1926 г. В. А. Городцовым (рис. 61). На камне помещена только часть орнамента, очевидно, переходившего на соседние камни. Орнамент состоит из ряда сердцевидно за-

датируются второй половиной XII в. Не говоря уже о спорности самой датировки по форме столбов, выше указано, что круглые столбы в церкви 1888 г. появились лишь на чертеже Селиванова и не существовали на самом деле.

³⁴ Д. Тихомиров. Ук. соч., рис. IV.

нием сверленых отверстий, широко распространена в романском искусстве, а также в искусстве Грузии и Армении XI—XII вв.

Кроме названного карниза, в коллекции РОКМ имеются три консоли (две из них изображены на рис. 62). Это прямоугольные куски белого камня ($53 \times 25 \times 23$; $50 \times 29 \times 25$ и $38 \times 26 \times 22$ см), на торцах которых помещен растительный орнамент.

Кусок камня из архивольта (размер большой дуги 51 см, малой дуги 25 см, высота 28 см, толщина 15 см; рис. 63), вероятно, принадлежал порталу. По внутренней его кромке идут два валика, по наружной — горельефный мотив из перемежающихся больших, открытых вверх и малых, открытых вниз, полуциркульных дужек, соединенных прямыми отрезками.

Другой большой прямоугольный камень ($57 \times 21,5 \times 21$ см; рис. 64) покрыт с двух смежных сторон причудливым растительным орнаментом. Орнамент на одной стороне закончен и заключен в рамку, рисунок же другой, смежной стороны, очевидно, переходил на соседние камни. Этот камень, вероятно, составлял часть порталного косяка. Орнамент на нем в одном месте «вырастает» из розетки, а в другом — из ромбика, заме-

няющих обычный треугольный корень. Стебли, идущие отсюда, образуют ромб со скругленными углами, заполненный растительным узором, углы внизу украшены отростками с цветами. Вверху в орнамент введены стилизованные плоды в виде двух штрихованных накрест ромбиков с шишечками по углам. Характерна наряду с грубостью рисунка иная техника, отличающая этот фрагмент от остальных, выполненных, безусловно, хорошим резчиком. Неотчетливый и смятый рисунок рельефа дополнен по выпуклой части врезанной линией или двумя, идущими по контуру. Данный рельеф имел прототипом резьбу по дереву³⁵.

Кроме названных резных камней из коллекции РОКМ, в ГИМ находятся найденные В. А. Городцовым при раскопках южного придела Борисоглебского собора фрагмент орнамента и часть карниза³⁶.

В ГИМ также имеется резанная из камня мужская голова (рис. 65), поступившая из Румянцевского музея. В каталоге последнего под № 1996 о ней сказано: «Голова мужской статуи из известкового камня, найдена в Рязанской губернии. От М. П. Погодина».

Несмотря на то, что точное происхождение скульптуры не выяснено, указание каталога Румянцевского музея позволяет предположить, что место находки — Старая Рязань. Правда, до сих пор там не найдено других объемных скульптур, но нам неизвестно другое место в Рязанской губернии, кроме Старой Рязани и Нового Ольгова городка, где можно было бы предположить существование древнего здания, украшенного скульптурой.

Рязанская голова представляет собой скульптурный фрагмент небольших размеров: от верхушки до кончика бороды — 22 см, от уха до уха — 15 см, ширина лица 10 см. Скульптура трехмерная, вырезана из мягкого белого известнякового камня. Нос сбит, вследствие чего на лице выявились сверлины ноздрей. Слегка повреждены губы, рот ясно очерчен. Глазные орбиты углублены, что подчеркивает выпуклость надбровных дуг в виде валика, четко обрамляющего глаза. Глазное яблоко слегка выпукло, а на месте

³⁵ Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 78—79.

³⁶ Г. Ф. Корзухина упоминает об обломке белого камня, изображающего голову льва, якобы найденного в тех же раскопках. Но ни в ГИМ, ни в РОКМ такого камня нет. Не упоминается о нем и в дневнике раскопок 1926 г.

зрачка имеются глубокие (2,2 см) сверлины. Можно предположить, что в них вставлялась цветная стеклянная имитация зрачка. Усы, борода и волосы на щеках даны почти прямыми линиями. Голова — в мелких завит-

Рис. 64. Резной косяк портала

ках, закрывающих края ушей. Остроконечное завершение «приически» заставляет предположить, что это каракулевая шапка, а не волосы. Скульптура сохранила следы раскраски — розового цвета на лице, белого —

Рис. 65. Белокаменная скульптура

на шапке. Раскраска, возможно, позднейшего времени. Голова составляла, очевидно, часть скульптурного украшения каменного здания; однако она являлась лишь фрагментом горельефной фигуры, вырезанной на торце белокаменного блока. Линия излома, имеющаяся сзади головы, говорит о том, что принадлежать отдельной скульптуре она не могла.

Исследовавшая рязанские архитектурные памятники Г. Ф. Корзухина, указав на аналогии в церквях на Б. Зеленчуке и в Лехне, отметила связи рязанской архитектуры с Кавказом³⁷. Той же точки зрения придерживался А. И. Некрасов, который писал: «Несомненно под влиянием кавказской архитектуры создались крестчатые церкви Стар-

рой Рязани»³⁸. Вопрос о связях осложнен тем, что мы судим о рязанских храмах лишь по их планам. Однако схема крестчатого плана с притворами, которую мы видим в Рязани, распространена в самых различных районах Руси, в которых мы не можем даже заподозрить непосредственные связи с Кавказом (Киев, Переяслав, Полоцк). Попытка связать происхождение планов рязанских церквей с влиянием кавказской архитектуры мало обоснована. Если говорить не о надуманных³⁹, а о реальных культурных и исто-

³⁷ Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 80—82.

³⁸ А. И. Некрасов. Древнерусское зодчество XI—XVII вв. М., 1936, стр. 76.

³⁹ Кроме названных работ Г. Ф. Корзухиной и А. И. Некрасова, мысль о связях Рязани с Кавказом, для которых якобы промежуточным пунктом служила Тмутаракань, проводится в нашей статье «Рязанская скульптура» (КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 61—65); ее следует признать в этой части ошибочной.

рических связях, то здесь прежде всего следует обратиться к Чернигову.

Зависимость Рязани от Чернигова (церковная и политическая), родственные связи княжеских династий, очевидно, определили и общность архитектурной школы. Рязано-черниговская школа восходит к киевской, но отличается в деталях⁴⁰.

Выше уже говорилось о сходстве планов рязанских церквей с черниговскими, о сходстве строительной техники. Общим для Рязани и Чернигова является также то, что, повидимому, составляет главную особенность рязано-черниговской архитектурной школы,—сочетание кирпичной кладки с резными белокаменными деталями. Белокаменная

резьба из черниговского Борисоглебского собора современна старорязанской, хотя и отличается по приемам резьбы (в Рязани рельеф жестче и грубее) и по орнаментальным мотивам (в Рязани растительный орнамент иногда сильно геометризированный, в Чернигове — плетенка, изображения зверей и птиц в плетении). Видимо, черниговские зодчие впервые ввели лопатку с полуколонной, нашедшую широкое распространение в русском зодчестве XII в.⁴¹ и примененную также рязанскими мастерами.

Несмотря на то, что в последней четверти XII в. Рязанское княжество целиком выходит из сферы черниговского влияния и попадает в зависимость от Владимира-Сузdalского княжества, мы не видим в рязанской архитектуре непосредственного влияния владимира-суздальского зодчества. Повидимому, все ныне известные здания Старой Рязани были построены до 1198 г., когда произошло выделение рязано-муромской епархии из черниговской епископии, что в то же время было актом окончательного политического отделения Рязани от Чернигова.

⁴⁰ Неправильно говорить о киево-черниговской школе зодчества XII в. Можно выделить черниговскую школу, как самостоятельную. Киевская Кирилловская церковь и Каневский собор близки к черниговским постройкам, так как являются сооружениями черниговской княжеской династии. Однако черниговская школа зодчества, так же, как рязанская, смоленская и другие, восходит к Киеву, продолжавшему даже в период феодальной раздробленности (до татарского нашествия) быть источником древнейшей русской культурной традиции, питавшим развитие искусства в разных частях русской земли.

⁴¹ Н. Н. Воронин. Рецензия на сборник «Архітектурні пам'ятники». «Советская книга», № 1, 1951, стр. 112—117.

VI. РЕМЕСЛО

Исследованиями советских ученых доказано, что основой роста древнерусского города было развитие ремесла.

Это относится и к Старой Рязани. Многочисленные мастерские, открытые на городище, свидетельствуют о том, что ремесленное производство было важнейшим занятием жителей. Высокий уровень развития ремесла в Старой Рязани в значительной степени объясняет необычайно быстрый рост города в конце XI—XII в. На Старорязанском городище представлены чуть ли не все ремесла, известные в древней Руси. Приступая к описанию ремесленного производства Старой Рязани, необходимо отметить, что после выхода в свет труда Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» и ряда работ по отдельным отраслям ремесла (Б. А. Колчина и др.) здесь нет необходимости писать об основных приемах и методах работы древнерусских ремесленников. Поэтому в ряде случаев мы ограничимся лишь констатацией наличия того или иного ремесла в Старой Рязани или описанием орудий труда и изделий, здесь найденных.

1

Металлургическое производство в Старой Рязани, как и в большинстве других древнерусских городов, было основано на местном сырье, главным образом на болотных рудах, которые встречаются на Проне и Осётре и в особенно большом количестве в непосредственной близости к Старой Рязани — по берегам рек Пры и Кади¹.

¹ М. Баранович. Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики России. СПб., 1866, стр. 119.

В раскопках 1926 г. рядом с жилищем № 6 были открыты следы металлургического производства. «В первой траншее на Северном городище была открыта яма, уходящая ниже горизонта грунта, имевшая в длину 1,05, в ширину 0,70 и в глубину 0,48 м. Вся яма была заполнена до верху кусками железных шлаков. Почва вокруг ямы на поверхности грунта была черного цвета, почти как уголь, и в отчистке давала жирный отблеск». Так описывал в дневнике раскопок свою находку В. А. Городцов и заключал: «Следует полагать, что в яме производилась выплавка железа. Куски шлаков очень тяжелы, что, может быть, свидетельствует о несовершенной технике выработки железа»². Действительно, древнейшим способом добычи железа из руд был способ восстановления с помощью ямных горнов, так называемых «волчьих ям». Но без дутья процесс восстановления не может протекать, и поэтому в простой яме, описанной в дневнике Городцова, вряд ли «плавили» железо. Скорее всего это часть мастерской (возможно, предгорновый выем), в которой скапливались шлак и уголь. Сама же печь в пределы раскопа не попала. Подобные ямы были открыты в раскопках 1948—1949 гг. вблизи металлургических горнов.

Древнейшим и простейшим способом производства железа была «варка» его в горшках в домашней печи. Полученное таким образом тигельное железо было высокого качества. Однако в X—XIII вв., в период существования развитого ремесленного производства, домашняя выработка железа представляется крайне редким явлением. В ре-

² В. А. Городцов. Дневник археологических раскопок, л. 19.

зультате недоразумения возникло предположение о широком распространении этого способа производства железа в Старой Рязани. А. А. Мансуров считал, что этот способ был распространен почти во всех жилищах Старой Рязани, открытых раскопками 1926 г. В 16 (из 18 открытых) жилищах были найдены маленькие сегментовидные крицы, указывающие своей формой на выплавку железа из руды в глиняном горшке. Он считает, что «хозяйств, занятых металлургией, было больше, чем занятых гончарством»³. Б. А. Рыбаков в связи с этим писал: «Выплавка железа в горшке не может быть отнесена к ремесленной деятельности. Удивляют причины, побудившие население такого крупного княжества в XIII в. пользоваться столь примитивным способом получения железа»⁴.

Вообще характеристика ремесел в названной работе Мансурова неверна, она базируется на неправильной предпосылке: на основании находок в жилище различных орудий труда, хотя бы и единичных, автор определяет ремесленные занятия владельца жилища, забывая о том, что железное шило могло быть в быту не только у профессионала-сапожника, что обилие разбитых горшков вовсе не свидетельствует о том, что здесь жил гончар, что находка красок возможна не только в жилище мастера-живописца. Из этой неверной предпосылки следует и другой ошибочный вывод, что в каждом доме занимались несколькими различными ремеслами. Даже в тех случаях, когда действительно можно говорить о ремесленных занятиях владельца жилища, нужно учитывать, что мастера для различных операций должны были пользоваться разнообразными инструментами и материалами. Однако отсюда не следует, что эти мастера занимались различными ремеслами⁵.

Характеристика инвентаря, найденного в жилище, также неверна, так как границы жилищ в раскопках 1926 г. прослежены не были и границами жилища считался, как говорилось, условно вырезанный исследователями квадрат 8×8 или 7×7 м. Все най-

³ А. А. Мансуров. Древнерусские жилища, стр. 89.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 210.

⁵ Эта ошибка А. А. Мансурова подвергнута критике Б. А. Рыбаковым. Ремесло древней Руси, стр. 502—504.

денные в культурном слое вещи принадлежали таким образом тому или иному жилищу. Но в вопросе о металлургическом производстве ошибка исследователя пошла еще дальше: проверка сохранившихся шести «криц» из раскопок 1926 г. (РОКМ) показала, что находки, фигурирующие в дневнике раскопок под названием криц, представляют собой шлаки и лишь в двух случаях это были действительно крицы. Что же касается криц сегментовидной формы, якобы найденных в 16 жилищах, то подобный случай установлен лишь для одного жилища № 18⁶.

Таким образом, сообщение о якобы повсеместном в жилищах Старой Рязани распространении домашней выплавки железа не имеет никаких оснований. Тигельный способ восстановления железа, кроме раскопок В. А. Городцова, встречен дважды в наших раскопках. Найденные железные слитки, имеющие форму dna сосуда, могли быть получены в горшке, в обычновенной печи. Однако такой способ получения железа не мог иметь серьезного значения.

Для добычи большого количества железа необходимо было получать высокую температуру, используя для этого дутье. Опыт расплавления шлака, найденного в Старой Рязани, в муфельной печи показал температуру плавления около 1400° ⁷. Такая температура могла быть получена только в сырдутной печи. Так как при сырдутном процессе около 50% железа и руды теряется в шлаке, то часто тяжелый железный шлак принимают за крицы. Между тем в Старой Рязани крицы встречаются редко; они имеют обычно округлую, лепешкообразную форму.

Кроме шлаков, другой массовой находкой, свидетельствующей о металлургическом производстве, являются сопла. При выемке железа из горна сопла обычно ломались. Поэтому обломков их в раскопках Старой Рязани найдено очень много. Сопла были цилиндрической, конусообразной и призматической формы. Фрагменты сопел конической формы, найденные на Северном городище (рис. 66), являются их мундштучной частью. Внутренний диаметр канала сопла равен

⁶ В. А. Городцов. Дневник археологических раскопок, л. 19.

⁷ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 25.

22—25 мм, наружный — 55—60 мм, длина наибольшего куска 20,5 см.

На Северном городище Старой Рязани найдены остатки двух сырдунных горнов. Это редкая на городищах находка. Ввиду опасности пожара горны выносили обычно

Рис. 66. Коническое воздуходувное сопло

за пределы валов или ставили на краю городища, у вала. Старорязанские горны открыты в ремесленном районе, когда-то густозаселенном.

В 1948 г. в раскопе № 2В, в слое XII—XIII вв., были открыты остатки разрушенного железоплавильного горна. Сохранилась вымостка пода горна ($2,40 \times 1,92$ м) из мелкого булыжника, не скрепленного никаким раствором. Булыжник сильно обожжен, некоторые камни настолько перекалились, что расслаиваются и рассыпаются. Верхние глинобитные части горна целиком разрушены и попадаются в слое в виде отдельных кусков сильно обожженной глины. Вокруг найдено много углей, обломков бревен сруба, окружавшего глинобитную печь, а также обожженной земли и глины, заполняющих сруб. В связи с тем, что горн был наземным, шихту приходилось поднимать. На вымостке пода найден обломок восьмигранного сопла с оплавленным краем. К северу от горна была обнаружена яма, в которой найдено несколько обломков сопел и одно целое, круглое в поперечном разрезе. Кроме того, в ней было много золы и древесного угля. На поде горна не найдено никаких следов металла или шлака, которые указывали бы на характер производства. Однако в непосредственной близости к горну найдены пять криц, куски железного шлака, большие зольно-угольные пятна и некоторое количество обугленных костей. Обугленные кости очень часто сопровождают остатки металлургического производства. Очевидно, они

применялись для насыщения железа углеродом, т. е. для получения стали.

В 1949 г. в раскопе № 2Г (рис. 23) были найдены остатки горна, опущенного в яму прямоугольной формы со скругленными углами. Края ямы очерчены полосой красной глины и черной угольной полосой. Близ ямы — большое зольное пятно толщиной 10—30 см. Здесь же найдено восемь обломков сопел и одно целое, восьмигранное. В юго-восточном углу раскопа обнаружен слой железного шлака в 20 см. По направлению на юг и на восток этот слой несколько утолщался, а выходя за пределы раскопа, становился более мощным.

В заполнении ямы видны полосы угольков и красной обожженной глины, идущие параллельно краям ямы и, вероятно, являющиеся остатками четырехскатной деревянной крыши, которая была обмазана глиной (в противопожарных целях) и рухнула в яму.

Глубина ямы от современной поверхности 3,2 м. На глубине 2 м сделан земляной уступ, образующий площадку, на которой было расчищено основание горна размером 150×85 см, сделанное из булыжников величиной с кулак и более, выложенных в виде овала и обмазанных глиной. Здесь же найдены шлаки и развал глинобитных стен сырдунной печи.

Яма является частью рабочего помещения ремесленника, которое представляло собой землянку размером $3 \times 3,4$ м и глубиной до основания печи 1,2 м. В середине землянки, ближе к ее северо-западной части, перед горном был предгорновый выем $1,4 \times 1$ м, глубиной около 0,8 м. Выем служил для установки мехов, убиравшихся в промежутки между процессами восстановления. Рядом найдено свыше 20 фрагментов сопел; они конические или пирамидальные (восьмиственные), с дутьевым отверстием 22—24 мм. Здесь же найден легкий шлак, очевидно, вытекавший во время плавки, а на поде печи и рядом с землянкой найден тяжелый шлак. Химический анализ восьми образцов показал, что это сильно железистый кислый низкоплавкий (при 1100—1250°) шлак. В процессе плавки применялся флюс — известь, которая позволяла понижать температуру плавления. Приготовление шихты и ее завалка в печь происходили с уровня древней поверхности земли.

Реконструкция металлургического процесса и формы печи (рис. 67) произведена Б. А. Колчиным на основании аналогии с болгарскими горнами, открытыми в 1949 г. А. П. Смирновым. Исходя из болгарских и средневековых западноевропейских аналогий, а также учитывая, что колошник должен быть на уровне древней поверхности земли, высота горна определена равной 1 м. Сыродутная печь стояла на полу у южной стенки землянки. Над печью, в крыше было устроено вытяжное отверстие для выхода газов. В противоположной от печи стороне был вход в землянку по деревянной лестнице. Шахта, т. е. руда, уголь, флюсы, находилась снаружи землянки, у вытяжного отверстия в крыше, через которое и загружалась печь. Этот тип домницы был рассчитан на круглогодовую эксплуатацию: крыша землянки защищала металлурга и печь от дождя, холода и снега.

2

Кузниц в Старой Рязани пока не найдено. Можно предполагать, что открытое в раскопках 1946 г. в северо-западной части раскопа № 2 сооружение (жилище № 5, см. рис. 14) было кузницей. Здесь найдены в большом количестве железные шлаки, крицы, а в качестве готовых изделий — 11 ножей; но они могли входить и в инвентарь любого жилого дома и необязательно являться ремесленной продукцией владельца жилища № 5. Кузничных инструментов и остатков кузничного горна в землянке № 5 не найдено. Все это заставляет с большой осторожностью говорить о жилище № 5 как о кузнице.

В 1950 г. на Южном городище, близ вала у Исадских ворот, в раскопе № 3 была открыта полуземлянка (жилище № 26) первой половины XIII в. (см. рис. 32), принадлежавшая ремесленнику, занятому обработкой черного металла. Рядом с жилищем вскрыта яма, служившая подпольем в расположеннем близ жилища рабочем помещении. В яме найдено большое количество железного шлака, крица, молоток, зубило.

Находки кузничного инвентаря на Старорязанском городище не редки. Здесь были найдены большие и тяжелые молотки-кувалды и молоты-ручники. Молот-ручник имел рукоятку прямоугольной формы; длина го-

ловки молота 110 мм, размер бойка — 20—25 мм (рис. 68, 1)⁸. Молот уплощенной формы предназначался для прочеканки заклепок; длина его головки 80 мм, размер бойков 26 × 16 мм, рукоятка круглая (рис. 68, 5)⁹. Третий молоток с заостренным краем служил для перерубания железа¹⁰.

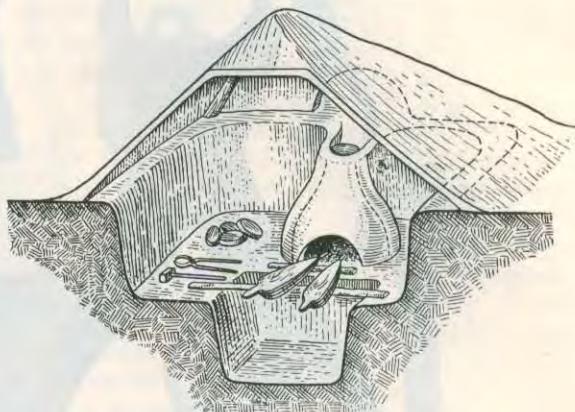

Рис. 67. Старорязанская домница. (Реконструкция Б. А. Колчина)

Необходимой принадлежностью кузницы являются клещи — инструмент, которым кузнец держит раскаленное железо. Такие шарнирные клещи, длиною в 16 см, найдены в 1926 г.¹¹. Они имеют овальные губы с немного вытянутыми концами. Клещи хорошей кузничной работы.

Изделия рязанских кузнецов столь многочисленны и разнообразны, что, пытаясь их охарактеризовать, мы должны были бы дать описание большей части всех находок на городищах Рязанской земли. Ведь после керамики железные вещи являются самым массовым археологическим материалом. Поэтому в отношении изделий кузнецов, как и в отношении изделий других ремесленников, в данной главе мы рассмотрим только те вещи, которые позволяют отметить специальные технологические приемы или особенности производства. Остальные же будут рассмотрены в соответствующих главах: на-

⁸ РОКМ, № 320/12. Здесь и в дальнейшем при ссылках на РОКМ первая цифра означает номер коллекции, а вторая — инвентарный номер).

⁹ ГИМ, № 58607, оп. 47/471.

¹⁰ Там же, № 58603, оп. 47/471.

¹¹ Там же, № 58607, оп. 99/556.

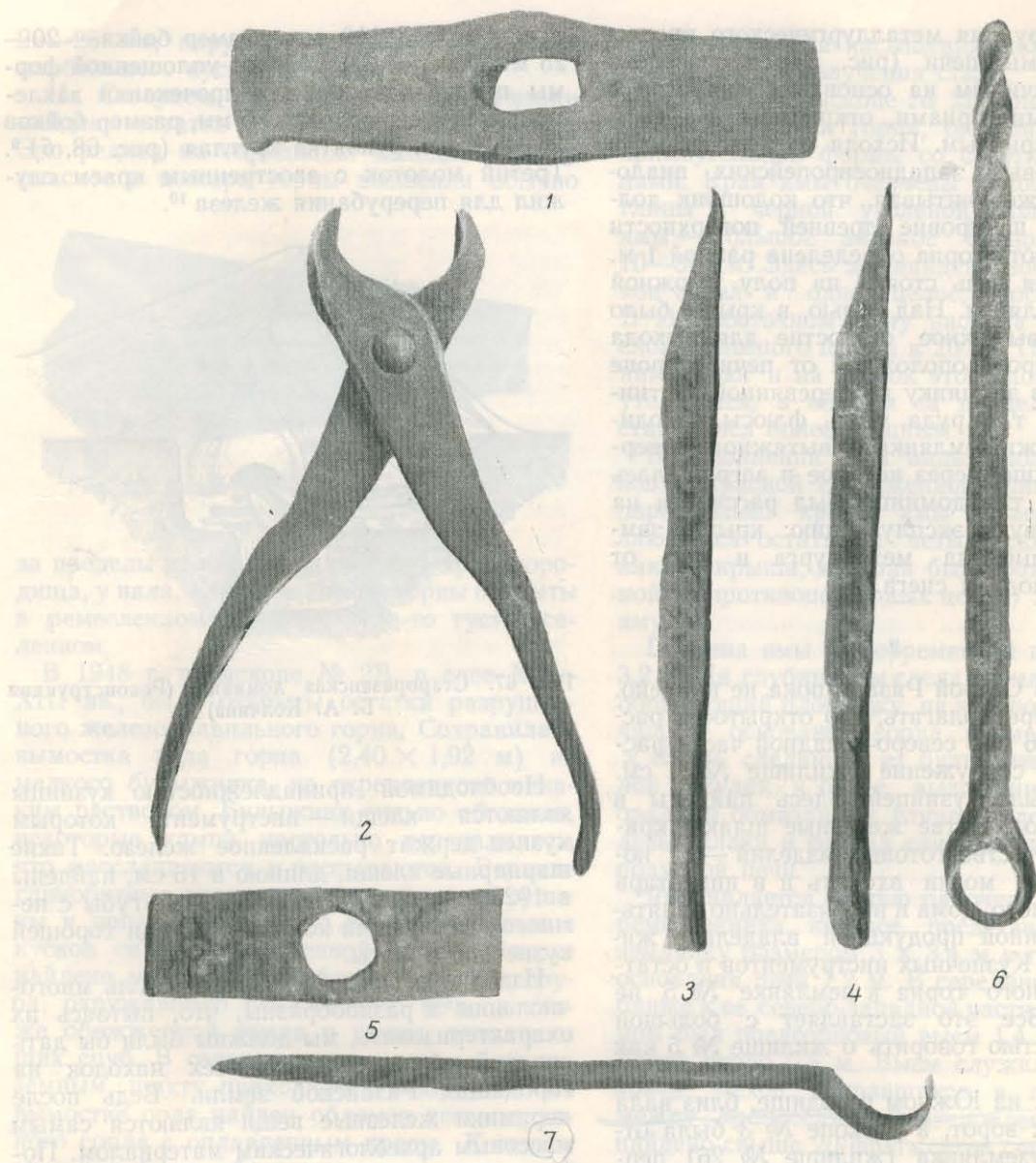

Рис. 68.

1 и 5 — молотки; 2 — клемши-кусачки; 3 и 4 — долота; 6 — сверло; 7 — ложкарь

пример, о сельском хозяйстве, о быте населения и т. д.

Среди массовой продукции рязанских кузнецов наиболее часто встречаются ножи (рис. 69, 7—12). В 1926 г. найдено было 333 ножа, а в 1945—1950 гг. — 879. Обилие ножей поразительно. А. А. Мансуров, пытавшийся приурочить их находки к отдельным

жилищам, подсчитал, что на каждое жилище приходилось от 2 до 22 ножей. Почти все ножи имеют клиновидное сечение лезвия и черенок, на который набивалась деревянная или костяная рукоятка. Размеры клинка колеблются от 4 до 18—20 см. Большинство ножей с прямой спинкой, криволинейным лезвием и заостренным концом. Меньше но-

Рис. 69.

1 — дужка от ведра; 2 — зубило; 3 — гиря; 4 — шило; 5 — пилочка; 6 — оковка заступа; 7—12 — ножи

жей с криволинейной спинкой и криволинейным лезвием. Есть ножи с утолщенной спинкой, выступающей по обе стороны лезвия. Некоторые ножи имеют свои особенности. Таковы, например, ножи, рукоять которых не надевалась на черенок, а составляла

продолжение лезвия ножа. В ней пробиты отверстия для заклепок, с помощью которых к рукояти прикреплялись две деревянные накладки (рис. 69, 9). Оригинальную находку представляет большой массивный нож, железная рукоять которого заканчивается

диском с шестью отверстиями, в которые продеты железные колечки (рис. 69, 7). Это, вероятно, боевое оружие (подобные метательные ножи имеются у современных народов южной Африки).

Для изготовления ножей рязанские кузнецы пользовались различными приемами. Б. А. Колчиным было исследовано несколько ножей из Старой Рязани и установлено, что нож XI в. состоял из трех полос, сваренных вместе,— двух железных по краям и стальной внутри. Такое слоистое лезвие наиболее удобно; оно легко вытачивается, а стальная его часть остается до конца существования ножа. Два других ножа из слоя XII—XIII вв. были сделаны с применением цементации. Такой способ изготовления более прост, чем вварка стального лезвия. Однако в этом случае ножи быстро стачивались. Наконец, третий прием заключался в изготовлении цельностального лезвия. Следовательно, уже в XI в. рязанские кузнецы знали способы изготовления стали и применяли различные технологические приемы для получения твердого и острого лезвия ножа. При этом прием XI в. был наиболее совершенным, хотя и наиболее трудоемким. С расширением спроса на ремесленные изделия кузнец переходил к более простым приемам, позволявшим дать массовую продукцию,— к цементации и изготовлению цельностального лезвия¹².

Рязанскими кузнецами изготавливались не только ножи, но и сложные приборы. Таким прибором являются, например, весы римского типа — безмен (см. главу VII). Последние представляют образец тонкой кузнечной работы. Изготовление таких предметов предполагает, кроме высокой технической культуры кузнеца, также его грамотность, необходимую, чтобы правильно градуировать рычаг весов.

Хотя труд слесаря является непосредственным продолжением труда кузнеца (слесарь доводит до отделки, совершенствует, тонко обрабатывает кузнечные заготовки), специализация ремесел на Руси X—XIII вв. зашла так далеко, что, несомненно, не только слесари отделились от кузнецов, но и внутри этих специальностей появилось разделение труда.

Собственно слесарного инструмента на

¹² Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 71—81.

Старорязанском городище найдено мало. Таковы цельностальное хорошей сохранности зубило в форме клина (длина 74 мм, ширина лезвия 15 мм), применявшееся для холодной рубки металла, и клиновидное же зубило с сильно расплощенной ударной площадкой (длина 72 мм, ширина лезвия 38 мм; рис. 69, 2).

Необходимым оборудованием для кузнечно-слесарных операций было точило. Круглые точила внешне похожи на жернова. Поэтому находка непарного каменного круга в отдельных случаях может рассматриваться, как находка точила. Так, можно предположить, что в 1926 г. в Старой Рязани были найдены три точила, так как круги сопровождались в одном случае 2 серпами, 1 косой, 7 ножами, 2 долотами, 2 шилами; в другом случае — 17 ножами, ножницами; в третьем случае — 20 ножами и мотыгой¹³.

Наиболее сложной продукцией слесарей были замки и ключи (рис. 70). Замки, бытовавшие в древней Руси, делятся на следующие типы¹⁴.

1. Дверные внутренние замки (задвижки деревянные, из металла сделаны только ключ и скобы). Замки эти отпираются снаружи коленчатым железным ключом. Последние обычно двузубые и имеют на рукоятке кольцо для ношения (рис. 70, 12—14). Найдено 9 таких ключей.

2. Врезные врезные замки ларцов-ковчежцев и сундуков, обычно облицованные фигурной медной пластинкой. Два таких замка найдены в Старой Рязани¹⁵ (рис. 70, 3). Врезной замок состоит (рис. 71, 2) из железного засова (A), двигающегося внутри неподвижно закрепленных штифтов. На одном конце стержень переходит под прямым углом в плоскую рукоять, служащую для передвижения стержня в замке (чтобы запирать и отпирать). К другому концу этого засова, немного отступая от края, приклепана пружина (B), упирающаяся свободным концом в защелку (B), когда замок заперт.

¹³ А. А. Мансуров. Древнерусские жилища, стр. 80—81. В наших раскопках дважды найдены непарные круги от жерновов, но крупное кварцевое зерно в камне, из которого они приготовлены, и отсутствие каких-либо следов стачивания на кругу не позволяют считать их точильными кругами.

¹⁴ Подразделение замков на типы дано по Б. А. Рыбакову (Ремесло древней Руси, стр. 218).

¹⁵ Р. Л. Розенфельдт. Старорязанский врезной замок. КСИИМК, вып. XXXV. М., 1950, стр. 144.

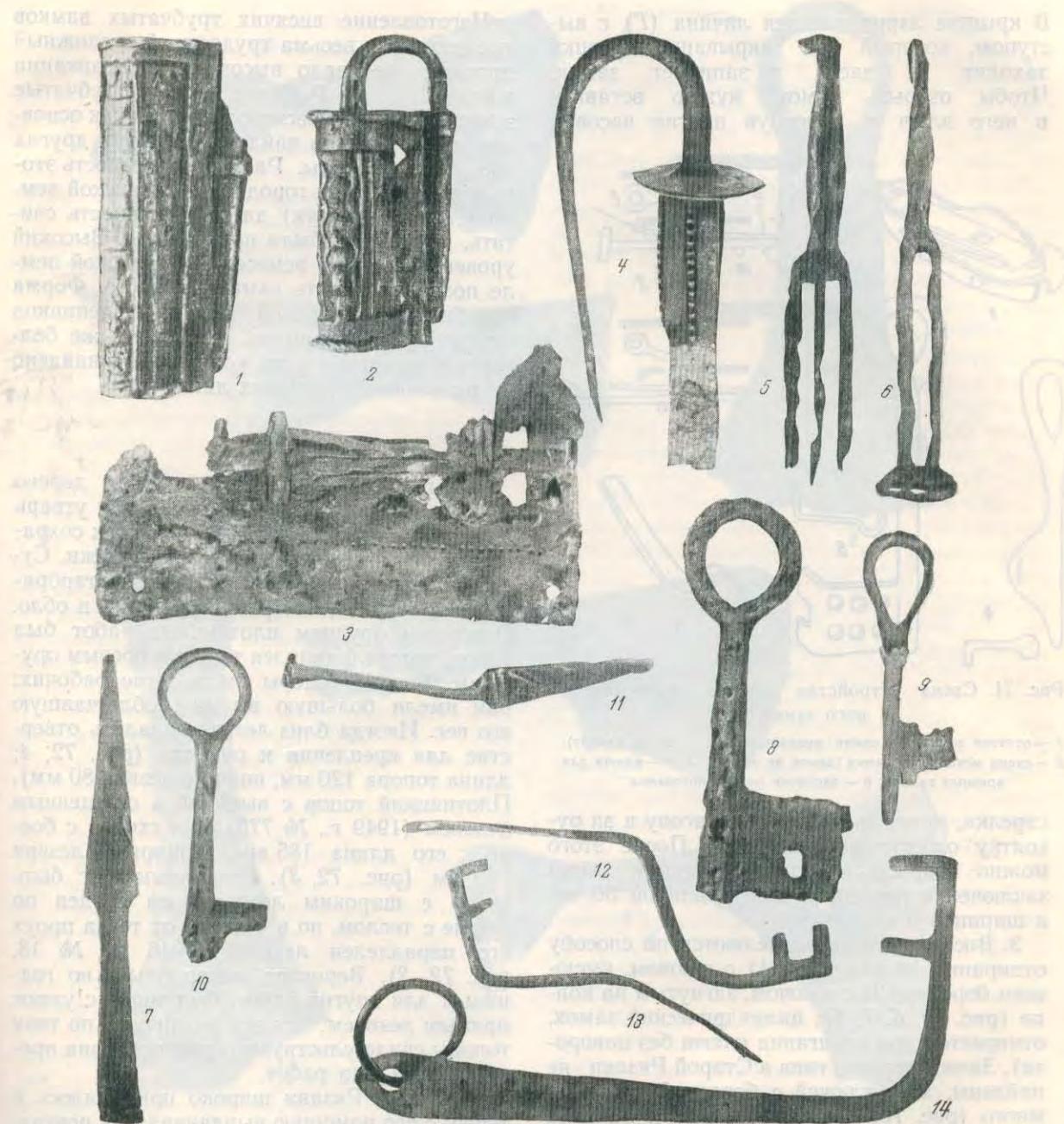

Рис. 70.

1—2 — висячие цилиндрические замки; 3 — внутренний врезной замок; 4 — дужка с пружинным механизмом от цилиндрического замка; 5, 6, 7, 11 — ключи от цилиндрических замков; 8, 9, 10 — ключи с бородкой; 12, 13, 14 — коленчатые ключи от дверных внутренних замков

В крышке ларца имеется личина (Γ) с выступом, который при закрывании крышки заходит за засов и запирает замок. Чтобы открыть замок, нужно вставить в него ключ и, повернув против часовой

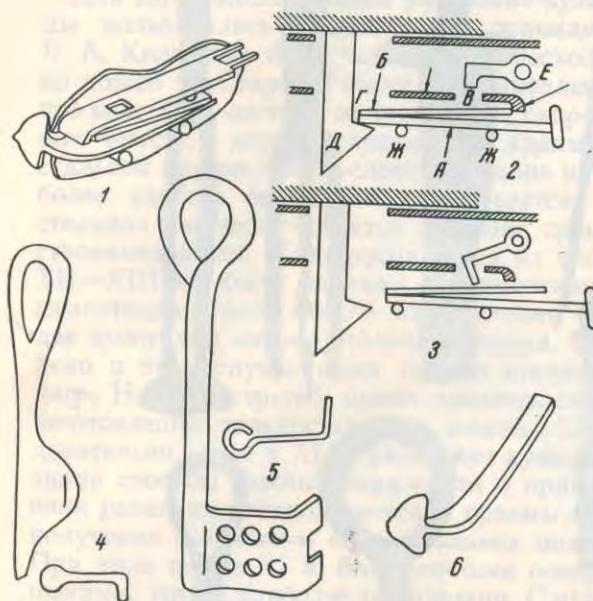

Рис. 71. Схема устройства старорязанского врезного замка

1 — остатки замка; 2 — схема механизма замка (замок заперт); 3 — схема механизма замка (замок не заперт); 4, 5 — ключи для врезных замков; 6 — засовчик от врезногозамка

стрелки, прижать пружину к засову и за рукоятку отвести вправо засов. После этого можно открыть крышку. Механизм замка заключен в железный кожух длиной 50 мм и шириной 8 мм.

3. Висячие замки разделяются по способу отпирания на два типа: 1) с ключом, имеющим бородку, 2) с ключом, загнутым на конце (рис. 70, 6, 7, 11; цилиндрический замок, отпирается при вдвигании ключа без поворота). Замки первого типа в Старой Рязани не найдены, хотя ключей с бородкой довольно много (рис. 70, 8—10). Замки второго типа наиболее распространены. Их устройство подробно описано Б. А. Рыбаковым¹⁶. Оно основано на том, что дужка с особым пружинным механизмом (рис. 70, 4) вдвигается в корпус замка и автоматически запирается пружиной.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 219, рис. 42.

Изготовление висячих трубчатых замков представляло весьма трудоемкий и сложный процесс, требовало высокой квалификации мастера. Б. А. Рыбаков назвал трубчатые замки замками киевского типа, так как основная масса их была найдена в Киеве и других городах Киевщины. Распространенность этого типа замков на городищах Рязанской земли (свыше 40 штук) дает возможность считать, что они не были привозными. Высокий уровень развития ремесел в Рязанской земле позволял делать замки на месте. Форма их была стандартной для ремесленников многих русских городов. Привозных же болгарских замков в виде коня и льва найдено на рязанских городищах лишь три.

3

На городищах Рязанской земли дерево очень плохо сохраняется. Деревянная утварь вообще до нас не дошла. От построек сохранились лишь отдельные бревна и доски. Судя по дошедшим до нас остаткам старорязанских городен, постройки рубились в обло. Основным орудием плотничных работ был топор, который являлся также и боевым оружием. Боевые топоры были легче рабочих; они имели большую выемку, облегчившую его вес. Иногда близ лезвия делалось отверстие для крепления к рукояти (рис. 72, 4; длина топора 120 мм, ширина лезвия 80 мм). Плотницкий топор с выемкой и опущенным лезвием (1949 г., № 770) был схожен с боевым; его длина 185 мм, а ширина лезвия 120 мм (рис. 72, 3). Столярным мог быть топор с широким лезвием; он схожен по форме с теслом, но в отличие от тесла проух его параллелен лезвию (1946 г., № 18, рис. 72, 2). Вероятно, лесорубным, но годным и для других работ, был топор с узким прямым лезвием. Все эти различные по типу топоры свидетельствуют о разнообразии производимых ими работ.

В Старой Рязани широко применялось и тесло; с его помощью выравнивалась поверхность дерева, а также выдалбливались широкие углубления (в корыте, погребальной колоде и т. д.). Тесло похоже на железную мотыгу и имеет горизонтальную втулку; длина его 220 мм, ширина лезвия 80 мм, диаметр втулки 4,5 мм (рис. 72, 5, 6)¹⁷.

¹⁷ РОКМ, № 325/2999.

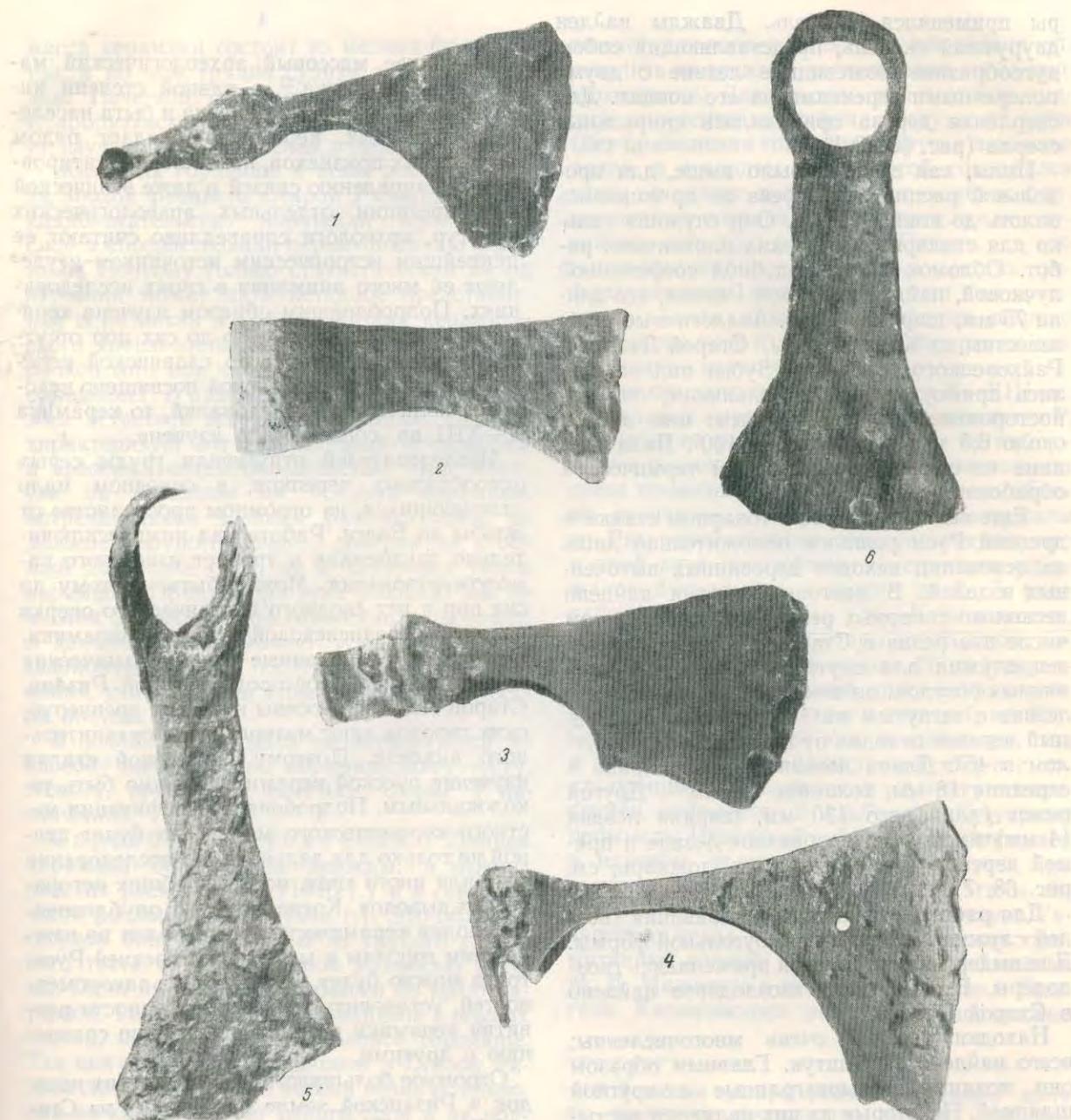

Рис. 72.

1, 4 — боевые топоры; 2—3 — рабочие топоры; 5—6 — тесла

Очень распространенной находкой на городищах являются долота — инструмент для долбления пазов и разных выемок. Долота были простые, с цельным металлическим четырехгранным стержнем (длина 140 мм) и

со склоненным к лезвию углом (рис. 68, 3, 4)¹⁸.

Для выстругивания дерева и сдирания ко-

ры применялся скобель. Дважды найден двуручный скобель, представляющий собою дугообразное ножевидное лезвие с двумя поперечными черенками на его концах. Для сверления дерева применялись спиральные сверла (рис. 68, б) ¹⁹.

Пилы, как сказано было выше, для продольной распиловки дерева не применялись вплоть до конца XVII в. Они служили только для столярных и мелких плотничных работ. Обломок пилы, подобной современной лучковой, найден в Старой Рязани; его длина 75 мм, ширина 14 мм. Аналогичные пилы известны из Княжой горы, Старой Ладоги и Райковецкого городища. Зубья пил нарезались прямоугольным напильником, они односторонние, шириной 2,8 мм; шаг зубьев около 6,5 мм; угол резания 100°. Пила сделана из стали с последующей термической обработкой ²⁰.

Еще недавно вопрос о токарном станке в древней Руси решался положительно лишь на основании находок деревянных выточенных изделий. В настоящее время найдено несколько токарных резцов по дереву, в том числе два резца в Старой Рязани. Один резец служил для внутренней выточки деревянных сосудов; он имел прямое удлиненное лезвие с загнутым на 180° концом. Массивный черенок отходил от лезвия вверх под углом в 45°. Длина лезвия 55 мм, ширина в середине 18 мм, толщина 4,5 мм ²¹. Другой резец (длина его 130 мм, ширина лезвия 14 мм) имеет крюкообразное лезвие и прямой черенок (это может быть ложкарь; см. рис. 68, 7).

Для работы с долотами и забивания гвоздей служили молотки прямоугольной формы. Для выдергивания гвоздей применялись гвоздодеры. Восемь таких гвоздодеров найдено в Старой Рязани.

Найдены гвоздей очень многочисленны; всего найдено 2906 штук. Главным образом они кованые, четырехгранные с круглой шляпкой. Некоторые из них являются костылями.

Для соединения деревянных частей лодок служили заклепки в виде железного стержня с расклепанной головкой на одном конце и щайбой на другом.

¹⁹ РОКМ, № 320/12.

²⁰ Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 117—118.

²¹ Резец исследован Б. А. Колчиным. Ук. соч., стр. 122, рис. 92 на стр. 124.

4

Наиболее массовый археологический материал — керамика ²² в равной степени интересна для изучения ремесла и быта населения. Так как керамика обладает рядом устойчивых признаков, помогающих датировкам, установлению связей и даже этнической интерпретации отдельных археологических культур, археологи справедливо считают ее ценнейшим историческим источником и уделяют ей много внимания в своих исследованиях. Подробнейшим образом изучена керамика древнейших эпох, но до сих пор отсутствует сводная работа по славянской керамике. Если раннеславянской посвящено некоторое количество исследований, то керамика X—XIII вв. совсем мало изучена.

Исследователей отпугивали груды серых однообразных черепков, в основном мало отличающихся, на огромном пространстве от Эльбы до Волги. Работа над ними исключительно трудоемкая и требует известного самопожертвования. Может быть, поэтому до сих пор и нет сводного исторического очерка развития средневековой русской керамики. Однако опубликованные типы керамических изделий Киева, Новгорода, Старой Рязани, Старой Ладоги, Москвы и других древнерусских городов дают материал для сравнительного анализа. Поэтому на данной стадии изучение русской керамики должно быть узколокальным. Подробная классификация местного керамического материала будет ценной не только для дальнейшего исследования того или иного края, но и для общих исторических выводов. Когда же будут опубликованы сводки керамических материалов по важнейшим городам и местностям древней Руси, тогда можно будет, кроме общих закономерностей, установить также и особенности развития керамики в одних районах по сравнению с другими.

Огромное большинство керамических находок в Рязанской земле происходит из Старой Рязани. Только этот материал поддается статистическому изучению, так как он является массовым и документированным. Но на Старорязанском городище целых горшков тоже найдено очень немногого; основная же

²² В настоящем разделе под керамикой подразумевается главным образом глиняная посуда. Вопрос о керамических строительных материалах рассматривается отдельно в конце настоящего раздела.

масса керамики состоит из мелких фрагментов, а по ним трудно судить о форме сосудов. Нечеткая стратиграфия тонкого слоя Старорязанского городища также затрудняет изучение керамических изделий.

Жизнь на городище в века, последующие за эпохой расцвета Старой Рязани, пахота, кладоискательство нарушили культурный слой и способствовали перемешиванию керамики. Поэтому только статистический метод изучения может дать истинное представление о развитии в Старой Рязани керамического производства. Наличие нескольких чепиков того или иного типа в слое ничего не определяет. В одном и том же пласте мы можем встретить все типы керамики, но слой характеризует тот тип, который встречается в преобладающем большинстве. При наличии на городище ям поздняя керамика, встречающаяся в более ранних слоях, не должна нарушить нашего доверия ни к общей датировке слоя, ни к датировке типов керамики. Правда, при этих условиях мы не можем датировать керамические типы точно; в данном случае можно установить лишь закономерности их последовательного изменения, учитывая при этом улучшение качества посуды.

В основном керамика характеризуется по способу изготовления, керамическому тесту, обжигу, орнаменту, клеймам, форме и назначению.

Способ изготовления. Лепная керамика обнаружена дважды: в нижних пластиах раскопа № 2 (1946 г.) и в северной части раскопа № 2А (1948 г.). Это обломки сосудов баночной формы из грубого глиняного теста со значительной примесью дресвы. Один из обломков увенчан по краю нарезкой. Такая же керамика найдена в осыпях оврага, пересекающего Северное городище. Так как количество найденной в Старой Рязани лепной керамики весьма незначительно, она не характеризует целого слоя и не поддается статистическому учету. Однако вряд ли эта керамика является случайной; она обнаружена в нижних слоях Северного городища, которое является древнейшей частью старорязанского поселения. Малочисленность ее объясняется тем, что часть мыса между Окой и Серебрянкой разрушена оврагом и подмыта Окой.

Лепная керамика, найденная вне культурного слоя (в осыпях, в пахоте и т. д.), ничего

не дает для исследования, так как нельзя определить ни время ее изготовления, ни ее происхождение. Дело в том, что местное чудское население изготавливало сосуды от руки (без применения гончарного круга) довольно долго, а у мордвы этот способ сохранился даже до наших дней. Что же касается формы лепных сосудов, встреченных среди случайных находок в Старой Рязани, то это также обычно баночные сосуды со слегка профилированным венчиком и почти без орнамента. Такая примитивная форма широко распространена и дает мало материала для каких-либо научных выводов.

Для старорязанской керамики X—XIII вв. характерен круговой способ изготовления²³, и притом на ручном кругу. Почти не наблюдается донышек, снятых с круга при помощи среза проволокой или ниткой. Съемка обычно песочная. Этнографические материалы из Рязанской области свидетельствуют, что ручной круг простейшей конструкции удержался буквально до наших дней. В ряде районов (Касимовском, Спас-Клепиковском, Спасском и других) гончары изготавливают посуду, сидя на большой колоде. На ней укреплен примитивный ручной круг, опирающийся на ось, врачающуюся в гнезде (рис. 73). Способ изготовления как в древности, так и теперь,— спирально-жгутовой налеп с последующим выравниванием на кругу и нанесением орнамента. В альбомах «Кустарные промыслы Рязанской губернии», хранящихся в научном архиве Рязанского музея, на снимках 1925—1929 гг. показаны этапы изготовления гончарной посуды у гончаров Рязанского уезда, где также сохранился примитивный ручной круг. То же наблюдали М. Д. Малинина в деревнях Вырково и Ерыгино Касимовского района²⁴ и московские

²³ Всеобщее распространение гончарного круга не исключает производства лепной керамики. Круг — признак ремесленного производства, домашние промыслы в нем не нуждаются. Поэтому в ряде древнерусских городов лепная от руки керамика изредка попадается среди круговой (см., например, Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле, МИА, № 11, 1949, стр. 186). Этнографы наблюдают, как в отдельных деревнях с прекращением производства керамики на рынок исчезает раньше существовавший гончарный круг (см. W. Holubowicz. Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Białorusi. Тогиц, 1950, стр. 15 и след.).

²⁴ М. Д. Малинина. Техника гончарства Мещеры. Рязань, 1931.

краеведы в наши дни и в Московской области²⁵.

Посуда в Старой Рязани лепилась, очевидно, в избах; специальных помещений для этого не было. Во всяком случае, археоло-

ледниковая морена и делювиальные суглинки (красный безвалунный суглинок), идущие и теперь на изготовление кирпича и простой посуды²⁶. Гончары из Старой Рязани добывали годную для изготовления керамики

Рис. 73. Работа на ручном гончарном кругу. Из альбома «Кустарные промыслы Рязанской губернии». 1925—1929 гг. (Архив РОКМ)

гами они нигде не выявлены. Этнографами это тоже не установлено.

Керамическое тесто. Глина, годная для изготовления посуды, имеется в пределах Рязанской земли в изобилии. Наиболее распространены послетретичные глины —

²⁵ М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР. «Этнография», № 4, 1930; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 170—172; Б. А. Куфтин и А. М. Россова. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии. «Московский краевед», вып. 5, 1928, стр. 9—30; Ю. А. Самарин. Подольские гончары. М., 1929.

жирную глину на самом городище. Она темножелтого цвета, и, вероятно, из нее изготовлена так называемая «белая» керамика. Однако, так как керамическое тесто встречается разных цветов (в изломе), что не только зависит от степени и способа обжига, но и от разного качества глины, то очевидно, что глину рыли и где-то на стороне, на местах выхода глин, и свозили к горнам. Ее складывали в специально вырытые ямы. К ним относятся большие круглые ямы (№ 3 и 6 в раскопе № 2Б и № 1 в раскопе № 2Г), на

²⁶ В. В. Осипов. Экономическая география Рязанской губернии. Рязань, 1925, стр. 42—43.

дне которых лежит слой глины. Последняя по цвету отличается от красноватой глины, в которой вырыты ямы. Эти ямы были расположены в непосредственной близости к керамическому горну, открытому раскопками 1949 г. (рис. 14 и 23). Глину, очевидно, разминали ногами и подготовляли к работе на полу жилища, как это делалось и недавно (рис. 74).

По керамическому тесту рязанская керамика делится на белую, желтую, серую и красную. Серая содержит несколько большую примесь шамота и песка, чем белая и красная. Это разделение керамического теста по цвету условно, так как черепки в изломе бывают темнобурье, серовато-красные и другие.

Рязанские мастера прекрасно знали, какая глина нужна для изготовления той или иной посуды. Поэтому в керамике наблюдается зависимость состава теста от назначения и качества сосуда, а также от времени его изготовления. Для посуды шли жирные и тощие глины. Жирные глины лучше подвергались обработке на гончарном кругу, но сильнее деформировались при высыхании и растрескивались во время обжига, а также при варке пищи на сильном огне. Тощие глины сохли быстрее, лучше обжигались и меньше растрескивались²⁷. Эти свойства глин были открыты человеком еще в самом начале керамического производства в неолите. Для придания прочности сосуду, для «отощения» глины к ней примешивали толченый камень, песок и другие минеральные примеси. Для первоначальных этапов изготовления керамики это был единственный способ придания прочности сосуду, поэтому ранняя керамика и содержала обычно много грубых минеральных примесей.

С появлением гончарного круга глины, содержащие примесь крупных зерен песка, стали непригодными, так как от сильного нажима во время вращения круга крупные зерна портили поверхность сосуда, а иногда и разрушали его. В связи с этим песок стали просеивать. Иногда применяли толченый камень (гранит), который для уменьшения зернистости обжигали. Чем больше совершенствовалось ремесло, чем быстрее вращался круг,

тем лучше становилось керамическое тесто, тем мельче были в нем минеральные примеси. Для парадной посуды, которая в огонь после обжига больше не попадала, можно было применять и жирную глину. При отсут-

Рис. 74. Разминание горшечной глины. Скопин. 1916 г.
Из альбома «Кустарные промыслы Рязанской губернии»

ствии такой на месте ее изготавливали путем «отмучивания». Если сосуду хотели придать значительную прочность и в то же время парадность, его ангобировали, т. е. делали из глины одного состава, обычно тощей, а сверху покрывали жирной глиной, дающей ровную и красивую поверхность.

Древнейшие круговые рязанские сосуды были изготовлены из глины, содержащей крупнозернистый песок и шамот. Мастера еще не овладели новой технологией и сделанному на кругу сосуду придавали прочность, утолщая стенки и «отощая» глину. Таковы большие корчаги со Старорязанского городища, близкие по форме к западнославянской керамике IX в., и черепки, украшенные зубчатым орнаментом в елочку, близкие по форме к роменским.

Но уже в XI в. рязанские гончары исполь-

²⁷ П. Будников. Технология керамических изделий. М.—Л., 1946, стр. 22, 116 и след.; А. Коптенко и М. Наумов. Производство кирпича, черепицы и гончарной посуды. М., 1947.

зовали тощие глины лишь для изготовления кухонной посуды, а жирные глины — для всей остальной. Светильники, например, покрывались в то время белым ангобом. К XIII в. вся посуда делается более тонкой и лучше обрабатывается на кругу; значительная часть ее ангобируется (это керамика I группы; см. ниже). Процесс улучшения керамического теста шел параллельно с обеднением орнамента. Горшки I группы мало орнаментированы, а ангобированная посуда большей частью совсем без орнамента.

Нужно отметить, что улучшение керамического теста не было равномерно развивающимся процессом. Например, часть горшков XII в. со Старорязанского городища почему-то содержит грубые минеральные примеси — дресву или толченый черепок (шамот), что дало повод выделить этот тип рязанской керамики в отдельную III группу. Эта посуда сосуществовала с другой такой же по форме, но изготовленной из лучшего теста и соответственно лучше отделанной на кругу.

Обжиг. По качеству обжига черепки различаются очень сильно. Наряду с равномерно прокаленными, звонкими встречаются сильно обожженные как с внешней, так и с внутренней стороны, но непрокаленные в середине, что обнаруживается по серому или черному цвету глины, видному в изломе черепка посередине. Последние могут быть отнесены к керамике печного обжига, а первые — горнового. Однако такое подразделение не всегда точно. Сосуды, слабо обожженные в горне, могли быть сильно обожжены при использовании их в печи, и вследствие этого черепок в изломе приобретал неравномерный слоистый облик. Горновой обжиг часто был очень слабым и трудно отличимым от печного. Слабый обжиг вообще характерен для керамики XI—XIII вв.²⁸. Мы не решаемся по степени интенсивности или равномерности обжига судить о том, был он печным или горновым, и вести статистический учет по этим признакам. Несомненно, однако, что печной обжиг существовал, но все же большинство горшков было обожжено в горнах. Горны на Старорязанском городище не были прослежены в прежних раскопках. Судя по отчету В. А. Городцова, некоторые из открытых им развалов

глиnobитных печей могли быть остатками керамических горнов, что не было установлено в процессе раскопок. О раскопках, предшествовавших 1926 г., можно сказать, что их отчеты весьма неполны и не дают оснований даже для такого предположения. Лишь в 1902 г. в раскопках В. Крейтона и А. Черепнина на Северном городище был найден горн, в котором обжигалась покрытая глазурью керамика. Но руководители раскопок ошибочно приняли его за культовое сооружение. Эта ошибка была вскрыта А. Мансуровым, который указал на то, что это был осевший свод печи²⁹. Б. А. Рыбаков отмечает, что старорязанский горн своей прочной кирпичной кладкой выгодно отличается от глиnobитных горнов Вещика, Донца и Райгорода³⁰.

В отчете Крейтона об этом горне сообщено следующее: в траншее № 3 «на глубине около аршина обнаружен круг из кирпича в 30 вершков в диаметре, круг сложен в виде очень пологого купола с подъемом не более $1\frac{1}{2}$ вершков. Кирпич впервые встречающейся формы $2\frac{1}{4} \times 2 \times 1\frac{1}{4}$ вершков, сложен аккуратно, правильными концентрическими рядами. Во внешнем ряду сохранились не все кирпичи. Далее, ближе к центру, стоят ребром кирпичи в четыре полных ряда. Еще ближе к центру ряды сбиты и кирпич носит на себе следы большого огня, растрескался и разбух наподобие современного прожженного кирпича. В правильных рядах во многих местах сохранилась заливка пазов. Заливка в изломе обнаруживает такой же цвет, состав и обжиг, как и кирпич, что, повидимому, указывает, что кирпич сложен в сыром виде и обожжен на месте. Это предположение подтверждается еще тем, что центральные ряды кирпича имеют ровный красный обжиг в изломе, тогда как кирпич внешнего ряда в изломе указывал, что обжиг проник лишь не далее как на полвершка, внутри же сохранилась серовато-зеленая, плотная глина. С поверхности подняты глиняные трехпластные фигуры неизвестного назначения. Фигура представляет собой три расходящиеся из одной точки и слегка загнутых кверху (или книзу) отростка (лопасти); каждый отросток овальной формы в разрезе; с выпуклой стороны в центре между отрост-

²⁸ П. П. Петров. Исследование курганных горшков Московской губернии. ИОЛЕАЭ, т. XXXI. М., 1879.

²⁹ А. А. Мансуров. Древнерусские жилища, стр. 64.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 350.

Рис. 75. Гончарный горн, раскопанный на Северном городище в 1949 г.
а — общий вид; б — под горна с продухами

ками небольшое углубление, как бы от нажима пальцев, с глянцевитою поверхностью (полива). Там же на поверхности кирпичной кладки — черепки гладкого глиняного сосуда и между прочим два небольших ушка или плоских ручек глиняного сосуда. Под кирпичной кладкой находилась прослойка менее вершка толщиною из золы сероватого и черного цвета. Еще ниже лежали обломки плоского плитняка, под которым начинался грунт»³¹.

Так как Крейтон и Черепнин не приложили чертежа, то трудно судить о конструкции печи. Ясно, что обнаружен кирпичный под горна. Топочная камера, очевидно, была расположена где-то сбоку. Свод был выложен из кирпича-сырца и обрушился. Загадочные глиняные фигурки — это прокладки, употреблявшиеся при обжиге глазурованных керамических изделий (см. рис. 91, 4). «Глянцевитая поверхность» — это хорошего качества желто-зеленая полива, очевидно, стекавшая на подставки с обжигаемого предмета³².

Такой сырцово-кирпичный горн, как об этом свидетельствуют находки на его поде, служил для обжига поливной керамики — плиток, «писанок». Специальное назначение и определило его несколько усложненный тип.

Для обжига бытовой керамики служили горны более простого типа, глиняные. В 1949 г. нашими раскопками (в западной части раскопа № 2Г на Северном городище) был открыт такой горн сравнительно хорошей сохранности (рис. 75). Часть свода горна завалилась и вогнутой сильно обожженной внутренней стороной лежала вверх. Здесь же были найдены истлевшие доски и обуглившееся дерево, вероятно, в свое время служившее опалубкой горна. На восток от завалившегося свода обрисовались очертания бельшой прямоугольной с округленными углами ямы, укрепленной деревом и обмазанной глиной. При расчистке ямы в ней была обнаружена основная часть этого горна. Сохранились топка и часть пода с тремя отверстиями — продухами. Под горна находился на высоте 28 см от основания топки. Горн был овальным в плане. Наибольший размер его сохранившейся части — 95 см; вероят-

³¹ В. Крейтон. Дневник раскопок. ТРУАК, т. XVIII, стр. 202. А. Черепнин. Кулаковский могильник... Там же, стр. 156—157.

³² РОКМ, коллекция № 139, инв. № 413, 414, 415.

ный размер этого горна по меньшей оси — 75 см; диаметр продухов — 11—14 см. Обмазка пода сохранила три наслоения, очевидно, образовавшиеся в результате разновременных подмазок в период эксплуатации горна. В топке был слой золы и древесного угля. Устье топки было ориентировано на запад. Горновая яма состояла из двух частей. В неглубокой и сравнительно небольшой части были найдены топка и под горна; в большей части, достигающей 2 м в глубину и отделенной от первой небольшим проштуком земли, найдены фрагменты бракованной керамики. Назначение этой части ямы неясно. Она могла служить каким-либо вспомогательным помещением при эксплуатации горна. Найденная в заполнении ямы и на дне ее керамика относится ко времени использования горна. Черепки в большинстве случаев являются остатками белой тонкостенной посуды, бедно орнаментированной или совсем без орнамента. Такая керамика в Старой Рязани и в других рязанских городах (Пронске, Переяславле) относится к началу XIII в. Этим временем и датируется найденный горн.

На одном из донышек сосудов, найденных в горне, было клеймо в виде пятиконечной звезды. На двух фрагментах керамики сохранилась желтая прозрачная полива. Интересно отметить, что в самом горне найден был обломок поливного яичка («писанки») желтого цвета с зелеными волнистыми полосами.

Судя по размеру горна, он мог служить для одновременного обжига 25—30 горшков. Следы наслоений подмазок свидетельствуют о том, что горн эксплуатировали в течение длительного времени. Скромные размеры горна, а также его положение близ жилища свидетельствуют о том, что горн находился в индивидуальном пользовании ремесленника. Известные по этнографическим материалам XIX и начала XX в. горны были как частными (рис. 76), так и находившимися в коллективном пользовании 7—8 хозяев. Последние вмещали до 600 горшков и были расположены посередине улицы.

Остатки горна были открыты также в раскопе № 2 (1949 г.) на Северном городище. Они находились в яме причудливой формы: одна ее часть неправильно прямоугольная, затем она изгибается в южном направлении. Основание ямы неровное. Материк обнару-

живается в ней как бы ступеньками на разной глубине. В северо-восточной части ямы на небольшой (50×65 см) площадке и было обнаружено основание горна. Сохранился лишь один продух в части пода. Яма завалена большими (толщиной до 12 см) печинами из свода или стенок горна. В ее заполнении очень много обломков керамики различных типов, не относящихся ни к производству в данном месте, ни даже к одному периоду существования городища.

Открытые горны относятся к простейшему типу горнов двухъярусной системы с прямым пламенем. Они подобны вшижскому горну, раскопанному Б. А. Рыбаковым³³. Вшижский горн также целиком сделан из глины. Верхнее обжигательное помещение отделено от топочного горизонтальной перегородкой из глины с жаропроводными отверстиями, без всякого подпора снизу. Опускание горна в землю, как это мы видим в Старой Рязани, встречается и у современных гончаров³⁴.

Все описанные горны сосредоточены на Северном городище, сравнительно недалеко один от другого. Сосредоточение керамического производства в одном месте — явление, обычное для средневековых русских городов; это отразилось и в названиях Гончарных концов или Гончарных слобод. Повидимому, одной из причин выделения особого района для устройства горнов являются соображения пожарной безопасности.

Орнамент. Большая часть рязанской керамики, как и вообще славянской, снабжена линейным и волнистым орнаментом³⁵. Однако для Старой Рязани характерно наличие значительного числа сосудов с зубчатым орнаментом, нанесенным с помощью зубчатого колесика или штампа. Наиболее древняя керамика, орнаментированная зубчатым штампом по форме сосуда (с прямым горлышком и слабо профилированным венчиком), подобна боршевско-роменской. Эти сосуды покрыты по плечикам зубчатым орнаментом в елочку, подражающим веревочному орнаменту роменской керамики. Иногда край сосуда

по венчику украшен насечками. Иногда рельефный орнамент наносится на специально для этого оставленный выпуклый валик на стенке сосуда. На некоторых сосудах валик сделан не при формовке сосуда, а на-

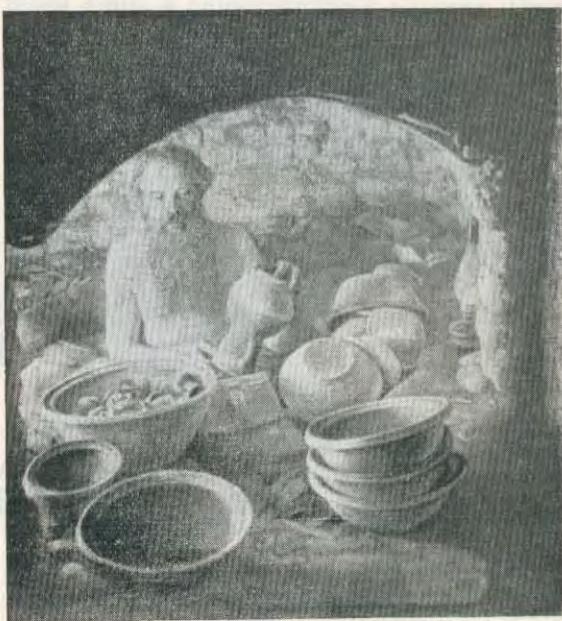

Рис. 76. Гончар в печи. Рязанская губерния. Первая четверть XX в. (Архив РОКМ)

леплен потом (вертикально или горизонтально) для нанесения орнамента. Примером такой орнаментации могут служить фрагменты сосудов из коллекции Рязанского музея и из наших раскопок 1946 г. (рис. 77)³⁶.

Зубчатый орнамент встречается двух видов: нанесенный колесиком в виде горизонтальных полос и чеканом в виде елочного узора. Есть сосуды, сплошь орнаментированные по всей поверхности. Иногда по плечикам сосуда располагаются спускающиеся вниз «гирлянды», нанесенные зубчатым штампом. Вообще в орнаментации, несмотря на общие стандартные приемы, отдельные мастера проявляют значительную изобретательность (рис. 78). Некоторые сосуды орнаментированы с верха до донышка, на большинстве же украшенных сосудов орнамент расположен по плечикам. Есть крышки

³³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 345.

³⁴ Б. А. Куфтин и А. М. Россова. Ук. соч., стр. 26—27; Ю. А. Самарин. Ук. соч., стр. 22.

³⁵ Сводку исследований славянской керамики и характеристику орнаментов см. А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 89—95.

³⁶ Коллекция РОКМ, № 139/905—909.

ки, украшенные штампованным орнаментом в виде углубленных квадратиков (рис. 79), пересекающихся у края крышки двумя попечными бороздками по четыре линии в каждой. Шейки нескольких сосудов украшены

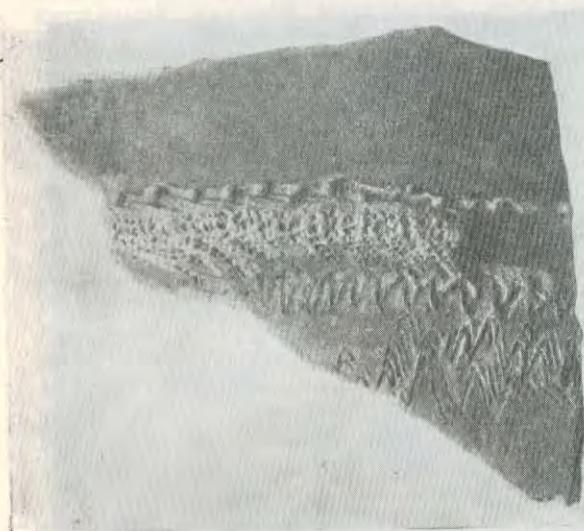

Рис. 77. Обломок сосуда с налепным валиком и зубчатым орнаментом

ны глубокорезанными полосами и ступенчатыми выступами, на которые роликом нанесен орнамент в виде косых линий. Встречается орнамент, составленный из комбинаций штампа в виде вдавленных треугольников. Есть фрагменты сосудов, орнаментированные подобно таманской керамике, охарактеризованной А. Миллером следующими словами: «Зонально расположенные довольно глубокие желобки вместе с волнистой вдавленной вглубь линией»³⁷.

Мы попытались подсчитать, как располагаются различно орнаментированные сосуды из Старой Рязани по слоям и раскопам (1949 и 1950 гг.).

Составить полное представление о керамике, добытой дореволюционными раскопками и раскопками 1926 г. нельзя, так как во время раскопок, проводившихся РУАК, керамика в коллекции не бралась вообще, а в 1926 г. она была закопана на месте раскопок, и взяты лишь образцы, отличающиеся

³⁷ А. Миллер. Северо-кавказская экспедиция. Сообщения ГАИМК, вып. I, Л., 1926, стр. 96.

оригинальностью формы или орнамента. При подобном отборе, естественно, нельзя составить себе представления о керамике в целом, тем более, что массовые керамические находки в отчете не охарактеризованы.

В раскопках 1945, 1946 и 1948 гг. нами была взята вся добытая раскопками керамика, кроме нехарактерных обломков стенок. Она была вся описана, зашифрована и находится в фондах РОКМ. Однако составление описей и шифровка в лаборатории керамики оказались очень громоздкой трудоемкой работой, к тому же в конечном итоге не отражающей всего многообразия керамики, так как для статистической обработки удобней иметь дело с зарисованной и описанной керамикой, чем с самими черепками. Так как в последующие 1949 и 1950 гг. повторялись в основном находки тех же типов керамики,

Рис. 78. Ручка сосуда с орнаментом, нанесенным зубчатым колесиком и вилкой. (Увеличено в 2 раза)

что и в предшествовавшие годы, решено было керамику не брать, а обрабатывать ее в поле, оставляя на месте и забирая для камеральной обработки только некоторые образцы. Для обработки керамики в поле были

составлены карточки со следующими графами: 1) количество черепков на данном квадрате и пласте; 2) из них орнаментированных и вид орнамента; 3) керамическое тесто; 4) форма сосуда и размеры (венчики и профили), 5) донышки и клейма.

как Северного, так и Южного городища наблюдается общая закономерность: чем выше лежит пласт, тем больше в нем неорнаментированной керамики. Процент керамики, орнаментированной зубчатым колесиком, значителен лишь в самых нижних пластиах. Орна-

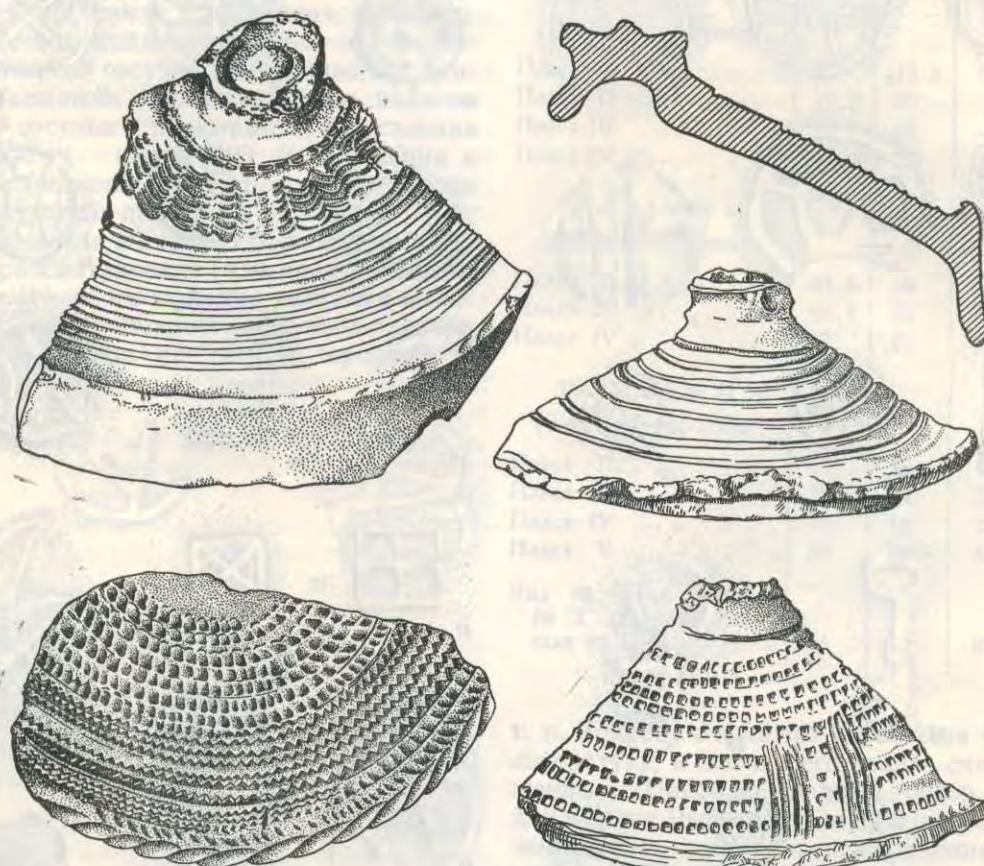

Рис. 79. Крышки сосудов с орнаментом

Статистическая обработка занесенного на карточки материала и дала основания для излагаемых здесь выводов³⁸.

Подсчеты керамического материала, найденного Старорязанской экспедицией в раскопках, ежегодно давали сходную картину. Приводим здесь таблицу подсчетов фрагментов керамики из раскопок 1949 г. с распределением по типам орнаментов (в %) (см. стр. 119).

Из таблицы видно, что на всех раскопах

мент волнистый (без сочетания с линейным) вообще очень редок. Волнистый и зубчатый орнамент в верхних пластиах очень незначителен, и керамика с данным типом узора попала туда, очевидно, случайно, в результате пахоты на городище и перекопов. IV и V пласти раскопа № 2Г на Северном городище и III и IV пласти раскопов № 1 и 2 на Южном городище относятся к XI — началу XII в. Этим временем и датируется орнаментация зубчатым колесиком или штампом.

Форма и назначение сосудов будут рассмотрены ниже, при описании различных типов керамики.

³⁸ Статистическая обработка керамического материала из Старой Рязани произведена Р. Л. Розенфельдтом.

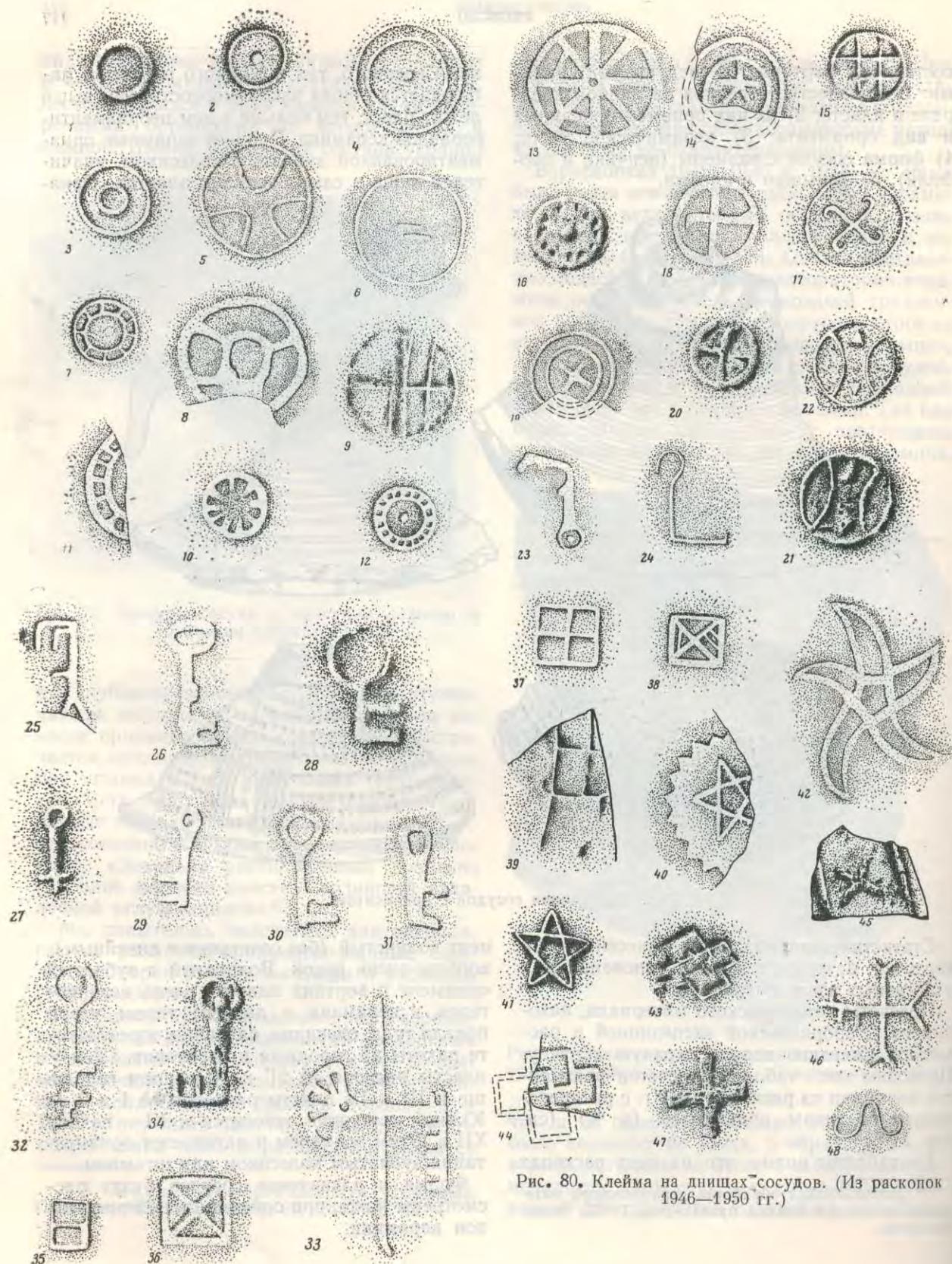

Рис. 80. Клейма на днищах сосудов. (Из раскопок 1946—1950 гг.)

Клейма. Известен ряд клейм, найденных в Рязанской области на Дядьковском, Толпинском, Казарском городищах, в Пронске и в Старой Рязани. Очень немного клейм происходит из селищ. В Пронске, в раскопках 1928—1930 гг., было найдено 20 днищ с клеймами. В старорязанских раскопках нашего времени, как и в раскопках предшествовавших лет, найдено довольно значительное количество сосудов с клеймами на днище. В раскопках Городцова было найдено около 60 сосудов с клеймами, а в раскопках 1945—1950 гг.— свыше 120. В отношении к общему количеству найденной керамики это составляет всего лишь 1%.

Клейма всегда вызывают большой интерес, так как рассматриваются как знак ремесленника. На основе их изучения делаются выводы о характере гончарного производства, количестве мастеров на данном городище и

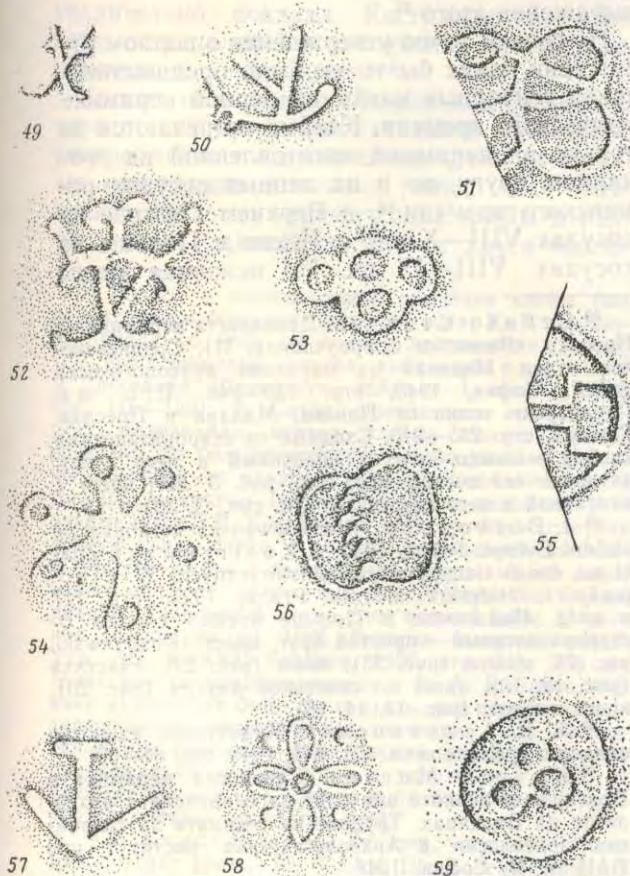

Рис. 80 а. Клейма на днищах сосудов, №№ 49—59

Раскоп и пласт	Без орнамента	С линейным ³⁹ орнаментом	С волнистым орнаментом	С зубчатым орнаментом
Раскоп № 1 (Южное городище)				
Пласт I	87	12,5	0,5	—
Пласт II	75,3	23	1	0,7
Пласт III	64	35	—	1
Пласт IV (?)	63	27	—	10
Раскоп № 2 (Южное городище)				
Пласт II	61,4	38	0,5	0,1
Пласт III	64,4	35	0,1	0,5
Пласт IV	27	63	—	10
Раскоп № 2Г (Северное городище)				
Пласт II	77	19	1	3
Пласт III	72,5	24	2,5	1
Пласт IV	75	15	2	8
Пласт V	49	32	4	15
Яма № 1 на раскопе № 2Г (поздняя, идущая из II пласта) . .	84	15	0,3	0,7

т. п. Вопросу о клеймах посвящена большая литература, и все же его нельзя считать решенным. Наиболее полный обзор мнений дан в книге Рыбакова. Он приходит к заключению, что «тесная производственная связь клейм с гончарным кругом и полное отсутствие каких бы то ни было предшественников их на лепной керамике языческого времени не позволяют видеть в них языческие символы и утверждают в мысли, что это знаки гончаров-ремесленников»⁴⁰.

Серия старорязанских (из раскопок 1926 г.) и пронских (из раскопок 1928—

³⁹ При подсчетах к линейному отнесен как орнамент чисто линейный, так и комбинация линейного и волнистого.

⁴⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 176—177. Интересные данные, подтверждающие точку зрения Б. А. Рыбакова, содержатся в работе Zofia Kolsówna. Z badań nad znakami garnkarskimi z okresu wczesnodziejowego. Slavia Antiqua, т. II, ч. 2, Posnani, 1949, стр. 438—451.

1930 гг.) клеймами были издана А. А. Мансуровым⁴¹. Мансуров считает знаки на донышках сосудов — знаками ремесленника, их изготавливавшего, и отмечает сходство знаков на горшках с метами и гранями, наблюдавшимися этнографами на полях рязанских деревень доколхозного времени.

Рис. 81. Клеймо на днище сосуда в виде трезубца (так называемый «знак рюриковичей»)

Клеймо вырезалось в центре гончарного круга, на котором лепился горшок. Круг посыпался золой или песком, чтобы можно было снять готовый сосуд. Знак клейма обычно прост; он легко запоминается и легко воспроизводится. Клейма образуют несколько групп (рис. 80), из которых наиболее распространенной является группа с окружностями (рис. 80, 1). Последние иногда заполнены сеткой и имеют вид колеса со спицами, (рис. 80, 7—16), иногда в окружность вписан крест (рис. 80, 18—20). Часто встречается пятиконечная звезда (рис. 80, 40—42), крест в виде свастики (рис. 80, 43, 44), свастика в виде «сегнерова колеса» (рис. 80, 17). Наиболее распространенными клеймами являются ключ (рис. 80, 23—34), розетка

⁴¹ А. А. Мансуров. Старорязанские и прописные клейма. СА, т. VIII, 1946, стр. 293—298.

(рис. 80, 53, 54, 58, 59), стрела (рис. 80, 57) и различно комбинируемые квадраты (рис. 80, 35—38). Очень редко — изображение животного, распластанной шкуры с четко видной головой, хвостом и лапами (рис. 80, 21, 22). Самым редким знаком является встречаенный дважды так называемый «знак рюриковичей» — трезубец (рис. 81).

Любопытно, что символика знаков на клеймах однообразна на гигантских пространствах славянских земель. Полную аналогию с рязанским клеймом мы находим в керамике древнеболгарских центров — Плиски, Мадара и Преслава. Нужно отметить также сходство болгарской керамики со старорязанской⁴² и керамикой других русских городов. То же нужно сказать о керамике в западнославянских землях⁴³. Конечно, важнейшей причиной такого сходства является культурное единство славян в средние века⁴⁴; идентичность же символов на клеймах — частное выражение этого⁴⁵.

Не совсем точно утверждение о полном отсутствии каких бы то ни было предшественников гончарных клейм на лепной керамике языческого времени. Клейма встречаются не только на керамике, изготовленной на гончарном кругу, но и на лепных сосудах роменского времени⁴⁶, в Верхнем Салтове на сосудах VIII—X вв., в Чехии и Польше на сосудах VIII—IX вв. Но основная масса

⁴² Станчо Станчев. Домашната керамика от Преслав. «Разкопки и проучвания», III, Средневековия отдел. Издания на народния археологически музей. София, 1948, стр. 130—148; Его же. Грънчарски знаци от Плиска, Мадара и Преслав. Там же, стр. 235—245. Сходные со старорязанскими клейма — колесо, круг и вписанный в него крест, пятиконечная звезда (Ук. соч., рис. 3, 28), крест с вписанной в него свастикой (Ук. соч., 3, 33) и др.

⁴³ J. Vojkowsky. Staroslowanská keramika ve střední Evropě. Praha, 1940; J. Kostrzewski. Znaki na dnach nacyp wczesnohistorycznych; Wielkopolski. Niderlův sborník. Praha, 1925, str. 117 и след. Найденные в Польше клейма сходны со старорязанскими — простой круг, крест (Kostrzewski, рис. 7), колесо (рис. 25), ключ (рис. 29), свастика (рис. 18, 19), крест со свастикой внутри (рис. 20), крест в круге (рис. 13, 14, 15).

⁴⁴ А. В. Арциховский. Культурное единство славян в средние века. СЭ, т. I, 1946, стр. 84—90.

⁴⁵ Кръстю Миятев. Славянска керамика в България и нейното значение за славянската археология на Балканах. Трудове на секцията за славянска археология в Археологическия институт при БАН, т. II, София, 1948.

⁴⁶ Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907, стр. 74, 44.

клейм относится к X и последующим векам. В XIV же веке они становятся редкими. Таким образом, распространение гончарных клейм связано с применением круга. Особенно широко они стали употребляться тогда, когда изготовление керамики из домашнего промысла превратилось в ремесло.

Первоначально клейма появились на керамике еще в языческое время, когда они были религиозными символами, общими для славянских земель⁴⁷. Характерно, что на кирпичах, где древняя символика не имела, очевидно, значения и где клейма являлись только марками мастеров или мастерских, почти нет знаков, сходных с керамическими клеймами. Все эти связанные с солнечным культом обозначения (колеса, круги, свастики и кресты) были, с появлением гончарного круга, перенесены на керамику и стали знаками мастеров. Даже распространение знака в виде креста не связано с христианством. Как убедительно показал Костржевский, этот знак встречался на славянских сосудах до перехода в христианство⁴⁸.

Только истолкование клейм как символов, утративших свое первоначальное значение и употребляемых в дальнейшем ремесленниками, как производственные тамги, может объяснить сходство керамических клейм в разных, очень удаленных друг от друга частях

⁴⁷ Вопрос о символическом значении клейм был поднят еще в середине прошлого века. К. П. Тышкевич писал об этом по поводу дрогичинских пломб (см. его Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина. Древности, МАО, т. I, вып. 2, 1865, стр. 115—122). В. Сизов, основываясь на гнездовских материалах, считал клейма символическими знаками. Но большинство ученых возражало, резонно отмечая, что клейма распространяются вместе с гончарным кругом (см. статьи Костржевского, указанные выше). В. Козловская, категорически отвергая всякую связь клейм с древней символикой, писала: «Сходство клейм с солнечными символами не имеет ничего общего с религией, а просто случайное совпадение» (Таврований посуд слов'янської доби. Науковий збірник за рік 1926. Записки Історичн. секції. Укр. АН, т. XXI, Харків, 1927, стр. 11). Той же точки зрения придерживается и Б. А. Рыбаков. Однако правильнее было бы считать, что первоначально знаки имели символическое значение, были магическими или родовыми (тотемными) знаками, а позже они утратили это значение и удержались лишь на клеймах мастеров, а иногда и на поземельных «границах» и «метах» до наших дней.

⁴⁸ J. Kostrzewski. Ук. соч., стр. 123. Полемика против статьи M. Wäbe. Die Bodenstempel auf wendischen und frühdeutschen Gefässen des IX—XIV nachchristlichen Jahrhunderts. Mannus, X, 1918, стр. 71 и след.

славянских земель. Подобные клейма дожили до наших дней, и употребляются гончарами для маркировки изделий, утратив свой первоначальный смысл⁴⁹. Этнографы видели у гончаров в наши дни клейма, сходные с древнеславянскими. В 1926—1927 гг. Б. А. Куфтин выяснил у гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии, что клеймо в это время уже не было ни знаком собственности, ни производственной тамгой, но с ним были связаны какие-то древние поверия. «Бабы с христом любят,— говорят больше наварит»,— говорили гончары⁵⁰.

Но если истолкование клейм как древних символов, сохранившихся в позднейшее время, может объяснить сходство их на керамике в разных славянских землях, то все же загадочными остаются другие факты — обилие различных клейм на одном и том же городище и то, что большинство сосудов все же не было клеймено. Почему мастер клеймил лишь некоторые из изготовленных им сосудов? Или, может быть, клеймили все свои сосуды лишь некоторые мастера? Если прав Б. А. Рыбаков, что каждый тип клейма принадлежит семье мастеров, а каждый вид клейма отдельному мастеру, то мы должны предположить в Старой Рязани необычайное обилие ремесленников этой профессии. Вопрос о значении гончарных клейм остается пока не решенным.

Перейдем к описанию различных типов рязанской керамики.

К раннему типу (рис. 82) относятся, как выше сказано, сосуды со слабо профицированными плечиками, чаще всего с прямой шейкой без венчика, с орнаментом в виде елочки, нанесенным зубчатым штампом, но подражающим веревочному елочному орнаменту боршевско-роменской керамики. Сюда должны быть отнесены также большие толстостенные корчаги, которые изготовлены из теста с большой примесью песка (толщина стенок 15—16 мм, обжиг красный). Эти корчаги сделаны на кругу, но с очень грубой отделкой. Стратиграфическая дата для этих сосудов не установлена. По форме вен-

⁴⁹ Необходимо отметить несомненное сходство некоторых гончарных клейм с недавно существовавшими в Рязанской области полевыми и луговыми метами. См. В. Д. Бакулин. К вопросу о границах и метах. Вестник Рязанского края, № 5 (8), 1925.

⁵⁰ Б. А. Куфтин и А. М. Россова. Ук. соч., стр. 14.

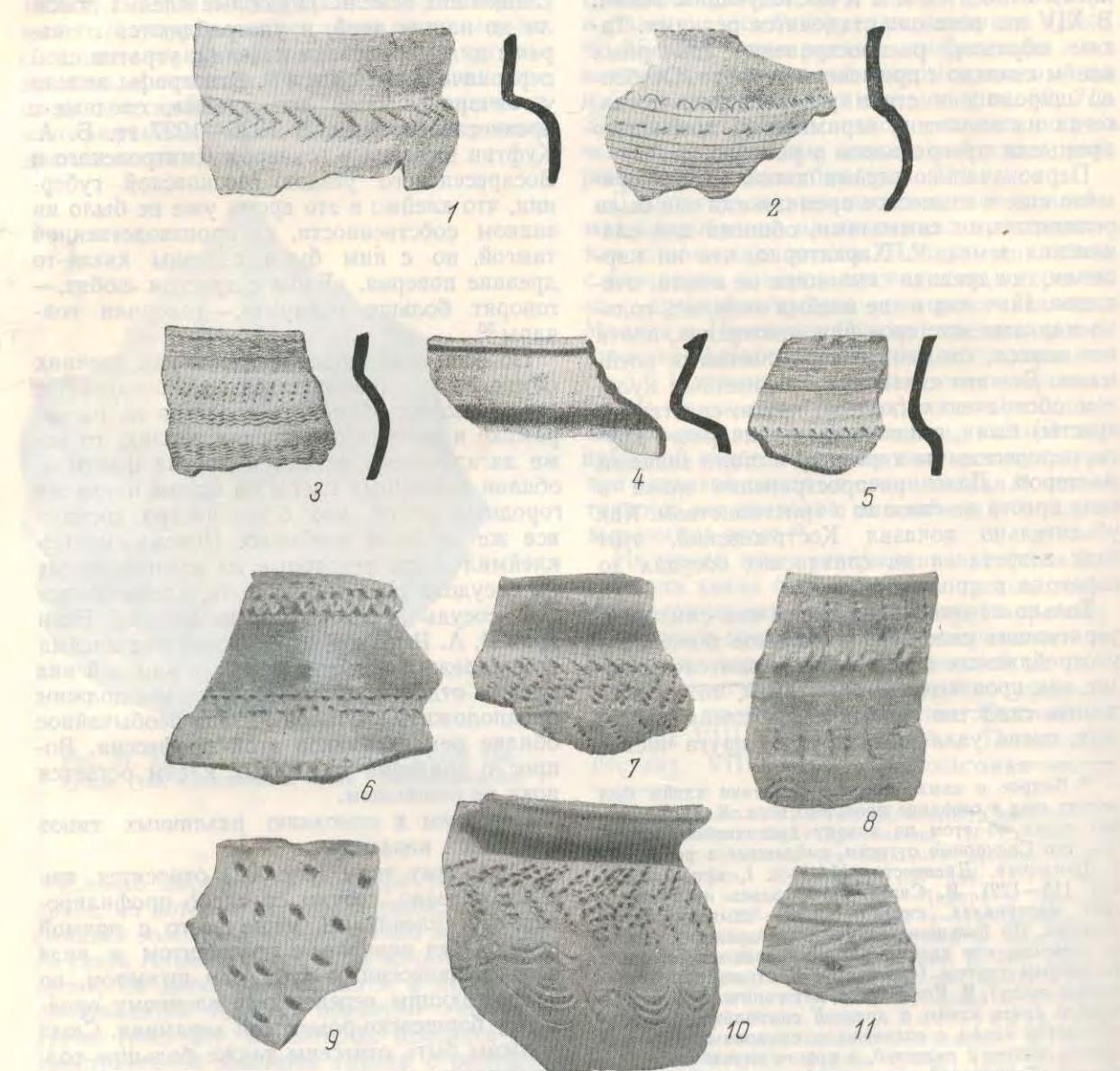

Рис. 82. 1—8 и 10 — ранние формы славянской керамики, сделанной на кру-
гах; 9 и 11 — городецкая керамика из культурного слоя Старой Рязани

чика и его слабой профилировке, а также по грубости работы их надо отнести к раннему типу. Последнее обстоятельство не может быть решающим, так как толщина стенок и грубость теста, так же как и плохое качество формовки, могли быть вызваны большим размером сосуда. Эта керамика близка по типу сосудам из южных и западнославянских

земель IX—X вв. и должна быть датирована тем же временем.

К XI в. относятся большие горшки с хорошо профилированным венчиком, с туловом, целиком покрытым линейным орнаментом (рис. 83).

Основная масса рязанской круговой керамики — это горшки разных типов.

К сожалению, указанные выше свойства культурного слоя Старой Рязани не позволяют точно датировать каждый тип сосудов и дать общую историческую типологию керамики. Наши попытки систематизировать старорязанскую керамику XI—XIII вв., несмотря на большую работу, проделанную сотрудниками лаборатории ИИМК, пока не увенчались успехом. Удалось датировать лишь некоторые типы сосудов и установить общие закономерности в развитии орнаментации, улучшении качества теста и т. п., о чем сказано выше. По формальным признакам старорязанская керамика распределена на четыре группы. Ниже приводится предложенная Р. Л. Розенфельдтом группировка горшков. Все они датируются XI—XIII вв., лишь иногда выходя за эти хронологические рамки (например I группа встречается и в XIV в.). Возможно, что в дальнейшем для каждой группы будут установлены более точные даты. Однако можно сделать также предположение и о том, что все разнообразие форм сосудов существовало одновременно; это является, очевидно, причиной неудачи попыток их хронологического распределения.

I группа (рис. 84). К ней относятся горшки, по форме наиболее приближающиеся к классическому курганному типу, стройные, высота их больше, чем диаметр, на $\frac{1}{4}$, иногда на $\frac{1}{3}$ ⁵¹. Во всем керамическом материале Старой Рязани около 25% подобных горшков. Однако по слоям распределяются они неравномерно. Большинство обнаружено в верхних пластах XII, XIII и XIV вв.; в пластах, относящихся к XI в., их процент очень невелик (в раскопе № 2Г, 1949, не более 5%). Большой частью такие горшки сделаны из белой глины или ангобированы и покрыты по плечикам линейным орнаментом. Орнамент нанесен небрежно, линии неровные, часто прерываются. Толщина стенок сосуда 5—6 мм. Венчик короткий, сильно припухлый (рис. 84, 2, 4).

Одновременны белой керамике и по типу близки к ней сосуды желтого цвета. На них изредка, кроме линейного, встречаются зубчатый и волнистый орнаменты, нанесенные в верхней трети сосуда (рис. 84, 1, 3). В керамическом тесте этих сосудов небольшая примесь мелкого песка. Клейм на этой

керамике мало. Дно с закраиной на подсыпке из песка. Отдельные сосуды достигают высоты 40 см. Это кухонная посуда для вар-

Рис. 83. Большой горшок XI в.

ки жидкой пищи. На большинстве сосудов — следы нагара. В сосудах ангобированных, как правило, пищу не варили, но и они иногда бывают со следами нагара.

Значительное большинство горшков, найденных в верхних пластах, по керамическому тесту, обжигу, цвету и форме сосуда близко к горшкам I группы, однако совершенно не орнаментировано.

II группа (рис. 85) — горшки курганного типа с диаметром горла (16—25 см), равным высоте сосуда или превышающим ее на 1—2 см. Цвет глины серый, иногда буровый. Стенки толщиной 7—8 мм. Примесь песка, иногда довольно крупного. Орнаментация богаче и разнообразнее, чем в I группе. Чаще применяется зубчатый орнамент, нанесенный колесиком в 5—8 зубцов или штампом. Иногда сосуд покрыт орнаментом почти на половину высоты (рис. 85, 2). Зубчатый орнамент редко сочетается с линейным, зато линейный часто сочетается с волнистым (рис. 85, 5). На этих сосудах обнаружено значительное количество клейм. Закраины на донышках очень явственные. Подсыпка из песка или шамота. Венчик резко

⁵¹ Речь идет о диаметре шейки сосуда, замеряя по обрезу венчика, а не о наибольшем диаметре его плечиков.

Рис. 84. Рязанская керамика I группы

Рис. 85. Рязанская керамика II группы

отогнутый, развитого профиля (рис. 85, 1). Обжиг средний. Наряду с низкими сосудами встречаются стройные горшки, приближающиеся по пропорциям и размерам к I группе, однако венчик их равен по толщине стенке горшка и иногда идет в виде простого валика по краю горла.

III группа (рис. 86) — горшки курганного типа, тех же форм, что и II группы, но орнаментально бедные. Встречаются изредка линейный и широковолнистый орнаменты, иногда зубчатый, нанесенный штампом (вилкой в 3—4 зубца). В тесте этих сосудов имеется примесь дресвы или толченого кварца. Это главный отличительный признак, позволяющий выделить эту группу. Цвет керамики — серый.

IV группа (рис. 87) — керамика с высокими прямыми вертикальными шейками. Это самая нарядная керамика, иногда орнаментированная от венчика до донышка. Некоторые сосуды с крышками. В таком случае верхний край горшка орнаментирован насечками или ногтевыми защипами, а с внутренней стороны иногда сделана закраина, на которую опирается крышка сосуда (рис. 87, 1—4). Повидимому, это столовая посуда для напитков и жидкостей вообще. К ней же принадлежали сосуды с клювовидными ручками и с небольшими отверстиями для веревки (рис. 87, 1, 6). Многочисленные сосуды с прямым горлышком разнообразны по форме и размерам. Пышная орнаментация делает их наиболее оригинальными, не сходными с керамикой других древнерусских городов (рис. 87, 2, 4). Некоторые орнаменты сделаны в виде уступов, которые начинаются от шейки сосуда и украшены зубчиками.

Найдено небольшое количество горшков, приближающихся по форме к мискам. У них диаметр горла втрое больше высоты. Венчик слабо отогнутый, сравнительно высокий, слегка припухлый. Керамическое тесто белое или желтое (в обжиге с нагаром серо-черное). Орнамент линейный, иногда он проходит в верхней части и состоит из ногтевых защипов. Встречаются тонкостенные, сравнительно небольших размеров горшочки, не выделяющиеся богатством орнаментации, но покрытые белым (в обжиге голубоватым) ангобом. Черепок в изломе красный.

Много найдено кринок; тесто розовое, диа-

метр горла 12 см, высота 23—30 см., плечики покатые без орнамента. В слоях XIV и более поздних веков, вплоть до наших дней, встречаются кринки белой глины тонкостенные, а с XVII в.— такие же с черным лощением.

Рис. 86. Рязанская керамика III группы

Несмотря на то, что керамика названных четырех групп встречается вместе, в одних и тех же комплексах, и, повидимому, существовала одновременно в течение XI—XIV вв., а некоторые типы и позже,— все же можно говорить о том, что та или иная группа характерна преимущественно для того или иного времени. Так, керамика I группы наиболее характерна для XII—XIV вв., керамика II и III групп — для XII—XIII вв. и керамика IV группы — для XI—XII вв. В отдельных жилищах керамические комплексы предстают в «чистом», несмешанном виде, целиком относящемся к той или иной группе керамики. Так, в жилище № 30, датируемом по вещевым находкам первой половиной XIII в., обнаружена керамика только I группы (рис. 88). К сожалению, таких датированных комплексов очень немного. Это препятствует окончательному установлению хронологии рязанской керамики. Среди керамических изделий нужно отметить ряд предметов, специального назначения.

1. Глиняные прядильщицы. Их сравнительно немного; всего лишь 42 на 365 шиферных. В XI в. глиняные прядильщицы были целиком вытеснены привозными с Волыни шиферными. Но уже в XII в. их привоз сокращается, появляются каменные прядильщицы, не из шифера, а из другого камня, и глиняные биконические и боченковидные, по форме подражающие шиферным.

2. Так называемые «хлебцы» (рис. 89). Небольшие глиняные лепешки круглые или овальные, орнаментированные в верхней части перекрещивающимися нарезными линиями или точками, нанесенными по спирали.

(рис. 90). Вероятно, детские игрушки или солонки. Благодаря хорошей сохранности они позволяют судить о форме больших горшков.

4. Тигли. Очень небольших размеров (вы-

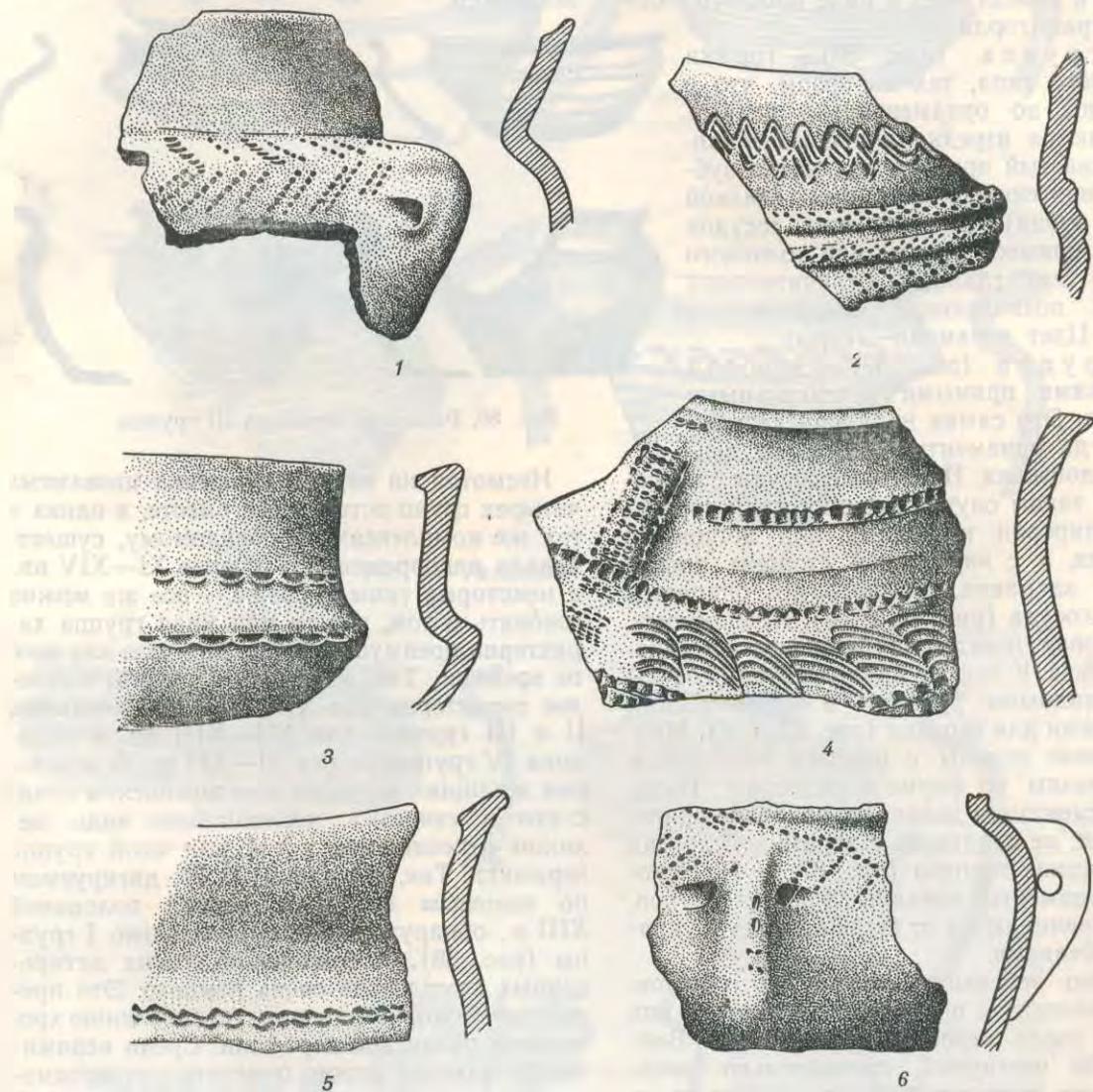

Рис. 87. Рязанская керамика IV группы

Возможно, что они воспроизводили форму древнерусского хлеба. Отсюда произошло и их название. Эти «хлебцы» являлись детскими игрушками или, что весьма вероятно, имели ритуальное значение.

3. Горшки очень маленьких размеров, являвшиеся как бы моделью большого горшка

сота 7—8 см, диаметр 4—5 см), тонкостенные, с носиком для слива (рис. 91, 1, 2), служили для плавления стеклянной массы, которой покрывались керамические изделия. Для плавления цветного металла служили тигли в виде маленьких толстостенных горшочков; есть большой толстостенный тигель

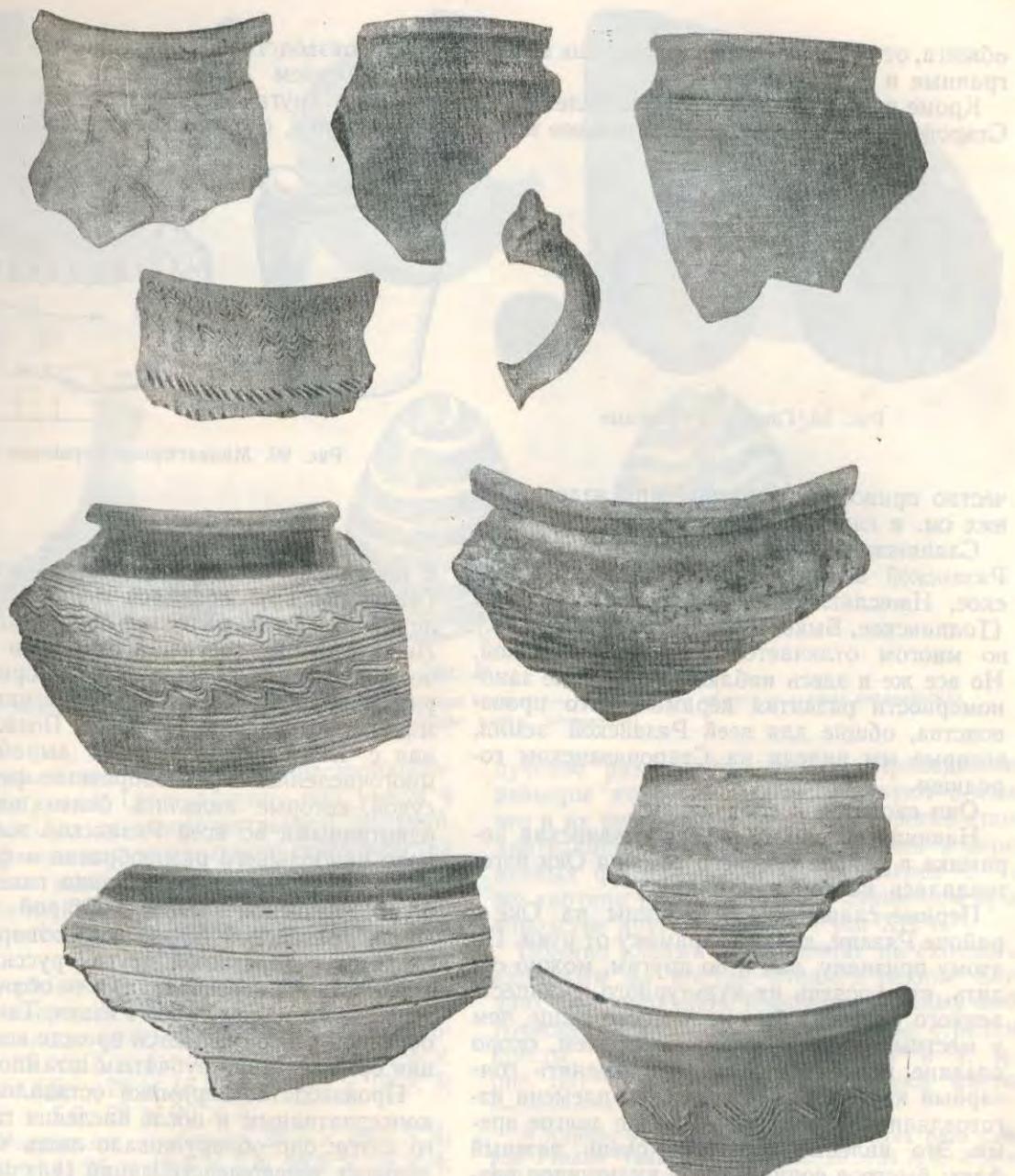

Рис. 88. Часть керамического комплекса из жилища № 30. Первая половина XIII в.

округлой формы с ручкой (обломана) и боковым сливным отверстием (рис. 92).

5. Поливные яички («писанки»), пустотелые, расписанные, иногда с камушком внутри (погремушка) (рис. 91, 5). Вероятно, местного изготовления (судя по находке горна для обжига поливной керамики и обломков «писанки» на его поду).

6. Светильники «киевского типа», на высокой полой ножке, толстотелые, белой глины; верхняя часть в виде чашки правильной полусферической формы (рис. 93).

7. Сосуды для изготовления творога с 6—8 отверстиями в дне; обычно белые, хорошего обжига, невысокие горшки.

8. Сковородки красной глины хорошего

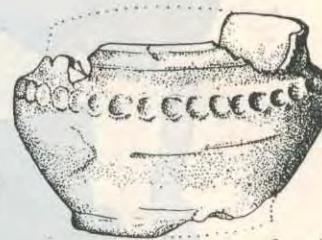
обжига, от которых сохранились лишь шести- гранные и овальные ручки.

Кроме керамики местного изготовления, в Старой Рязани бытовало значительное коли-

бом производства. Характерно, что мы почти не встречаем доказательств постепенного введения круга. Нет постепенного перехода от керамики, слегка выглаженной на кругу,

Рис. 89. Глиняные «хлебцы»

0 1 2 3 4 см

Рис. 90. Миниатюрные горшочки

чество привозных керамических изделий (о них см. в главе «Торговля»).

Славянская керамика с других городищ Рязанской земли (Ново-Ольговское, Пронское, Ижеславльское, Лубянское) и селищ (Толпинское, Быковское, Никитинское и др.) во многом отличается от Старорязанской. Но все же и здесь наблюдаются те же закономерности развития керамического производства, общие для всей Рязанской земли, которые мы видели на Старорязанском городище.

Они сводятся к следующему.

Начиная с конца X в. вся славянская керамика в районе среднего течения Оки изготавливаясь на гончарном кругу.

Первые славянские поселенцы на Оке в районе Рязани, делали керамику от руки. По этому признаку как и по другим, можно судить, что уровень их культурного и общественного развития был не намного выше, чем у местных чудских племен. Впрочем, скоро славяне повсеместно стали применять гончарный круг, тогда как чудские племена изготавливали керамику от руки еще долгое время. Это явление отражает очень важный факт: быстрое социальное и культурное развитие славян, происходившее под влиянием и при поддержке Киевской державы.

Первоначально круговая славянская керамика по типу близка к боршевско-роменской, лепленной от руки. И форма сосуда с прямой шейкой и слабо отогнутым венчиком, и орнаментация зубчатым штампом в елочку, и керамическое тесто — все это было близко еще к лепной славянской керамике, но отличалось в основном ремесленным спосо-

бом производства. Характерно, что мы почти не встречаем доказательств постепенного введения круга. Нет постепенного перехода от керамики, слегка выглаженной на кругу. Гончарный круг появился в Рязанской земле в X в. и сразу вытеснил лепную керамику. Лишь в форме сосуда, а отчасти в керамическом тесте и больше всего в орнаментах удерживались элементы, свойственные керамике, изготовленной от руки. Позже, начиная с XI в., ремесленники вырабатывали многочисленные и разнообразные формы сосудов, которые являлись более или менее однотипными во всей Рязанской земле. Однако наибольшего разнообразия в формах и орнаментах достигла керамика главного города Рязанской земли — Старой Рязани. Часть рязанской керамики обнаруживает сходство с керамикой других русских городов, часть же своеобразна, и ее облик характерен только для Старой Рязани. Такой своеобразной чертой является прежде всего пышная орнаментация зубчатым штампом.

Производство керамики оставалось очень консервативным и после введения гончарного круга: оно обнаруживало лишь черты отдельных усовершенствований (улучшение керамического теста, ангобирование, введение поливы), но никаких коренных изменений не было. Эволюция керамики от XI до XIII в. главным образом выражалась в упрощении орнамента, тесто стало более тонким, обжиг более высоким, появился прием ангобирования сосуда и иногда легкого залощения его поверхности. Профиль венчика сильно усложнился, шейка приобрела крутой изгиб. Рязанские мастера владели всеми способа-

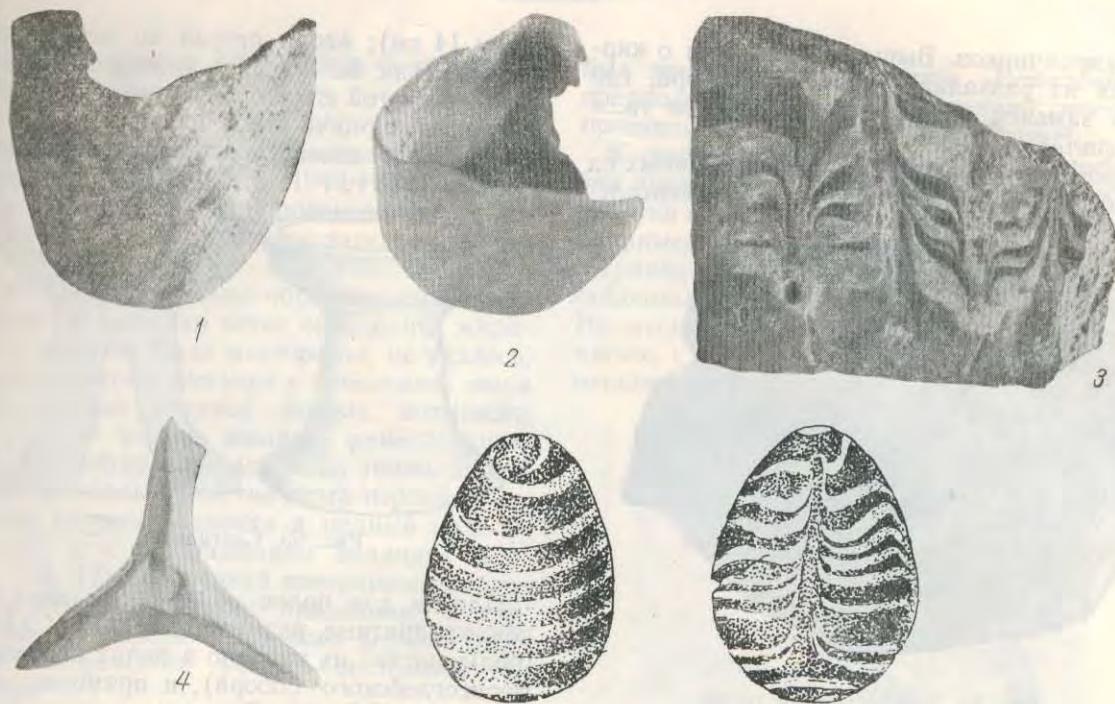

Рис. 91.

1—2 — тигельки для поливы; 3 — полихромная керамическая плитка; 4 — подставка для обжига поливных керамических изделий; 5 — поливные яички (писанки)

ми изготовления керамики, существовавшими в их время. Одновременно они умели и покрывать ее высококачественной поливой.

С началом монументального строительства в столице княжества старорязанские гончары должны были освоить новый вид продукции — изготовление кирпича и плиток для полов.

Старорязанские кирпичи имели следующие размеры (в см.).

В западном притворе Борисоглебского собора: $25 \times 18 \times 4$; $25 \times 25 \times 4,5$; $27,8 \times 19,3 \times 4,5$; $26 \times 18,5 \times 5$; $28 \times 19 \times 5$; $28 \times 20 \times 5,3$; $28 \times 20 \times 5$.

В Успенском соборе: $25,5 \times 20,5 \times 4$; $28 \times 24 \times 4$; $26 \times 18,5 \times 3,8$; $28,5 \times 19 \times 4$; $19,5 \times 8 \times 4,3$.

В Спасском соборе: $19,8 \times 6,5 \times 3,3$; $26,7 \times 28,7 \times 5,5$.

Обжиг кирпича хороший: очень небольшой процент кирпичей был плохо обожжен и имел в изломе грязносерый цвет. Цвет кирпичей — красный, желтый или палевый и розовый. Это не случайный результат разного обжига. Они изготавливались из глины разных цветов и обжигались с расчетом на по-

лучение различного оттенка. Приведенные размеры кирпичей свидетельствуют о том, что в их производстве не было строгой стандартизации: кирпичи выделялись в деревянных формах различных размеров⁵². Та же картина наблюдается и в кирпичном производстве других городов Руси XII в.

Обычно клейма на кирпичах не сходны с клеймами на посуде. Лишь в редких случаях они совпадают. Кирпичные клейма многочисленны и разнообразны (буквы, стрелки, кресты, подобия римских цифр и т. д.; рис. 53)⁵³. Это скорее всего знаки мастер-

⁵² Кирпич из Нового Ольгова городка близ Стариц Рязани также разномерен: $29 \times 21 \times 4$; $27,5 \times 18 \times 4$ см.

⁵³ Для сопоставления с рязанскими см. клейма на кирпичах из черниговских и смоленских зданий. И. М. Хозеров. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества. Научные известия Смоленского гос. университета, т. V, вып. 3. Смоленск, 1929; М. А. Остапенко. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові. Сб. «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, рис. 76; И. Орловский, Борисоглебский монастырь на Смидыни, «Смоленская старина», вып. I, ч. I, 1909, стр. 195—312. Б. А. Рыбаков, сопоставив все клейма на черниговских кирпичах, попытался распределить их по при-

ров-кирпичников. Выше мы говорили о кирпичах из развалин Успенского собора, где знак заменен именем мастера «Яков тв...» (творил?).

Кроме выпуклых клейм, расположенных на торцах кирпичей, имеются еще орнаменталь-

Рис. 92. Толстостенный тигель

ные знаки, находящиеся на их постелях. Последние процарапаны по мокрому кирпичу. Знаки состоят из сетки прямых линий или сетки в виде лучей, сходящихся в одной точке и пересекающихся с проведенными циркулем кривыми⁵⁴.

Старорязанские кирпичники изготавливали и специальный кирпич для отдельных деталей построек. Таков кирпич в виде сектора (широкая круглая сторона 20—21 см, длина 25—27 см, узкая сторона 5—8 см, толщина 3,7—4 см), или в виде трапеции с вырезанным по кривой широким основанием. В руинах Борисоглебского собора был найден обломок кирпича трапециевидной формы (ширина 4 см, в верхней части — 3,2 см, боковые

надлежности княжеским, епископским и городским мастерам. Так, крестообразные знаки он связывает с епископскими мастерами. Двузубец или трезубец — с княжескими. Остальные знаки — в виде змейки, стрелы, колеса, длинных полос, «римских цифр» — он относит к городским мастерам (Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, МИА, № 11, стр. 90). Насколько правомерно такое распределение, трудно сказать. Во всяком случае крест нельзя считать исключительно знаком епископских мастеров. Кресты в качестве клейм наиболее распространены на керамике и появляются у славян еще до принятия христианства.

⁵⁴ Знаки на постелях кирпичей имеются также в Борисоглебском Черниговском и в Киево-Печерском соборах, см. М. А. Остапенко. Ук. соч., рис. 77.

грани 14 см); вдоль сторон во всю длину кирпича, как бы пальцем проведены каннелюры, с другой его стороны имеется бортик. Фигурные кирпичи были найдены, судя по отчету Селиванова, также при раскопках храма в 1888 г.

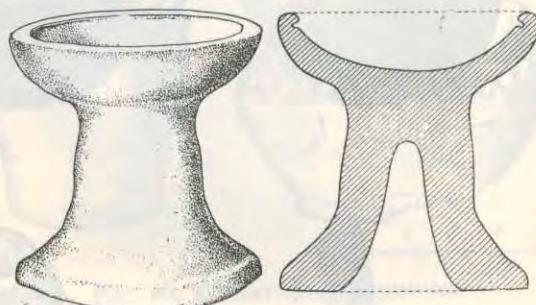

Рис. 93. Светильник

Плитки для полов обнаружены двух типов: квадратные, размером $17 \times 17 \times 3,7$ см (большинство их найдено в полах притворов Борисоглебского собора), и прямоугольные ($28 \times 19 \times 3,7$ см). Все они, видимо, были поливными, однако полива была невысокого качества и от долгого лежания в земле приобрела грязнозеленый цвет или отслоилась. Плитки подобны владимирским — они грубее и толще южнорусских⁵⁵. Имеются высококачественные полихромные облицовочные плитки (рис. 91, 3), описанные выше в главе V. По технике и стилю они наиболее близки к белгородским⁵⁶.

Для обжигания кирпичей служили специальные горны, повидимому иной конструкции, чем вышеописанные горны для обжига посуды. В 1891 г. была случайно открыта на юго-западной окраине Старорязанского городища древняя кирпичная кладка со сводами. А. В. Селиванов произвел раскопки и нашел две кирпичные постройки «из больших плоских кирпичей, подобных тем, из которых был построен храм, раскопанный в 1888 г.». Постройки эти оказались горнами для обжига кирпичей. Хорошо сохранились стены и своды горнов⁵⁷. Селивановым были сделаны

⁵⁵ См. Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА, № 11, стр. 227—228; М. К. Каргер. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода. Труды Всероссийской академии художеств, т. I. Л., 1947, стр. 45—50.

⁵⁶ Н. Д. Полонская. Ук. соч., табл. III—V.

⁵⁷ ТРУАК, т. VI, стр. 43. Отчет о заседании 31 мая 1891 г.

чертежи горнов, к сожалению, не сохранившиеся.

5

В 1926 г. В. А. Городцовым на Северном городище (раскоп № 2, 1949 г.) была открыта мастерская по производству янтарных бус. При продолжении раскопок на том же участке найдены янтарные бусины и куски янтаря, частично обработанные. Из-за плохой сохранности четко определить жилище, в котором была мастерская, не удалось. Найдки янтаря связаны с небольшой ямой неправильной круглой формы, возможно, предпечной ямой в жилище ремесленника. Эта яма датируется довольно точно. В ней найдены медный пластинчатый перстень, костяная пуговица-палочка и медный медальон XII в. с изображением всадника (см. рис. 138, 12). Последний совершенно аналогичен медному образку, найденному в курганном могильнике XII в. близ деревни Клименки Поречского уезда Смоленской губернии⁵⁸.

Что касается стеклянных бус, то, вероятно, значительная часть их была изготовлена на месте, хотя до сих пор ни в Рязанской земле, ни где-либо в другом месте в древней Руси не найдено мастерских для их изготовления. Стеклоделательная мастерская, открытая раскопками В. В. Хвойки в Киеве, повидимому, главным образом изготавливала стеклянные браслеты. Тысячи обломков стеклянных браслетов найдены в Старой Рязани. Доказательством местного их производства может служить находка бракованного стеклянного браслета (рис. 94)⁵⁹. Браслеты изготавливали из стеклянного жгута, сложенного кольцом в горячем состоянии. Бракованный браслет был снят в момент изготовления, сварка в месте скрепления концов сделана неправильно, в результате он получился вместо круглого сердцевидной формы. Доказательством того, что браслет испорчен в процессе производства, служит наличие в месте сварки следа от металлического стержня, на котором браслет переносился в горячем состоянии после спайки. Вряд ли бракованный браслет

⁵⁸ См. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1. СПб., 1906, стр. 201, рис. 49. Интересно отметить, что такой же образок найден в Земгалии (Латвия). См. Latvijas arhaeologija. Riga, 1926, рис. 70, 10.

⁵⁹ Раскопки Яхонтова в 1913 г. РОКМ, № 344/12 и 344/37.

был привезен на городище. Естественное предположить, что существовало местное производство стеклянных браслетов⁶⁰.

К костерезному производству относится ряд предметов, находившихся в процессе обработки и найденных незаконченными. Таков, например, костяной трапециевидный гребень с орнаментом в виде параллельных линий, найденный в яме № 1 раскопа № 2 (1949 г.)⁶¹. На этом гребне пропилы зубов сделаны только с одной стороны. Другая сторона осталась недоделанной (рис. 95, 4).

Рис. 94. Бракованный стеклянный браслет

В мастерской костереза (жилище № 2), относящейся к XII в., найдена пилка для работы по кости (см. рис. 69, 5). Она входила в набор из трех инструментов, надетых на одно железное кольцо. Сохранилась целиком только пилка, частично нож, третий инструмент определить не удалось. Длина маленького полотна пилки 62 мм, ширина 15 мм и толщина 0,8—1 мм. На одном конце ее имеется круглое отверстие, через которое пилка была надета на кольцо, другой конец плавно закруглен и, возможно, был остро заточен. В подпольной яме и на территории жилища найдено много костяных изделий, костей и рогов, находившихся в процессе обработки (со срезами краев, частично спиленными ответвлениями рога), пластин, заготовленных для вырезывания костяных накладок, и т. п. (рис. 96).

Изделия из кости и рога многочисленны и

⁶⁰ Г. Ф. Соловьев и В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 21—25.

⁶¹ РОКМ, № 587, Старая Рязань, 1949.

разнообразны. Это прежде всего гребни и рукояти ножей. Найдены рукояти плетей, уховертки, пуговицы, накладки на переплеты и т. п. (рис. 97). Об искусстве рязанских мастеров можно судить по отдельным художественно выполненным изделиям.

позднего времени. Очень близки к ней львы с наличниками крестьянских изб XVI—XVII вв.⁶² и резные деревянные изображения животных (также наличники изб), хранящиеся в Смоленском музее и ГИМ (последние XIX в., одно из них 1834 г.)⁶³. Обычно искус-

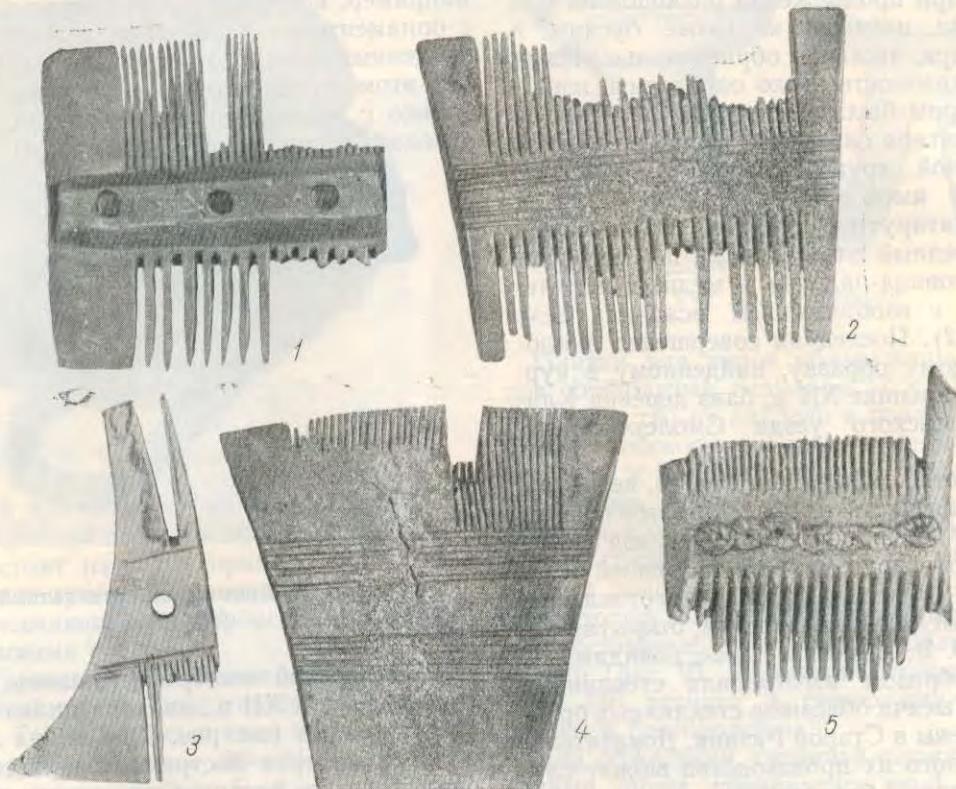

Рис. 95. Костяные гребни, среди них два незаконченные — производственный брак (2, 3)

Например, в жилище № 2 найдена небольшая тонкая костяная поделка, вероятно, служившая накладкой (может быть, украшавшей переплет книги; рис. 98). Эта накладка (48×16 мм) больше всего похожа на стилизованное изображение кошки. Вытянутые передние лапы, изогнутая спина, круглая голова с острыми зубами, поза хищника очень выразительно характеризуют животное. Глаза сделаны с помощью циркуля. Это прием, очень частый в орнаментации костяных и деревянных изделий древней Руси (так называемый «глазковый орнамент»). Манерой исполнения — рисунок, процарпаный на тонкой пластинке, — эта накладка аналогична русской деревянной резьбе более

строведы называют эти изделия «фряжской резьбой» и ошибочно считают, что они прошли на Русь вместе с мотивами западноевропейских книжных орнаментов. Старорязанская накладка XII в. показывает глубокие древние местные корни такой резьбы.

О мастерстве рязанских костерезов свидетельствуют также искусно вырезанная и изящно орнаментированная уховертка (копушка), резная из кости рукоятка плети и точеная в виде бочонка, увенчанная глазковым орнаментом, рукоятка жезла (рис. 97, 5).

⁶² Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. М., 1934, стр. 70, рис. 31.

⁶³ А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия. М., 1912, вып. VIII, табл. 107, изобр. 7 и 8; вып. X, табл. 133, изобр. 7 и 8.

Кроме резьбы по кости, к художественному ремеслу относится и резьба по камню. Наряду с большими резными камнями, описанными выше архитектурными деталями, из Старой Рязани происходит ряд мелких поделок — каменных иконок, из которых многие

не дают оснований утверждать, что это произведение местного мастера.

6

Меднолитейное дело представлено находками медных шлаков, кусков меди, тиглей со

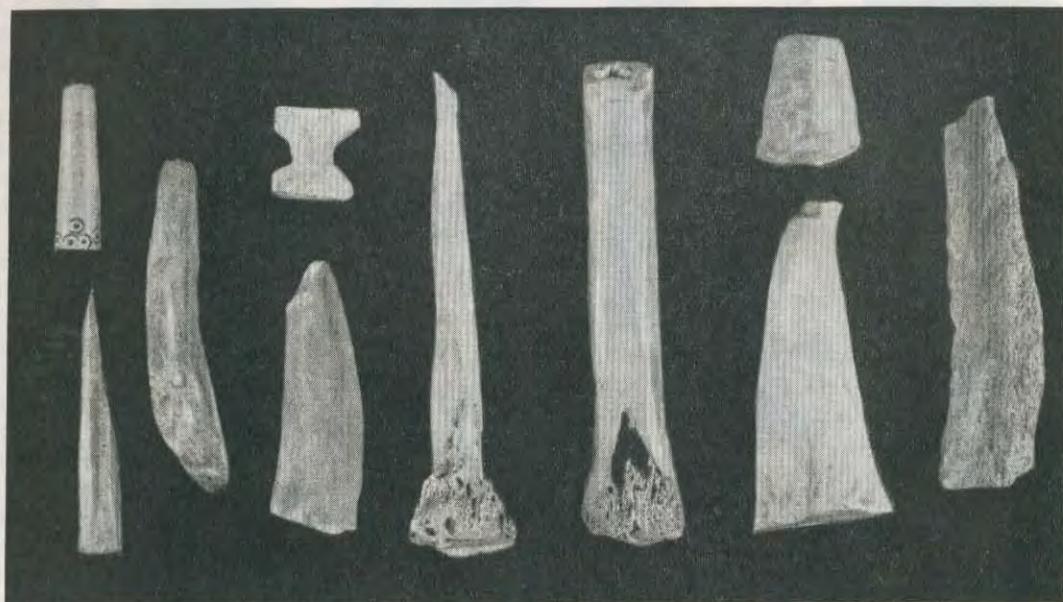

Рис. 96. Рога и кости со следами обработки из жилища № 2

являются подлинными произведениями искусства. Такова найденная в 1885 г.⁶⁴ шиферная пластинка (120×93 мм) с изображением Иисуса в рост (рис. 99, 1). Эта иконка была ошибочно датирована А. В. Селивановым X—XI вв. В. И. Антонова, на основании сопоставления с широким кругом сходных изображений, датирует иконку XI—XII вв. Исполнителем был, повидимому, русский мастер, хорошо знакомый с техникой эмали. Соединение лора и клава в жгутообразную клетчатую полосу сходно с такой же штриховкой на рельефах церкви Покрова на Нерли⁶⁵ и других владимиро-суздальских памятниках. Хотя эта иконка не единственная, найденная в Старой Рязани, известны и другие подобные поделки из камня, все же ни характер изображения, ни техника резьбы

следами расплавленного металла, не обрезанных после отливки бронзовых украшений и каменных литейных форм.

Глиняный тигель с верхним и боковым отверстием обнаружен в Старой Рязани в 1926 г. (рис. 92)⁶⁶. Также найдено 18 небольших тигельков в виде горшочков, в них плавились медь и серебро; в пяти из них — следы меди.

Среди вещей X—XIII вв., найденных в Рязанской земле, много изготовленных способом литья по восковой модели. Но наличие вещей, изготовленных тем или иным способом, само собой разумеется, еще не может служить доказательством их местного производства. Поэтому надежным показателем наличия меднолитейного дела может служить лишь находка жесткой литейной формы. В Старой Рязани найдены три такие формы.

Литейная форма из раскопок 1926 г. сделана из белого известняка и предназначалась

⁶⁴ А. В. Селиванов. Древности Старой Рязани. Труды VII археологического съезда в Ярославле в 1887 г., т. II, стр. 210.

⁶⁵ А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916, табл. 5, рис. 2.

⁶⁶ См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 144—145, рис. 18—20.

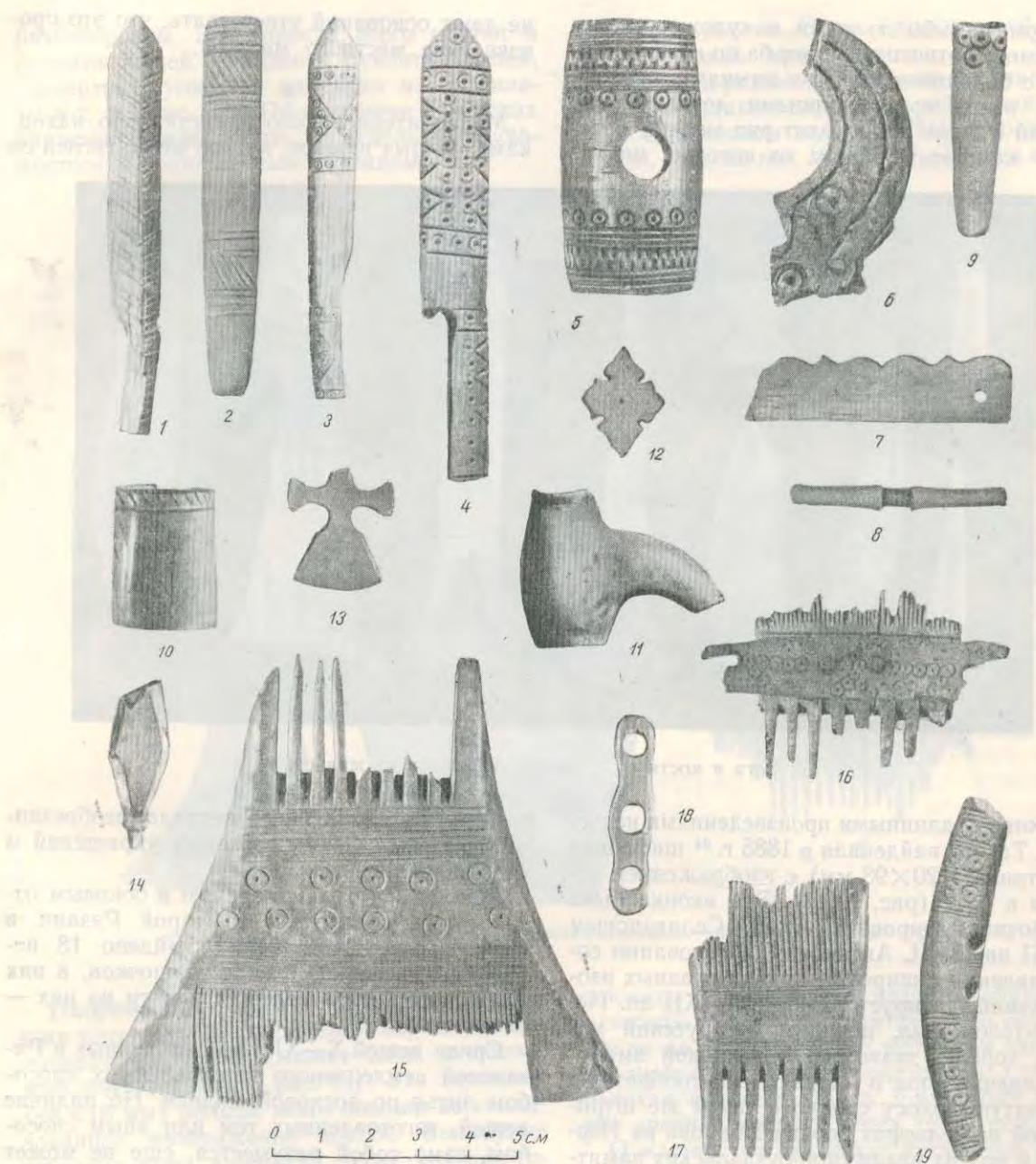

Рис. 97. Изделия из кости и рога

1—4 — рукоятки ножей; 5 — рукоятка жезла; 6, 7, 18 — накладки; 8 — пуговица; 9 — игольник; 10 — цилиндр с орнаментом и процарапанными буквами «Н. И.»; 11 — рукоять плети; 12, 13 — крестики; 14 — стрела; 15—17 — гребни; 19 — пасляя

для отливки крестиков с шариками на конце. Подобные крестики часты в Старой Рязани, но отлитых в найденной форме нет. Датируется по слову, в котором была обнаружена, XIII в.⁶⁷.

Большой интерес представляют две литейные формы, сделанные из плотного сланца (рис. 100).

Одна из форм четырехсторонняя (размером $65 \times 40 \times 29$ мм)⁶⁸. На одной ее стороне сделано гнездо для литья круглой выпуклой привески, на которой имитировалась крупная зернь (рис. 100, 5). На другой — для литья квадратной бляшки с треугольным и точечным орнаментом (рис. 100, 4). На третьей стороне сделано гнездо для литья шариков диаметром 8 мм. Камень, из которого сделана форма, повидимому, уже использовался прежде, так как на четвертой стороне сохранилась часть гнезда для литья витого медного перстеняка. Камень с этим гнездом был расколот и на трех его сторонах сделаны были новые литейные гнезда. Формы, очевидно, прикрывались гладкой крышкой; к каждому гнезду ведут литки. На привеске с зернью сделано ушко для подвешивания к ожерелью. Для этого в форме оставлен каналец, перпендикулярный литку, в который вставлялся железный стержень. Металл обтекал стержень, который потом убирали, и в ушке оставалось отверстие.

Вторая литейная форма — трехсторонняя (размером $75 \times 46 \times 33$ мм)⁶⁹. На одной стороне сделано гнездо для литья монетовидной бляшки, орнаментированной по краю городчатым орнаментом, посередине изображены два крестовидно пересекающихся овала (рис. 100, 2). На другой — гнездо для литья плоского четырехконечного креста с расширяющимися ветвями и зубчиками — «лучами» на его концах (рис. 100, 1), тут же имеется перпендикулярный литку каналец (для ушка). На третьей стороне сделано гнездо для литья плоских привесок в виде треугольников с тремя шариками по нижнему широкому краю и с колечком для привешивания вверху (рис. 100, 3). Подобные украшения распространены в поздних чудских древно-

стях, например, у мордовы в XII—XIII вв. Найдка литейной формы для этих украшений в Старой Рязани служит одним из доказательств того, что рязанские ремесленники работали для экспорта в мордовские земли,

Рис. 98. Костяная накладка

В раскопках А. В. Селиванова в Старой Рязани в 1888 г. в руинах Спасского храма было найдено большое количество обломков медной литой решетки различного рисунка (рис. 101, 8—12). Подобные решетки могли служить для защиты окон храма, вероятнее же, что это детали большого ажурного лигата паникадила. Большой ($33,5 \times 14,5$ см) медный литой крест от паникадила был найден в Старой Рязани в 1913 г. (рис. 102)⁷⁰. На одном конце креста — крюк для подвешивания, на другом кольцо для скрепления с паникадилом. Ажурная резьба креста плохо отлилась в форме. Многочисленные шероховатости, вмятины, литейные швы свидетельствуют о том, что обработка креста не была доведена до конца. После отливки он не подвергся дальнейшей обработке, так как был признан браком. По слову крест датируется XII в. Он является образцом (хотя и незаконченной) крупной меднолитейной художественной работы местного рязанского мастера.

Среди металлических изделий много серебряных, медных и биллоновых литых решеток с характерным плетением, сходным с решетчатым плетением киевских изделий XI—XIII вв. Подобная орнаментальная плетенка могла служить украшением в виде накладок на различные предметы: книжные переплеты, колчаны, щиты и т. п. (рис. 101, 4—7). Так, повидимому, накладками от колчана были треугольные бляхи, найденные в раскопках 1950 г.⁷¹. После того, как их отлили в фор-

⁶⁷ Сходные литейные формы найдены в вятическом кургане XIII в. в Митяеве. А. В. Арциховский. Митяевские литейные формы. «Техника обработки камня и металла». М., 1930, табл. 11.

⁶⁸ Раскопки С. Д. Яхонтова. Отчет РУАК за 1913 г., стр. 2—5, РОКМ, № 166.

⁶⁹ На краю блях сохранились биллоновые заклепки, с помощью которых бляхи прикреплялись к колчану. Такая же заклепка имеется на бляхе, найденной А. В. Селивановым в 1888 г.

⁷⁰ РОКМ, № не указан: числится в Старорязанской коллекции.

ме, они подверглись дальнейшей обработке с помощью напильника и резца. Резцом были нанесены дополнительные орнаментальные линии — циркульные и плетенка. Нанесение орнамента резцом непосредственно на

Для мелких работ по чеканке служил найденный в 1926 г. молоток с закругленным концом. На закругленном конце сделаны частые нарезки. Чеканные рисунки наносились с помощью различных пuhanсонов и зубчатого

Рис. 99. Иконки
1 — щиперная и 2 — медная

вещь — явление в ремесленной практике более редкое, чем нанесение орнамента на литеиную форму.

Наряду с литьем металла широко применялись ковка и чеканка. Ковались большие листы для покрытия крыш или для изготовления котлов. Целый котел был найден в Старой Рязани в 1888 г. Он сделан из листовой меди, дно и стенки склепаны. Котел имеет цилиндрическую форму, дно несколько закруглено⁷². Ручки от медных кованых котлов были найдены в раскопках 1949—1950 гг.

⁷² Датируется XI—XII вв. Подобные котлы найдены в приладожских курганах, в Булгаре, Билярске и других местах. Все они относятся к домонгольскому времени.

колеса. Подобные рисунки часты на рязанских вещах, но орудий труда чеканщика не найдено.

Тиснение и штамповка осуществлялись с помощью специальных матриц. Найдены матрицы для тиснения криновидных (лилиевидных) подвесок к ожерелью (рис. 103, 2)⁷³, матрица в виде головы какого-то животного (рис. 103, 4), матрица для бляшки с лировидным орнаментом (рис. 103, 1) и др.

Матрицы для тиснения колодочек найдены трижды (рис. 103, 5—6). Колодочки эти —

⁷³ Кроме тисненных из серебра, есть подобные подвески медные литые.

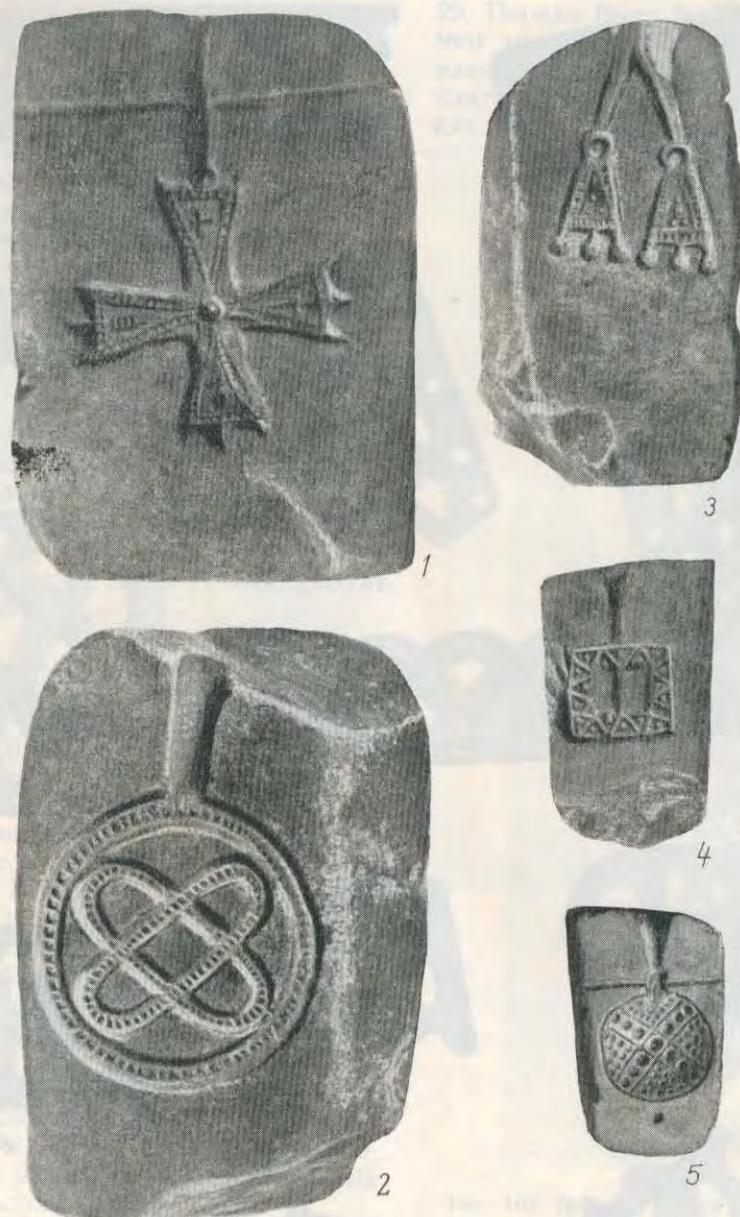

Рис. 100. Литейные формы

1—3 — трехсторонние; 4, 5 — две стороны четырехсторонней

маленькие тисненные полуцилиндрические, иногда заканчивающиеся двумя схематическими личинами и украшенные посредине 3—5 перехватами. Из таких колодочек составлялись ожерелья (по мнению Б. А. Рыбакова — рясны). В старорязанском кладе 1868 г. найдены колодочки, оттиснутые с по-

мощью медных матриц, а также тисненые золотые и серебряные позолоченные тонкие рельефные бляшки, нашивавшиеся на ткань⁷⁴.

⁷⁴ А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси. М.—Л., 1936, табл. XXIX, клад 1887 г.

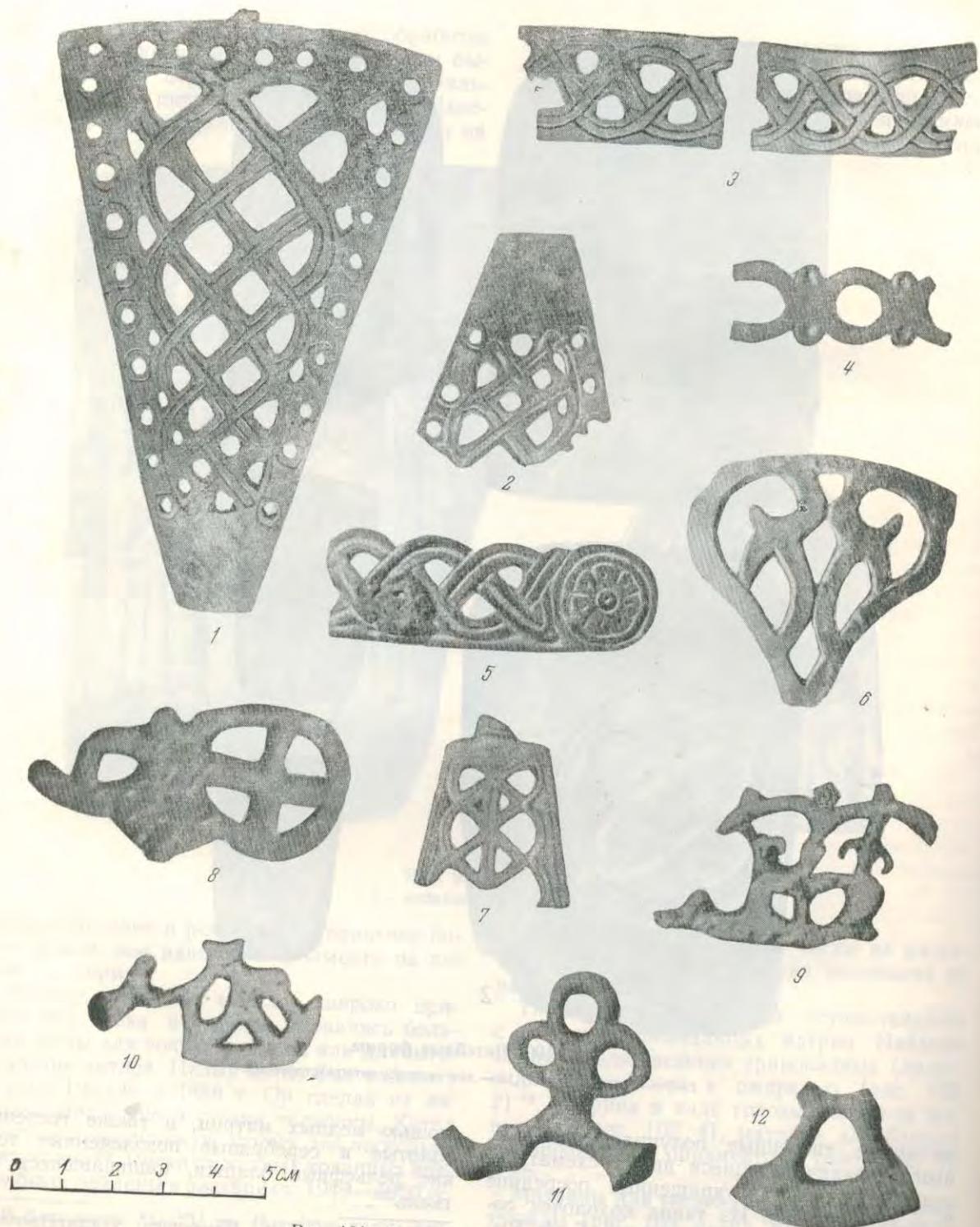

Рис. 101. Литые и кованые решетки

1—3 — накладки на колчан; 4—7 — медные и биллоновые украшения; 8—12 — фрагменты паницинила

Из прокованного серебряного листа с дальнейшим тиснением и гравировкой резцом сделана чаша, найденная в 1888 г. А. В. Селивановым и определенная им, как сасанидская (рис. 104)⁷⁵. Однако чаша является изделием местной русской работы, лишь подражающим форме, очевидно, распространенных и дорогих сасанидских сосудов. Диаметр чаши 12 см, высота 3,3 см. Чаша сделана в виде четырех лепестков и сходна с сасанидскими, но отличается от них техникой исполнения⁷⁶. В середине чаши, в кругу, помещено изображение оленя, ничего общего не имеющее с сасанидской торевтикой. Олень изображен не выпуклым тиснением, как обычно на сасанидском серебре, а процарапан резцом. Рисунок очень примитивный. Художник не справился с изображением рогов, которые помещены сбоку вдоль всей спины, голова животного скорее напоминает птицу. Мастер либо не видел живого оленя, либо не сумел его нарисовать.

Гравировка по металлу представлена в Старой Рязани рядом находок, среди которых интересна медная пластина с изображением Иисуса Христа, найденная в раскопках 1950 г. (рис. 105).

В ГИМ имеется часть, происходящая из Старой Рязани, листовой медной оковки, вероятно, церковных дверей с изображением крещения (рис. 106)⁷⁷. Размер пластины 32,2 × 25,5 см. В отчете музея пластина датирована XIII в. Рисунок сделан способом золотой наводки, заключающимся в том, что на покрытой особым лаком медной пластине острым инструментом процарапывают рисунок; очищенные от лака места травят кислотой и заполняют золотой амальгамой. При нагревании золото прочно соединяется с медью. Этот способ золочения был широко распространен в XII—XIII вв. С его помощью сделаны изображения на знаменитых дверях Сузdalского собора.

В раскопе № 5 (1950 г.) были открыты расположенные рядом полуземлянки № 28 и

⁷⁵ Каталог Рязанского музея. Труды VII археологического съезда в Ярославле в 1887 г., т. II, стр. 311. ТРУАК, т. III, стр. 163.

⁷⁶ Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить рязанскую чашу с сасанидской, найденной в Перми, сделанной в виде цветка из девяти лепестков. В середине изображены олень и дерево. И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. 3. СПб., 1890, стр. 85, рис. 89.

⁷⁷ Отчет Российского исторического музея за 1909 г. М., 1910, № 45547, стр. 17, рис. 4.

29. Первая была жилищем, а другая рабочим помещением ремесленника, обрабатывавшего цветной металл. Здесь найдены слитки олова и многочисленные обрезки тонких листов меди (рис. 107), мелкие изделия

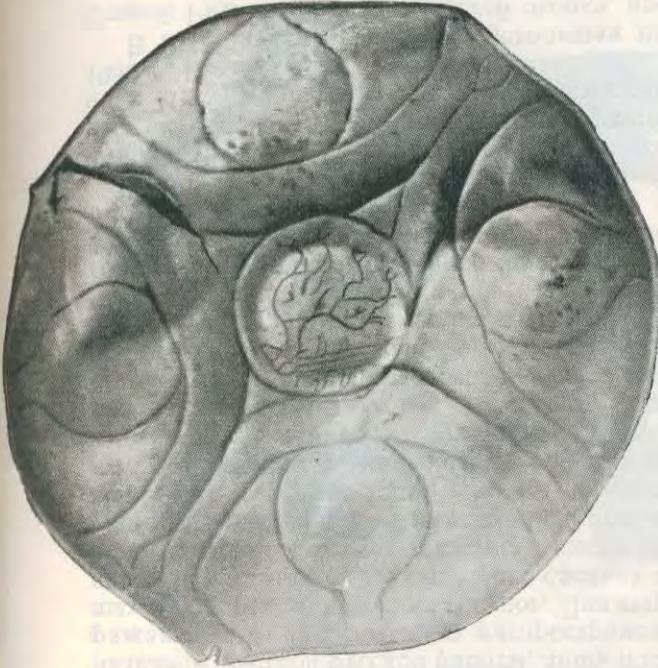

Рис. 102. Медный литой крест от паникадила

из меди — пуговицы-бубенчики, медная стружка. Особенно интересна находка в обеих полуземлянках (жилой и рабочей) узких и тонких медных полосок, служивших для изготовления мордовских накосников. Занимавшийся холодной обработкой меди, ремесленник, владелец жилища, работал на дальний рынок. Население, носившее накосники, жило в это время не менее чем в 250 км от Старой Рязани.

176): A. H. O'Leary. *Samnium panaeum* Jeppeho-
Hemicoptera ha 10, tlo 10, kja 1822 r., olyjinko-
Baas jorobjho jorajpoho H. II. Konaakorbi, chn-
centrem heooxojinmam hortophoe ni3ahne
Bennet 1822 r., 6bi3 biimaaah npejemeli.
Kja 10, K. K. Kaja 10, tlo 10, kja 1833, n «Moekorekn
kroto rocyajatbra, ottei II, pricorni arka, Com-
mentinkra nji3, II, I, 1894, ctp. 41—43; B. Omicn Mocoekorion Qykek-
nen majaath, II, 1894, ctp. 33—37: C. O pno 8. Pyckerne kijaal. CTG, 1887,
XI—XV BE. M.—JI, 1952, ctp. 20—21.
XI—XI. F. Kop3y xnh. XVI—XVII,
so H. II. Konaakorbi, Pyckerne kijaal. CTG, 1897,
XI—XV BE. M.—JI, 1952, ctp. 56.
XIII BE. M.—JI, 1954, ctp. 56.

PHC. 104. Gegepparaa haama c noogpakhene aqeha
Manthrochini nji3 noogpakhene Pyckerne kijaal. No-
mantinkra nji3, II, I, 1894, ctp. 234); Otrechkhine acotona-
kra, B. Japponi Tapanon («Otrechkhine acotona-
kra», N. 29, 1833): O6 orkprin aprehene ne-
beuehi nji3 kijaal, tak kar y Konaakora ohn n-3.
Hemicoptera ha 10, tlo 10, kja 1822 r., olyjinko-
Baas jorobjho jorajpoho H. II. Konaakorbi, chn-
centrem heooxojinmam hortophoe ni3ahne
Bennet 1822 r., 6bi3 biimaaah npejemeli.

Chs noop sarietera choopham ha3aahene tinx
npeljmetob. H. II. Mehenko H. II. Konaakorbi, tlo
gachik khakeckoro hapjala so. I. F. Kop3y xnh.
togaaret, tlo tni npeljmetob morin gbit
gachik khekrolo y6opa si.

IX. K. K. Kaja 10, tlo 10, kja 1822 r., 6bi3 biimaaah
npejemeli. («Gegepparin spixni», N. 14, CTG, 1822, ctp. 175—
176—178): Otrechkhine aprehene panaeum haki-
xotra («Otrechkhine aprehene panaeum haki-
xotra o hen moekorekn panaeum haki-
xotra a Panaeum haki-panaeum haki-
xotra o trechkhine aprehene panaeum haki-
xotra», M., 1823; Panaeum haki-
xotra a 1822 r., 6bi3 c. Crapaa Panaeum, CTG, 1831.
Trechkhine aprehene nji3 nji3pckri x6pachekra, han-
tix beinhokkerekra, han nji3pckri x6pachekra n gorra-
pyckerne Jeppehoctra, han nji3pckri x6pachekra n gorra-
aprehenoctra, M., 1825; I.A. H. O'Leary. Panaeum
ckom o apxeoioriheekra nji3pckri x6pachekra a Panaeum
78 POKM, N. 186.

noiyahnha ha3aahene «panaeum gapm» 79. To-
zehnhy, npejemeli onicaatum totot kijaal. Oh
hura, Bjarouappa K. Kaja 10, 6 fyrteos 83 30jot-
kun, Oduun bec kijaal — 6 fyrteos 83 30jot-
ckomjiko nctijerum x6pachekra joktrykor ko-
mukre, tak kar meete c hmn tonajoch he-
Beum, tonajoch, ha3o3njich a kokashon
jupori, B 200 mbarx or Cizcokoro gojopaa,
ns 3emjii ha Iokhom lopajumie, y 6ji3miam
Kjaal, hanjehnhin a 1822 r., 6bi3 biimaaah
npejemeli.

PHC. 105. Gegepparaa haama c noogpakhene aqeha
Mantinkra nji3 30jotra n gegeppara. Ha Cratoppara-
nia a, a takke otteipahne 30jotra n gegepparae
kom lopajumie hanjehnhin ertripe Gojipumix kija-
tia, 6ji3miam ha 10, tlo 10, kja 1822 r., 6bi3 biimaaah
Bennet, 1822 r., 6bi3 biimaaah npejemeli. 200
mbarx or Cizcokoro gojopaa, ha3aahene nji3
japponi 30jotra n gegeppara. Ha Cratoppara-
nia nji3 30jotra n gegeppara. Ha Cratoppara-

60r 2, 1 cm (cm. phc. 68, 2) 78.
bojohenehn, Djiuna kjeuleh 20 cm, unphha i-y-
6j6pachekra uprojokin a djiun saxbara ee ihpi
hanjehnhin a cuje XI b. Ohn ciyikunjii djiun
my Meraiuy ctejyter ormetnii kjelem-n-kycaahr,
Ns opjannu tphyjaa pemecjehnika no nebet-
rojohenehn, Djiuna kjeuleh 20 cm, unphha i-y-
bojohenehn, Djiuna kjeuleh 20 cm, unphha i-y-
6j6pachekra uprojokin a djiun saxbara ee ihpi
hanjehnhin a cuje XI b. Ohn ciyikunjii djiun

даны не в фотографиях, а в рисунках, не всегда точно передающих детали вещей.

Из вещей клада 1822 г. прежде всего выделяется 11 круглых блях, которые Кондаков делит на три подбора или серии.

Рис. 105. Медная пластина с изображением Иисуса Христа

Первый подбор состоит из пары больших дутых подвесных колтов (диаметр 126 мм, толщина 45 мм), богато украшенных камнями, эмалью и золотой сканью. На лицевой стороне этих колтов на вставных щитках с перегородчатой эмалью изображены юные безбородые св. князья, очевидно, Борис и Глеб (рис. 108, 109)⁸². Вокруг щитков — жемчужная и широкая кайма со сканенным узором и большими камнями в гнездах. На обратной стороне, в середине, вставлен белый яхонт, обнизанный жемчугом. По ободу среди скани помещено девять крупных камней (рис. 109). Камни вправлены в гнезда, некоторые гнезда приподняты над поверхностью колтов с помощью ажурного сканного плетения в виде арочек, которые пропускают к камню свет снизу⁸³. На лицевой стороне колтов скань плоская из тонких сучченных

⁸² Подробное описание клада 1822 г. см. Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 85—96, рис. в тексте, а также табл. XVI и XVII.

⁸³ См. Н. П. Кондаков. Ук. соч., рис. 43. Вид колта сверху в профиль.

нитей, припаянных к матовой поверхности листа. На оборотной стороне скань из толстых скрученных жгутиков, не сплющенных, припаянных только по краям и приподнятых над поверхностью.

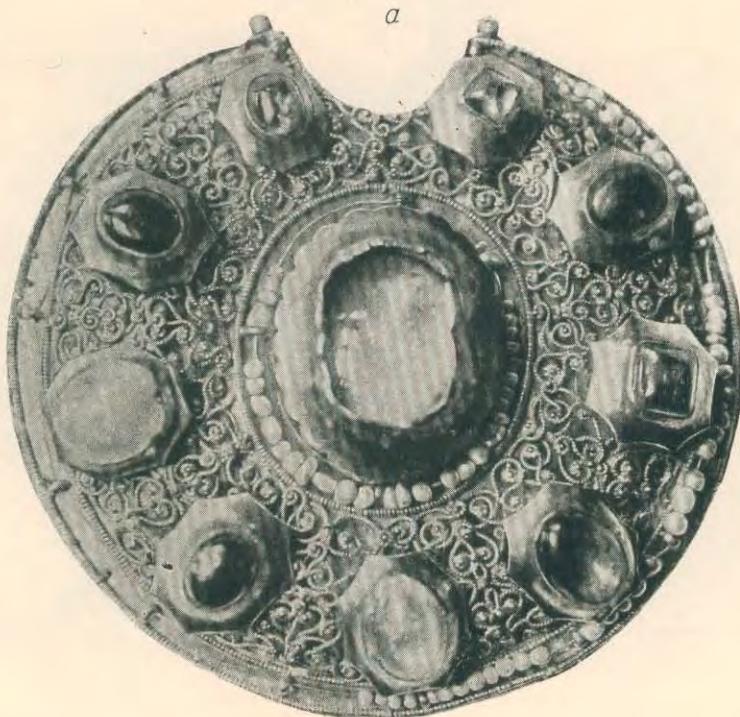
Рис. 106. Медная пластина церковных дверей

Второй подбор состоит из трех больших (75—80 мм в поперечнике) круглых медальонов в виде плоских щитков. Посередине помещены выпуклые эмалевые медальоны с изображением святых, вокруг — широкая оправа с камнями и сканью. На медальонах изображения Богородицы Оранты, св. Ирины и Варвары (рис. 110). Две последние эмали, безусловно, русской, по мнению Н. П. Кондакова, местной рязанской работы. Об этом свидетельствует, в частности, то, что в надписях смешаны русские буквы с греческими.

Третий подбор состоит из шести медальонов (размеры четырех больших от 95 до 107 мм; двух малых по 75 мм), плоских с обратной стороны, приспособленных для ношения на шнурке и украшенных с лицевой стороны камнями и сканью (рис. 111 и 112,

а

б

Рис. 108. Золотой колт с изображением князя Бориса (клад 1822 г.)

а — лицевая сторона; *б* — оборотная сторона

1

2

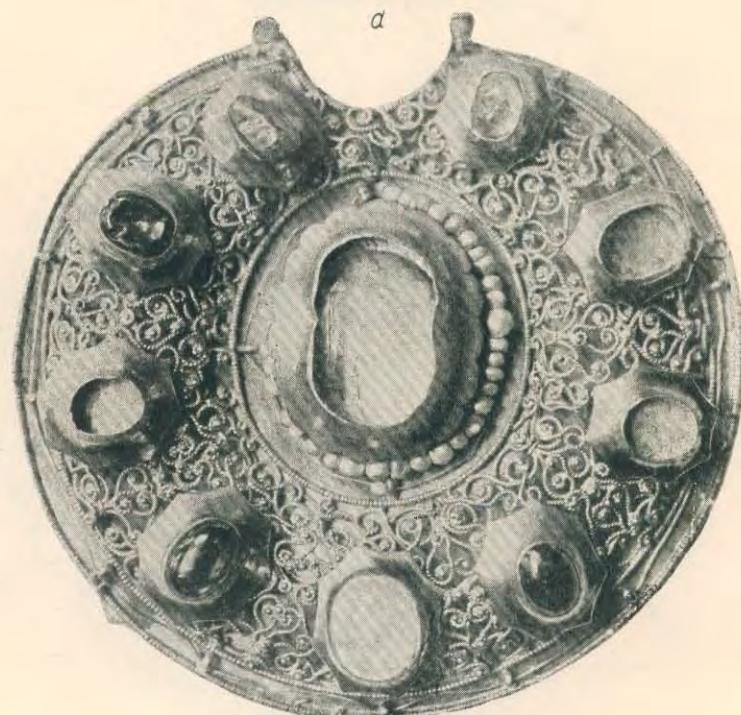

3

Рис. 110. Золотые медальоны с изображением Богородицы (1), св. Ирины (2) и Варвары (3).
(клад 1822 г.)

a

б

Рис. 109. Золотой кольт с изображением князя Глеба (клад 1822 г.).

а — лицевая сторона; *б* — оборотная сторона

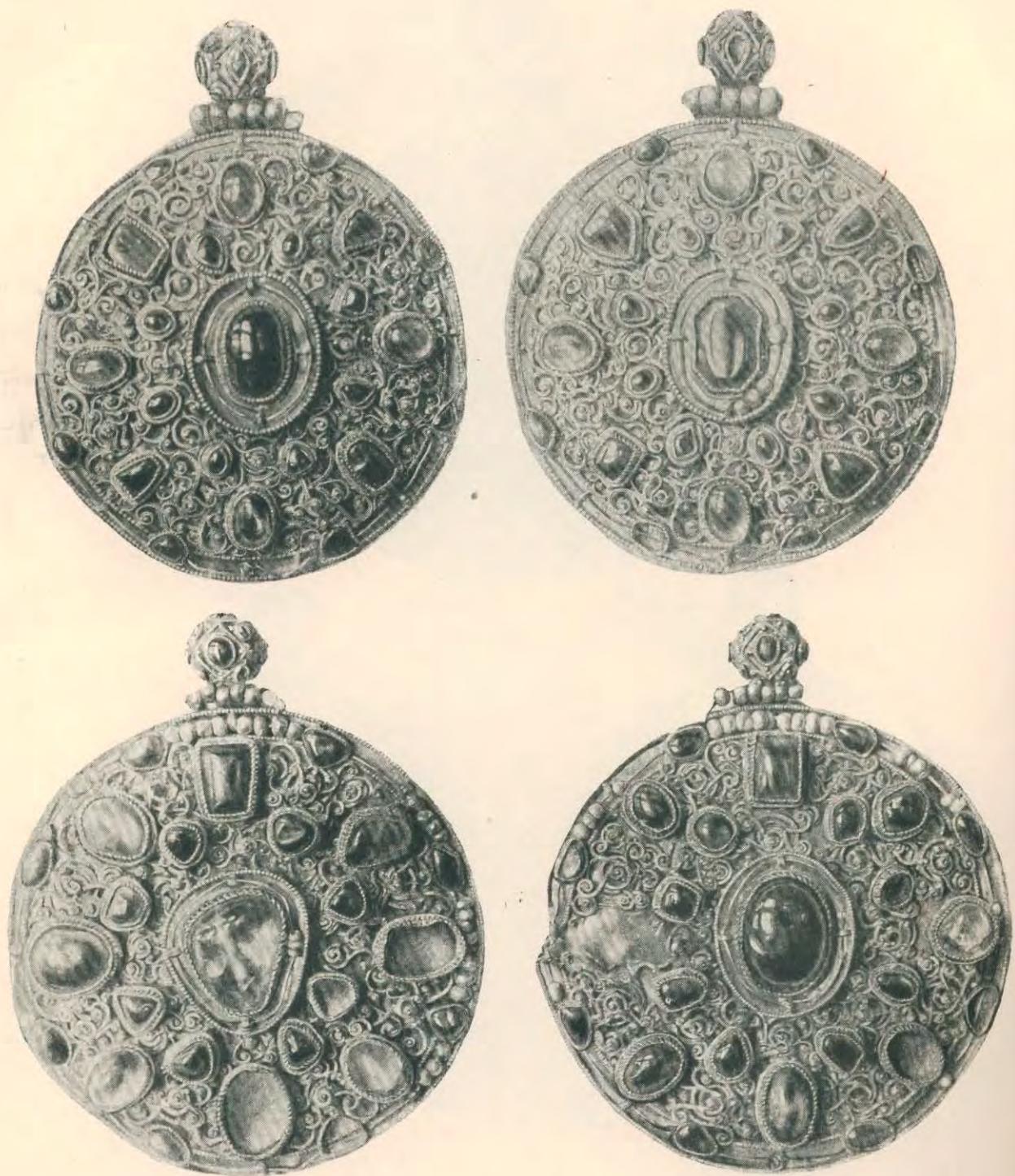

Рис. 111. Золотые медальоны (клад 1822 г.).

1

2

3

4

Рис. 112. Золотые медальоны (1,2); византийская эмаль в оправе русской работы (3); эмаль русской работы (4) (клад 1822 г.)

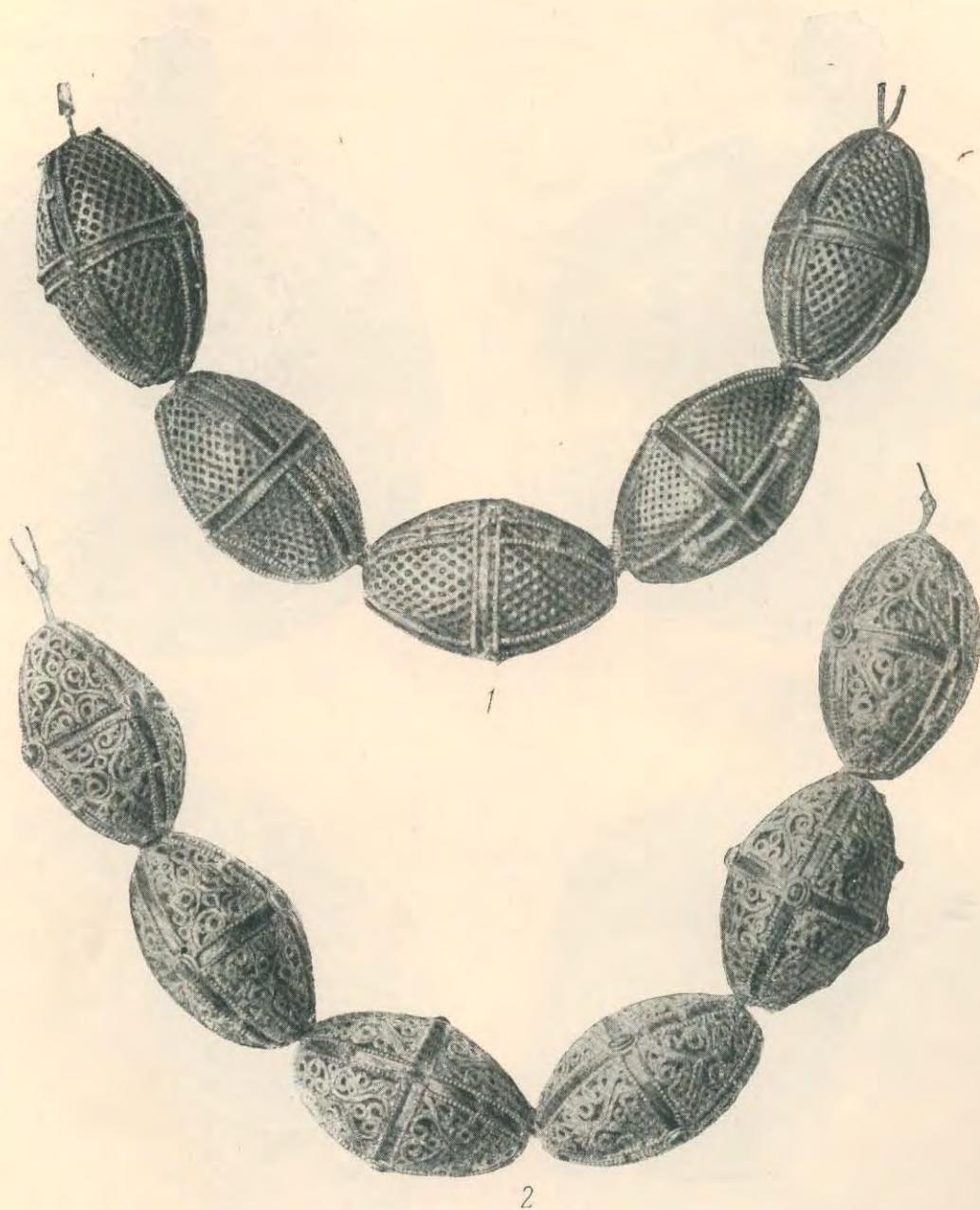
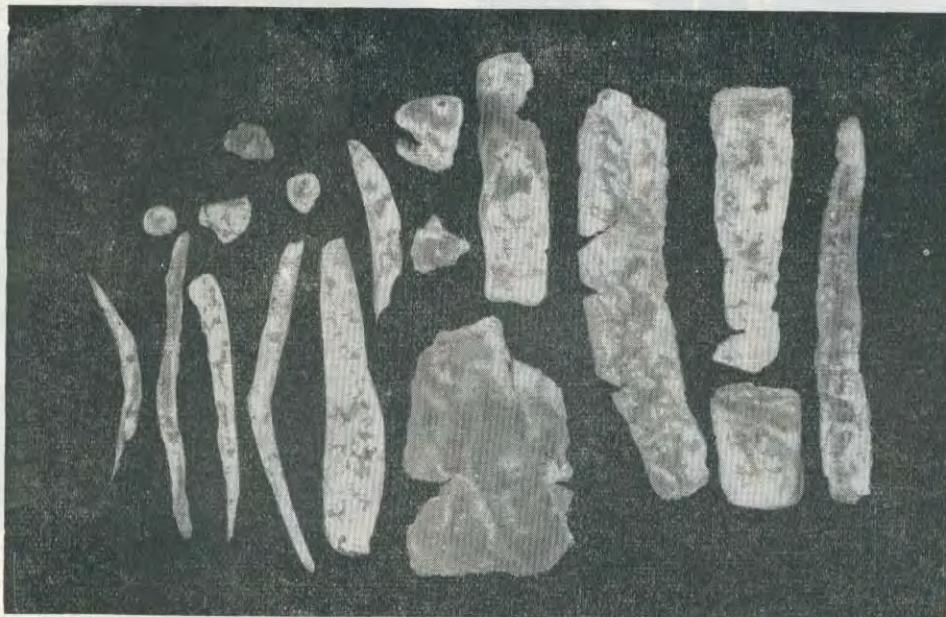

Рис. 113. Золотые бусы (клад 1822 г.)
1 — решетчатые; 2 — украшенные сканью

Лягушкин підземельє заселене ящірками та ящіркою-піжмуркою (пнс. 115). У цій місцевості виявлено кілька видів ящірок та ящірки-піжмурки. Види ящірок та ящірки-піжмурки виявлені в селах Красногорському та Красногорському районі (пнс. 116). У селі Красногорському виявлено ящірку-піжмурку (пнс. 117). У селі Красногорському виявлено ящірку-піжмурку (пнс. 118). У селі Красногорському виявлено ящірку-піжмурку (пнс. 119). У селі Красногорському виявлено ящірку-піжмурку (пнс. 120). У селі Красногорському виявлено ящірку-піжмурку (пнс. 121). У селі Красногорському виявлено ящірку-піжмурку (пнс. 122). У селі Красногорському виявлено ящірку-піжмурку (пнс. 123).

Пнс. 107. Оголені метаморфічні породи № 28 № 29

1—2). Блекі склах окоші: а) з озокеритом (пнс. 113, 2) і. ф. Копськіх альбумінітів (пнс. 113, 1) з озокеритом та кальцитом; б) з озокеритом та кальцитом (пнс. 113, 3) з озокеритом та кальцитом.

115, 1). Бляшки украшены толстой сканью в виде «процветших» крестов и крестообразных фигур. Кроме того, в кладе было пять серебряных медальонов с изображением восьмиконечного и «процветшего» креста,

(рис. 115, 2 и 4)⁸⁷. Среди находок клада особо отметим серебряные и позолоченные нашивные бляшки с перегородчатой эмалью: три крестовидные (рис. 115, 6 и 116, 5) и две треугольные (рис. 115, 8 и 9). Кроме

Рис. 113а. Золотые вещи из клада 1822 г.

1, 2 — «сюнцы»; 3 — браслет; 4, 5 — перстни

переходящего своим основанием в два поднимающихся по бокам его кверху стебля с листьями (на трех бляхах; рис. 116, 10, 13, 15) и с изображением Христа и Богородицы (на двух бляхах; рис. 115, 3 и 10). Рисунки выполнены резцом и чернью. Найдены также две серебряные позолоченные подвески с цепочками; они состоят из полых конусообразных верхушек, украшенных зернью, и девяти подвесных цепочек, на каждую из которых насыжены бляшки, ромбовидные подвески, украшенные сканью с зернью

того, в кладе найдены: цепь серебряная плетеная (рис. 116, 3), золотой аграф (рис. 116, 18), большие овальные серебряные бусы, украшенные зернью и сканью (рис. 116, 1), перстень серебряный с чернью с полым щитком в форме квадрифолия (рис. 116, 6), подвеска с ушком (обломок; рис. 115, 5), бляшки нашивные серебряные и позолоченные

⁸⁷ Эта оригинальная подвеска редко встречается в русских древностях. Подобные встречены в кладе Тульской губернии, у села Кресты, и в Каневском уезде Киевской губернии. См. А. С. Гущин. Ук. соч., стр. 38.

(11 видов, более 75 штук, рис. 115, 7 и 116, 2, 4, 7—9, 11, 12, 14, 16, 17 и 19).

Клад поступил в Археологическую комиссию и был передан в Эрмитаж. В 1930 г. передан оттуда в Государственный Русский музей в Ленинграде.

нуты в кусок ткани и в таком виде спрятаны в яму. В кладе находились две большие серебряные сережные подвески в виде пятиконечной звезды (рис. 117) ⁸⁸. Пять лучей звезды сплошь покрыты зерниью, каждый из шариков которой посажен в гнездо из скан-

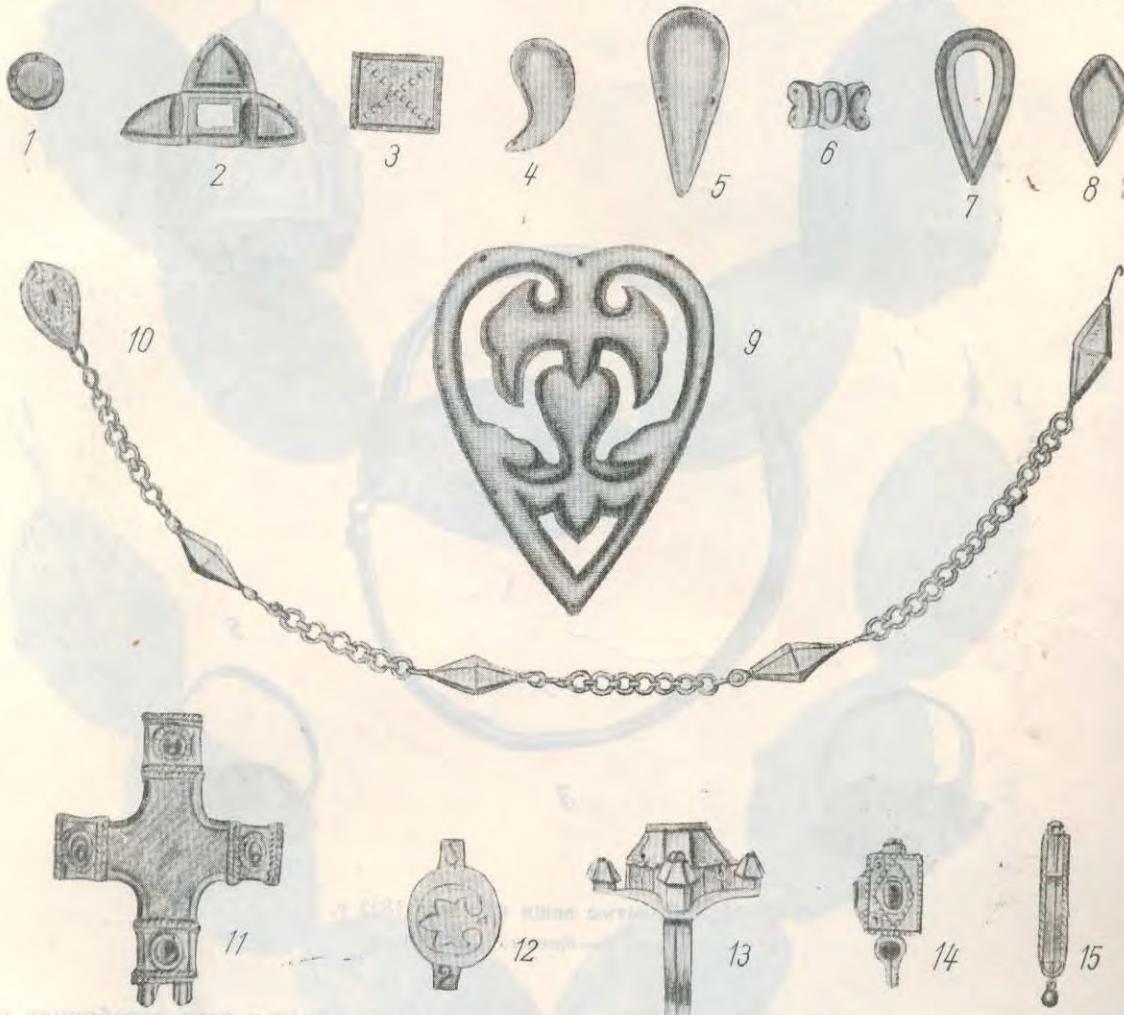

Рис. 114. Золотые вещи из клада 1822 г.

1—8 — нашивные бляшки; 9 — ажурная бляшка; 10 — цепочка; 11 — тельник; 12—14 — перстни; 15 — подвеска

Клад 1887 г. найден при случайном обвале от дождя одной из сторон холма на Северном городище на глубине 2,14 м от поверхности холма. А. В. Селиванов раскопал участок и подобрал несколько предметов из клада, а остальные вещи скупил у находчиков.

По словам Селиванова, вещи были завер-

ной нити. На концах пяти лучей звезды находятся полые шарики. Такой же шарик венчает конусообразный выступ в центре звезды с наружной стороны. Наверху звезды на-

⁸⁸ Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 111—112; А. С. Гущин. Ук. соч., стр. 77—79, табл. XXVI—XXVII, Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 144.

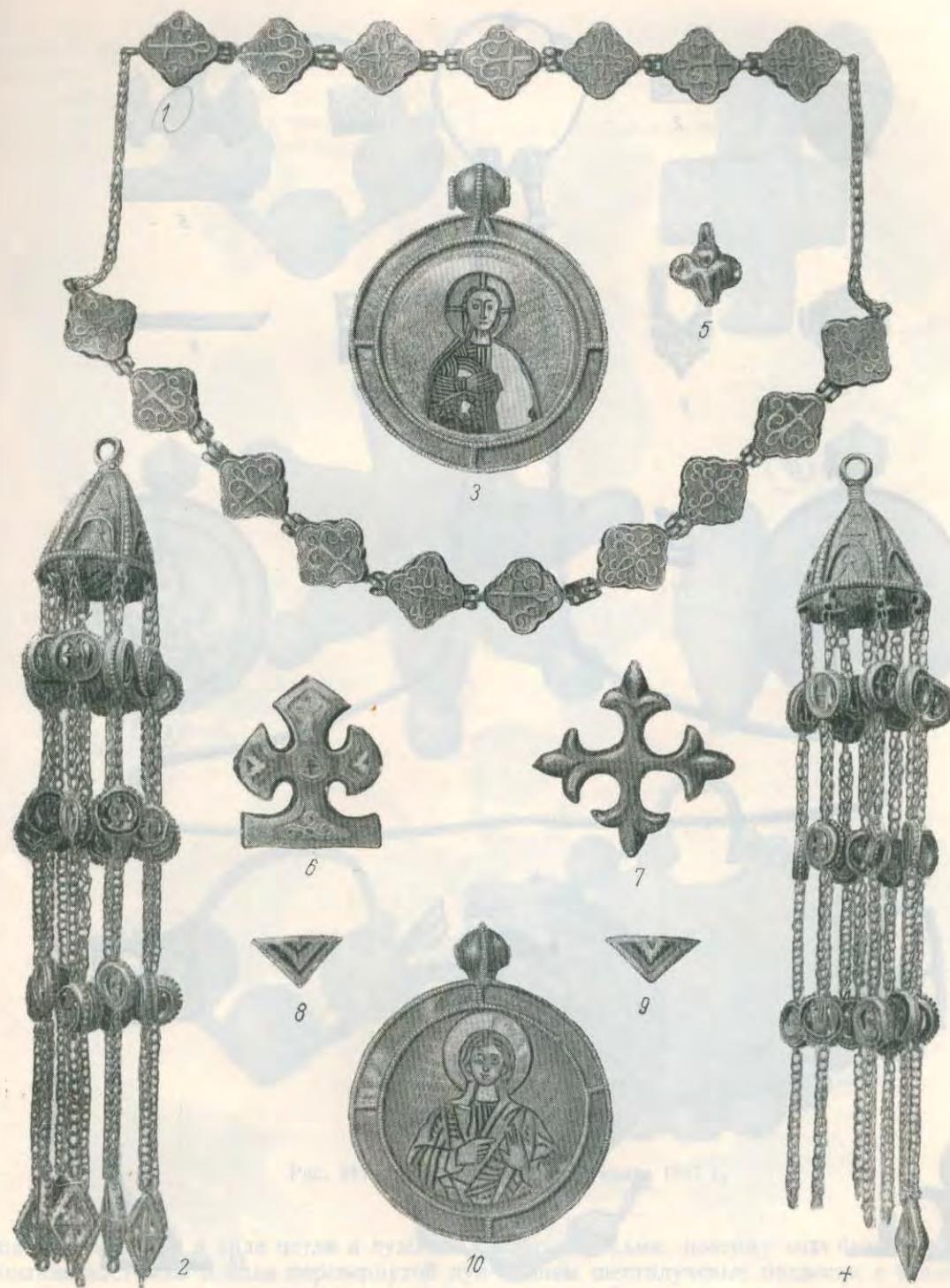

Рис. 115. Серебряные вещи из клада 1868 г.

1 — ожерелье из 17 вызолоченных бляшек; 2 и 4 — серебряные вызоденные подвески с цепочками; 3 и 10 — медальоны; 5 — обломок украшения; 6, 8, 9 — серебряные вызолоченные бляшки с эмалевым узором; 7 — крестовидная бляшка из позолоченного серебра

СТАРАЯ РЯЗАНЬ

Рис. 116. Вещи из клада 1868 г.

1 — серебряная бусина; 2, 4, 7, 8, 9, 11, 12, 14, 16, 17, 19 — серебряные позолоченные нашивные бляшки; 3 — шейная цепь; 5 — серебряная бляшка с эмалевым узором; 6 — серебряный перстень со щитком; 10, 13, 15 — медальоны; 18 — золотой аграф.

Рис. 117. Серебряные вещи из клада 1887 г.

ходится застежка в виде петли и дужки. Основание застежки в виде перевернутой луники может рассматриваться, как два луча, соединенных вместе. Поэтому А. С. Гущин называет подобные подвески семиконечными. Это название уже укрепилось за подобными

подвесками, поэтому мы будем в дальнейшем шестилучевые подвески с такой же застежкой называть восьмиконечными. Семиконечные звездчатые подвески встречаются в находках реже, чем шестиконечные, известные из тереховского клада и владимирских

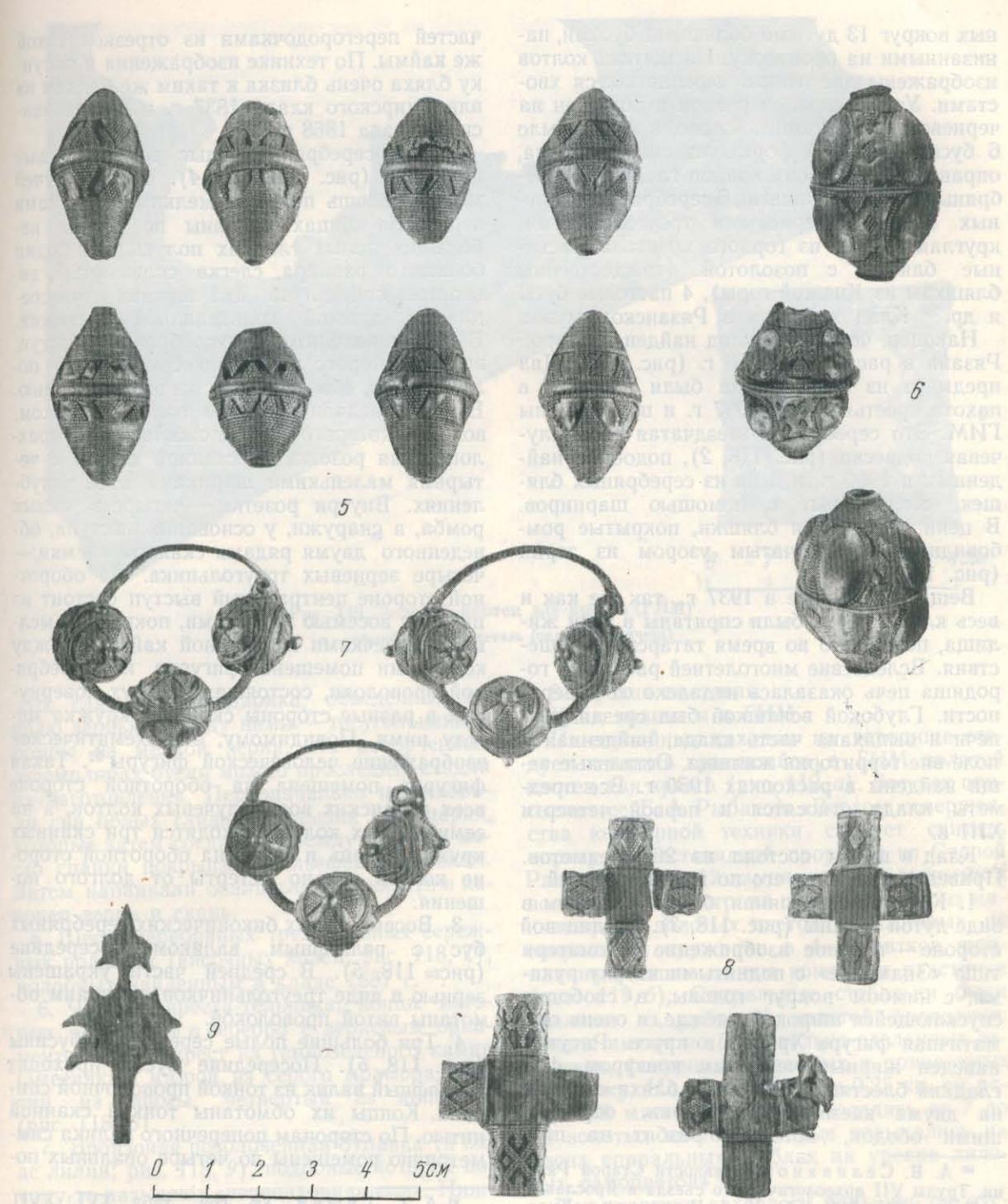
кладов 1837 и 1896 гг.⁸⁹. В Старой Рязани они менее распространены, чем восьмиконечные.

⁸⁹ См. А. С. Гущин. Ук. соч., табл. XIV, XVI, XXI.

В кладе найдены также десять трехбусинных сережных подвесок (так называемые серьги киевского типа), крест из яшмы в серебряной оправе с зернью и три каменных крестика, пара серебряных колтов, окаймлен-

Рис. 118. Серебряные вещи из клада 1896 г.: 1 — цепь; 2 — звездчатый кольцо; 3 — иконочка с изображением бого-
б, 6, 8 — бусы; 7 — трехбусинные сережные подвески; 8 — кресты тельники

клада, найденного в 1937 и 1950 гг.
матери; 4 — звездчатые колты (лицевая и тыльная стороны); хэт
в оправе из серебра; 9 — медная булавка с перегородчатой эмалью

ных вокруг 13 дутыми большими бусами, назанными на проволоку. На щитках колтов изображены две птицы, переплетшиеся хвостами. Узор выполнен резцом и помещен на черневом фоне. Помимо этого, в кладе было 6 бусин овальной формы из синего стекла, оправленных с обоих концов гладкими серебряными наконечниками, 6 серебряных овальных бусин с зерневыми треугольниками, круглая бусина из горного хрусталия, тисненные бляшки с позолотой (тождественны бляшкам из Княжой горы), 4 пастовые бусы и др.⁹⁰ Клад хранится в Рязанском музее.

Наконец, четвертый клад найден в Старой Рязани в раскопках 1950 г. (рис. 118). Два предмета из этого клада были найдены в пахоте крестьянкой в 1937 г. и приобретены ГИМ. Это серебряная звездчатая восьмилучевая подвеска (рис. 118, 2), подобная найденным в 1950 г., и цепь из серебряных бляшек, соединенных с помощью шарниров. В цепи чередуются бляшки, покрытые ромбовидным и решетчатым узором из зерни (рис. 118, 1).

Вещи, найденные в 1937 г., так же как и весь клад 1950 г., были спрятаны в печи жилища, погибшего во время татарского нашествия. Вследствие многолетней распашки городища печь оказалась недалеко от поверхности. Глубокой вспашкой был срезан угол печи и выпахана часть клада, найденная в поле вне территории жилища. Остальные вещи найдены в раскопках 1950 г. Все предметы клада относятся к первой четверти XIII в.

Клад в целом состоял из 26 предметов. Приведем описание его по группам вещей.

1. Круглая серебряная бляха с ушком в виде дутой бусины (рис. 118, 3). На лицевой стороне — поясное изображение Богоматери типа «Знамение» с поднятыми кверху руками, с nimбом вокруг головы, в свободно спускающейся широкой одежде, и очень схематичная фигура Христа в круге. Рисунок наведен жирным черневым контуром, фон гладкий блестящий. По краю бляха окружена двумя каемками из зерни, образующими ободок, который разбит на пять

⁹⁰ А. В. Селиванов. Древности Старой Рязани. Труды VII археологического съезда в Ярославле, т. II, стр. 208—212, табл. V; А. Черепнин. Куловский могильник. ТРУАК, т. XVIII, стр. 135—137; ТРУАК, т. II, стр. 100—102; А. С. Гущин. Ук. соч., стр. 79—80, табл. XXVIII—XXIX; Г. Ф. Корзухина, Ук. соч., стр. 143.

частей перегородочками из отрезков такой же каймы. По технике изображения и рисунку бляха очень близка к таким же бляхам из владимирского клада 1837 г. и старорязанского клада 1868 г.⁹¹

2. Три серебряные полые восьмилучевые подвески (рис. 118, 2, 4). Шесть лучей звезды сплошь покрыты мелкими шариками зерни. На концах напаяны по четыре небольших полых гладких полушарика, один большого размера, слегка сплюснутый, завершает конец луча. Два верхних луча соединены дужкой кольцевидной застежки. В центре находится конусообразный выступ, вокруг которого помещено семь полых полушариков, обведенных у основания зернью. Выступ увенчан большим полым шариком, вокруг которого расположилась четырехлопастная розетка из сканной каймы с четырьмя маленькими шариками в ее углублениях. Внутри розетки — четыре зерневых ромба, а снаружи, у основания выступа, обведенного двумя рядами сканной каемки, — четыре зерневых треугольника. На обратной стороне центральный выступ состоит из щитка с восемью лопастями, покрытого мелкими колечками из сканной каймы. Между колечками помещена фигурка из серебряной проволоки, состоящая из двух повернутых в разные стороны скобок и кружка между ними. Повидимому, это схематическое изображение человеческой фигуры⁹². Такая фигурка помещена на обратной стороне всех рязанских восьмилучевых колтов, а на семилучевых колтах находятся три сканых кружка. Зернь и скань на обратной стороне колтов сильно истерты от долгого ношения.

3. Восемь полых биконических серебряных бус с рельефным валиком посередине (рис. 118, 5). В средней части украшены зернью в виде треугольников, по краям обмотаны витой проволокой.

4. Три большие полые серебряные бусы (рис. 118, 6). Посередине бусин проходит рельефный валик из тонкой проволочной спирали. Концы их обмотаны тонкой сканной нитью. По сторонам поперечного валика симметрично помещены по четыре овальных по-

⁹¹ А. С. Гущин. Ук. соч., табл. XVI, XVII, и XXVI и XXVII.

⁹² Подобные фигурки имеются на звездчатых колтах из тверского клада 1906 г. ЗОРСА, т. XI, 1915, стр. 9, табл. 1, № 10, 11.

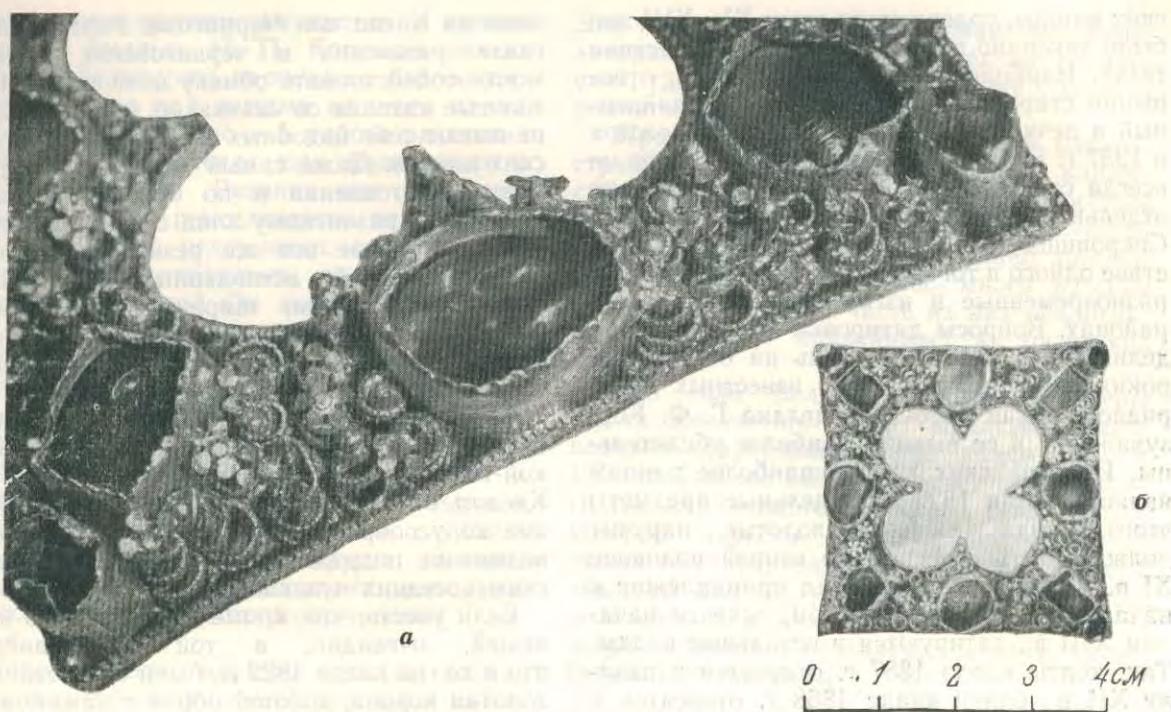

Рис. 119. Золотой киотец для креста (ГИМ)

а — общий вид; б — деталь (сильно увеличена)

лых гладких полушарика, обведенных по краю зернью, между ними — треугольники и ромбы из мелкой зерни. На испорченных экземплярах бусин можно проследить стадии их изготовления. Первоначально штамповали два полых гладких больших полушария, которые затем соединяли между собой, и место спайки покрывали рельефным валиком. Затем напаивали овальные выпуклости и на конец зернь и скань.

5. Шесть серебряных трехбусинных сережек подвесок (височных колец; рис. 118, 7), подобных найденным в кладе 1887 г.⁹³.

6. Четыре креста-тельника, концы которых оправлены в серебро с зерневым орнаментом. Один крест из темнозеленого камня (змеевика), второй из серого мрамора, третий из яшмы, четвертый из кипариса (рис. 118, 8).

7. Бронзовая позолоченная булавка (в виде лилии; рис. 118, 9), подобные которой почему-то называют «черепаховидными». Нижняя часть сломана. Украшена перегородчатой эмалью красного и зеленого цветов.

⁹³ См. А. С. Гущин. Ук. соч., стр. 79.

8. Бусина пастовая.

Клад хранится в ГИМ.

Из случайных находок на городище следует отметить хранящийся в ГИМ золотой киотец для креста (рис. 119, а). Вот как описывает ее Б. А. Рыбаков: «Верхом совершенства ювелирной техники следует считать оправу с крестовидной прорезью из Старой Рязани. Между 12 камнями, оправленными в золото, мастер устроил целый цветник из миниатюрных золотых цветов, посаженных на спиральные пружинки в 4—5 витков, припаянные только одним концом к пластинке (рис. 119, б). Спиральные стебельки были сделаны из рубчатой золотой проволоки. Цветы имеют по 5 тщательно сделанных лепестков, фигурно вырезанных и припаянных к пестику. На пространстве в 0,25 кв. см рязанский мастер ухитрился посадить от 7 до 10 золотых цветов, которые колыхались на своих спиральных стеблях на уровне лиловых самоцветов»⁹⁴.

Как полагают археологи, большинство рус-

⁹⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 341, рис. 91.

ских кладов, содержащих вещи XI—XIII вв., было закопано в землю во время нашествия татар. Наиболее показателен в этом отношении старорязанский клад 1950 г., найденный в печке жилища, погибшего от пожара в 1237 г. Но дата захоронения клада в землю не всегда соответствует времени изготовления отдельных предметов, входящих в клад. Сокровища накапливались постепенно, в составе одного и того же клада находятся вещи разновременные и изготовленные в разных районах. Вопросы датировки ювелирных изделий могут решаться лишь на основе широких сопоставлений всех известных материалов. Такая работа проделана Г. Ф. Корзухиной⁹⁵, и ее выводы наиболее убедительны. Из рязанских кладов наиболее ранним является клад 1822 г. Отдельные предметы этого клада (ажурные золотые наручки) должны быть отнесены ко второй половине XI в. В целом же весь клад принадлежит к началу XII в. Тем же веком, отчасти начиная с XIII в., датируются и остальные клады. Так, колты клада 1887 г. относятся к началу XII в., бляхи клада 1868 г. относятся к XIII в. Весь клад 1950 г. по времени изготовления входящих в него вещей относится к XIII в.

Место изготовления вещей, входящих в рязанские клады, может быть установлено путем сравнения с вещами из других кладов той же эпохи. Перегородчатые эмали некоторых образцов могут быть византийского или киевского происхождения. Но крестообразные и треугольные нашивные бляшки с перегородчатой эмалью из старорязанского клада 1868 г. не имеют аналогий ни в русских, ни в византийских древностях. Они отличаются ясными, мало потускневшими красками и мягкими, преимущественно нежноголубыми тонами. Своебразный облик этих изделий не позволяет признать их привозными ни из одной области, где было производство перегородчатых эмалей. Нужно считать их изделиями местных мастеров. Трехбусинные сержевые подвески, серебряные с выполненным чернью рисунком колты настолько широко распространены в русских древностях, что их производство нельзя связать с определенным городом. Некоторые предметы из рязанских кладов, возможно, были приве-

зены из Киева или Чернигова. Родственные связи рязанских и черниговских князей могли содействовать обмену ценностями. Но золотые изделия со сканью из клада 1822 г. не имеют себе подобных ни в одном из русских кладов. Даже самый близкий по времени изготовления и по орнаментальным приемам к рязанскому клад с Житомирской улицы в Киеве все же резко отличается. Обилие камней, вставленных в высокие гнезда, полихромия, широкое использование скани замечательного рисунка, особый тип огромных круглых колтов отличают старорязанскую школу мастеров.

К местным рязанским изделиям должны быть отнесены и подвески-фонарики. Какой-то местной модой, не связанной ни с Киевом, ни с Византией, объясняется появление конусообразных подвесок с цепочками, возможно, подражавших шумящим привескам соседних чудских племен⁹⁶.

Если учсть, что, кроме дошедших до нас вещей, очевидно, в той же манере, что и колты клада 1822 г., были изготовлены золотая корона, золотой обруч с камнями и какая-то вещь, подобная звезде из золота, украшенная 24 камнями и жемчугом, найденные в Старой Рязани и погибшие для науки⁹⁷, то это позволяет говорить о своеобразном облике ювелирного мастерства рязанских ремесленников и вкусах рязанской знати.

Не вызывает никакого сомнения русское происхождение большинства вещей из клада 1822 г. Об этом свидетельствуют прежде

⁹⁵ Г. Ф. Корзухина. Русские клады. Л., 1954.

⁹⁶ Подобные привески найдены в Волжской Болгарии. В русских кладах они известны в Тульской губернии, в Каневском уезде Киевской губернии, что как будто противоречит сказанному выше. Однако находки так немногочисленны, что на Киевщине они могли быть привозными из среднерусских районов. Кстати, найденные возле села Мартыновки подвески с цепочками проще среднерусских образцов и, повидимому, являются подражанием этим образцам.

⁹⁷ К. Калайдович. Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823, стр. 3. «В 1792 или 1793 г. была найдена золотая корона, которую изломали и распродали по частям, причем камни достались местному помещику. В Старой Рязани же на берегу Оки был найден золотой обруч с каменьями, неизвестно куда девшийся, а лет за 30 зарайский мещанин Пекрислов купил у крестьянина выпаханную там золотую вещь, подобную звезде с колечками, украшенную камнями, которых было 24, и жемчугом, истлевшим от времени».

всего русские надписи на колтах с перегородчатой эмалью. Н. П. Кондаков считал возможным говорить не только о работе русских мастеров над вещами из этого клада, а более определенно — о работе рязанских мастеров. Однако тогда еще мало знали о значении Старой Рязани как крупного древнерусского ремесленного центра, поэтому Кондаков недоумевал: откуда в Рязани, в этом «захолустье», появилось такое высокое искусство? Он выражал надежду, что, «быть может, и для русской археологии настанет такое время, когда изящество и обилие рязанских древностей этой эпохи будет сознательно связано с замечательным развитием культуры в бассейне р. Оки»⁹⁸. Такое время настало. То, что мы узнали о развитии культуры, искусства и ремесла в Рязани, позволяет не сомневаться, что местные златокузнецы, как и другие мастера, владели самыми совершенными методами изготовления высокохудожественных изделий.

Старорязанские мастера владели искусством изготовления перегородчатых и выемчатых эмаелей. Как было сказано выше, среди найденных в Старой Рязани изделий с перегородчатой эмалью часть, вероятно, местного происхождения. Это устанавливается по своеобразию изделий, на которых эти эмали помещены. Что касается бронзовой булавки из клада 1950 г., то трудно говорить о месте ее изготовления. Подобные булавки найдены в Киеве⁹⁹ и в Вышгороде¹⁰⁰. В Рязани найдено множество крестов с выемчатой эмалью — голубой, зеленой и желтой.

⁹⁸ Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 84.

⁹⁹ В усадьбе Петровского в раскопках Института археологии 1936—1937 гг. Материал не издан. За указание приношу благодарность Г. Ф. Корзухиной. См. Ханенко. Древности Поднепровья, вып. V, табл. VI-208.

¹⁰⁰ В. И. Довженок. Огляд археологічного вивчення давнього Вишгорода за 1934—37 рр. Археологія, III, 1950, стр. 87, табл. VII, рис. 20.

Это, вероятно, дешевая массовая продукция, которая могла выходить из тех же мастерских, где делались тонкие изделия с перегородчатой эмалью.

Продукция рязанских ювелиров распространялась за пределы Рязанского княжества. Рязань была ближайшим соседом Волжской Болгарии, ювелирное искусство которой создалось под воздействием древней Руси¹⁰¹. У болгар найдено много русских ювелирных изделий, часть из них аналогична изделиям, найденным в рязанских кладах.

Близ села Великие Болгары найдены серьги звездчатого типа, представляющие вариант старорязанских из клада 1887 и 1950 гг. Там же найдены трехбусинные серьги так называемого киевского типа, детали которых (кресты, украшающие бусины) схожи со старорязанскими. Крупные бусины овальной формы, украшенные зернью, расположенной в виде треугольников, часто встречающиеся в булгарских кладах, также схожи с рязанскими.

* * *

Краткая характеристика различных ремесел столицы Рязанской земли опровергает ходячее представление о якобы существовавшей отсталости культуры Рязанской земли. Старая Рязань не отставала от Киева, Чернигова, Новгорода и других великих центров древнерусской культуры и ремесла. Возникновение и быстрый рост такого города, как Рязань, были важными факторами истории и культуры Северо-восточной Руси и ближайших неславянских племен и народностей.

¹⁰¹ А. П. Смирнов. Русские элементы в культуре волжских булгар. Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1948, стр. 93—110; его же. Волжские булгары. М., 1951, стр. 153—155.

После ремесла важнейшей основой развития Старой Рязани была торговля. Столица Рязанской земли была выгодно расположена на важном торговом пути, проходившем по Оке. Если судить по 23 кладам восточных монет, найденным в пределах Рязанской земли, то становится очевидным, что Ока еще в VIII—XI вв. являлась оживленной торговой магистралью. Большинство этих кладов было зарыто вдоль Оки и лишь очень небольшое количество из них на берегах Пары, Верды, Рановы и Пры, к югу от Оки. К этому бассейну тяготеют вещевые клады IX — начала X в. Окский торговый путь вел из славянских стран в Булгар, а оттуда, по Волге, в арабские страны и в Среднюю Азию.

Большое количество диргемов найдено было близ Старой Рязани; на Старорязанском городище их обнаружено было сравнительно мало. В 1875 г. здесь был найден клад диргемов, из которых часть принадлежала Гарун-аль-Рашиду (чекана 792—793 гг.) и другим Аббасидам (IX в.)¹. В 1903 г. на Старорязанском городище найдено было два серебряных диргема. Несомненно, что уже в IX в. через Старую Рязань проходил важный торговый путь.

Кроме монет, археологическим свидетельством торговли в X — начале XI в. является находка в Старой Рязани набора гирек к маленьким коромысловым весам, служившим для взвешивания диргемов и других ценностей².

¹ А. И. Черепнин. Значение кладов с куфическими монетами. Рязань. 1832, стр. 5.

² А. Л. Монгайт. Рязанские гирьки. КСИИМК, вып. XIV, 1937, стр. 61—69. Пять таких гирек было найдено в 1891 г.; отдельные гирьки попадались и в

последующие годы в раскопках и случайных находках.

В первой четверти XI в. исчезает восточное серебро и на смену ему появляются западные монеты, серебряные слитки; часть драгоценного металла поступает в виде утвари. В это время еще нет прямой связи Рязани с Западом. Только в одном из всех найденных близ Рязани кладов вместе с куфическими монетами оказались одна византийская и четыре немецкие. Очевидно, и эти монеты проникли не непосредственно с Запада, а были завезены вместе с куфическими с Востока.

До конца XI в. прямой путь из Киева в Рязанскую землю еще не шел через землю вятской. В то время ездили окружным путем — вятские леса считались непроходимыми. По свидетельству «Повести временных лет», Глеб Владимирович в 1015 г. ехал из Мурома в Киев через верховья Волги и Смоленск (рис. 120); А. А. Шахматов считает (и, повидимому, справедливо) указание на этот путь позднейшей вставкой, сделанной около 1095 г.³. Следовательно, этот маршрут соответствовал представлениям конца XI в. Мещерский край также был непроходимым. До середины XII в. путь из Рязани в Сузdal шел через Муром⁴, а позже — через Коломну.

В XII в., когда возросло могущество Владимиро-Сузdalского княжества и усилилось Рязанско-Мещерское и между ними начались столкновения, поездки через Сузdal и верховья Волги в Киев и Чернигов прекратились.

последующие годы в раскопках и случайных находках.

³ А. А. Шахматов. Розыскания о древнейших русских летописных сюдах. СПб., 1908, стр. 76—78 и 92—97.

⁴ ПСРЛ, т. XX, стр. 117.

VII. ТОРГОВЛЯ

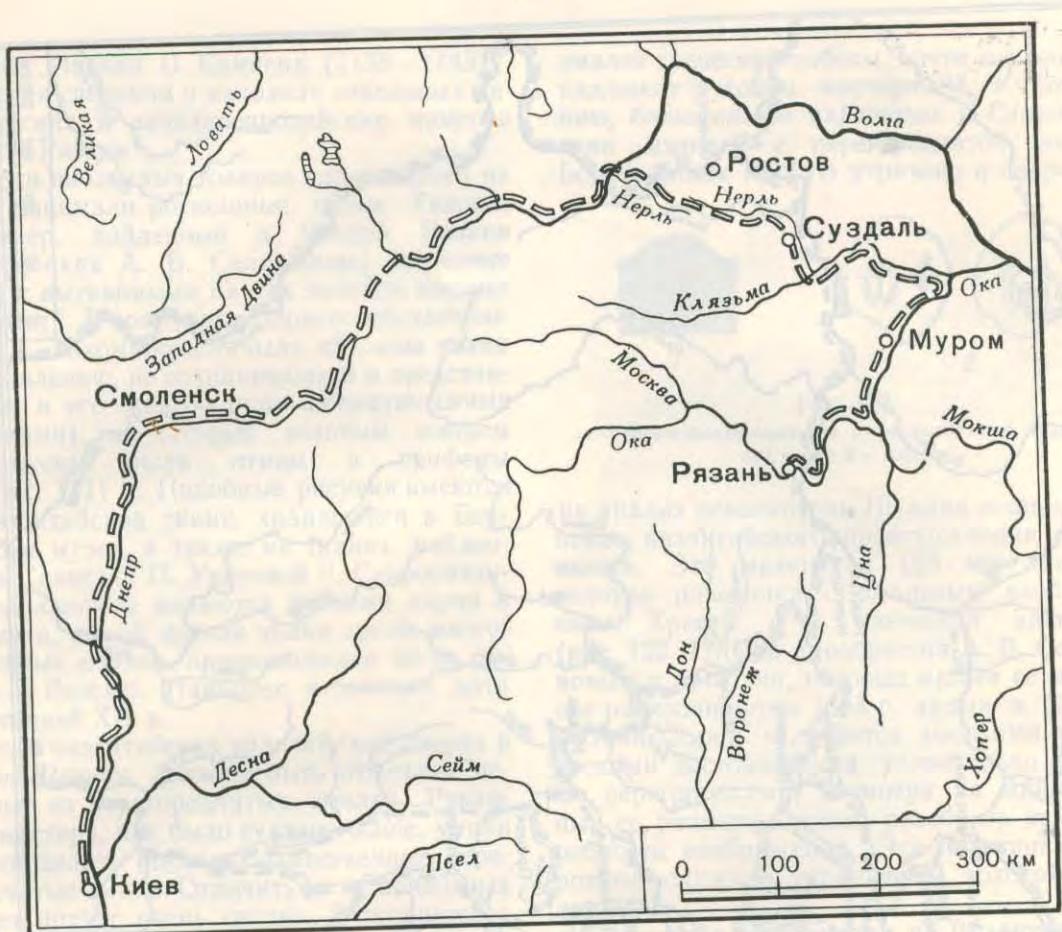

Рис. 120. Путь из Киева в Рязань в конце XI в.

Пути шли, повидимому, по Оке и Угре на Днепр с использованием малых рек и волов. Важнейшей магистралью для связи с ков. Черниговыи, вероятно, стала Десна. Путь из Новгорода шел к истокам Волги и отсюда по правым притокам Волги, главным образом через Волок Ламской, попадали в Москву-реку, а спустившись по Москве в Оку, достигали Рязани. Кроме того, был проложен уже путь на юг через так называемые вятические города: Брянск, Козельск, Дедославль и т. д. (рис. 121)⁵. В это время в Рязани появляются византийские монеты и вещи. Можно предположить, что существовали и непосредственные торговые связи Рязани с Визан-

тией, но вероятнее, что византийские монеты и вещи попали в Рязань из других русских княжеств, пройдя через несколько этапов транзитной торговли.

В Старой Рязани были найдены два клада византийских монет. В 1888 г. при раскопках храма были найдены 12 медных монет Иоанна Комнена, одна — Иоанна Цимисхия и один серебряный немецкий динар Оттона I⁶. Клад в целом, по наиболее поздним монетам, относится к первой половине XII в. В 1908 г. вблизи того же храма был найден клад, в котором была киевская гривна и 18 медных византийских монет, среди них 2 монеты Алексея I Комнена (1081—1118) и

⁵ По этому пути в 1146 г. бежал из Новгород-Северска в Рязань Святослав Ольгович. ПСРЛ, т. IX, стр. 171.

⁶ А. В. Селиванов. Отчет о раскопках. ТРУАК, т. III, стр. 161.

СТАРАЯ РЯЗАНЬ

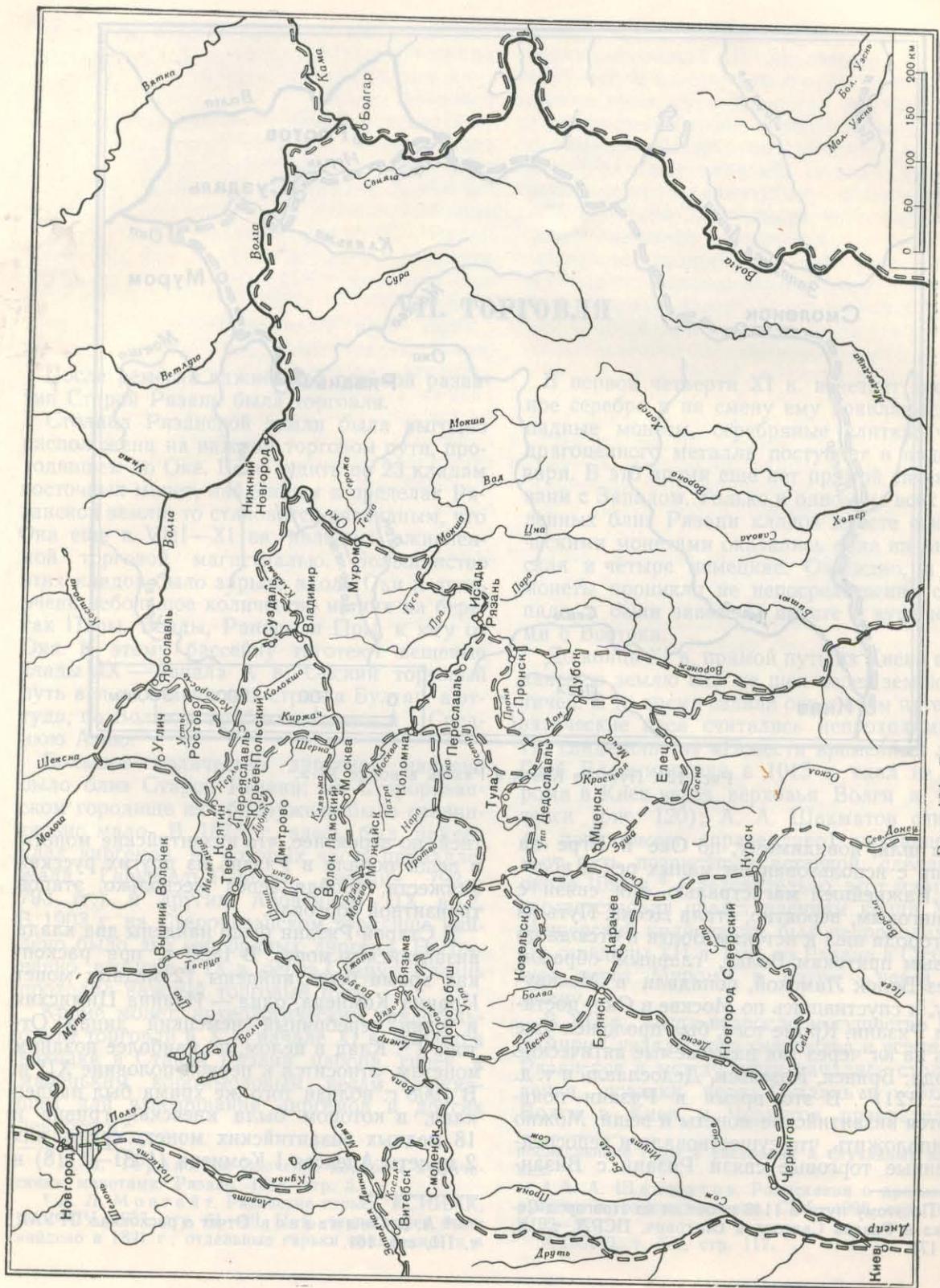

Рис. 121. Торговые пути в XII—XIII вв.

6 монет Иоанна II Комнина (1138—1143)⁷. Имеются сведения о находках отдельных византийских и западноевропейских монет в Старой Рязани⁸.

Среди иноземных товаров видное место на Руси занимали роскошные ткани. Таковы, например, найденные в Старой Рязани (в раскопках А. В. Селиванова) парчевые ткани с вытканными на них золотом косыми крестами⁹. В гробницах Борисоглебского собора Д. Тихомировым были найдены ткани (к сожалению, не сохранившиеся и представленные в его книге лишь схематическими рисунками), на которых золотым шитьем изображены были птицы и грифоны (см. рис. 131)¹⁰. Подобные рисунки имеются на византийской ткани, хранящейся в Берлинском музее, а также на тканях, найденных в Сванетии П. Уваровой¹¹. Старорязанские фрагменты являются кусками парчи и оксамита, самой ценной ткани среди многочисленных сортов, привозившихся из-за рубежа в Россию. Наиболее вероятная дата этих тканей XII в.

Среди византийских изделий, найденных в Старой Рязани, должны быть отмечены некоторые из перегородчатых эмалей. Рязанские мастера, как было сказано выше, умели и сами делать высокохудожественные перегородчатые эмали. Отличить их от привозных бывает подчас очень трудно. В досоветское время некоторые искусствоведы, рассматривавшие все древнерусское искусство как испорченное византийское, относили к привозным из Византии все высококачественные эмали, а русскими по происхождению считали лишь эмали грубой работы, с потускневшими красками. Сейчас, когда доказано высокое развитие ремесла русских ювелиров и эмальеров, подобный взгляд несостоятелен.

Установлено, что многочисленные русские клады почти не содержат перегородчатых

⁷ А. Федоров. Монетные клады Рязанской губернии. Труды Спасского отделения общества исследователей Рязанского края, вып. II, Спасск, 1928, стр. 7.

⁸ По сообщению В. И. Зубкова, в 1929 г. был найден византийский фоллис, по типу приближающийся к монетам Алексея III Ангела (1195—1203). По сообщению А. И. Черепнина, на Старорязанском городище до 1903 г. были неоднократно находимы западноевропейские монеты XI в. ТРУАК, XVIII, стр. 32.

⁹ ТРУАК, т. III, стр. 163.

¹⁰ Д. Тихомиров. Ук. соч., табл. V.

¹¹ Материалы по археологии Кавказа, т. X. М., 1904, рис. 89, табл. XIII, 2.

эмалей греческой работы, почти все они принадлежат русским мастерам¹². К сожалению, большинство найденных в Старой Рязани изделий с перегородчатой эмалью (кроме клада 1822 г.) утрачено и подробный

Рис. 122.
1 — византийская пластинка с перегородчатой эмалью
(3/4 н. в.); 2 — пломба

их анализ невозможен. Но одна вещь несомненно византийского происхождения сохранилась. Это маленькая (23 мм длиною) золотая пластинка с эмалевым изображением Христа и с греческой надписью (рис. 122, 1). Она приобретена А. В. Селивановым у крестьян, которые нашли ее на месте раскопанного в 1888 г. храма в Старой Рязани. Эмаль отличается высокими техническими достоинствами, удивительно тонкими перегородками; несмотря на миниатюрные ее размеры, можно разобрать все подробности изображения. Эта пластинка, вероятно, служила украшением золотой диадемы¹³.

Безусловно привозными из Византии или Херсонеса являются мраморные, яшмовые и другие каменные крестики с греческими надписями. Предметом южного импорта были амфоры с вином, обломки которых в большом количестве встречаются на Старорязанском городище. Это толстостенные сосуды из прекрасно обожженной красной глины. В большинстве случаев они имеют узкое горло, от которого к плечикам идут две массивные ручки, низ амфоры округлый, пропорции вытянутые. Ручки овальные в сечении. Поверхность некоторых амфор покрыта желобками, дающими впечатление слабых граней, иногда встречаются рифленые сосуды, покрытые сплошным рядом каннелюр. Амфоры-корчаги найдены в ряде городов древней Руси¹⁴.

¹² Г. Ф. Корзухина. Русские клады.

¹³ Д. В. Айналов. Выставка VIII археологического съезда в Москве в 1890 г. «Вестник изящных искусств», т. VIII, вып. 2, 1890, стр. 110—111.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 367—374.

Среди привозной керамики следует отметить обломки пышно орнаментированной, покрытой многоцветной поливой херсонесской посуды XIV в., а также среднеазиатской или золотоордынской того же времени (рис. 123).

Рис. 123. Фрагменты импортной полихромной керамики XIV в. Южное городище.

К скандинавским должны быть отнесены найденные в Старой Рязани бляшки со звериными личинами. К скандинавскому или, шире, прибалтийскому ввозу могут быть причислены орнаментированный наконечник ножен меча с изображением чернью птицы в медальоне (рис. 124) и металлическая бляшка в виде змеи с двумя головками (раскопки 1926 г.)¹⁵. Нужно, однако, оговориться, что во всех случаях, когда мы имеем дело с отдельными находками привозных вещей, нет уверенности, что они были предметами торговли. Они могли попасть в Рязань иным путем (например, как военная добыча). Поэтому, отдельные предметы не всегда должны рассматриваться как объекты торговых связей. Другое дело находки массовые,

¹⁵ Повидимому, на Старорязанском городище было найдено навершие меча, проданное в 1908 г. А. Ф. Федоровым Историческому музею. В отчете музея за 1908 г. (М., 1909, стр. 8) это навершие назовано «верхней гайкой рукоятки меча так называемого скандинавского типа».

например, амфор южного происхождения или монет.

Монетные гривны киевского и новгородского типов найдены в Старой Рязани в кладах и отдельных находках¹⁶. Но они в общем настолько редки, что явно не отражают важнейших для Рязани торговых связей с Киевом и Новгородом.

Находки в Старой Рязани монет, относившихся ко времени после монгольского завоевания, довольно многочисленны, но, к сожалению, они не систематизированы, и сейчас это сделать невозможно, так как клады утрачены. Так, например, в 1888 г. на берегу Оки в Старой Рязани было найдено несколько сот русских монет удельного периода¹⁷. Но какие это монеты и где они находятся, неизвестно. Кроме того, с 1897 по 1903 г. здесь были найдены отдельные монеты великого княжества Рязанского¹⁸. В 1903 г. был открыт клад монет, принадлежавших рязанскому князю Василию Ивановичу¹⁹. Найдены были монеты рязанского князя Ивана Федоровича (1427—1456) и золотоордынские²⁰; монеты ханов Узбека и Джанибека²¹. В 1876 г. был найден клад серебряных мелких денег с изображением птички на одной стороне (вероятно, деньги рязанского князя Василия Ивановича)²². Эти находки монет, наряду с перечисленными в других разделах книги находками отдельных вещей XIV и последующих веков, свидетельствуют о том, что после монгольского разгрома жизнь на Старой Рязани продол-

¹⁶ Киевская гривна была найдена в 1908 г. Загадочной является шестиугольная гривна киевского типа, отлитая из меди. Она найдена около Старой Рязани в конце XIX в. Вес 182,76 г. (А. И. Черепнин. Кулаковский могильник... ТРУАК, т. XVIII, стр. 150). Нельзя предположить, что мы имеем в данном случае дело с грубой фальсификацией. Возможно, что подобная отливка была сделана, как пробная в форме для серебряных гривен. В 1876 г. было найдено 14 серебряных гривен новгородского типа, около полувунта каждая, всего весом 17 фунтов без 20 золотников. На одной гривне нарезана надпись «Матфей». А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древним кладам. М., 1900. Труды Московского нумизматического общества, т. II, стр. 198.

¹⁷ А. Ф. Федоров. Ук. соч., стр. 6.

¹⁸ А. И. Черепнин. Кулаковский могильник... ТРУАК, т. XVIII, стр. 159.

¹⁹ Там же, стр. 134.

²⁰ Древности МАО, т. XVIII, 1901, стр. 125.

²¹ А. И. Черепнин. Кулаковский могильник... ТРУАК, т. XVIII, стр. 144.

²² А. Ф. Федоров. Ук. соч., стр. 5.

жалась и город вел торговлю с отдельными русскими княжествами.

Что касается находок отдельных вещей, то они в общем настолько сходны в Киеве, Новгороде и Рязани, как и вообще в древнерусских городах, что очень редко удается установить место их изготовления и решить вопрос о том, являются ли они предметами ввоза или продукцией местных мастеров.

Археологическими памятниками сношений с волжскими болгарами являются находки в Старой Рязани болгарской керамики и бронзовых замочеков в виде льва или коня²³.

Один из найденных в Старой Рязани предметов является несомненным свидетельством связей с Волжской Болгарией, хотя и не торговых. Это медная массивная круглая бляха с дыркой посередине и с изображением какого-то полусказочного животного (может быть, льва) с хвостом в виде распустившегося цветка, заброшенным на спину (см. рис. 144, I). На обратной стороне бляхи имеется закраина, позволявшая заполнять бляху свинцом. Подобные бляхи найдены на Болгарском городище и в ряде других пунктов Волжской Болгарии. Предполагалось, что они служили матрицами. Однако отштампованные подобными матрицами изделия нигде не встречены. Б. А. Рыбаков считает такие бляхи болгарскими печатями.

Несомненно, большое значение для Рязанской земли имел южный — Донской путь. О направлении этого пути по рекам мы можем судить лишь по документам XVI в. Он шел из Старой Рязани по Проне, Рановой, Хупте и Рясе, через города Ряжск и Воронеж²⁴. Кроме этого речного пути, был южный путь «полем». О нем упоминается в летописи под 1389 г.²⁵. Но движение по юж-

²³ Такие замки датируются X—XIV вв.; считается, что они изготовлены болгарскими мастерами (А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 118).

²⁴ В 1502 г. Иван III, отпустив кафинского посла Алакоза, ехавшего к себе через Рязань, велел сковать княгине Аграфене: «Отпустил есъ судном послу Турсецкого до Старой Рязани, а от Старой Рязани ехать ему Пронею вверх, а из Прони к Пранову, а из Прановой Хуптою вверх до переволоки до Ряского поля...» «...да переволокою Ряским полем до реки до Рясы». Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, прим. 563.

²⁵ Митрополит Пимен по пути в Царьград из Переяславля-Рязанского отправился на юг сухим путем; суда везли на колесах и вновь спустили на воду в верхнем течении Дона. ПСРЛ, т. XI, стр. 95.

ному пути было опасным, он постоянно подвергался нападениям кочевников и, повидимому, совсем не использовался в конце XII — начала XIII в., когда был прерван половцами²⁶. Южный путь вел в Тмутаракань

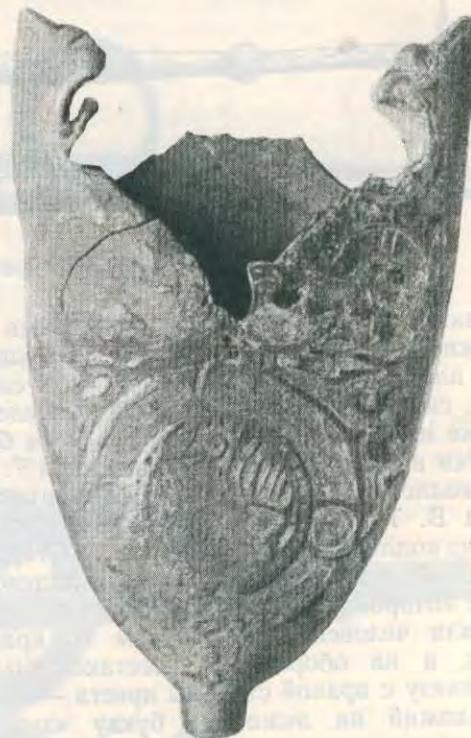

Рис. 124. Наконечник ножен меча

и на Кавказ. Несмотря на исторические связи Рязани и Тмутаракани, кроме некоторого сходства керамики, они никак археологически не обнаруживаются. Может быть, это объясняется отчасти тем, что мы не знаем собственно тмутараканских вещей, с которыми можно было бы сравнивать наши находки и говорить о торговых связях.

Важным археологическим свидетельством

²⁶ В «Повести о приходе чудотворного образа Николы в пределы Рязанские» содержится интересное указание на то, что в домонгольское время (согласно «Повести» — в 1225 г.) южные пути в Рязань были прерваны половцами, и герой сказания попадает из Корсуня в Рязань через Новгород. Этот реальный исторический факт скрыт в повести за традиционным сюжетом о перенесении святыни с места на место. См. тексты «Повести о Николе Заразском», изданные Д. С. Лихачевым. Труды Отдела древнерусской литературы, т. XII, 1949, стр. 284 и след.

NB

торговых связей Старой Рязани являются пломбы — небольшие круглые кусочки свинца со следами шнура и с изображениями или знаками на одной или на обеих плоских сторонах. Эти пломбы подобны печатям, но

В 1926 г. в жилище № 18 была найдена свинцовая пломба без изображений. В 1948 г. найдена пломба, на одной стороне которой изображен княжеский знак — двузубец (см. рис. 122, 2).

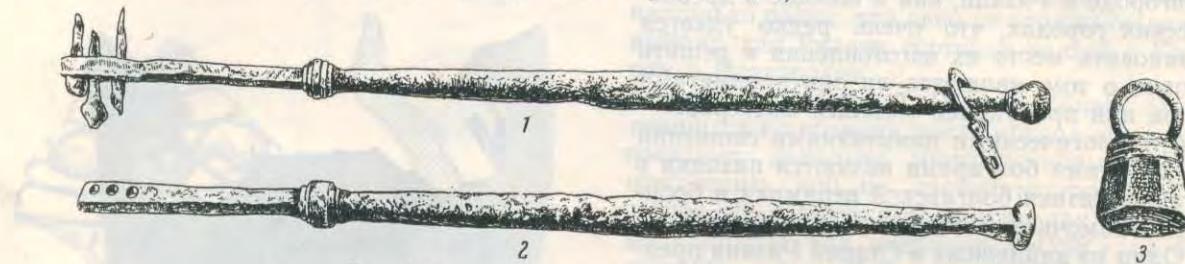

Рис. 125. 1, 2 — рычаги от безменов; 3 — гиря

отличаются от них меньшими размерами и небрежностью отделки. Большая коллекция таких пломб была составлена А. Ф. Федоровым, скопившим их у местных жителей, а также находившим их в оврагах и на берегу Оки в размывах культурного слоя²⁷.

Эта коллекция была изучена Н. П. Лихачевым и В. Грутовским (см. ниже). Кроме пломб из коллекции А. Ф. Федорова, в Старой Рязани найдены: в 1888 г. пломба, на лицевой стороне которой изображена головка животного (или человека?) с ободком по краю пломбы, а на обратной — шестиконечный крест; внизу с правой стороны креста — значок, похожий на лежащую букву «з»; в 1891 г. свинцовая пломба с изображением бюста человека, окруженного 12 крупными точками, на обратной стороне нет изображения, только след отверстия для шнура; в 1893 г. пломба с поясным изображением человека с усами и окладистой бородой, в короне, украшенной камнями, судя по четырем выпуклым точкам на ней, на обратной стороне буква «А». На другой пломбе знак напоминает половину коромысла весов, но вместо весовой чашки на конце рычага крючок, левее его — небольшой крестик и точка, на обратной стороне опрокинутая буква «п»²⁸.

²⁷ К сожалению, пломбы из Старой Рязани были смешаны в коллекции с пломбами, найденными у Переяславля-Рязанского, и вся коллекция в количестве 138 штук поступила в Московский археологический институт, а в 1922 г. по упразднении его была передана в Этнографо-археологический музей И МГУ.

²⁸ А. И. Черепнин. Местная старина. ТРУАК, т. IX, стр. 17; его же. Борковский остров и его древности. АИЗ, 1894, стр. 183, рис. 14.

Вероятнее всего, эти пломбы привешивались к различным товарам, и поэтому они и находятся в большинстве случаев в крупных торговых центрах, где могли перегружаться или продаваться опечатанные этими пломбами товары²⁹.

Практика опечатывания товаров идет из Византии, где, по договору 945 г., опечатывались паволоки, купленные русами. В большинстве случаев эти пломбы — не таможенные знаки, а знаки, связанные с производством и привешивавшиеся к товарам, предназначенным к вывозу. Такие знаки могли принадлежать и купцам. В торговых статутах западноевропейских городов — Марселя, Висби и др.— приложение штемпеля к товару значится, как распространенный и общеупотребительный акт. В 1348 г. по поводу жалоб русских на привоз к ним недоброкачественных сукон немецкие купцы в Новгороде постановили не привозить в Россию сукон, на которых не было свинцовых печатей (пломб)³⁰. Обилие товарных пломб в Старой Рязани доказывает лишь еще раз, что она была крупной торговой пристанью на Оке.

²⁹ Наиболее полный обзор всей предшествующей литературы о пломбах был дан К. В. Болсуновским (Дрогичинские пломбы. Киев, 1894 г.). Позже о пломбах писали: Н. П. Лихачев (Материалы для истории византийской и русской сграффитики, т. II); А. В. Орешников (Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. «Известия Академии Наук», 1930, отделение гуманитарных наук. Б. А. Рыбаков (Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, т. VI, 1940).

³⁰ Н. Аристов. Промышленность древней Руси, СПб., 1866, стр. 213.

айдена
948 г.
торой
(см.)

В. Трутовский в своей статье «Рязанские пломбы» приходит к ряду ошибочных выводов. Основываясь на том, что среди пломб якобы нет подобных экземпляров и что, следовательно, каждая пломба представляла

тоб, во-первых, потому, что известные нам печати отличаются от пломб величиной и знаками, во-вторых, потому, что нельзя предположить ни в Дрогичине, где найдено наибольшее количество пломб, ни в Рязани на-

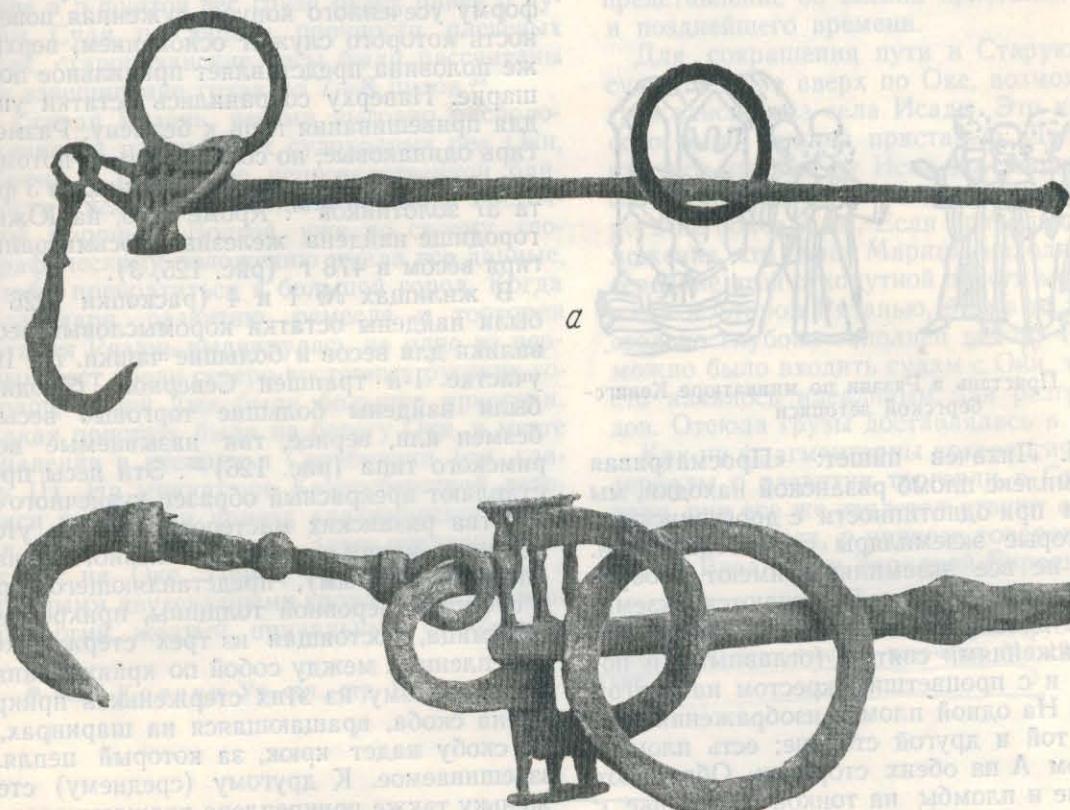

Рис. 126. Безмен, найденный на Северном городище в слое XIII в.

а — общий вид; б — деталь

лишь одно лицо, он считает, «что пломбы были печатями частного и, быть может, частью полуофициального характера, но все же личными печатями, заменявшими подпись участников при заключении какого-либо акта»³¹. Неверно прежде всего утверждение, что среди пломб нет сходных экземпляров. Среди рязанских пломб с изображением двублока есть экземпляры тождественные, есть сходные значки и на пломбах из других мест. Пломбы не являются печатями от докумен-

³¹ В. Трутовский. Рязанские пломбы. Отчет Этнографо-археологического музея I МГУ, в. I, 1926, стр. 7.

личие колоссальных архивов частных документов. Трутовский считал, что преобладающим знаком на пломбах являются татарские тамги, причем самой молодой из них является тамга Гиреев, правивших Крымом с 1440 г. Трутовский ошибочно принял за татарские тамги русские княжеские родовые знаки. Неверно его утверждение, что эти знаки являются преобладающими, — их на самом деле не более 15% (в коллекции пломб, хранящихся в ГИМ, их до 25%). На пломбах имеются разнообразные изображения. Есть поясные изображения святых, процветший крест, латинские буквы. На некоторых изоб-

ражены человеческие головки, кресты, звездочки, точки, кружки. На многочисленных пломбах изображены буквы славянского алфавита.

Рис. 127. Пристань в Рязани по миниатюре Кенигсбергской летописи

Н. П. Лихачев пишет: «Просматривая весь комплекс пломб рязанской находки, мы находим при однотипности с дрогичинскими и некоторые экземпляры с особенностями. Далеко не все экземпляры имеют изображения знаков — тамг. Встречаются экземпляры на довольно толстых кусочках свинца с изображениями святых (главными и по-грудно) и с процветшим крестом на другой стороне. На одной пломбе изображения святых на той и другой стороне; есть пломбы со знаком А на обеих сторонах. Обращают внимание и пломбы на тонкой пластинке с изображением знака ⚡ на одной стороне и шестиконечного креста с шариками на окончностях»³².

Среди изображенных на рязанских пломбах знаков многие напоминают знаки Рюриковичей рода Святослава Черниговского.

Когда в XIV в. упало значение Старой Рязани, роль крупной пристани на Оке перешла к Переяславлю-Рязанскому, откуда и происходят позднейшие пломбы, найденные главным образом у Сакор-горы³³.

Торг на Старой Рязани находился в центре городища в месте пересечения дорог, иду-

³² Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 70. Пользуясь описанием Лихачева, так как он видел полностью коллекцию рязанских пломб. Я же ознакомился с ней, когда часть коллекции была утрачена.

³³ Сакор-гора была наиболее удобно расположена у слияния Трубежа и Оки, для того чтобы служить местом разгрузки прибывающих кораблей, а возможно, и местом торговли.

щих к главным городским воротам. Здесь были найдены разные железные вещи и между ними два рычага от безменов (рис. 125, 1, 2) и две железные гири. Нижняя половина больших железных гирь имеет форму усеченного конуса, суженная поверхность которого служит основанием, верхняя же половина представляет правильное полушарие. Наверху сохранились остатки ушка для привешивания гирь к безмену. Размеры гирь одинаковые, но сохранность, а потому и вес, разные — 3 фунта 54 золотника и 3 фунта 37 золотников³⁴. Кроме того, на Южном городище найдена железная восьмигранная гиря весом в 478 г (рис. 125, 3).

В жилищах № 1 и 4 (раскопки 1926 г.) были найдены остатки коромысловых весов, валики для весов и большие чашки. На 19-м участке 1-й траншеи Северного городища были найдены большие торговые весы — безмен или, вернее, так называемые весы римского типа (рис. 126)³⁵. Эти весы представляют прекрасный образец кузнецкого искусства рязанских мастеров. К более утолщенному концу основного железного рычага (длиною 358 мм), представляющего прут с сечением неровной толщины, прикреплена обойница, состоящая из трех стерженьков, скрепленных между собой по краям планками. К одному из этих стерженьков прикреплена скоба, вращающаяся на шарнирах, а на скобу надет крюк, за который цепляли взвешиваемое. К другому (среднему) стерженьку также прикреплена вращающаяся на шарнирах скоба, на которую надето кольцо. Это кольцо служило для того, чтобы держать или подвешивать весы в момент взвешивания. На рычаг весов было надето еще одно кольцо, служившее для укрепления гирь. На более тонком краю безмена и посередине имеются утолщения, представляющие ромб в продольном разрезе. Каких-либо делений или знаков на рычаге весов не видно, но они должны были быть, чтобы установить, во сколько раз взвешиваемое тяжелее гири. По расчетам Б. А. Колчина, старорязанские весы позволяли взвешивать очень

³⁴ А. И. Черепинин. Кулаковский могильник... ТРУАК, т. XVIII, стр. 141.

³⁵ Эти весы не совсем точно называют безменами. В русском торговом обиходе XVIII—XIX вв. безменом назывались весы с передвижной точкой опоры рычага и постоянным грузом (противовесом). Здесь же, наоборот, точка опоры постоянная, а передвигается груз (гира).

тяжелые грузы. Длина малого плеча рычага равна 8 мм, длина большого плеча 330 мм. Максимально плечо может давать 40-кратное отношение, т. е. при гире в 1 фунт взвешиваемый груз будет равен 40 фунтам, при гире в 5 фунтов вес груза будет равен 5 пудам. Судя по запасу прочности плечевых осей, старорязанские весы были рассчитаны на взвешивание груза до 7—8 пудов³⁶.

Старая Рязань, весьма выгодно расположенная в районе трех судоходных рек Оки, Прони и Пары и в непосредственной близости с величайшей водной артерией Восточной Европы — Волгой, уже по своему географическому положению имела все данные, чтобы превратиться в большой город. Когда благодаря развитию ремесла и торговли Старая Рязань выдвинулась на одно из первых мест среди северо-восточных русских городов, в ней уже были большие пристани. Такая пристать была на берегу Оки, в месте впадения в нее ручья Серебрянки (см. главу II). На миниатюре Кенигсбергской летописи изображен приезд владимирского князя Всеволода в Рязань. Здесь показана пристань на Оке. Перед зеленым зданием с красными двухскатными кровлями изображен трехрогий желтый причальный столб, вид-

ны белые перила трапа. Пристань ограждает длинный желтый плетень (рис. 127)³⁷. Конечно, нельзя предполагать, что здесь изображена реальная старорязанская пристань времен Всеволода, но рисунок дает все же представление об окских пристанях хотя бы и позднейшего времени.

Для сокращения пути в Старую Рязань суда, шедшие вверх по Оке, возможно, разгружались близ села Исады. Это княжеское село было важной пристанью. Дело в том, что путь по Оке от Исад до Старой Рязани составляет около 30 км, сухопутная же дорога не более 7 км. Если правильно предположение, что овраг Марица, находящийся на середине этой сухопутной дороги между Исадами и Старой Рязанью, был в то время настолько глубоко заполнен водой, что в него можно было входить судам с Оки, то это место являлось идеальным для разгрузки судов. Отсюда грузы доставлялись в город.

Как ни фрагментарны археологические материалы о развитии торговли в Старой Рязани, они все же свидетельствуют о широких торговых связях, о привозе товаров с Востока, из Византии и Западной Европы.

³⁷ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 27, рис. 4.

³⁶ Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 164.

гражданского общества Псковской земли под титулом «Псковский земельный альбом» (1878—1894 гг.). В нем изображены схематичные планы селений и деревень, расположенных вдоль реки Оки. На этих планах отмечены названия селений и деревень, а также обозначены земельные участки, принадлежащие различным землевладельцам. Важно отметить, что в альбоме отсутствуют схематичные планы селений и деревень, расположенных вдоль реки Оки. В альбоме отсутствуют схематичные планы селений и деревень, расположенных вдоль реки Оки. В альбоме отсутствуют схематичные планы селений и деревень, расположенных вдоль реки Оки. В альбоме отсутствуют схематичные планы селений и деревень, расположенных вдоль реки Оки.

VIII. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Славяне, колонизовавшие район среднего течения Оки, уже имели некоторые земледельческие навыки. Они в первую очередь занимали плодородные, преимущественно черноземные земли. Если мы наложим карту распространения славянских городищ и курганов XII в. на почвенную карту Рязанской земли, то увидим очень четкое совпадение границ вятической колонизации с границами плодородных и притом годных для пашенного земледелия земель¹. Северные лесные части края, где господствовала подсека, дольше оставались в распоряжении чудских племен. Сюда русские проникали лишь постепенно, и процесс ассимиляции протекал медленнее. Феодалы сохраняли здесь даннические отношения, которые выражались во взимании дани мехами, а не хлебом. Поэтому население Мещерской стороны дольше смогло сохранить свой этнический облик. Однако позднее — в XIII—XIV вв. — оно смешалось с русскими.

Пашенное земледелие на плодородной Рязанской земле давало возможность получать в изобилии хлеб не только для потребления,

но и для вывоза в Новгородскую землю. Новгород, постоянно нуждавшийся в привозном хлебе и поэтому чрезвычайно заинтересованный в торговле «с низом», получал рязанский хлеб как путем непосредственной торговли с Рязанью, так и через Ростово-Сузdalскую землю.

В XI—XIII вв. не только деревня, но и город был связан с земледелием. Находки сельскохозяйственных орудий и больших зерновых ям в Старой Рязани, Пронске и других населенных пунктах свидетельствуют об этом. Следовательно, жители городов Рязанской земли наряду с ремеслом и торговлей сеяли хлеб и разводили скот.

Сельскохозяйственные орудия в Старой Рязани представлены главным образом серпами и косами.

В раскопках 1926 г. найдено четыре серпа, из них лишь один почти целый (он был обнаружен в слое XIV в.); длина его 32 см, ширина лезвия в широком месте 3 см; серп имеет наваренное стальное гладкое (без зубьев) лезвие (рис. 128, 1). По форме он принадлежит к московскому типу². Найденные в наших раскопках 1948 и 1950 гг. серпы, насколько можно судить по сохранившимся обломкам, принадлежат к тому же типу. Один из серпов был исследован Б. А. Колчиным и оказался цельностальным, термически обработанным.

Кос найдено пять. Они отличаются от бывших сейчас и принадлежат к типу косыгорбушки (рис. 128, 2, 3). Косы в средней части мало изогнуты; для скрепления с ру-

¹ Основную часть Рязанского княжества, расположенную между Окой, Проней и Осетром, составляли светлосерые, серые и темносерые лесные оподзоленные почвы. По берегам Прони, Рановы и Осетра в них местами вкрапливались оподзоленные черноземы. Вдоль Оки широкой полосой проходили аллювиально-луговые (пойменные) почвы (см. «Почвенную карту Европейской части СССР», АН СССР. Почвенный институт им. В. В. Докучаева. Под ред. акад. Л. И. Прасолова. 1947). На Мещерской стороне находились дерновые, сильно подзолистые почвы. Их покрывали хвойные леса. Почвы Муромского и Ростово-Сузdalского княжеств (за исключением так называемого Владимирского ополья) были такими же, как и на Мещерской стороне. Это была зона кривичской колонизации.

² По классификации А. В. Арциховского. См. его работу «К методике изучения серпов». Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1929, стр. 29—41.

предельно нетребователен к условиям кормления и содержания. На втором месте после крупного рогатого скота по количеству костных находок стоят свиньи, на третьем — лошади, на четвертом — мелкий рогатый скот. Из общего числа костей млекопитающих кости крупного рогатого скота составляют 51,4%, свиней — 22,7%, лошадей — 13,9% и мелкого рогатого скота — 12,0%⁶.

Вызывает удивление сравнительно большой процент костей лошадей, найденных на Старорязанском городище.

На городищах дьяковских и городецких процент остатков лошади был велик потому, что она была основным животным, дававшим мясо, шкуры и кумыс⁷. Когда лошадь перестают употреблять в пищу, процент находок лошадиных костей сокращается. Между тем это не означает ни уменьшения значения лошади в хозяйстве, ни ее удельного веса в стаде. Это объясняется лишь изменением характера использования животного. Поэтому в костных остатках, найденных в древнерусских городах, кости лошадей составляют: Москва (Зарядье) — 4,6%; Новгород — 2,5% (по данным В. И. Цалкина) или 5% (по данным В. Громова); Старая Ладога — 4,8% и только в Пскове достигают 9%.

В летописное время конину на Руси не ели; начиная с XII в. летописи упоминают об употреблении конины в пищу только в связи с голодом⁸. В более раннее время она упоминается в Уроке вирника. Во всяком случае лошадиное мясо считалось нечистым. Может быть, употребление конины в пищу и имел в виду летописец, когда он утверждал, что вятичи едят все «нечистое». В раскопках вятических курганов под Москвой (село Чемерушки) были найдены вареные и частично расколотые для добывания мозга кости ло-

⁶ См. приложение.

⁷ На Бородинском городище — 47% лошадиных костей (А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 78), на Каширском — 31% (В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Известия ГАИМК, вып. 85. М., 1934, стр. 104—105, таблица).

⁸ Под 1128 г., например, I Новгородская летопись сообщает: «В се же лѣто лютѣяше: осминъка рѣжи по гривнѣ бяше; и ядяху люди лист липов, кору березову... ини ушь мѣх, конину...» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 22). В сообщении о голоде 1231 г. говорится, что конину ели наряду с трупами, собаками и кошками (там же, стр. 70).

шади⁹. Старая Рязань единственный русский город, где количество костей лошадей из общего числа костей млекопитающих достигает почти 14%. Это, конечно, не случайно. Очевидно, употребление лошади в пищу удержалось среди вятического и чудского населения этого города. У чудских племен употребление конины восходит к очень древним временам (городецкая культура) и сохраняется у народов, являющихся их потомками, почти до наших дней. Лошадиное мясо у мордвы употреблялось в пищу даже в XIX в.¹⁰. Поэтому употребление¹¹ в X—XIII вв. лошади в Старой Рязани в пищу, возможно, отчасти должно быть отнесено за счет влияния чудских племен.

Как рабочий скот, лошадь, конечно, играла важнейшую роль. Порода низких, коренастых, но сильных лесных лошадей в Старой Рязани занимала значительное место в стаде.

Что касается свиней из Старой Рязани, то исследователи отмечают их сходство с западноевропейской торфяниковой породой, т. е. с самой древней известной нам породой домашней свиньи.

Мелкому рогатому скоту в рязанском стаде принадлежала второстепенная роль. По-видимому, на долю козы приходится не более $\frac{1}{4}$ костей мелкого рогатого скота¹¹. Козы разводились не только или, вернее, не столько для получения мяса и молока, сколько для получения сафьяна, изготавливаемого из козьих шкур.

Стрижка овец производилась пружинными ножницами, найденными при раскопках мно-

⁹ И. В. Савков. Курганы в с. Черемушки. Сборник студенческих научных работ МГУ, вып. XI, 1940, стр. 79—80.

¹⁰ На мордовских поминках все собирались на кладбище, резали лошадь, мясо здесь же варили и съедали, а шкуру вешали на рогульку. Лошадь резали и в богатом доме на поминках умершего хозяина. А. Постников. Верования и культ мордвы (эрзя) села Собанчеева Аллатырского уезда Симбирской губернии. Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете, т. XI, вып. 4, 1893.

¹¹ Это явление общее для древнерусских городов. Такой же процент коз и в Новгороде и в Старой Ладоге. И в новое время коза была мало распространена в Рязанской области. В 1767 г. в трудах Большого экономического общества (часть VII) сообщалось, что в Переяславль-Рязанской провинции коз «держат немного». В 1860 г. из 12 уездов Рязанской губернии в 5 уездах вовсе не было коз, а на весь Спасский уезд насчитывалось 45 штук (Материалы для географии и статистики России, 1867, Рязанская губерния, стр. 225).

го раз (рис. 129, 1—3). Их длина от 22 до 13,2 см. Эти ножницы (так называемые «овечьи»), конечно, употреблялись в древности не только для стрижки овец, а и для других целей, они существовали наряду с шарнирными ножницами современного типа (рис. 129, 4).

Примитивность типов домашних животных Старой Рязани не является чем-то характерным только для данного города,— это общее для всех древнерусских городов явление. В течение XI—XIII вв. мы не наблюдаем ни улучшения породы, ни изменения состава стада. Сравнительно с более ранними эпохами (городецко-дьяковской культуры) состав стада изменился, но породы скота улучшились незначительно. Вопрос об улучшении породы (селекции) и условий содержания скота еще не возникал. Некоторая разница в качестве скота, скажем, новгородского и рязанского (последний крупнее) явилась следствием исторически сложившихся условий его содержания. Расчистка значительных участков под пахоту улучшала условия содержания скота в Рязани и приводила к улучшению его породы сравнительно с Новгородом.

Некоторые успехи в развитии сельского хозяйства Рязанской земли, достигнутые еще в домонгольскую эпоху, были закреплены в последующее время, и это позволяло характеризовать Рязанскую землю как одну из плодороднейших русских областей. Таково единодушное заключение всех иностранцев, побывавших в России в XVII в. Расцвет Рязани в XIV—XVII вв. является следствием активного освоения земель еще в XI—XIII вв.

В раскопках Старой Рязани 1926 и 1946—1950 гг. найдены кости 13 видов диких млекопитающих — волка, медведя, лисицы, куницы, лося, оленя, косули, бобра, хомяка, кабана, зайца, белки, сайги. Большинство упомянутых видов и ныне встречается в Рязанской области. Некоторые же полностью исчезли. Сайга, конечно, в Рязани не водилась. Это обитатель степной полосы, и костный стержень рога, найденный в раскопках, был завезен из южных степных областей страны¹².

¹² К таким же случайным находкам, не имеющим отношения к хозяйству Рязани, относится череп верблюда (раскопки 1888 г.). Повидимому, верблюд попал в Рязань вместе с завоевателями-татарами, так как его череп найден среди 25 человеческих че-

Количество костей диких животных в материалах из Старой Рязани относительно невелико — 5,3% от общего числа по данным Цалкина или 6,3% по данным Боголюбского. Еще раз нужно напомнить, что здесь представлены главным образом животные, добывавшиеся преимущественно ради мяса (лось, кабан, косуля). Большую роль в хозяйстве Старой Рязани играла охота на лосей, во множестве водившихся в лесах по берегам Оки и широко употреблявшихся в пищу.

Животные, добывавшиеся ради пушнины, на городище почти не попадали, хотя охота на них и была широко распространена.

Соотношение между отдельными видами диких животных по данным В. И. Цалкина составляет (в %):

Лось	68,5
Бобр	12,8
Медведь	7,7
Кабан	5,3 ¹³
Косуля	2,7
Прочие	3

Кости диких птиц не определены.

Среди домашней птицы найдены кости гусей, уток и в наибольшем количестве кур.

Охота отражена в раскопках не только находками костей промысловых животных, но и стрел. В общей массе стрел, найденных в Старой Рязани, большая часть может быть отнесена в равной степени к боевым и к охотниччьим. Некоторые стрелы были специального назначения. Так, например, для охоты на белку и на других мелких пушных зверей служили костяные втульчатые с тупым краем (чтобы не портить шкурки) стрелы. Для охоты на птицу служили вильчатые стрелы¹⁴.

Рыбная ловля играла заметную роль в Рязанской земле. Обилие рек, богатых ры

репов жертвы батыева погрома (ТРУАК, т. V, вып. 3). Однако не исключена возможность, что в данном случае верблюд был трофеем, взятым рязанцами при столкновениях с кочевниками. Так, например, в 1095 г. Святополк и Владимир взяли у половцев «скоты и коне и вельблуды» (Лаврентьевская летопись. Л., 1926, стр. 228).

¹³ В раскопках 1926 г. кабаны не найдены. В 1902 г. были найдены кости, челюсти и клыки кабана (В. Крейтон. Дневник раскопок... ТРУАК, т. XVIII, стр. 202).

¹⁴ Нидерле не признает специального назначения этих стрел и считает их заимствованными с Востока и распространившимися у славян в X в. (L. Niedegele. Rukovět siovanské archeologie. Praha, 1931, стр. 158).

бой, еще в глубокой древности способствовало развитию рыболовства, служившего и в X—XIII вв. важным вспомогательным промыслом, доступным для каждого хозяйства. Орудия рыболовства — крючки, грузила от

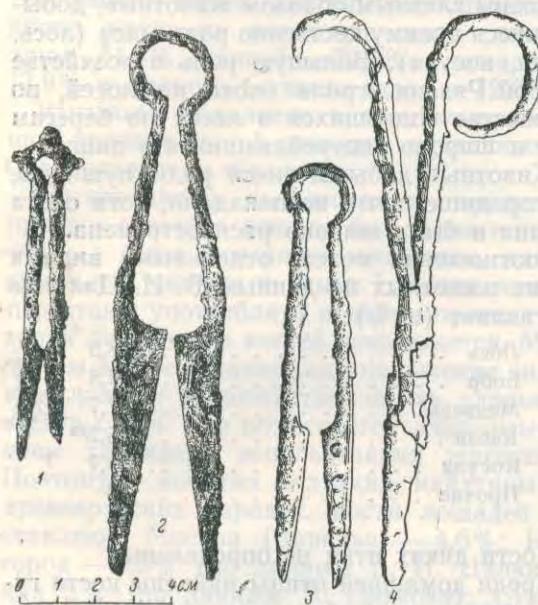

Рис. 129. Ножницы
1—3 — «овчий», 4—шарнирные.

неводов — найдены почти во всех жилищах Старой Рязани. Грузила — глиняные и каменные, по форме — цилиндрические, яйцевидные и шаровидные. Крючки — железные кованые, очень редко из тянутой проволоки, от 8 до 2,1 см длиной и 0,5—0,2 см в сечении. Форма крючков однообразна и подобна современным.

Вероятно, кроме крючных снастей, сетей и неводов, добыча рыбы производилась также различными ловушками типа верш и колющими орудиями. Наличие верш по археологическим материалам установить невозможно, так как дерево в культурном слое Старой Рязани не сохраняется, и здесь приходится ограничиться лишь предположениями. Что же касается колющих орудий, то единственной находкой является костяной гарпун, обнаруженный в древнем культурном слое на городище, но неизвестно, к какой исторической эпохе он относится.

В подпольных ямах нескольких жилищ обнаружены горшки с рыбьей чешуей, а в кухонных остатках часто попадались кости рыбы. Определение костей и чешуи рыб из раскопок 1946—1950 гг. было произведено В. Д. Лебедевым (лаборатория ихтиологии МГУ). Он пришел к выводу, что видовой состав промысловых рыб из Старой Рязани не отличался от современного, за исключением осетра. Осетр в настоящее время в районе Старой Рязани не встречается, но еще в начале XVI в. осетры добывались в Оке близ Мурома. Основными промысловыми рыбами Старой Рязани были: лещ, карась, стерлядь, щука, окунь, сом; второстепенными и случайными: осетр, плотва, голавль, язь, жерех, линь, судак, налим. Лов рыбы производился в Оке, но, возможно, частично захватывались придаточные водоемы — старицы и пойменные озера.

Наряду с жилищами, для обитателей которых занятие рыболовством являлось вспомогательным промыслом, обнаружены жилища, в которых, судя по скоплению рыбьей чешуи и орудий труда, жили профессионалы-рыболовы. Таковы жилища № 2, 5 и 15 (раскопки 1926 г.). Повидимому, жилищем рыбака или торговца рыбой была и полуземлянка, в которой найдены в громадном количестве позвонки рыб и «скопление рыбьей чешуи слоем в три штыка лопаты»¹⁵.

Известно значение и распространение в древней Руси бортничества. Археологическим признаком этого промысла являются так называемые древолазные шипы, найденные в Старой Рязани, Пронске, Толпине. В муромской легенде о Петре и Февронии и в житии св. Константина упоминается о распространении бортничества как важного промысла в Муромо-Рязанской земле. В жалованной грамоте Олега Ольгову монастырю специально упоминаются бортные земли.

Охота, рыболовство, бортничество, которые в Старой Рязани в той или иной мере отражены в археологических материалах, доставляли жителям города лишь дополнительные продукты питания. Основными же отраслями сельского хозяйства являлись земледелие и скотоводство.

¹⁵ В. Крейтон. Дневник раскопок... ТРУАК, т. XVII, стр. 203.

один из них изображает лапти на ногах. Наиболее ярко эта деталь выражена в костюме Борисоглебского монастыря. Многие археологические находки дают нам возможность увидеть сущность этого стилефера. На рисунке № 1 изображены лапти из

засечного вышивания (рис. 131). Так вот изображение золотой обивки обуви со звездами и крестами. Стремянка изображена в виде креста с кистями. Кисти изображены в виде кружевных складок. Кресты изображены в виде кружевных складок. Кресты изображены в виде кружевных складок.

IX. ПРЕДМЕТЫ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА. ОРУЖИЕ. ГРАМОТНОСТЬ. ВЕРОВАНИЯ

1

Быт населения Старой Рязани, конечно, нельзя исчерпывающе осветить на основании археологических данных; выявлены могут быть лишь его отдельные элементы. Одни из них описаны выше (жилище, керамика), другим — посвящена настоящая глава.

Представление об одежде и обуви населения древней Руси можно получить главным образом в результате раскопок могильников. В культурном слое города обычно находят только украшения. Но и могильники дают лишь фрагменты одежды и обуви, так как ткани и кожа, как правило, очень плохо сохраняются в земле.

Так, на сотни погребений, открытых в Старой Рязани, лишь в одном погребении XIII в., у западного притвора Борисоглебской церкви, была найдена хорошо сохранившаяся обувь (рис. 130), похожая на нынешние невысокие башмаки. Они сшиты из цельных кусков кожи, охватывающих верхнюю часть ступни и пятку. Швы на боковых сторонах находятся на расстоянии 6—7 см от конца пятки; над подъемом сделан продольный вырез в виде ромба длиною 7—8 см (по большой диагонали). На высоте щиколотки башмак стягивался узким шнурком или ремешком, продевавшимся в небольшие сквозные прорезы, идущие вокруг верхней части башмака с наклоном к пятке. Кожа, из которой сделан верх башмаков, напоминает шагрень. Очень тонкие подошвы из сложенных вдвое кусков кожи пришиты нитками. Ни каблучков, ни набоек нет. Этот тип обуви широко распространен в городах XI—XIII вв.¹.

¹ Сходная обувь найдена при раскопках кургана на территории мужского монастыря в Пронске.

О большом распространении лаптей говорят многочисленные находки кочедыков.

Об одежде по раскопкам судить еще труднее, чем об обуви. Мы можем говорить лишь о тканях, из которых была сшита одежда. Фрагменты роскошных привозных тканей были открыты Тихомировым в княжеских погребениях в притворах Борисоглебского собора (рис. 131)². На кладбище раскопа № 1 (1946 г.) у шейных позвонков скелета в погребении № 3 найдены фрагменты зеленой шелковой ткани с золотым шитьем

А. Черепнин и И. Проходцев. Дневник раскопок пронских курганов. ТРУАК, т. XIII. Рязань, 1899, стр. 57.

² В находившейся в северо-западном углу собора гробнице, высеченной из целого камня, среди множества человеческих костей (в гробнице обнаружено 10 черепов) были найдены остатки богатой одежды, перечисленные в отчете Д. Тихомирова: 1) сквозная шелковая материя, с шахматным узором, светлокоричневая; 2) золотая парча с зелеными узорами разных видов; 3) парча сквозная темно желтая; 4) шелковая вязаная материя; 5) два шелковых косника, или плетеницы, в виде женских кос; 6) плетенные узорчатые петлицы; 7) кожаный верх сапогов или туфлей краснокоричневый, шитый шелками разными узорами; 8) шелковая плетеница, обшитая золотым позументом; 9) тканая шелковая дымка, обвитая золотом; 10) шелковая дымчатая сквозная ткань с узорами; 11) золотая узорчатая камка; 12) остатки шелкового чулка; 13) шелковая материя темно желтая; 14) такая же материя темнорозовая; 15) материя мелкими складками шелковая; 16) лоскут шелковой материи, похожий на атлас; 17) кожаная туфля, выкроенная из целого лоскута однослоиного; 18) несколько мелких кусков золотых позументов; 19) множество кожаных лоскутов, вероятно, остатки обуви (Д. Тихомиров. Ук. соч., стр. 10—11 и 29—30). В других каменных и деревянных гробницах также найдены ткани. Особенно интересны ткани, найденные в деревянных гробах у северной стены собора. Д. Тихомиров сообщает, что в четырех гробах находился прах, «покрытый места-

(рис. 132, 1, 2). Растительный орнамент вышит по краю, по краю же пришиты три маленькие медные пуговицы. Очевидно, это застежка ворота. Под шитьем была прокладка из бересты (повидимому, чтобы шитье не

шило медные бляшки. В раскопе № 5 найдены остатки шелковой ткани с золотым шитьем, одна саржевого переплетения, другая — тафта, ткань с прямым граденаплевым или полотняным переплетением³. На фрагменте

Рис. 130.

1 — фрагменты обуви, найденной в погребении XIII в.; 2 — реставрация той же обуви

коробилось при стягивании ткани). На правой ключице того же скелета найдены фрагменты расшитой шелковыми нитками ткани, утратившей свой первоначальный цвет.

На других скелетах найдены фрагменты шерстяной ткани (погребения № 5 и 6), на которую были нашиты две круглые неболь-

ши: то истлевшее парчею и позументом, то золотою сеткою и другими примечательными тканями, изображающими по шелку золотом: драконов, страусов, крокодилов, грифов и прочих мифов. Сверх того золотая повязка, перевитая мелкими выпуклостями, и лоскут парчи, с изображением, кажется, нерукотворенного образа св. Спаса» (стр. 14—15). На рисунке, приложенном к книжке Д. Тихомирова, изображено только 10 фрагментов ткани, а в примечании автора сказано: «Все прочие предметы такого рода, найденные как во время открытий, так и после снятия прилагаемых рисунков, остались в неизвестности, по неимению в здешнем городе рисовальщика» (Ук. соч., стр. 51).

тканой золотой тесьмы (сатинового переплетения) изображены две птицы. Они стоят по сторонам дерева, их хвосты обращены к дереву; к нему же повернуты и головы птиц (рис. 132, 3). На фрагменте ткани вышит шелком орнамент в виде овального цветка, в центре окруженного как бы венцом из зубчатых листьев. По краю нашита золотая тесьма, представляющая собой шелковую основу, затканную золотой нитью геометрическим узором — остроконечными зигзагами. На одном из фрагментов изображены шитые шелком и золотом стилизованные цветы на ползучем стебле. Цветы подобны чашечкам тюльпанов (рис. 132, 1). Ткани датируются XII в.

³ Л. И. Якунина. Фрагменты тканей из Старой Рязани. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 126—127.

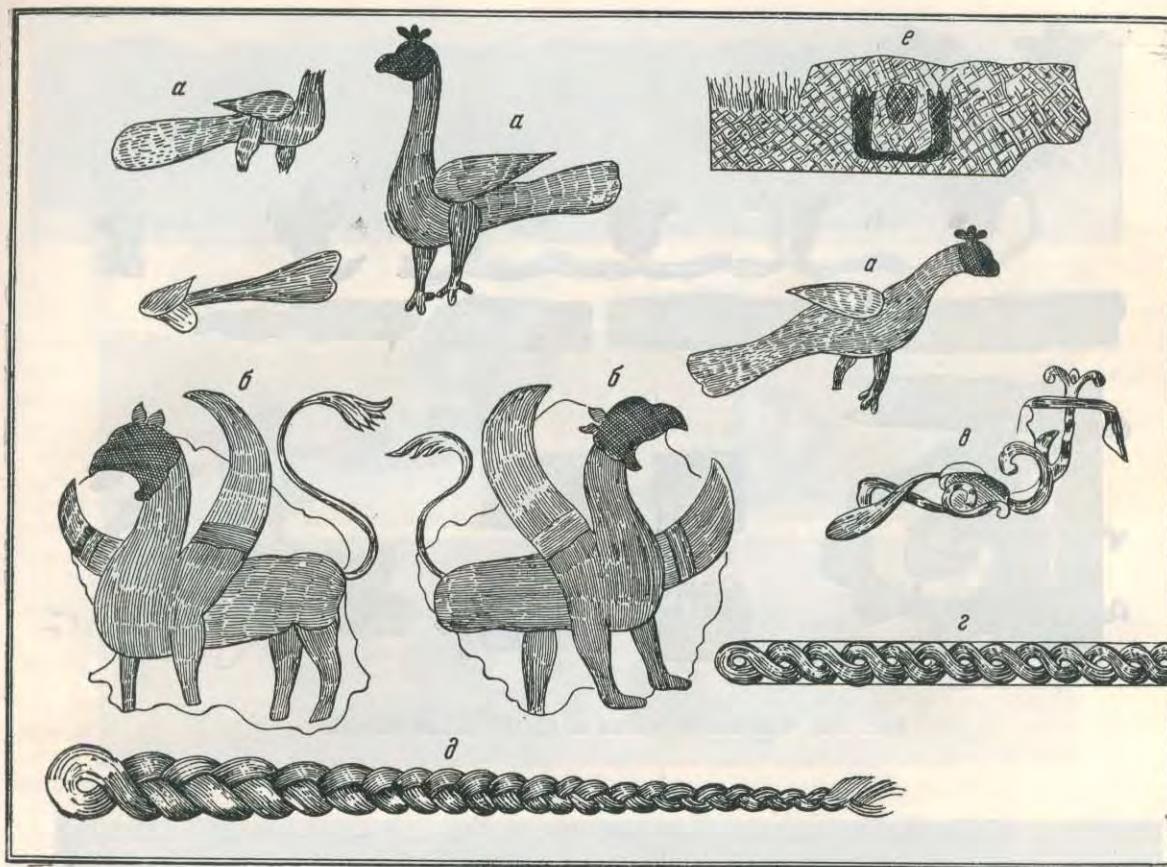

Рис. 131. Рисунки на тканях, найденных во время раскопок Борисоглебского собора в 1836 г.
(Из книжки Д. Тихомирова. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани,
М. 1844, рис. V)

a — шитые золотом по шелку птицы; *б* — тканые золотом по шелку грифоны; *в* — тканый золотом по шелку орнамент;
г — золотая повязка; *д* — шелковое плетение в виде косы, *е* — лоскут парчи с изображением Спаса

На кладбище, возникшем в начале XIII в. на Северном городище, найдены в 1948 г. фрагменты ткани с шитьем золотой и шелковой ниткой на лубяной основе. Один из фрагментов тесьмы, расшитый спиральами, представлял собой аппликацию шелковой ткани на ткани саржевого переплетения (рис. 133). На другом обрывке ткани вышиты лунницы. По краю ткани идут зубчики, обшищие золотой нитью (рис. 134). Обрывки тканей с пуговицами, изображенные на рис. 134, повидимому, являются частью ворота.

В раскопках 1926 г. В. А. Городцовым были найдены плетеные кружева со слож-

ным растительным орнаментом (рис. 135)⁴.

Имеются сообщения о находке шелковых и шерстяных тканей и в других раскопках.

Льняные ткани, повидимому, самые распространенные в древней Руси, почти не дошли до нас, ввиду того что они хуже сохраняются, чем шерсть и шелк. В большинстве случаев одежда шилась из домотканой материи. По крайней мере прядение ниток производилось в каждом жилище на прядках с ручным веретеном. Об этом свидетельствуют постоянные находки каменных или глиняных

⁴ 1-я траншея, погребение № 2, ГИМ.

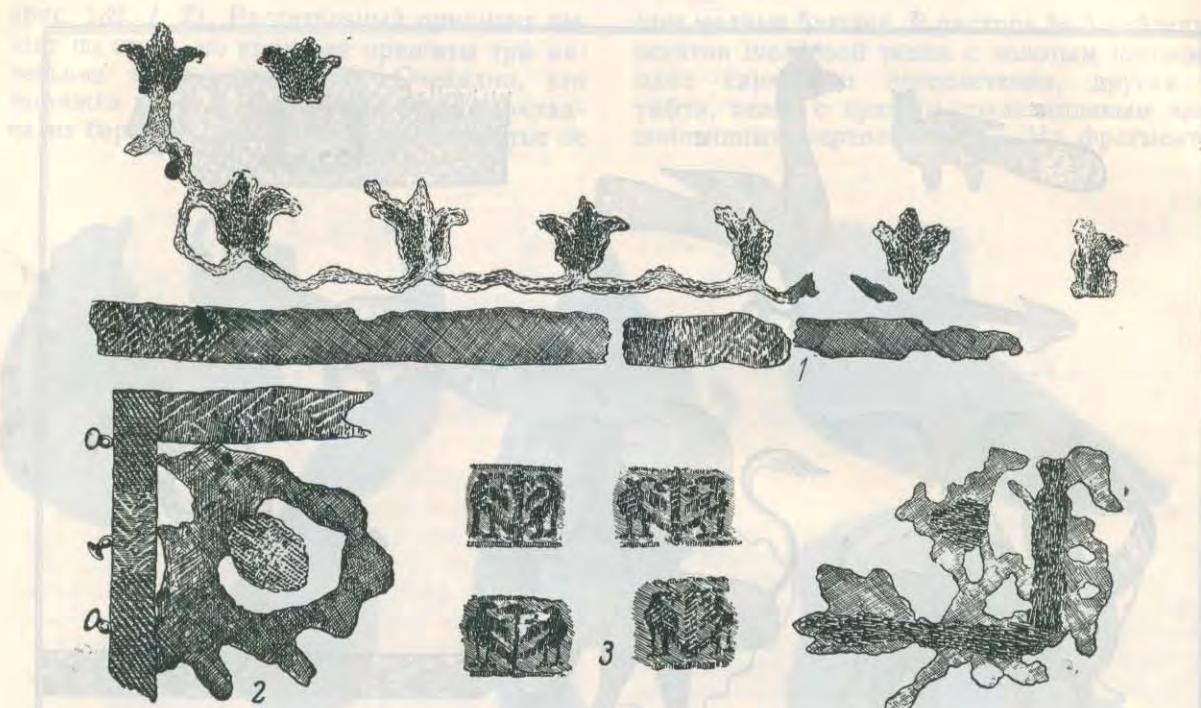

Рис. 132. Фрагменты шитья металлическими нитками

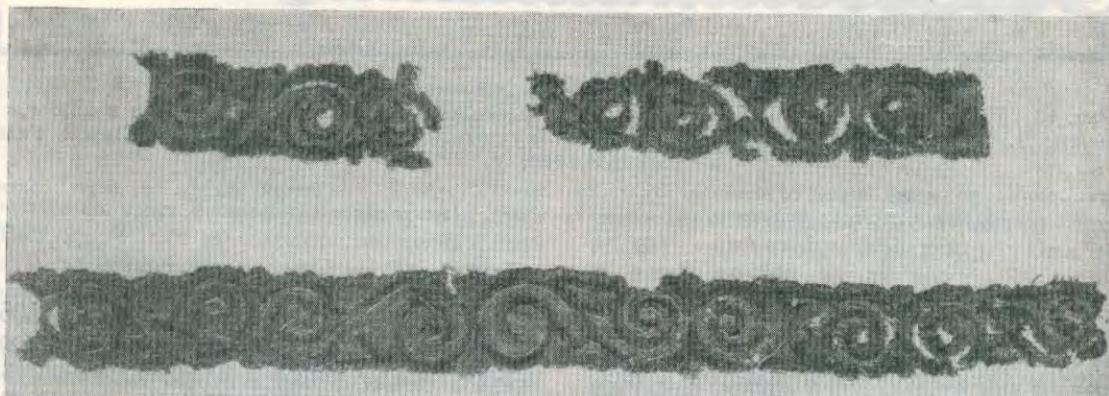

Рис. 133. Фрагменты шитья металлическими нитками

пряслиц — маленьких маховиков, утяжелявших веретено.

Частой находкой являются трубочки из костей животных с 2—3 дырочками сбоку (рис. 141, 3)⁵. Обычно предполагали, что

⁵ В 1926 г. в Старой Рязани найдено 4 таких трубочки; в 1948—1950 гг.—еще 5.

это свистульки и что боковые отверстия являются ладами. Однако тщетна была бы попытка извлечь звук из такой «дудочки». Специалисты-музыканты не признают ее ни самостоятельным музыкальным инструментом, ни частью какого-либо сложного инструмента. По предположению В. А. Рыбакова,

Рис. 134. Фрагменты шитья металлическими нитками (вверху фотографии, внизу прориси).

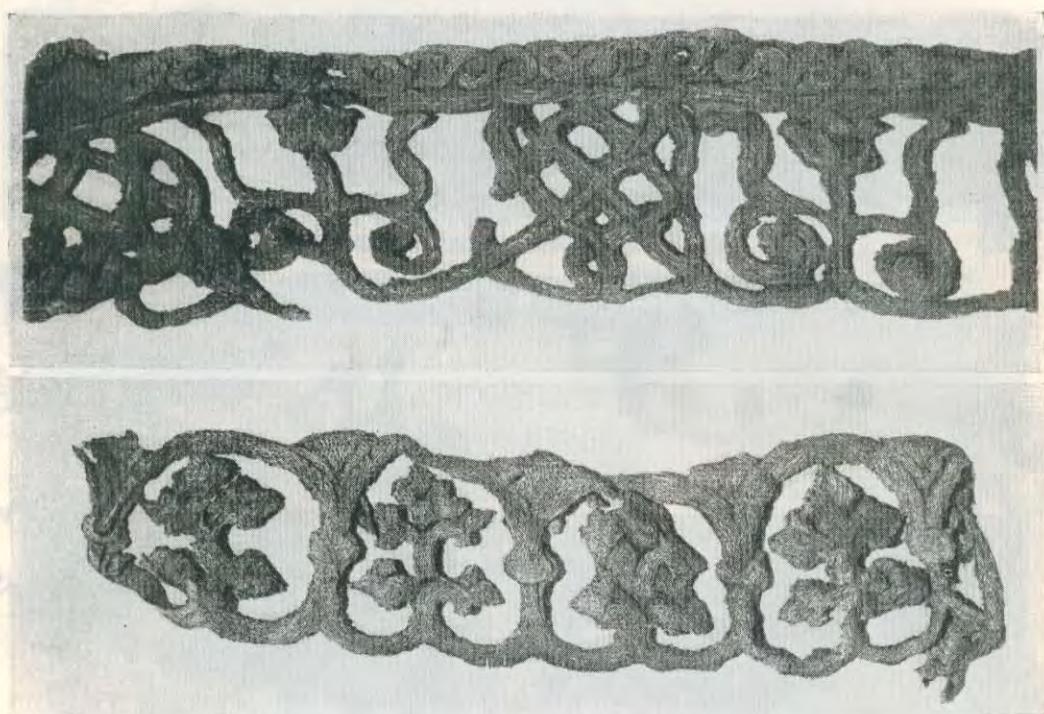

Рис. 135. Плетеное кружево

подобные трубочки служили для ссучивания нитей и использовались при домашнем изготовлении тканей. Это предположение тем более вероятно, что на боковых отверстиях в некоторых случаях видны потертости от протягивания нитей. Д. Н. Эдинг и некоторые другие археологи считали подобные трубочки игольниками⁶.

В жилищах Старой Рязани и Пронска найдено несколько железных и костяных игл и костяные игольники.

О покрове одежды судить очень трудно. Можно лишь предполагать, что некоторые типы одежды, наблюдаемые ныне этнографами, восходят к очень древним временам.

Так, шушки, синюшки, нагрудники, подвески на поясах, паневы, общие как для жителей рязанской деревни XIX в., так и для племен мари, мордвы-эрзи и мокши, связанны, повидимому, с древними взаимовлияниями⁷. К еще более древнему времени

должно быть отнесено появление и у русских и у восточно-чудских племен шушпана, происходящего из туникообразной рубашки.

Благодаря раскопкам, до нас дошли некоторые детали древнего наряда — застежки, пряжки от поясов, украшения.

Из украшений наиболее распространены были стеклянные браслеты, всего найдено 995 (большей частью обломков, целые встречались очень редко). Установить какую-либо закономерность в развитии типов браслетов или изменении их расцветки не удалось. Большая часть найденных браслетов — круглые в сечении, очень редко встречаются четырехгранные (менее 1%). Круглые браслеты делятся на гладкие (21,3%), витые, со спиральными каннелюрами, полученными от скручивания разогретого стеклянного жгута (75,2%), и рифленые, с продольными каннелюрами (2,7%). Расцветка браслетов весьма разнообразна и

⁶ Д. Н. Эдинг. Сарское городище. Ростов, 1928, табл. IV, рис. 7.

⁷ А. М. Постников. Прогулка по Спасскому

уезду (1921 г.). НАРМ, № 59; Н. И. Лебедева. Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Труды общества исследователей Рязанского края, вып. XVIII, 1929.

Расцветка браслетов	Типы браслетов				Всего
	витые	гладкие	рифленые	четырех гранные	
Синие	103	26	7	1	137
Белые	36	—	1	—	37
Зеленые	87	20	4	1	112
Желтые	24	12	1	—	37
Голубые	43	15	2	—	60
Коричневые	13	—	—	—	13
Черные	69	16	3	1	89
Фиолетовые	16	8	—	—	24
Синие с желтой оплёткой	4	—	—	1	5
Серые с желтой и красной оплёткой	5	—	—	—	5
Зеленые с черной оплёткой	1	—	—	—	1
Зеленые с желтой оплёткой	5	2	—	—	7
Зеленые с желтой и красной оплёткой	1	—	—	—	1
Черные с желтой оплёткой	22	9	—	—	31
Желтые с белой оплёткой	4	—	—	—	4
Голубые с коричневой оплёткой	4	2	—	—	6
Коричневые с белой оплёткой	7	—	—	—	7
Розовые с желтой оплёткой	2	—	—	—	2
Черные с белыми продольными прожилками	—	3	—	—	3
Неопределенного цвета	72	34	1	—	107
	518	147	19	4	688

в общем не составляет существенной разницы между витыми и гладкими. Больше всего браслетов синих, зеленых и черных.

Распределение стеклянных браслетов из раскопок 1946—1950 гг. по расцветке и типам приведено в следующей таблице.

Как видно из таблицы, реже встречаются браслеты одного цвета с оплёткой из стеклянной нити другого цвета, например черные с желтой или голубые с коричневой. Эта ка-

тегория браслетов, повидимому, распространилась позже одноцветных. Так как стекло от долгого лежания в земле расслаивается и теряет свой первоначальный цвет, то окраску некоторых браслетов нельзя определить. Быть может, эти браслеты были вообще неокрашены. Диаметр браслетов и толщина их очень разнообразны. Часть предназначалась для рук девочек — они малы и тонки, часть — более массивных.

Редко встречаются стеклянные перстеньки. Всего в Старой Рязани найдено 14 перстеньков желтого, зеленого, голубого и фиолетового цветов.

Среди бус (рис. 136) больше всего (135 из 238) стеклянных. Их расцветка и формы приведены в таблице на стр. 176. Кроме стеклянных, найдены также бусы из горного хрусталя, сердоликовые, янтарные, костяные, глиняные, шиферные, каменные и из рыбьих позвонков.

Медные перстни найдены следующих типов: витые тройные (рис. 137, 12), пластинчатые, с шариком в центре (рис. 137, 5), рубчатые (рис. 137, 6). Много решетчатых перстней, характерных для вятичей XII—XIV вв. (рис. 137, 9). Все пластинчатые перстни покрыты узором, большей частью чеканным. Есть литые серебряные перстни витые и печатные (рис. 137, 7, 8). На одном массивном серебряном перстне сделан высокий с зубчиками квадратный выступ, украшенный эмалью.

Металлические браслеты делятся на медные литые тройные, витые завязанные круглопроволочные, разомкнутые (рис. 137, 18). пластинчатые загнутоконечные (рис. 137, 17), пластинчатые тупоконечные (рис. 137, 16)⁸.

Особо отметим плетеный из многих тонких проволок браслет с гнездами для вставки цветных стеклянных украшений по краям (рис. 137, 2). Интересен литой рубчатый (подражавший витому) браслет с надетыми на него шестью рубчатыми же колечками (рис. 137, 3).

Среди найденных медных и бронзовых разнообразных привесок следует прежде всего выделить серию лунниц (рис. 138, 17, 18). Эти украшения с насечками, зернью, эмалью встречаются от самых маленьких до подвесок значительных размеров. Из последних

⁸ Классификация по А. В. Арциховскому (Курганы вятичей, стр. 9—25).

Материал и расцветка бус	Форма бус						Всего
	шаровидн.	кольце-видная	бонко-образная	биноки-ческая	цилин-дрическая	рыбь-видная	
1. Стеклянные							
Белые	9	1	2	1	—	—	13
Желтые	9	4	—	—	—	—	13
Зеленые	4	—	—	1	—	—	5
Голубые	1	—	—	—	2	—	3
Красные	2	—	—	—	—	—	2
Синие	8	3	3	—	2	5	21
Коричневые . . .	1	—	1	—	—	—	2
Позолоченные . .	—	1	22	—	2	—	25
Посеребренные	—	—	4	—	—	—	4
Коричневые с белым глазком . .	2	—	1	—	—	—	3
Синие с белым глазком	3	—	—	—	—	—	3
Черные с синим глазком на белом фоне . . .	1	—	—	—	—	—	1
Зеленые с темным глазком	1	—	—	—	—	—	1
Розовые с желтыми разводами	1	—	—	—	—	—	1
Красные с белым и черным муаровым орнаментом	—	—	2	—	—	—	2
Черные с белым муаровым орнаментом	—	—	2	—	—	—	2
Желтые с черным зигзагом	—	—	—	1	—	—	1
Неопределенного цвета	23	—	10	—	—	—	33
	65	9	47	3	6	5	135
	овальн. бипир.						
2. Из горного хрустя	18	—	1	1	—	1	21
3. Сердоликовые . .	2	—	—	—	—	9	11
4. Каменные	—	—	—	—	4	—	4
5. Янтарные	9	—	2	—	—	2	13
6. Костяные	—	7	—	—	—	—	7
7. Глиняные	4	—	—	—	—	—	4
8. Шиферные	—	—	1	—	—	—	1
9. Из рыбных позонков	42	—	—	—	—	—	42
	Всего . .	—	—	—	—	—	238

следует отметить массивную лунницу с подвешенной на проволочке посередине звездочной (рис. 138, 13). Они напоминают собой шумящие привески.

Найдены штампованные медные монето-видные привески, круглые решетчатые (рис. 138, 5), распространенные на севере в XIII в.⁹, подвески с орнаментом в виде арабесок (рис. 138, 2, 7)¹⁰, бронзовые литые, орнаментированные по кругу, с поясом из крупных шариков (рис. 138, 26), лилиевидные (рис. 138, 8) и др. Встречаются подвески-иконки с изображением архангела (из раскопок Селиванова; рис. 138, 1), с изображением Георгия Победоносца — всадника, поражающего дракона (рис. 138, 12), и др. На одной из подвесок изображено человеческое лицо (рис. 139, 5)¹¹. Подвеска в виде миниатюрной боевой секиры найдена в раскопках В. А. Городцова¹². Подобные подвески, часто находимые при раскопках городищ Киевской Руси, вероятно, служили амулетами¹³. Амулетом был, вероятно, и бронзовый миниатюрный кинжалчик, найденный в западном притворе Борисоглебского собора (139, 7)¹⁴.

Найдено много лировидных застежек-пряжек (рис. 138, 14 и 139, 12), широко распространенных в восточноевропейских древностях XI—XIII вв.¹⁵, и пряжек с кольцами. К поясным наборам относится значительная

⁹ П. Н. Третьяков. Костромские курганы, табл. III, рис. 6; А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии. МАР, № 20. СПб., 1896, табл. V, рис. 24, табл. VI, рис. 10.

¹⁰ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15. СПб., 1905, стр. 141, № 174. Подобные украшения найдены в седневских, смоленских и тверских курганах.

¹¹ Раскопки Старой Рязани, 1926 г. Коллекция ГИМ, планшет 17, инв. № 58603.

¹² Коллекция ГИМ, инв. № 313/138.

¹³ Изданы Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, табл. 17, № 363—365.

¹⁴ Подобные широко распространены (см. Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып. V, табл. 17, № 360 и 362; М. К. Каргер. Памятники Переяславского зодчества XI—XVII вв. СА, т. XV, 1951, стр. 61, рис. 10, 4).

¹⁵ Так называемые «лировидные пряжки», состоящие из четырехугольной рамки, отлитой вместе с кольцом или полукольцом, появились в начале или в середине XI в. Встречаются во всей Восточной Европе. Несмотря на обилие и разнообразие типов, по этническим или хронологическим признакам не разделены (см. Н. Слеве. Jüngereisenzeitliche Fun-

Рис. 136. Бусы

Рис. 137.

1—3, 16—19 — браслеты; 4—13 — перстни; 14 — пряжка в виде крестика, украшенная перегородчатой эмалью; 15 — пряжка с золотой насечкой

Рис. 138.

1, 10—12, 16, 20 — медные иконки — подвески; 2—9, 19, 21, 26 — подвески; 13, 17, 18 — лунницы; 14 — пряжка; 15, 22 — поясные бляшки; 23 — крестик для крещения; 24 — книжная застежка; 25 — накладка на книжный переплет

Рис. 139.

1, 4, 13 — накладки для поясных наборов; 2, 8, 16, 17 — книжные застежки; 3, 5 — подвески;
6 — матрица; 7 — амулет; 9—11 — кресты крещения; 12, 14 — пряжки; 15 — бубенчик

часть медных литых и штампованных накла-

de von der Insel Berezan. ESA, IV, 1929, стр. 250—262). Большинство лировидных пряжек найдено в славянских землях. Тип пряжки, изображенной на рис. 135, 12, распространен главным образом в восточнославянских землях и в Волжской Болгарии. Наибольшее количество находок сделано в районе Киева, повидимому, здесь было место производства этого типа пряжек.

док, имеющих с обратной стороны один или несколько шпеньков для прикрепления к коже (рис. 138, 15, 22; 139, 4, 13).

Среди предметов женского убора следует отметить большие металлические булавки, иногда украшенные эмалью (рис. 118, 9 и 140). Г. Ф. Корзухина считает их булавками для головного убора. Возможно, что их применяли для закалывания плаща.

2

Отметим те бытовые находки, которые не вошли в другие разделы работы.

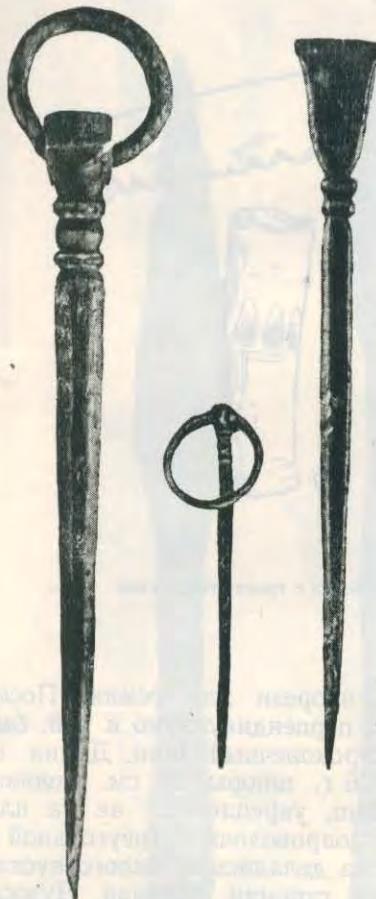

Рис. 140. Булавки

Огнив найдено множество. Обычно они калачевидной формы, реже встречаются овальные или прямоугольные¹⁶.

Светильники обнаружены глиняные в виде плоской чаши на высокой полой ножке (см. рис. 93) и металлические в виде брон-

¹⁶ Калачевидное огниво с XI в. распространено у славян. Подобные не исчезли до наших дней. В 1918 г. Зеленин видел, как они употреблялись (D. Zelenin. Ostslavische Volkskunde, 1927, стр. 96).

зового треножника¹⁷. Лучины закреплялись в светцах. Светец обычно представляет собой металлический стержень, один конец которого заострен (для забивания в дерево), другой разведен или имеет форму вилки, между зубьями которой закреплялась лучина.

Следует отметить костяные уховертки (одна из них подобна уховерткам из Сарского городища)¹⁸ и костяные счетные бирки.

Одна из таких бирок, найденная на Северном городище в слое XII в. (рис. 141, 1), представляет собой кусок ребра овцы или коровы, на вогнутой стороне которого сделаны зарубки. Концы ребра обрезаны. На одном конце находится сквозное отверстие для подвешивания бирки. На бирке всего 34 зарубки, первые 10 зарубок отделены насечкой.

К массовым находкам относятся костяные (или роговые) гребни. Обычно они трапециевидные, двусторонние, изготовленные из целого рога (см. рис. 95, 4; 97, 15, 17). Реже — прямоугольные с роговой накладкой посередине на медных заклепках (см. рис. 95, 1). В большинстве случаев средняя часть гребня снабжена глазковым или городчатым орнаментом (см. рис. 97, 15, 16). Так же орнаментированы и костяные рукоятки ножей (см. рис. 97, 3, 4).

Среди костяных поделок очень интересна найденная в 1946 г. накладка на книжный переплет (см. главу VI, рис. 98), а также полые короткие, в форме птичьих головок, рукоятки плетей, имитирующие иногда какое-то животное (см. рис. 97, 11; 141, 2)¹⁹.

Детские игрушки представлены изделиями из кости и обожженной глины. Найдено несколько жужжалок из астрагалов овцы, коровы и из пястных костей свиньи. Они имеют по два просверленных отверстия. Ко-

¹⁷ Раскопки в Старой Рязани 1926 г. Коллекция ГИМ, инв. № 313/136 в; высота подсвечников 12 см.

¹⁸ Д. Н. Эдинг. Ук. соч., табл. IV, 1, 2, 3, 4, 5.

¹⁹ Две такие рукоятки найдены в 1948 и 1950 гг. (одна из них хранится в коллекции Спасского музея). Подобные им известны в восточной и южной России, где они попадаются вместе с древностями XIII—XIV вв. А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоухова. МАР, № 26. СПб., 1902, табл. XX, 1 и 7; Н. И. Булычев. Древности из Восточной России. М., 1902, табл. VII, рис. 6; А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 123.

ровые, лошадиные и овечьи астрагалы, повидимому, использовались для игры в «бабки». Найдено 14 так называемых «хлебцев» — глиняных лепешек с нарезным или точечным орнаментом наверху (см. рис. 89). В жилых

зом у рукояти (для облегчения веса; см. рис. 72, 1, 4).

Шпоры найдены в обломках. Они состояли из пластины полуовальной формы, на концах которой сделаны были продолговатые

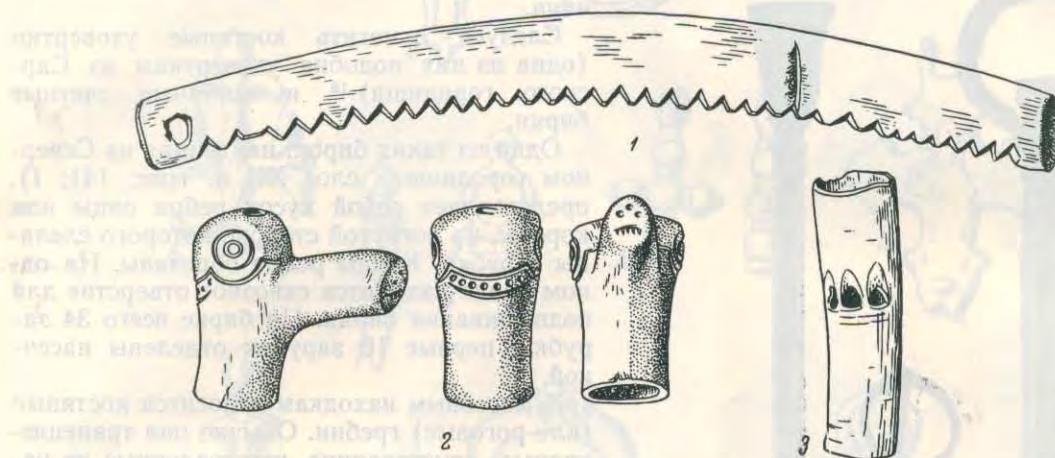

Рис. 141.

1 — счетная бирка; 2 — рукоять плети; 3 — костяная трубочка с тремя отверстиями

слоях найдены каменные и глиняные, покрытые глазурью, яйца, маленькие глиняные сосудики, глиняные свистульки в виде животных и др.

Скажем несколько слов о предметах военного быта, найденных в Старой Рязани. Часть из них, возможно, применялась и на охоте.

На Старорязанском городище найдено четыре наконечника копья. Все они лавролистной формы («пламевидные») и имеют трубчатую втулку для насаждения на древко (рис. 142). Длина наконечников 19—21 см, длина лезвия 10—11 см, втулки 9—10 см.

У некоторых наконечников шиловидное (четырехгренное с острым колющим концом) лезвие и конусовидная втулка. Копья с подобными наконечниками (сулицы) предназначались для пробивания кольчуг.

В Старой Рязани найдено семь боевых топоров с широким лезвием, с глубоким выре-

сквозные прорези для ремня. Посередине пластины, перпендикулярно к ней, был приделан остроконечный шип. Длина найденной в 1926 г. шпоры 14 см. Селивановым найден шип, укрепленный не на пластине, а на круглопроволочной треугольной шпоре.

Стремена делались из целого куска железа. Форма стремян арочная. Дужка была выкована из плоского куска железа и имела вверху продолговатый выступ, в котором находилась прорезь для ремня. Нижняя часть, предназначенная для ступни, представляла собой пластинку овальной формы, широкую посередине. Высота стремени 15 см.

Конские удила состояли из двух соединенных петлями стержней и двух подвижных колец по краям. Длина удил 18 см. Диаметр колец 2,5 см.

Среди найденных наконечников стрел значительную часть составляют бронебойные трех- и четырехгранные (пирамидальные), предназначавшиеся для пробивания кольчуг, шлемов, щитов и т. п., т. е. против воинов в доспехах (рис. 143, 6, 7, 14).

Три стрелы из слоя X в. были трехлопаст-

ными с утолщенным острием (рис. 143а, 32). Многочисленную группу составляли наконечники ланцетовидной формы, почти все они имели длинный шиловидный черенок (рис. 143, 1, 8, 9, 11). Между черенком и лез-

вактерны для юго-западных областей Киевской Руси X—XII вв. и для западноевропейских стран. Они применялись главным образом против воинов, не защищенных доспехами, а также на охоте.

Рис. 142. Копья

вием находился валик для упора в древко. У ряда наконечников — плоское ромбовидное лезвие (рис. 143, 12, 13).

Найдена двушипная втульчатая стрела длиною 8,3 см, из которых на лезвие приходится 3,9 см (рис. 143, 3). Такие стрелы ха-

рактерны для юго-западных областей Киевской Руси X—XII вв. и для западноевропейских стран. Они применялись главным образом против воинов, не защищенных доспехами, а также на охоте.

4

На основании археологических данных можно утверждать о довольно широком рас-

Рис. 143. Стрель

пространении грамотности среди горожан. В рядовых жилищах Старой Рязани часты находки медных застежек книжных переплетов — единственное свидетельство о бытовавших здесь книгах (см. рис. 138, 24; 139,

Подобные львы изображены на болгарских матрицах (печатях?). Мотив, использованный на этих матрицах (рис. 144, 1) и на старорязанской книжной застежке, считается восточным. Но сама застежка могла быть из-

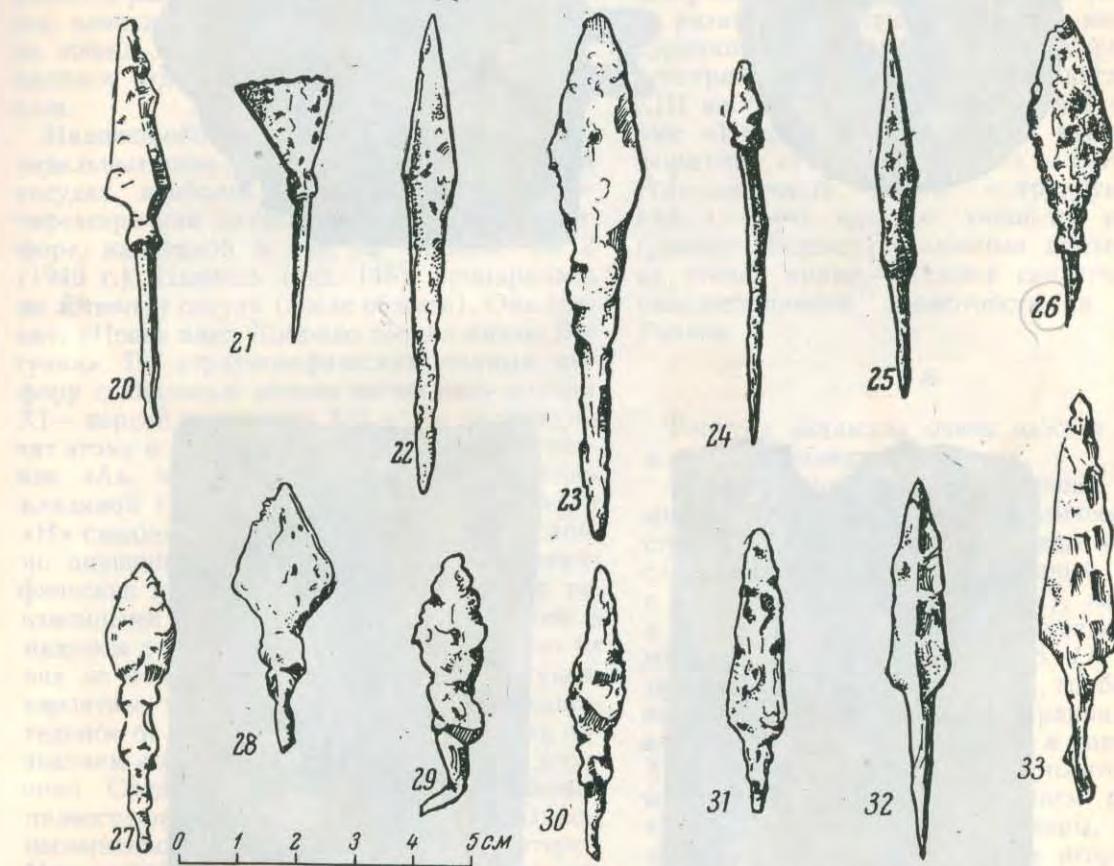

Рис. 143а. Стрелы

2, 8, 16, 17). Книжные застежки найдены в жилищах ремесленников, в полуzemлянках бедноты.

Замечательна массивная медная книжная застежка, на которой на фоне цветов изображено какое-то фантастическое животное, вероятно, лев с хвостом, распущенном на конце в виде распустившегося цветка или листа аканта (рис. 144, 2)²⁰. Перед зверем стоит чаша. Пряжка застежки позолоченная.

готовлена русским мастером по восточным образцам. Такие же львы имеются на рельефе южного портала собора в Юрьеве-Польском²¹. А. П. Смирнов считает, что этот мотив был принесен сюда болгарскими мастерами²². Книжная застежка с изображением льва, найденная в Старой Рязани, была помещена с обратной стороны роскошного

²⁰ Раскопки Селиванова 1888 г., коллекция РОКМ.

²¹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, т. V. СПб., 1899, стр. 50, рис. 88.

²² А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 137.

— матрица (?); 2 — книжная застежка; 3,4 — медный цилиндр с изображением птицы (увеличено в 2 раза)

переплета; повидимому, такая же застежка была и на лицевой его стороне.

Свидетельством распространения грамотности является также то, что владельцы надписывали отдельные принадлежавшие им предметы, например пряслица.

В. А. Городцовым найдено пряслице из розового шифера с круговой надписью: «молодило». По предположению Б. А. Рыбакова, это имя и, судя по окончанию, мужское²³.

²³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 200.

На одном из старорязанских пряслиц неясная надпись. Н. Г. Порфиридов расшифровал ее, прочитав: «Княжо есть»²⁴. Б. А. Рыбаков считает это чтение ошибочным²⁵.

На других пряслицах из Старой Рязани имеются разные знаки в виде черточек, насечек, елочки, на одном из пряслиц изображена лошадь, ласкающая жеребенка, имеются надписи отдельных букв «П», «А» и даже слов.

Надписи обнаружены и на сосудах. Кроме отдельных знаков и букв, процарапанных на сосудах, наиболее интересной является четырехстрочная славянская надпись на амфоре, найденной в яме на раскопе № 2 (1949 г.). Надпись (рис. 145) процарапана по готовому сосуду (после обжига). Она гласит: «Новое вино Добрило послал князю Богунка». По стратиграфическим данным амфору с надписью можно датировать концом XI—первой половиной XII в. Не противоречат этому и данные палеографии. Остроугольное «А», написание «И» с прямой перекладиной (по образцу современного «Н») и «Н» сходное с латинским, буква «З» с сильно опущенным вниз хвостиком — палеографические признаки XI в., остававшиеся неизменными до середины XII в. Загадочны в надписи два имени собственных. Ни одно из них не может быть именем князя. Богунка, вероятнее всего, имя дарителя (уменьшительное от Богун). Добрило может быть названием сорта вина (от слова доброе, хорошее). Среди немногих памятников вещевой палеографии XI—XII вв. рязанская надпись, несомненно, представляет большой интерес. Интересна она и характерной деталью древнерусского быта: посылка князю вина с далекого юга в Старую Рязань.

О широком распространении грамотности свидетельствуют также многочисленные граффити на фресках в Борисоглебском соборе. В 1948 г. в западном притворе найдено около 20 фрагментов фресок с надписями (рис. 146, 147), большей частью сильно поврежденными и почти не читающимися. На некоторых фрагментах сохранилось всего лишь несколько букв. На других — надписи

²⁴ Н. Г. Порфиридов. Надписное пряслице из Рюрикова городища. Материалы и исследования Новгородского государственного музея. Новгород, 1930, вып. 1, стр. 35.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 201.

в несколько строк. Среди граффити имеются рисунки человечков, орнаменты, молитвенные формулы, имена. Некоторые рисунки точно копируют книжные орнаменты.

Например, на одном обломке (рис. 147) изображена плетенка, идентичная заставкам из рязанской псалтыри 1296 г., а ниже процарапана заглавная буква «Г», широко распространенная в рукописных книгах XI—XIII вв.²⁶ На этом же фрагменте читается имя «Игорь» и сокращенная молитвенная формула «Господи помози» — «ГИ ПО». Имеется часть текста: «...грибную половин...», — речь идет о какой-то половине грибны. Надписи, сделанные прихожанами на стенах храма, — важное свидетельство о распространении грамотности в Старой Рязани.

5

Религия занимала очень важное место в жизни средневекового города.

На Старорязанском городище найдено множество каменных и металлических крестиков, образцов-подвесок. Среди них особо следует отметить литой медный образок с изображением архангела (?), найденный в крещальне Борисоглебского храма во время раскопок 1836 г. (рис. 138, 11). Весьма примитивное изображение и грубое литье позволяют отнести образок к ранним произведениям мелкой пластики и датировать XI в. К тому же времени относится литой медный крестик с изображением распятия, края крестика слегка скруглены, распятие изображено фронтально, руки непропорционально велики (см. рис. 138, 23)²⁷.

Чрезвычайно интересна наблюдалася на целом ряде фактов борьба язычества с христианством. Несмотря на большой срок, прошедший с момента принятия христианства, а также на то, что христианство пользовалось всеми преимуществами государственной религии, в Старой Рязани, как и в других русских городах, очень долго сохранялись элементы язычества. Археологи это наблюдают, в частности, в обряде погребения.

²⁶ В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1884, л. 52, рис. 14; л. 81, рис. 5 и др.

²⁷ Подобные крестики найдены в Тверской губернии (ИАК, вып. 6, табл. III, 14) и в Тарту (M. Schmiedehelm. Ein Depotfund aus Tartu, Eurasia septentrionalis Antiqua, IV, 1929, стр. 265, рис. 2).

Рис. 145. Фрагмент амфоры с надписью: «Новое вино Добрило послал князю Богунку»
вверху — фото; внизу — прорись

В земле вятичей христианизация протекала медленнее, чем в других частях древней Руси. Судя по сообщению об убийстве Кукши защитниками язычества, проповедь христианства была здесь небезопасной даже в XII в. Повидимому, до XII в. у вятичей удер-

городском кладбище в насыпях могил углей, обломков горшков, костей животных — остатков тризны. Подобно тому, как это делалось в подкурганных погребениях, горожане хоронили покойников в долблёной деревянной колоде и обертывали ее берестой²⁸

Рис. 146. Граффити (фото)

живался обряд трупосожжения (может быть, этим объясняется отсутствие вятических курганов X—XI вв.) и до XIV в. у вятичей сохранился обычай погребения в курганах, против которого боролась христианская церковь. В городах от курганного обряда погребения отказались значительно раньше. Но даже в XII в. в Старой Рязани мы находим в обряде погребения некоторое сходство с вятическими курганами. Это проявляется в посыпании покойника углем, в оставлении в могиле горшка с пищевыми нахождениями на

(погребение № 1 у западного притвора Борисоглебского собора и др.; рис. 148).

Отдельные вещи, найденные в городских кладбищенских могилах, связывают староря-

²⁸ Отметим сходство погребальных обрядов русских в Рязанской земле с обрядами мордвы. В X—XIV вв. мордва завертывала покойника в бересту и погребала без гроба. Потом хоронили в долблёной колоде. Вплоть до наших дней сохранялся обычай ставить в могилу горшок с пищей. Над могилой закалывалась в честь мужчины лошадь, а в честь женщины — корова и совершалась тризна

Рис. 147. Граффити (прориси)

занское кладбище XII—XIII вв. на Северном городище с современными ему вятическими курганами. К ним относятся хрустальные шаровидные бусы, семилопастные височные кольца и решетчатые перстни. То, что на старорязанском городском кладбище найдены вещи вятичей,— любопытное и редко

Рис. 148. Погребение в деревянной колоде

наблюдаемое явление, так как племенные наряды обычно встречаются только в деревенских курганах XII в. Это объясняется устойчивостью древних обычаям у вятичей. Даже в городе, находившемся под властью феодалов, не стерлись полностью характерные черты племенного наряда, и в бескурганном магильнике найдены погребения с вятическими перстнями, бусами и височными кольцами.

Необходимо отметить, что отдельные вещи из вятического племенного наряда мы находим лишь на кладбищах Северного городища. На Южном городище такие вещи встречаются в жилых слоях. Это свидетельствует о довольно позднем бытовании вятических вещей, когда уже на Северном городище появились многочисленные захоронения, большей частью относящиеся к XIII в. Погребения в Борисоглебском соборе, принадлежавшие, повидимому, аристократии и духовенству, содержали остатки одежд из роскошных привозных тканей, фрагменты которых найдены в раскопках и описаны выше. Обряд погребения во вскрытых в соборе гробницах не ясен, так как, вероятно, погребения были нарушены. Этим можно объяснить нахождение Тихомировым множества черепов в одной гробнице. Впрочем, возможно, что погребение нескольких человек в одном гробу было совершено после батыева разгрома Старой Рязани, о чем говорится в «Повести о разорении Рязани Батыем». Ингварь Ингоревич, собрав трупы погибших князей, бояр и воевод, «принесе их во град Резань» и положил некоторых из них совместно «во единой рабе»²⁹. Во вскрытых

нами погребениях в западном притворе Борисоглебского собора найдено по три совместных погребения (рис. 149).

Возвращаясь к вопросу о пережитках язычества, нужно сказать, что они проявляются не только в погребальном обряде. Есть другие важные указания.

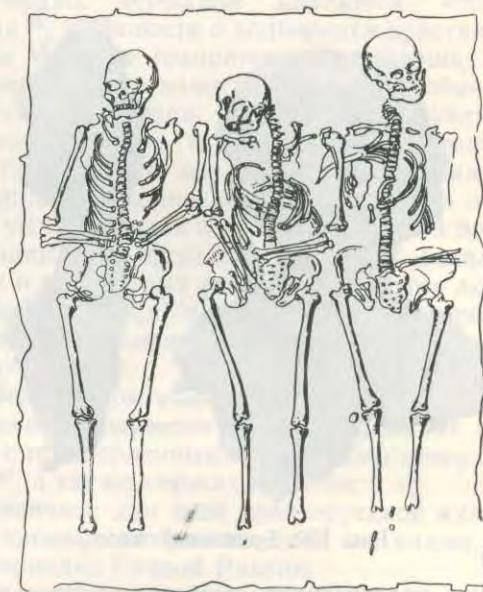

Рис. 149. Погребения в западном притворе Борисоглебского собора

Большой интерес представляет статуэтка из коллекции РОКМ, найденная А. В. Селивановым при раскопках Спасского храма (рис. 150). Сходные с этой статуэтки опубликованы А. А. Спицыным и А. С. Федоровским³⁰, но все они принадлежат к разряду случайных недатированных находок. Рязанская же статуэтка имеет более или менее точную дату. Отчет о раскопках 1888 г. составлен в настолько неясных выражениях, что трудно себе представить то сооружение, в котором статуэтка найдена. Ясно лишь следующее: у внешнего края западной стены храма, ниже стен, на уровне рвов фундамента, оставшихся после выемки бута,

²⁹ А. С. Уродливые медные статуэтки. ИАК, вып. 29, СПб., 1909, стр. 142; А. С. Федоровский. Две бронзовые статуэтки Харьковского археологического музея. Наука на Украине, орган научного комитета Укрглавпрофобра, № 4, Харьков, 1922, стр. 286—297; А. Л. Монгайт. Археологические заметки. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 130—133.

²⁹ Воинские повести древней Руси, стр. 17.

была обнаружена насыпь (?) из чистой глины. «В центральной части глинистой насыпи в 2 арш. глубины, которая снималась тонкими слоями, обнаружился вертикально стоящий, небольшой обрубок сгнившего дерева, от верхнего конца которого отпала бронзовая женская фигура в виде бюста. Под слоем

Рис. 150. Бронзовый идол

глины, пространство которого суживалось книзу, оказался слой, примятой плотно, черной земли, глубиною на 1 арш. На поверхности этой земли, покрытой остатками от еды (рыбья чешуя, свиные зубы, косточки разных животных и пр.), найдены осколки горшка, витое каменное колечко и бронзовый крестик. Оба разрытых слоя земли заполняли собой четырехугольную яму в материке аршина в 4 в поперечнике»³¹. Очевидно, в отчете слово «насыпь» означает заполнение ямы глиной. Мы имеем здесь дело не с идолом, стоящим в насыпи наверху кургана, как в Черной могиле, а с землянкой, заплывшей и заполненной глиной. Бронзовая статуэтка была прикреплена к деревянному столбу и служила идолом, у основания которого найдены остатки жертвоприношений — горшок, остатки пищи и т. д. Хотя из отчета неясен характер сооружения, но несомненно, что все они и идол найдены в слое, лежавшем ниже основания храма, т. е. относящемся ко времени до постройки храма, — до середины XII в.

³¹ А. Селиванов. Дневник раскопок... ТРУАК, т. III, стр. 162.

Что представляет собой старорязанская статуэтка? Это бронзовая литая полая фигура, составляющая лишь половину четырехлиного идола. Очевидно, к задней ее стороне приставлялась такая же фигура. На боковых частях идола разрез находится на середине носов. Эти большие треугольные носы четко выделяются; боковые из них имеют сильно подчеркнутую горбинку. Глаза и груди отмечены небольшими циркульными кружками. Левый глаз имеет в центре сквозную дырочку. Губы проведены в виде трех полосок, три пробитых насеквые дырочки как бы показывают оскал зубов. На груди идола изображена человеческая маска.

Небрежность раскопок, произведенных Селивановым, лишает нас возможности говорить определенно об этом интереснейшем памятнике. Мы знаем лишь, что сооружение с идолом было в слое, относящемся ко времени до середины XII в. Возможно, что оно относится ко времени, предшествовавшему появлению славянской Старой Рязани, когда здесь находился еще какой-то поселок местного мордовского населения. Вероятнее другое предположение, что это языческое святилище существовало в довольно позднее время, когда в Рязани христианство уже получило распространение. Об этом свидетельствует находка бронзового крестика в слое, содержащем остатки жертвоприношений. Сохранение древних культов, в особенности у вятичей, сопротивлявшихся христианству и очень поздно принявших его, не вызывает удивления. Смешение языческого с христианским в обрядности наблюдалось вплоть до наших дней. Возможно также, что языческое святилище было уничтожено и на его месте в XII в. преднамеренно воздвигнут христианский Спасский храм для борьбы с традицией поклонения языческому божеству, совершившегося на этом месте: еще со временем Владимира I пошла традиция «рубить церкви и поставлять по местам идже стояху кумиры».

Что же представляет собою найденная здесь бронзовая статуэтка, какое божество она изображает и почему она сходна с шаманскими древностями?

Среди чудских племен, населявших район бассейнов Оки и Волги, был распространен шаманизм, исчезнувший у них позже, но до XIX в. сохранившийся у их зауральских сородичей. В Олонецком крае следы этого

древнего языческого культа сохранились до середины XIX в. Отголоски этого культа могли быть и среди русского населения, соприкасавшегося с этими племенами. Влияние было настолько сильным, распространение этих верований в русском народе было так широко, что Владимир I, организуя языческий пантеон, счел необходимым включить в него и богиню Мокошь, вероятно, финского происхождения. Это имя сближается с мордовским Мокша, черемисским Мокш, Мокс. Мокуша или Макуша — это существо, которого боятся женщины и присутствие которого замечают по стершейся шерсти овец и урчанию веретена³². Это дало Б. А. Рыбакову основание предположить, что богиня-праха Мокошь была покровительницей прядения и ткачества³³. Во всяком случае, кем бы ни считалось это древнеславянское божество, наличие его в пантеоне Владимира I, вероятно, объясняется включением чудских народов в состав Киевской Руси и тесных их связей со славянством. У нас нет никаких оснований сопоставлять найденного идола с Мокошью. Здесь мы остановились на нем лишь как на примере чудско-русских религиозных связей. О том же свидетельствует и такое явление русского язычества, как волхвование. Если оно не заимствовано у чудских народов, то, несомненно, развило под их влиянием³⁴. Летописный рассказ 1071 г. о «чудском волхве», к которому пришел погадать некий новгородец, описывает процесс гадания как шаманское камлание. Иллюстрирующая этот рассказ миниатюра Кенигсбергской летописи изображает камлание с бубном и упавшего на землю волхва.

Поэтому даже если бы удалось доказать связь статуэток, подобных рязанской, с шаманизмом, это не противоречило бы нашему предположению, что статуэтка использовалась в качестве идола в славянском языческом святилище. Волхвование не исчезло с утверждением христианства, оно стало с утверждением христианства, оно стало тайным. Не исчезло и поклонение идолам. В народе двоеверие было широко распространено. Церковно-обличительная литература, направленная против пережитков язычества,

³² А. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3. СПб., 1896, стр. 320.

³³ История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 69.

³⁴ См. Е. В. Анчиков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 286.

13 Материалы по археологии СССР, вып. 49

ярко свидетельствует об этом. Так, в «Слове о неделе» XII—XIII вв. обличается поклонение неделе — болвану (т. е. идолу), ставленье трапезы рожаницами и т. д. В «Слове» указано, что болван «спрятан», потому что духовенство боролось с этим. Любопытно, что в списке «Слова» XIV в. этих слов уже нет. Очевидно, перестали кланяться «болванам»³⁵. В «повести о водворении христианства в Муроме» говорится об исчезавших под влиянием христианства языческих обычаях: «...рекам и езером требы класти, дуплинам древяным ветви и убрусом обвешивати и им покланятися, все престаше. И кладезям и потоком поклоняющеся очные ради немощи умывающиеся и сребренники в ня поверзающии, все престаша. Где коня закалающии и по мертвых ременная плетения древолазная с ним[и] в землю погребающии, и битвы и кроения и лиц натрескания творящии?...»³⁶.

Пережитком язычества являлось и распространение амулетов в виде медвежьих клыков с просверленными для тесьмы отверстиями³⁷, а также заячьих косточек и др.

Типичное для всей древнерусской культуры двоеверие отражено, как мы видим, и в материалах Старой Рязани.

В заключение настоящей главы нужно еще раз повторить то, что было уже сказано в начале,— археологических данных недостаточно для того, чтобы полностью реконструировать быт населения города. Быт древнерусского населения изучался довольно подробно не только по археологическим данным, но и по письменным источникам. Таковы труды И. В. Забелина, Б. А. Романова, В. Ф. Ржиги, Д. К. Зеленина и др. Мы не ставили перед собой задачи дать полный очерк быта населения Старой Рязани, а речь шла, как и в других разделах книги, лишь о тех археологических источниках, которые получены в результате раскопок Старой Рязани и которые могут пополнить наши сведения о быте древней Руси.

³⁵ Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Записки Московского археологического института, т. XVIII, 1913, стр. 77.

³⁶ Памятники старинной русской литературы, СПб., 1860, в. 1, стр. 235.

³⁷ Старая Рязань, раскопки 1926 и 1948 гг. Об амулетах из клыков и когтей медведя см. Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. МИА, вып. 6, 1941, стр. 161—164.

X. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологические исследования Старой Рязани показали, что славянский город возник на территории, ранее занятой сначала городецким городищем, а потом поселком мордвы-эрзи, давшим городу свое название. Славяне, до этого проникавшие в район среднего течения Оки отдельными группами, в X в. полностью колонизовали его. Но возникновение города Старой Рязани не как первоначального поселения славян, а как средоточия ремесла, торговли и в то же время превращение его в важный административный центр, относится только к XI в. Только с этого времени мы можем говорить о городе не в понятии древнерусского летописца, как об огражденном и укрепленном поселении, а о городе, как социальном явлении, возникшем с отделением ремесла и торговли от сельского хозяйства.

Развитие Старой Рязани от небольшого поселка на Северном городище до большого города совершилось за сравнительно короткий промежуток времени. Возникший в XI в. город к XIII в. достиг наивысшего расцвета. В XII—XIII вв. вся территория ныне существующего городища была заселена: жилища подходили вплотную к валам, были на «набережной», у дорог, вокруг центральной площади, близ каменных храмов. Но если Северное городище было очень плотно застроено, то на Южном городище мы встречаем большие участки, свободные от застройки.

Наше представление о средневековом городе с узкими кривыми улочками, с чрезвычайной теснотой застройки основано главным образом на западноевропейских примерах. Древнерусские города были тесно застроены в пределах кремля, основного ядра города. Расширение же города за счет по-

садов, где находились дома с большими участками садов и огородов, включало в его черту значительные зеленые массивы. Занятия жителей города сельским хозяйством требовали больших усадеб¹.

В результате раскопок Старой Рязани установлено расположение площадей, дорог, храмов и кладбищ, жилых и ремесленных кварталов. Все эти выводы еще не окончательные, так как раскопана лишь небольшая часть древнего города, но и то, что сделано, дает общее представление об облике города (рис. 151 и 152) и истории его развития.

Северное городище является наиболее древней частью города. В XI — начале XII в. здесь еще были богатые жилища и, возможно, жил князь (судя по находке амфоры с надписью); в XII—XIII вв. на Северном городище был основной ремесленный район Старой Рязани.

Древнерусские города развивались следующим образом: древнейший небольшой хорошо укрепленный участок территории становился основным ядром города. Это был кремль — княжеская резиденция, административный и религиозный центр. За его стенами возникал посад, который в позднейшее время также обносился стеной. Посад

¹ Н. Д. Чечулин вычислил, что средняя величина усадьбы в городе равнялась 40 кв. саженям (Н. Д. Чечулин. Русские деревянные жилые постройки к XVI в. СПб., 1893). Вычисления Чечулина основаны на материалах писцовых книг XVI в., в это время развитие товарного хозяйства уже должно было привести к уменьшению занятий горожан сельским хозяйством и, следовательно, к сокращению усадеб. В XII—XIII вв., надо полагать, усадьбы были по размерам не меньше, чем по вычислениям Чечулина.

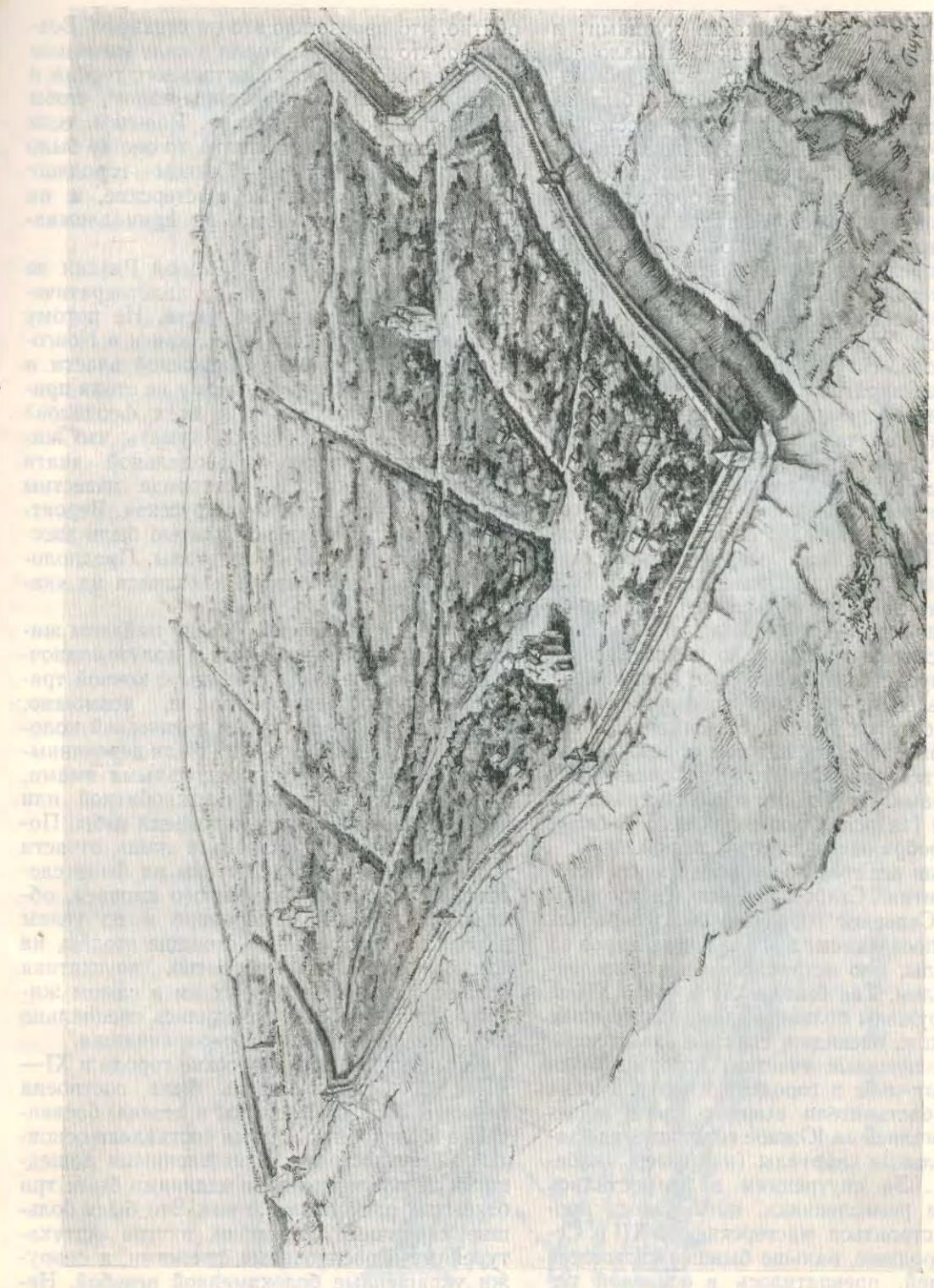

Рис. 451. Общий вид Старой Рязани в XII в. Реконструкция. (Рис. Г. Б. Щукина)

населен был ремесленниками, купцами и всяким «черным людом». Так возникало деление города на аристократический «вышгород» (кремль обычно расположен был на возвышенном и труднодоступном месте) и демократический «подол». Исключений из этой схемы было немного. Не возникло такое деление, например, в Новгороде, где не было сильной княжеской власти и где жилища бояр не концентрировались вокруг княжеской резиденции в кремле, а были разбросаны в разных кварталах города. Правда, Новгородский кремль (детинец) стал резиденцией другого крупного феодала — архиепископа. Но это не привело к концентрации аристократии в стенах кремля. Значительная часть кремля была заселена ремесленниками, сначала с архиепископского подворья, потом и другими.

Если бы развитие Старой Рязани следовало изложенной выше схеме, то Северное городище должно было бы быть кремлем. Однако в XII в. оно было основным ремесленным районом города. Южное же городище, которое могло развиваться первоначально как торгово-ремесленный посад, в XII в. оказалось населенным не только ремесленниками, но и представителями более зажиточных слоев населения, — об этом можно судить по остаткам богатых жилищ с кирзовыми печами. Кроме того, на Южном городище находились все три открытых раскопками каменных храма. На Южном городище найдены также все (за исключением одного) богатые клады серебряных и золотых вещей.

Учитывая все это, можно представить историю развития Старой Рязани следующим образом. Северное городище было первоначальным поселением, а когда город вырос за его пределы, оно оставалось тесно заселенным кремлем. Так было в XI в. Но в XII в. были сооружены большие валы, защитившие весь посад и, очевидно, сначала охватившие даже незаселенные участки, которые были также включены в городскую черту. Князь, бояре, представители высших слоев общества выселились на Южное городище, где заняли отдельные кварталы (например, «набережную»). За внутренним валом остались княжеские ремесленники, потом здесь продолжали строиться мастерские, и в XII в. Северное городище, раньше бывшее княжеской резиденцией, превратилось в основной ремесленный район Старой Рязани. Весьма ве-

роятно, что произошло это не стихийно. Возможно, что при этом имели в виду изоляцию ремесленного района от остального города и помещение его за внутренним валом, чтобы избежать опасности пожара. Впрочем, если такое решение было принято, то оно не было строго соблюдено: на Южном городище оставались ремесленные мастерские, а на Северном — жилые дома, не принадлежавшие ремесленникам.

Подобно Новгороду, в Старой Рязани не возникло деление города на аристократическую и демократическую части. Не потому ли это произошло, что здесь, как и в Новгороде, не было сильной княжеской власти и княжеская резиденция поэтому не стала притягательным центром для всех феодалов? Однако ошибочно было бы думать, что жилища ремесленников и феодальной знати строились рядом. В Новгороде известны боярские улицы, например Прусская. Вероятно, в Рязани феодальной знатью были заселены также отдельные кварталы. Предположительно, такой квартал находился на «набережной».

Кроме того, в Старой Рязани найдены жилища двух типов: наземные и полуземляночные. Последние были связаны с южной традицией домостроительства и, возможно, проникли на Оку во время вятической колонизации. Наземные жилища были деревянными, с одной или двумя подпольными ямами, с деревянными полами, с глинобитной или изредка кирпичной печью посреди избы. Полуземлянки были жилищами лишь отчасти углубленными в землю, стены их были сделаны из теса или деревянного каркаса, обмазанного глиной, посередине и по углам находились вертикально стоящие столбы, на которые опиралась, вероятно, двускатная кровля. Кроме подпольных ям в самом жилище, на дворах еще находились специально оборудованные ямы — зернохранилища.

Как и другие древнерусские города в XI—XIII вв., Старая Рязань была построена главным образом из глины и дерева: бревенчатые и глинобитные дома составляли основную массу построек. Единственными дошедшими до нас каменными зданиями были три открытых раскопками храма. Это были большие кирпичные постройки, внутри оштукатуренные и расписанные фресками, а снаружи украшенные белокаменной резьбой. Несмотря на различия в архитектуре каждого

Рис. 152. Юго-западная часть Старой Рязани в XII в. Реконструкция. (Рис. Г. Б. Щукина)

из трех храмов, все они принадлежат к своеобразной архитектурной школе, близкой к черниговской.

Основой процветания Рязани и ее существования как города было развитие ремесел. Многочисленные мастерские, открытые на городище, свидетельствуют о том, что ремесленное производство было важнейшим занятием жителей. Установлено наличие в Старой Рязани металлургического производства, обработки железа, дерева, янтаря, стекла, кости, камня, цветных металлов и т. д. Рязанские ремесленники рано, еще в XI в., научились делать сталь и использовать ее технические свойства для создания орудий труда и предметов быта. С конца X в. вся посуда делалась на гончарном кругу, что свидетельствует о ремесленном характере ее производства. Первые славянские поселенцы в районе среднего течения Оки пришли сюда с керамикой, лепленной от руки, но очень скоро повсеместно получил распространение гончарный круг, в то время как у чудских племен изготовление керамики от руки сохранилось надолго. Этот факт отражает очень важное явление социальной истории: преобладание славянского этнического элемента в Рязанской земле было обеспечено более быстрым социальным и культурным развитием славян, происходившим под влиянием и при поддержке могущественной Киевской державы. Наивысшим достижением рязанских ремесленников являлись изделия из цветных металлов. Рязанские ювелиры владели самыми совершенными методами изготовления высокохудожественных предметов.

Старая Рязань была важным торговым центром. Археологические находки свидетельствуют о ее широких торговых связях, о привозе товаров с Востока, из Византии и Западной Европы. Рязанские мастера также работали на экспорт, в частности производи-

ли отдельные предметы для продажи мордве. Но важнейшей статьей экспорта был хлеб. Не только деревня, но и город был связан с земледелием. Жители Старой Рязани наряду с ремеслами и торговлей сеяли хлеб и разводили скот. В результате раскопок получены интересные данные для характеристики быта городского населения древней Руси, для суждения об одежде, украшениях, верованиях, грамотности и т. д.

Раскопки Старой Рязани дали важные материалы по истории русской культуры и ремесла, по истории древнерусского города. В результате археологических исследований можно утверждать, что Старая Рязань была одним из важнейших культурных и ремесленных центров древней Руси, роль которого в истории нашей родины не была полностью оценена вследствие утраты рязанских летописей. Археология восполнила недостаточность письменных источников и помогла восстановить историю древней столицы Рязанского княжества.

Значение археологических исследований Старой Рязани не ограничивается только тем, что мы узнали историю столицы одного из русских княжеств, как бы интересна она сама по себе ни была. Если историческое и культурное значение таких великих центров Руси, как Киев и Новгород, давно уже определено, то северо-восточная Русь и поныне многими историками характеризуется, как отсталая окраина, не достигшая уровня развития даже близкого к Киеву. Между тем археологические данные свидетельствуют не только о высоком уровне развития культуры Рязанской земли, но и об ее удивительной близости, а подчас и полном тождестве с культурой Киева и Чернигова. Замечательные памятники материальной культуры, найденные в Старой Рязани, — неопровергнутое доказательство высокого уровня развития культуры в разных частях древней русской земли, даже на самых ее окраинах.

В. И. ЦАЛЕНКИ
ДОМАШНИЕ И ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СТАРОЙ РЯЗАНИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

При раскопках Старой Рязани, проходивших экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР, было обнаружено значительное количество костей. Они были исследованы нами; настоящая статья и появление подложено основных результатов этого исследования.

Количество костей из Старой Рязани в отдельных годах раскопок определяется следующими цифрами:

Год	Колич. костей
1948	4000
1949	5070
1950	5164
1951	2412

Таким образом, в нашем распоряжении оказался обширный материал, состоящий из 16 646 костей.

Как это обычно наблюдается при изучении кухонных отходов, преобладающей большинство костей разрушен искусственно путем среза с употреблением мяса животных, которым они принадлежали, в пищу. В ряде других случаев разрушение костей связано с неблагоприятными условиями захоронения их в группе. Обойдти упомянутыми обстоятельствами объясняется присутствие в материале из раскопок Старой Рязани большого количества более или менее мелких осколков диффузно длинных трубчатых костей, ребер, позвонков, выявление определение которых встречает значительные трудности, а чаще всего просто невозможно.

С необходимой для исследований полной точностью нам удалось определить 9629 костей, что составляет около 58% общего количества. Среди определенных костей имеются 316 костей человека, рассмотрение которых не входит в задачу настоящей статьи. Оставшиеся 9313 костей принадлежат различным животным. Из них скелеты:

	Колич. костей	%
Рыб	30	0,3
Птиц	89	1,0
Млекопитающих	9105	98,7

По видовому составу кости млекопитающих распределяются следующим образом:

	Колич. костей	Колич. поск.
Крупный рогатый скот	4284	49%
Свинья	1606	18
Лошадь	627	7
Овца	871	10
Коза	220	40
Собака	25	7
Кошка	30	8
Лось	10	3
Баран	62	2
Мясоед	28	42
Кабан	26	9
Муфлон	14	4
Лиса	10	3
Волк	4	2
Соболь	1	1

Таблица 2

Таблица 2

Количество костей домашних и диких животных из раскопок Старой Рязани

Годы	Колич. костей	Годы	Колич. костей
1946—47	483	1952	1
1947—48	61	1953	5
1948—49	51	1954	6
1949—50	60	1955	4
1950—51	52	1956	2
1951—52	50	1957	1
1952—53	51	1958	1
1953—54	50	1959	1
1954—55	49	1960	1

В. И. Цалкин

ДОМАШНИЕ И ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СТАРОЙ РЯЗАНИ

(По материалам раскопок 1946—1950 гг.)

При раскопках Старой Рязани, произошедшихся экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР, было собрано значительное количество костей. Они были исследованы нами; настоящая статья и посвящена изложению основных результатов этого исследования.

Количество костей из Старой Рязани по отдельным годам раскопок определяется следующими цифрами:

Годы	Колич. костей
1946	4000
1948	5070
1949	5164
1950	2412

Таким образом, в нашем распоряжении оказался обширный материал, состоящий из 16 646 костей.

Как это обычно наблюдается при изучении кухонных остатков, преобладающее большинство костей разрушено искусственным путем в связи с употреблением мяса животных, которым они принадлежали, в пищу. В ряде других случаев разрушение костей связано с неблагоприятными условиями залегания их в грунте. Обоими упомянутыми обстоятельствами объясняется присутствие в материале из раскопок Старой Рязани большого количества более или менее мелких осколков диафизов длинных трубчатых костей, ребер, позвонков, видовое определение которых встречает значительные трудности, а чаще всего просто невозможно.

С необходимой для исследований подобного рода точностью нам удалось определить 9629 костей, что составляет около 58 % общего количества. Среди определенных костей имеется 316 костей человека, рассмотрение которых не входит в задачу настоящей статьи. Остальные 9313 костей принадлежат различным животным. Из них оказалось:

	Колич. костей	%
Рыб	30	0,3
Птиц	88	1,0
Млекопитающих	9195	98,7

По видовому составу кости млекопитающих распределяются следующим образом:

	Колич. костей	Колич. особей
Крупный рогатый скот	4364	208
Свинья	1999	315
Лошадь	1217	93
Овца	871	165
Коза	230	40
Собака	23	7
Кошка	336	37
Лось	62	23
Бобр	38	12
Медведь	26	9
Кабан	14	4
Косуля	10	5
Заяц	4	2
Белка	1	1
Сайга		

Из 15 видов млекопитающих, остатки которых обнаружены в Старой Рязани, 7 принадлежат домашним животным и 8 — диким. Вместе с тем количество костей первых составляет 8704 экз., или 94,7% общего количества найденных костей млекопитающих, вторых — всего 491 экз., или 5,3%.

Обратимся к обзору костных находок из Старой Рязани по отдельным видам.

1. Крупный рогатый скот

Кости крупного рогатого скота образуют основную массу костных остатков из Старой Рязани. Они составляют почти половину (47,5%) общего числа костей млекопитающих. Всего имеется 4364 кости, происходящие примерно от 208 особей, в преобладающем большинстве своем взрослых. Представлены все элементы скелета этих животных. Совершенно отсутствуют, однако, не только целые черепа, но даже и сколько-нибудь крупные фрагменты их. Сравнительно редки неразрушенные трубчатые кости конечностей; исключение составляют 18 пястных, 18 плюсневых, 6 лучевых и 2 берцовые кости, достаточно хорошо сохранившиеся и дающие возможность произвести на них основные измерения. Ниже нами приводятся подробные измерения целых костей и биометрически обобщенные данные по размерам отдельных их элементов (табл. 1—5).

Как показывают цифры, приведенные в табл. 1, размеры костных стержней рогов у крупного рогатого скота из Старой Рязани невелики, они не отличаются в этом отношении от одноименных костей из других памятников древней Руси, расположенных в пределах лесной полосы.

При изучении костей крупного рогатого скота из Старой Рязани прежде всего обращает на себя внимание широта изменчивости их по размерам. Это особенно наглядно выявляется при сравнении приведенных выше измерений с аналогичными данными по древнему Новгороду — памятнику, давшему большое количество костей крупного рогатого скота.

Так, например, 76 пястных костей из Новгорода варьируют по своей общей длине от 156 до 190 мм; 18 пястных костей из Старой Рязани изменяются по длине от 159 до 197 мм, т. е. в пределах, заметно более широких. Два пястья из Старой Рязани имеют

Таблица 1

Измерения костных стержней рогов крупного рогатого скота

№	Длина по изгибу в мм	Обхват у основания в мм	Диаметры у основания в мм
1	220+	235	75—72
2	150+	200	72—55
3	230	190	63—56
4	180	190	67—53
5	180	180	64—53
6	170	180	62—51
7	120	155	54—45
8	130+	150	53—42
9	130	145	50—43
10	130+	140	50—40
11	140	140	45—36
12	130	140	51—40
13	80	135	42—37
14	135	130	51—44
15	135	145	52—46
16	135	125	45—37
17	150	120	44—35
18	150	130	47—37
19	160	135	47—38
20	170	130	45—38
21	140	145	47—43
22	130	120	42—35
23	130	110	35—31
24	130	110	37—30
25	100	110	40—37
26	75	105	35—32
27	115	105	37—35
28	125	100	35—30
29	120	105	36—34
30	110	100	38—30

Примечание. Знак + обозначает, что конец стержня рога обломан.

общую длину, превышающую максимальные размеры ее у новгородского скота.

Ширина верхнего конца пястя у новгородского скота (214 экз.) 43—54 мм, у рязанского (67 экз.) — 43—61 мм. Диапазон изменчивости у этого последнего, следовательно, значительно шире; у 8 экз. (12%) размеры больше максимальных новгородских.

Ширина нижнего конца пястя у новгородского скота (248 экз.) 34—44 мм, у ря-

Таблица 2
Измерения пястных костей крупного рогатого скота

№	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина по средине диафиза в мм
2	197	61	65	35
4	192	51	53	26
1	190	60	66	36
3	188	52	54	29
11	187	50	51	28
7	185	45	48	25
6	184	—	61	33
10	184	49	50	27,5
5	182	50	53	28
12	181	49	51	28
9	181	48	48	26
13	179	51	51	28,5
8	176	48	48	25,5
16	172	51	51	26
15	172	49	49	27,5
25	168	—	52	31
24	163	—	46	24,5
41	159	—	—	—

Таблица 3
Измерения плюсневых костей крупного рогатого скота

№	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина по средине диафиза в мм
25	215	51	59	28
27	213	—	57	29
31	208	41	48	25
26	207	47	60	28
28	207	45	54	25
30	206	46	51	25
32	206	44	51	25
29	204	44	49	27
33	202	42	53	27
35	202	—	45	21,5
34	200	40	44	21,5
37	200	41	46	23
36	198	40	46	22
38	196	—	48	25,5
39	192	38	43	19,5
40	178	38	47	23

занского (55 экз.) — 46—70 мм. Размах колебаний здесь также значительно шире; у 12 экз. (22%) размеры больше максимальных новгородских.

Ширина верхнего конца плюсневых костей у новгородского скота (232 экз.) 34—44 мм, у рязанского (59 экз.) — 35—52 мм; у 14 экз. (24%) размеры больше максимальных новгородских.

Ширина нижнего конца плюсневых костей у новгородского скота (250 экз.) 39—52 мм, у рязанского (62 экз.) — 43—66 мм; у 20 экз. (32%) размеры больше максимальных новгородских.

Наибольшая длина таранной кости у новгородского скота (116 экз.) 53—64 мм, у рязанского (64 экз.) — 51—70 мм; у 7 экз. (11%) размеры больше максимальных новгородских.

Ширина нижнего суставного блока плечевой кости у новгородских (85 экз.) 58—69 мм, у рязанских (13 экз.) — 62—73 мм; у 3 экз. (23%) размеры больше максимальных новгородских.

Общая длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти у новгородского скота (17 экз.) 112—130 мм, у рязанского (12 экз.) — 117—140 мм; у 2 экз. (17%) размеры больше максимальных новгородских.

Длина альвеолярного ряда настоящих коренных зубов нижней челюсти у новгородского скота (190 экз.) 71—88 мм, у рязанского (12 экз.) — 71—91 мм; у 2 экз. (17%) размеры больше максимальных новгородских.

Общая длина лучевых костей у новгородского скота (12 экз.) 232—265 мм, у рязанского (6 экз.) — 230—274 мм; у 1 экз. (16%) размер больше максимального новгородского.

Приведенные выше данные измерений костей крупного рогатого скота позволяют установить следующее:

1. Хотя количество костей из Старой Рязани в несколько раз уступает новгородским, однако диапазон изменчивости размеров оказывается у первых значительно более широким, чем у вторых.

2. Нижние пределы размеров костей скота из Старой Рязани и Новгорода оказываются весьма сходными; более широкий диапазон изменчивости размеров скота из Старой Рязани обусловлен наличием экземпляров,

Таблица 4

Измерения лучевых и берцовых костей крупного рогатого скота

№	Название кости	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина верхн. суставн. поверхн. в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина по средине диафиза в мм
Стопы 47	Лучевая	274	80	70	—	40
48	"	263	—	—	—	34
49	"	252	69	63	—	35
50	"	245	—	65	—	34
51	"	232	66	61	—	35
52	"	230	64	59	—	31
53	Берцовая	303	71	—	54	34
54	"	298	72	—	51	30

Таблица 5

Вариационные ряды размеров костей крупного рогатого скота

Классы	Общая длина пястных костей										\bar{n}	M	$\pm m$	σ	с
	155	160	165	170	175	180	185	190	195	200					
Варианты	1	1	1	2	2	6	3	1	1	18	179,70	2,26	9,60	5,3	

Ширина верхнего конца пястных костей

Классы	Ширина верхнего конца пястных костей										\bar{n}	M	$\pm m$	σ	с
	42	44	46	48	50	52	54	56	58	60					
Варианты	2	8	8	21	15	5	4	—	2	2	67	48,86	0,46	3,78	7,7

Ширина нижнего конца пястных костей

Классы	Ширина нижнего конца пястных костей										\bar{n}	M	$\pm m$	σ	с		
	45	47	49	51	53	55	57	59	61	63							
Варианты	2	10	18	8	5	4	1	1	2	1	1	1	55	52,62	0,73	5,44	10,3

Общая длина плюсневых костей

Классы	Общая длина плюсневых костей										\bar{n}	M	$\pm m$	σ	с
	175	180	185	190	195	200	205	210	215						
Варианты	1	—	1	1	4	4	5	2	18	201,10	2,04	8,65	4,3		

Ширина верхнего конца плюсневых костей

Классы	Ширина верхнего конца плюсневых костей										\bar{n}	M	$\pm m$	σ	с
	34	36	38	40	42	44	46	48	50	52					
Варианты	1	7	10	19	8	8	5	—	1	59	41,58	0,42	3,20	7,7	

Ширина нижнего конца плюсневых костей																		
Классы	42	44	46	48	50	52	54	56	58	60	62	64	66	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c
Варианты	4	13	16	6	3	5	4	2	4	2	2	1	62	50,06	0,73	5,72	11,4	
Наибольшая длина таранной кости																		
Классы	50	52	54	56	58	60	62	64	66	68	70	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c		
Варианты	1	4	7	14	13	13	5	2	2	3	64	59,24	0,50	3,98	6,7			
Общая длина больших фаланг																		
Классы	48	51	54	57	60	63	66	69	72	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c				
Варианты	34	64	34	26	20	9	6	1	194	55,35	0,35	4,83	8,7					
Ширина нижнего конца берцовой кости																		
Классы	48	50	52	54	56	58	60	62	64	66	68	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c		
Варианты	4	11	4	7	3	4	—	—	2	1	33	53,96	0,39	2,26	4,2			
Ширина нижнего блока плечевой кости																		
Классы	61	63	65	67	69	71	73	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c						
Варианты	4	2	3	1	2	1	13	65,70	0,92	3,30	5,0							
Общая длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти																		
Классы	116	119	122	125	128	131	134	137	140	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c				
Варианты	1	2	4	2	1	—	1	1	12	125,75	1,61	5,88	4,7					
Длина альвеолярного ряда ложных коренных зубов нижней челюсти																		
Классы	37	40	43	46	49	52	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c							
Варианты	4	3	4	2	1	11	44,23	0,97	3,21	7,2								
Длина альвеолярного ряда настоящих коренных зубов нижней челюсти																		
Классы	70	73	76	79	82	85	88	91	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c					
Варианты	1	2	3	3	—	1	2	12	80,00	1,62	5,61	7,0						

значительно превышающих максимальные размеры у новгородского скота.

Широкая изменчивость размеров костей крупного рогатого скота из Старой Рязани была уже ранее отмечена С. Н. Боголюбским. В его распоряжении находилось несколько экземпляров костей этих животных из раскопок, производившихся В. А. Городцовым, а именно: 2 фрагмента лобно-затылочной части черепа, 1 стержень рога, 1 лучевая кость, 1 пяточная кость и 2 первые фаланги. Внимание С. Н. Боголюбского было привлечено значительной разницей в размерах между этими фалангами: одна из них, более крупная, имела общую длину 64 мм при ширине 35 мм, другая — общую длину 43 мм и ширину 23 мм. Это обстоятельство и побудило упомянутого автора признать наличие в Старой Рязани двух пород крупного рогатого скота: одной очень мелкой, равной по размерам современной мещерке, и другой, более крупной, по размерам соответствующей современному ярославскому скоту.

Основываясь на изучении костных находок из раскопок Старой Рязани в 1946 г., мы уже имели случай высказывать сомнение в правильности точки зрения С. Н. Боголюбского. Измерения значительного количества больших фаланг крупного рогатого скота из этого памятника показали, что очень мелкие и очень крупные экземпляры, подобные тем, которые имел в своем распоряжении С. Н. Боголюбский, представляют собой, по существу дела, крайние варианты изменчивости и что основная масса фаланг по величине занимает промежуточное положение. Вариационная кривая размеров больших фаланг, имеющая совершенно типичный одновершинный характер, также не обнаруживает каких-либо указаний на существование в Старой Рязани двух пород крупного рогатого скота, отличавшихся друг от друга по размерам тела.

В настоящее время, располагая большим материалом по крупному рогатому скоту, мы можем остановиться на этом интересном вопросе подробнее. Прежде всего несколько слов должно быть сказано о породах крупного рогатого скота из Рязанской области, с которыми сравниваются С. Н. Боголюбским и нами материалы, полученные из раскопок Старой Рязани.

Мещерским краем (от имени которого и получила свое название мещерская порода

крупного рогатого скота) обычно называют низменность, ограниченную с севера рекой Клязьмой и ее притоками, с юга — поймой Оки, с запада — течением рек Цны и Поли, с востока — рекой Гусь. Общая площадь территории этого края около 1 млн. га; от 30 до 35 % территории заняты болотами. По А. Ф. Миддендорфу, «Мещерский край представляет сплошную, изобилующую болотами и стоячими водами, низменность, с общим наклоном от северо-запада к юго-востоку. Этот край дикий, пустынный, изобилующий лесами, малонаселенный». Г. Армфельд указывал, что мещерский скот очень мелок; живой вес взрослой коровы иногда не достигает и 12 пудов; рост взрослых коров 100—110 см; преобладающая масть рыжая; в большей своей части скот отличается колчепогостью, очень сбитым компактным телосложением, короткими конечностями, широким и весьма утробистым туловищем; содержит этот скот, главным образом, ради навоза, необходимого для удобрения местных скудных песчаных почв. Армфельд специально подчеркивал, что «безусловно малый рост мещерки результат местных условий, в Мещерском kraе все мелко — люди, лошади, коровы». Аналогичную мысль высказывал и Н. В. Верещагин, считавший мещерский скот результатом «воспитания на боровых местах, на скудных лесных пастбищах и на скудном зимнем содержании». Вместе с тем упомянутый автор отмечал удивительную нетребовательность этой породы и приспособленность ее к местным дурным условиям содержания и кормления. «Нет такой породы, — писал он, — которая могла бы так хорошо оплачивать тот скудный и плохой корм, который дают корове, как мещерка». Наиболее подробные данные о росте и живом весе мещерского скота мы находим в статье Д. М. Зорина и Н. А. Каллистратова. Согласно указаниям этих авторов, рост в холке у скота этой породы варьировал от 95 до 121 см, в среднем 106 см (по измерениям 188 экз.). Примерно у 80 % исследованных коров рост в холке варьировал в пределах 101—112 см. Живой вес колебался от 188 до 370 кг, в среднем составлял 278 кг. У 95 % исследованных особей живой вес варьировал от 244 до 313 кг. Таковы основные и важнейшие для нас особенности мещерского скота.

В пределах той же Рязанской области, но

не в лесных ее районах, а на заливных лугах по среднему течению Оки, где кормовые условия гораздо более благоприятны, развивается другая порода, обычно называемая красным приокским скотом. В сравнении с мещерским скотом она характеризуется значительно более крупными размерами и более высокой продуктивностью. Средняя высота в холке у приокского скота, по данным Н. А. Каллистратова, 119 см, средний живой вес — 406 кг.

Несмотря на большие различия между мещерским и приокским скотом и по размерам тела и по продуктивности, имеются между ними и существенные черты сходства. Так, например, мещерский скот по основным индексам средних величин промеров тела мало отличается от приокского. Обе группы скота в известной мере имеют черты эйризомного телосложения (Н. Н. Колесник). Преобладающими мастями в обоих случаях являются красная и рыжая. Наблюдениями Д. М. Зорина и Н. А. Каллистратова и А. В. Леопольдова установлено, что на хороших поенным лугах мещерские коровы быстро увеличивались в живом весе и значительно повышались удои, которые при соответствующей подкормке мало отличались от удоев приокского скота. Автор новейшей монографии по крупному рогатому скоту Н. Н. Колесник определенно указывает, что «эти две местные группы крупного рогатого скота, несмотря на большое различие между ними в среднем по росту и продуктивности, по существу представляют одну породу скота, дифференцировавшуюся на отдельные естественные гнезда в связи с различными природными и хозяйственными условиями их разведения».

Таблица 6

Измерения пястных костей крупного рогатого скота мещерской породы (по В. И. Бибиковой)

Название признака	№ 1	№ 2
Общая длина кости в мм	187	198
Ширина верхнего конца в мм	54	54
Ширина нижнего конца в мм	54	53
Ширина по средине диафиза в мм . .	31	29

К сожалению, наши сведения по остеологии мещерской и приокской пород крупного рогатого скота крайне ограничены. Только

недавно В. И. Бибикова опубликовала данные измерений двух экземпляров пястных костей мещерской породы. Что же касается размеров остальных элементов скелета у этой породы (так же, впрочем, как и у приокской), то они продолжают оставаться неизвестными. Как показывают цифры, приведенные в табл. 6, общая длина пястий у мещерского скота составляет 187 и 198 мм. Сравнивая эти данные с измерениями одинаковых костей скота из Старой Рязани (табл. 2 и 5), легко убедиться, что подобных размеров достигают, в сущности, лишь немногие экземпляры этих последних. Из имеющихся в нашем распоряжении 18 пястий скота из Старой Рязани нет ни одного, который по длине превосходил бы размеры, указанные В. И. Бибиковой для скота мещерской породы. И в то же время около 75% пястий из Старой Рязани оказываются имеющими меньшую длину. Выше мы уже указывали, что рост мещерского скота изменяется в значительных пределах (от 95 до 121 см). Диапазон изменчивости высоты в холке составляет у этого скота около 25 см. В связи с этим, несомненно, сильно варьируют по длине и кости конечностей. Нам неизвестно, каким особым мещерской породы, крупным или мелким, принадлежали кости, измеренные В. И. Бибиковой. Легко предположить, что для указанных целей были использованы экземпляры, достаточно типичные для данной породы. Приняв это положение, мы должны констатировать, что скот из Старой Рязани отличался очень мелкими размерами и ростом не превосходил современный мещерский скот. Справедливость подобного вывода подтверждается приводимыми ниже данными о приокском скоте.

Летом 1951 г. мы получили возможность приобрести на Рязанском мясокомбинате кости дистальных отделов конечностей 10 экземпляров этой последней породы. При любезном содействии администрации мясокомбината, для указанной цели были выбраны 10 особей, происходящих из приокских районов Рязанской области, ростом в холке 116—120 см и живым весом 300—360 кг (убойный вес оказался, в среднем, около 41% живого веса). Из приведенных данных явствует, что нами были использованы отнюдь не наиболее крупные экземпляры приокской породы, а особи средних размеров, приближающиеся по росту и весу к

крупным экземплярам мещерской породы. Изучение костей от упомянутых особей приокской породы дало весьма интересные результаты, позволяющие значительно углубить наши представления о скоте из Старой Рязани.

Так, например, длина пястных костей у исследованных нами экземпляров составляет 202—228 мм, в среднем 216 мм. Максимальная известная нам длина пястья у скота из Старой Рязани 197 мм. Следовательно, размеры длины пястных костей у этих пород даже и не трансгрессируют. Представляется совершенно очевидным, что пястные кости приокского скота гораздо крупнее, чем у скота из Старой Рязани. Различия в средних величинах длины этих костей составляют более 36 мм.

Таблица 7

Измерения метаподий крупного рогатого скота приокской породы

№	Название кости	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина по средине диафиза в мм
8	Пястье	202	61	62	31
2	"	207	72	71	41
5	"	212	68	68	30
4	"	214	65	66	34
9	"	217	70	71	40,5
10	"	218	66	67	33
1	"	220	67	69	34
7	"	222	73	74	37
5	"	225	70	68	36
3	"	228	72	75	37
15	Плюсна	226	49	58	26
16	"	230	57	63	31
12	"	235	49	56	27
18	"	236	49	57	26
20	"	238	51	55	25,5
19	"	243	54	61	27
17	"	245	54	62	27
13	"	246	60	72	31
11	"	246	55	65	30
14	"	252	59	67	29

Аналогичная, но еще более ясная картина обнаруживается при сравнении размеров плюсневых костей. Длина их у приокского

скота составляет, по 10 исследованным нами экземплярам, 226—252 мм. Среди плюсн крупного рогатого скота из Старой Рязани нет ни одного экземпляра, достигающего подобных размеров; наибольший из них имеет общую длину 215 мм. В среднем, у приокского скота длина плюсны 240 мм, у скота из Старой Рязани 201 мм. Разница в средних величинах в данном случае достигает почти 40 мм.

Таким образом, сравнение длины пястных и плюсневых костей совершенно ясно указывает, что скот из Старой Рязани не достигал ростом даже минимальных размеров, констатированных у приокского скота.

Размеры верхнего и нижнего концов пястных и плюсневых костей крупного рогатого скота всегда обнаруживают очень сильную изменчивость и тем самым представляют менее пригодный материал для наших целей. Широкий диапазон изменчивости этих признаков обусловливает и существование довольно сильной трансгрессии, даже при сравнении пород, хорошо отличающихся друг от друга по росту. Тем не менее различия в средних арифметических оказываются неизменно очень значительными, а вычисление $M. diff.$, достигающего в этих случаях весьма высокого значения, не оставляет сомнения в статистической достоверности обнаруженных различий (табл. 9).

То же должно быть сказано и о размерах общей длины больших фаланг конечностей. У исследованных нами экземпляров приокского скота длина их варьирует от 61 до 74 мм. У скота из Старой Рязани длина одноименных костей изменяется от 49 до 72 мм. Трансгрессия в этом случае, как показывают приведенные цифры, исключительно велика. Но средние арифметические этого признака для приокского скота 67,60 мм, для скота из Старой Рязани 55,35 мм. Различия в средних составляют здесь более 12 мм — величину, учитывая небольшие размеры кости, весьма значительную. Вычисленный для этого признака $M. diff.$ равен 19,4 и ясно указывает на сильные различия размеров рассматриваемых костей у скота из Старой Рязани и приокского скота.

Подводя итоги произведенного сравнения костей крупного рогатого скота этих двух пород, мы должны констатировать следующее:

1. Скот, разводившийся в Старой Рязани,

Таблица 8

Вариационный ряд общей длины больших фаланг крупного рогатого скота приокской породы

Классы	60	62	64	66	68	70	72	74	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c
Варианты	2	4	8	8	7	6	5	40	67,60	0,53	3,38	5,0	

Таблица 9

Сравнение размеров метаподий (в мм)

Название признака	Скот из Старой Рязани		Современный приокский		M. diff.
	I im.	M $\pm m$	Lim.	M $\pm m$	
Ширина верхнего конца пястя . .	43—61	48,86 \pm 0,46	61—73	67,80 \pm 1,06	16,5
Ширина нижнего конца пястя . .	46—70	52,62 \pm 0,73	62—75	68,60 \pm 1,11	12,1
Ширина верхнего конца плюсны . .	35—52	41,58 \pm 0,42	49—60	53,40 \pm 1,19	9,4
Ширина нижнего конца плюсны . .	43—66	50,06 \pm 0,73	55—72	61,20 \pm 1,60	6,4

по размерам значительно уступал современному приокскому скоту и в этом отношении очень близок к скоту мещерскому.

2. Скот из Старой Рязани принадлежал одной породе, а не двум. Обнаруженный широкий диапазон изменчивости размеров костей его следует рассматривать только как иллюстрацию существенных различий, наблюдающихся между отдельными особями одной породы скота.

3. Во времена Старой Рязани приокская порода скота еще не существовала. Имеются исторические данные, говорящие о том, что низменная часть Оки, в настоящее время изобилующая лугами и пастбищами, ранее была покрыта лесами, болотами и топиями и условия существования скота в ней не отличались значительно от остального края. Можно предположить, что образование приокской породы произошло позднее, когда в результате хозяйственной деятельности человека ландшафт низменной части Оки в связи с сведением леса приобрел характер, близкий к современному.

В заключение следует отметить еще одно обстоятельство, заслуживающее внимания. Мы имеем в виду сходство скота из Старой Рязани по размерам с торфяниковым европейским скотом. Длина пястных костей у этого последнего, по Рютимейеру, 178—

182 мм. Эти данные почти совершенно сходны с средней величиной рассматриваемой кости у рязанского скота (179,7 мм) и могут служить дополнительным свидетельством его примитивности.

2. Свинья

По количеству костей в остатках из Старой Рязани домашней свиньи принадлежит второе место. Имеется 1999 костей, которые происходят примерно от 315 особей разного возраста, от очень молодых до старых. Преобладают более или менее крупные фрагменты челюстей (преимущественно нижних), отдельные зубы, кости конечностей. Последние, как правило, сильно разрушены; исключение составляют лишь довольно немногочисленные таранные кости, вообще отличающиеся значительной прочностью. Есть также один довольно мало поврежденный череп молодой особи.

Сравнение костей свиней из Старой Рязани с одноименными костями свиней из древнего Новгорода обнаруживает весьма существенные различия между ними. По всем исследованным нами признакам кости рязанских свиней оказываются неизменно более крупными, чем новгородские. Различия выражаются и в границах изменчивости и в средних арифметических. M. diff. повсюду

Таблица 10

Вариационные ряды размеров костей свиней

Длина альвеолярного ряда ложных коренных зубов нижней челюсти

Классы	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c
Варианты	4	3	4	3	6	2	2	1	1	26	34,61	0,43	2,20	6,4	

Длина альвеолярного ряда настоящих коренных зубов нижней челюсти

Классы	61	63	65	67	69	71	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c
Варианты	6	5	4	4	4	20	64,90	0,55	2,48	3,8	

Общая длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти

Классы	94	96	98	100	102	104	106	108	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c
Варианты	1	3	3	4	4	1	1	17	100,64	0,75	3,10	3,0	

Длина третьего настоящего коренного зуба нижней челюсти

Классы	26	28	30	32	34	36	38	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c
Варианты	6	26	15	27	10	2	86	34,36	0,26	2,44	7,8	

Ширина третьего настоящего коренного зуба нижней челюсти

Классы	12	13	14	15	16	17	18	19	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c
Варианты	4	8	34	35	10	5	3	99	15,17	0,12	1,21	7,9	

Длина третьего настоящего коренного зуба верхней челюсти

Классы	25	27	29	31	33	35	37	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c
Варианты	1	8	4	4	3	1	21	30,28	0,58	2,66	8,5	

Ширина третьего настоящего коренного зуба верхней челюсти

Классы	15	16	17	18	19	20	21	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c
Варианты	1	2	10	6	2	1	22	17,91	0,22	1,07	6,0	

Наибольшая длина таранной кости

Классы	36	37	38	39	40	41	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c
Варианты	6	3	6	3	8	26	38,65	0,30	1,54	4,0	

Ширина нижнего конца плечевой кости											
Классы	27	29	31	33	35	37	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c
Варианты	2	3	5	4	2	16	32,12	0,60	2,40	7,5	
Ширина нижнего конца берцовой кости											
Классы	25	26	27	28	29	30	31	32	\bar{n}	M	$\pm m$
Варианты	2	3	3	6	2	1	2	19	28,24	0,39	1,70
											6,0

Таблица 11

Сравнение размеров костей свиней из Старой Рязани и древнего Новгорода (в мм)

Название признака	Из Рязани		Из Новгорода		M. diff.
	Lim	M $\pm m$	Lim	M $\pm m$	
Длина альвеолярного ряда ложных коренных зубов нижней челюсти	32—40	34,61 \pm 0,43	29—36	31,8 \pm 0,13	6,2
Длина альвеолярного ряда настоящих коренных зубов нижней челюсти	62—71	64,90 \pm 0,55	51—68	58,78 \pm 0,34	9,6
Общая длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти	95—108	100,64 \pm 0,75	85—101	91,00 \pm 0,57	10,4
Длина 3-го моляра нижней челюсти	27—38	31,36 \pm 0,26	25—36	28,86 \pm 0,24	7,4
Ширина 3-го моляра нижней челюсти	13—19	15,17 \pm 0,12	12—16	13,82 \pm 0,09	9,6
Длина таранной кости	37—41	38,65 \pm 0,30	34—38	35,60 \pm 0,35	6,8

достигает очень высокого значения, не оставляя сомнений в реальности различий. Таким образом, свиньи, разводившиеся в Старой Рязани, были по размерам значительно крупнее новгородских.

С. Н. Боголюбский, исследовавший материал из раскопок, производившихся В. А. Городцовым, имел в своем распоряжении два хорошо сохранившихся черепа свиней. Оба они обнаруживали черты большой примитивности, выражавшиеся прежде всего в почти совершенно прямом у одного или почти прямом у второго профиле, в мощном развитии зубов, в сильно откинутом назад затылке. По существу дела, те же черты свойственны и черепу, найденному А. Л. Монгайтом. К сожалению, основание мозговой коробки, височная область и нижняя часть затылка повреждены, и это лишает возможности произвести важнейшие изме-

рения. Пожалуй, только затылок у описываемого черепа откинут кзади слабее, чем у черепов, изученных С. Н. Боголюбским, но это может представлять просто ювенильную особенность нашего экземпляра.

Сравнивая основную длину черепов свиней из Старой Рязани (274 и 278 мм), С. Н. Боголюбский установил, что она на 12—16 мм больше, чем у лайбахских свиней, описанных Ульманским из свайных построек (262 мм), и почти на 20—23 мм больше, чем у наименьших швейцарских торфяниковых свиней.

Что касается формы слезных костей, которой придается большое значение для дифференциации свиней, то в нашем экземпляре она приближается к квадратной, как и у исследованных С. Н. Боголюбским черепов. Ее высота по орбитальному краю 17,5 мм, верхняя длина 36,0 мм, нижняя длина

Измерения метаподий мелкого рогатого скота

Таблица 12

Название кости	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Большой диаметр диафиза в мм	Малый диаметр диафиза в мм	Отношение ширины диафиза к общей длине в %	Отношение малого диаметра диафиза к большому диаметру в %
Пястье козы	139	28,5	33,5	20,0	13,2	14,4	
" овцы	116	20,0	24,2	13,7	10,8	11,8	66,0
" овцы	118	—	26,0	14,6	11,9	12,4	78,8
Плюсна овцы	149	24,0	—	13,2	13,0	8,1	82,5
" овцы	138	—	—	13,2	13,0	9,5	98,5
							98,5

18,5 мм. Относительно малые размеры слезной кости объясняются тем, что она принадлежит еще молодой особи. У черепов из раскопок В. А. Городцова высота слезных костей 22,2 мм, нижняя, длина — 24,2 мм и 26,2 мм, верхняя длина — 42,4 и 40,4 мм. Отношение нижней длины слезной кости к высоте ее в орбитальном крае составляет у нашего экземпляра 1,05, у экземпляров, исследованных С. Н. Боголюбским, 1,04 и 1,22. По этому признаку свиньи из Старой Рязани оказываются более близкими к породам азиатского корня, характеризующимся квадратной формой слезных костей, нежели к породам европейского корня, которым свойственна более удлиненная форма упомянутых костей. Индексы слезных костей свиней из Старой Рязани близки к таковым торфянковых свиней (1,05—1,52, по Рютимейеру) и поздненеолитических (0,9—1,05, по Ульманскому). Близкое сходство рязанских свиней с торфянковыми устанавливается С. Н. Боголюбским и по ряду других краинологических признаков.

3. Мелкий рогатый скот

Количество костей мелкого рогатого скота в материале из Старой Рязани относительно невелико — 871 экз. Они происходят примерно от 165 отдельных особей разного возраста. Имеются все элементы скелета, в том числе значительное количество стержней рогов, нижние челюсти; преобладают, однако, кости конечностей. Сохранность материала весьма невысока. Целые черепа или хотя бы крупные фрагменты их полностью отсутствуют, редкое исключение составляют неповрежденные длинные трубчатые кости конечностей.

Из 10 костных стержней рогов коз 9 принадлежат самцам и 1 самке. Все они обломаны, и измерение длины их невозможно. У трех лучше сохранившихся экземпляров обхват при основании составляет 155, 150 и 130 мм; диаметры у оснований соответственно 62/36, 57/37 и 52/29 мм. Описываемые стержни рогов обнаруживают явственное скручивание положительного характера.

Ширина суставного блока плечевой кости коз — 38, 35 и 30 мм.

Обращает на себя внимание очень крупный размер имеющейся пястной кости, общая длина которой равна 139 мм. Столь крупных размеров мы не обнаружили ни в Гродно, ни в древнем Новгороде — памятниках, давших значительное количество остатков коз. У новгородских коз, например, наибольший размер пястий — 121 мм.

Стержни рогов домашних овец более многочисленны, чем коз (16 экз.), но по уровню сохранности еще хуже. Для измерений они почти непригодны. Все эти экземпляры принадлежат самцам, так что, повидимому, самки были комолыми.

Две пястные кости овец имеют длину 116 и 118 мм, по размерам не отличаясь от одноименных костей новгородских овец. Плюсневые кости, однако, относительно крупны: длина их 138 и 149 мм, они превосходят максимальные размеры, обнаруженные нами у новгородских овец.

Несколько экземпляров плечевых костей при измерении ширины суставного блока дали следующие результаты: 36, 35, 34, 34, 31, 30, 28, 29 и 27 мм.

В заключение следует отметить, что в материале из Старой Рязани остатки овец ко-

личественно значительно преобладают над остатками коз. Повидимому, на долю первых приходится от 2/3 до 3/4 общего числа костей мелкого рогатого скота.

4. Лошадь

Количество костей лошадей в материале из Старой Рязани довольно велико — 1217 экз. от 93 особей, за редкими исключениями взрослых. Сохранность костей значительно лучше, чем у рассмотренных ранее видов. Однако имеются все же экземпляры

длинных трубчатых костей конечностей с совершенно несомненными следами искусственного разрушения. Отсутствуют полностью черепа или сколько-нибудь крупные фрагменты их, которые могли бы дать известное представление о крациологических особенностях лошадей из Старой Рязани.

Прежде чем перейти к описанию нашего материала, необходимо вкратце остановиться на данных С. Н. Боголюбского, в распоряжении которого был хорошо сохранившийся череп лошади, найденный В. А. Городцовым. С. Н. Боголюбский отмечает, что упомянутый череп отличается весьма небольшими общими размерами — его темяная длина всего 482 мм; судя по этому, он должен был принадлежать лошади ростом в холке около 120—125 см. Подробно анализируя важнейшие структурные особенности черепа, С. Н. Боголюбский считает, что изученный им экземпляр относится к типу лесных лошадей.

О небольших размерах черепов рязанских лошадей свидетельствуют и два фрагмента верхних челюстей. Длина альвеолярного ряда коренных зубов у них составляет 76 и 72 мм, т. е. даже несколько меньше, чем у черепа, описанного С. Н. Боголюбским (79 мм). Меньше у них и размеры отдельных коренных зубов.

Таблица 13

Измерения коренных зубов верхней челюсти лошадей (в мм)

Название признака	№ 1	№ 2
Длина альвеолярного ряда настоящих коренных зубов . . .	76	72
Длина и ширина 3-го премоляра . . .	27—26	27—27
" " 4-го " . . .	27—26	26—27
" " 1-го моляра . . .	24—27	24—27
" " 2-го " . . .	24—26	25—26
" " 3-го " . . .	22—22	22—21

Таблица 14

Измерения нижних челюстей лошадей (в мм)

Название признака	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
Наибольшая ширина вертикальной ветви	—	112	149	131	—	—
Высота у переднего края 1-го моляра	73	70	78	75	—	—
Длина диастемы	96	—	—	73	—	—
Общая длина альвеолярного ряда коренных зубов	166	164	166	170	—	—
Длина альвеолярного ряда ложных коренных зубов	87	84	84	87	83	—
Длина альвеолярного ряда настоящих коренных зубов	78	79	82	83	—	74
Длина резцового ряда	62	—	—	—	—	—
Длина и ширина 2-го премоляра	32—17	29—17	32—18	—	30—18	—
Длина и ширина 3-го премоляра	26—18	27—20	27—20	27—18	26—19	—
Длина и ширина 4-го премоляра	25—18	26—19	25—19	26—18	25—20	23—17
Длина и ширина 1-го моляра	24—17	23—17	23—18	25—17	—	21—17
Длина и ширина 2-го моляра	24—16	23—17	25—16	25—16	—	22—15
Длина и ширина 3-го моляра	30—14	30—15	33—14	30—14	—	31—14

Более многочисленны в материале из Старой Рязани сохранившиеся и пригодные для измерений нижние челюсти лошадей. Общая длина альвеолярного ряда коренных зубов у них (4 экз.) колеблется от 164 до 170 мм, в среднем 166,5 мм; длина альвеолярного ряда ложных коренных зубов 83—87 мм, в среднем (у 5 экз.) 85 мм; длина ряда настоящих коренных зубов 74—83 мм, в среднем (у 5 экз.) 79 мм. Эти данные, равно как и некоторые другие, приведенные в табл. 14, ясно указывают на малые размеры лошадей из Старой Рязани.

Особенный интерес представляет довольно обширная серия метаподий лошадей, состоящая из 12 пястных и 13 плюсневых костей, достаточно хорошо сохранившихся. Это последнее обстоятельство дает возможность подробно измерить их и установить основные структурные особенности, которым обычно придается важное значение для дифференциации домашних лошадей.

Одна из пястных костей (№ 1) выделяется своими исключительно крупными размерами. Общая длина ее 248 мм, она на 25 мм превышает максимальные размеры остальных 11 экземпляров. Отношение ширины кости по средине диафиза к общей длине ее составляет 16,1, отношение к длине снаружи 16,7. По классификации А. А. Браунера, она принадлежит к группе средненогих лошадей.

Все остальные пястные кости лошадей из Старой Рязани, как уже отмечалось, значительно меньше по размерам. Их общая длина варьирует от 206 мм (экз. № 6) до 223 мм (экз. № 2), т. е. в сравнительно узких пределах. Это же подтверждает и длина пястий снаружи, колеблющаяся от 199 до 214 мм. Однако, обращаясь к структурным особенностям пястных костей, мы обнаруживаем весьма существенные различия между ними. Достаточно указать, например, что по отношению ширины кости по средине длины диафиза к общей длине наблюдаются изменения от 14,8 до 16,9%; по отношению ширины диафиза к длине снаружи — от 15,3 до 17,7%. Согласно схеме А. А. Браунера, пястные кости № 4 и № 9, отличающиеся большой толщиной диафиза (отношение к общей длине 16,7 и 16,9%), принадлежат к группе полуторстоногих. Пять других экземпляров (№ 2, 3, 5, 8 и 11) характеризуются отношением ширин диафиза к общей длине 15,7—16,3% и относятся к средненогим. Четыре

Таблица 15

Измерения пястных костей лошадей

№	Общая длина в мм	Длина снаружи в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина середины диафиза в мм	Отношение ширины диафиза к общей длине в %		Отношение ширины диафиза к длине снаружи в %
						Отношение ширины диафиза к общей длине в %	Отношение ширины диафиза к длине снаружи в %	
1	248	239	58	54	40	16,1	16,7	
2	223	214	48	47	35	15,7	16,3	
3	217	209	46	45	34	15,7	16,3	
4	215	207	—	50	36,5	16,9	17,7	
5	213	203	53	50	34	16,0	16,7	
6	206	199	45	42	31	15,0	15,6	
7	211	202	46	43	32	15,2	15,8	
8	220	211	49	49	35	15,9	16,6	
9	212	203	—	47	35,5	16,7	17,5	
10	210	202	49	47	31	14,8	15,3	
11	208	200	—	49	34	16,3	17,0	
12	207	199	44	44	31,5	15,2	15,8	

экземпляра (№ 6, 7, 10 и 12) имеют упомянутое отношение 14,8—15,2% и принадлежат к группе полутонконогих. Таким образом, из 12 пястных костей 10, т. е. основное большинство (83%), принадлежат лошадям полутонконогим и средненогим.

Подобно пястям, весьма сильно варьируют по размерам и структуре плюсневые кости лошадей. Общая длина их колеблется от 228 мм (№ 25) до 271 мм (№ 13), длина снаружи — от 221 до 264 мм. Одна из плюсцен (№ 23) характеризуется отношением ширины диафиза к длине снаружи 14,2% и принадлежит толстоногой лошади. У трех экземпляров (№ 13, 16 и 21) отношение диафиза равно 12,9—13,2%, они принадлежали полутолстоногим лошадям. У шести плюсцен (№ 15, 17, 20, 22, 24 и 25) отношение ширины диафиза от 12,2 до 12,7%, что свойственно лошадям полутонконогим. Последние две плюсны (№ 18 и 19) имеют тонкий диафиз и отношение ширины его 11,7 и 11,8%, как у лошадей тонконогой группы. Преобладающее большинство плюсцен, следовательно, должно быть отнесено к группам полутолстоногих и полутонконогих лошадей.

Таблица 16

Измерения плюсневых костей лошадей

№	Общая длина в мм	Длина снаружи в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина середины диафиза в мм	Отношение ширины диафиза к общей длине в %	Отношение ширины диафиза к длине снаружи в %
16,7	271	264	51	52	35	12,9	13,2
16,3	268	260	48	—	—	—	—
16,3	265	259	—	50	32	12,1	12,3
16,3	264	257	51	49	34	12,9	13,2
17,7	258	249	49	49	31	12,0	12,4
16,7	254	248	48	47	29	11,4	11,7
15,6	249	241	45,5	44	28,5	11,4	11,8
15,8	252	245	44	45,5	30	11,9	12,2
16,6	256	247	48,5	49	32	12,5	12,9
17,5	242	235	46	46	29	12,0	12,3
15,3	244	236	49	50	33,5	13,7	14,2
17,0	242	234	45,5	43	29,5	12,2	12,6
15,8	228	221	42	42	28	12,3	12,7

Дифференцируя лошадей по строению плюсневых костей, А. А. Браунер не ввел группы средненогих, выделяемой им для пястных костей. Плюсневые кости, соответствующие средненогой группе пястий попадают, таким образом, в группы полутолстоногих и полутонконогих.

Если сравнить между собой размеры длины метаподий у лошадей из Старой Рязани и древнего Новгорода, то легко обнаружить сильное сходство между ними. Так, общая длина пястий у новгородских лошадей (13 экз.) варьирует от 197 до 229 мм, в среднем 212,9 мм. У рязанских, если исключить выдающийся по размерам экземпляр № 1, общая длина пястий 206—223 мм, в среднем 212,5 мм. Размеры пястных костей лошадей из этих двух памятников практически совершенно сходны. Заслуживает только внимания, что диапазон изменчивости размеров пястий у рязанских лошадей более узок, чем у новгородских. Впрочем, в подобных случаях всегда приходится считаться с ограниченностью материала, имеющегося в распоряжении исследователя.

Имеющиеся в нашем распоряжении 7 хо-

рошо сохранившихся лучевых костей по общей своей длине варьируют от 303 до 337 мм, в среднем 312 мм. Примерно такая же картина наблюдается и у новгородских лошадей, у которых общая длина лучевых костей 287—325 мм, в среднем 310 мм.

Общие размеры берцовых костей нам удалось установить лишь на трех несколько лучше остальных сохранившихся экземплярах. Длина варьирует от 319 до 350 мм (табл. 20), т. е. имеет размеры, свойственные лишь лошадям небольшого роста. Более многочисленны измерения отдельных элементов берцовых костей, например нижнего конца, ширина которого колеблется (по 10 исследованным экземплярам) от 60 до 80 мм, в среднем 70 мм. Такие же приблизительно размеры имеют рассматриваемые кости и у новгородских лошадей.

Целых плечевых костей лошадей в материале из Старой Рязани всего две. Наибольшая длина их только 290 и 268 мм, физиологическая длина соответственно 268 и 248 мм. Более многочисленны фрагменты нижнего конца рассматриваемых костей, позволяющие измерить ширину суставного блока. Ширина этого последнего колеблется (по 9 измеренным экземплярам) от 69 до 78 мм, в среднем 73 мм, диаметр внутреннего края блока — от 47 до 53 мм, в среднем 50 мм. Подобные размеры плечевых костей свойственны лошадям малого или среднего роста. В этом отношении рязанские лошади не отличаются сколько-нибудь ощутительно от новгородских.

Широкие пределы изменчивости обнаруживают и путевые кости лошадей. Так, общая длина передних путевых костей (14 измеренных экземпляров) составляет 77—93 мм, в среднем 83,25 мм. Весьма изменчивы и их пропорции. Наряду с экземплярами, имеющими относительно тонкий диафиз (№ 13), встречаются кости с весьма толстым диафизом. Отношение ширины диафиза к общей длине кости колеблется от 36,5 до 44,3 %, в среднем 40,66 %. Сравнение путевых костей передней конечности рязанских лошадей с одноименными костями новгородских лошадей не обнаруживает существенных различий.

То же самое наблюдается и у задних путевых костей. Общая длина их варьирует от 69 до 88 мм, в среднем 77,15 мм, отношение ширины диафиза к общей длине кости — 38—44,4 %, в среднем 41,26 %. Подобно передним,

Таблица 17

Вариационный ряд общей длины пястий лошадей

Классы	195	200	205	210	215	220	225	230	п	M	$\pm m$	σ	c
Новгородские	1	2	3	2	1	2	2	13		212,90	2,62	9,45	4,4
Рязанские	—	—	4	4	2	1	—	11		212,50	1,44	4,75	2,2

Таблица 18

Вариационный ряд общей длины плюсен лошадей

Классы	225	230	235	240	245	250	255	260	265	270	275	п	M	$\pm m$	σ	c
Новгородские	—	—	1	—	1	3	3	3	—	1	12	256,25	2,44	8,45	3,3	
Рязанские	1	—	—	3	1	2	2	2	1	1	13	252,90	3,28	11,80	4,6	

Таблица 19

Измерения лучевых костей лошадей

№	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца	Ширина верхней поверхности, в мм	Передне-задний диаметр верхн. суставн. поверхн., в мм	Ширина середины диафиза в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина нижней суставн. поверхности, в мм	Отношение ширинны диафиза к общей длине в %
1	337	—	75	38	41	—	—	12,4
2	304	—	70	33	38	69	59	12,5
3	310	77	71	36	41	72	62	13,2
4	306	—	66	35	38	—	—	12,4
5	303	78	70	35	35	68	59	11,5
6	310	76	68	35	38	67	57	12,3
7	311	—	70	36	37	—	—	11,9
8	—	82	75	—	—	72	64	—
9	—	—	—	—	—	80	65	—
10	—	—	—	—	—	—	—	—

они не обнаруживают размерных и структурных различий с одноименными костями новгородских лошадей.

Хорошо сохранившихся копытных костей лошадей в материале из Старой Рязани мало: всего три передние и две задние. Все остальные экземпляры более или менее сильно повреждены. Как показывают результаты

Таблица 20

Измерения берцовых костей лошадей

№	Общая длина в мм	Физиологическая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Передне-задний диаметр нижнего конца в мм	Диаметр диафиза в мм
1	325	288	88	—	—	39
2	350	310	73	44	43	—
3	319	284	64	38	37	—
4	—	—	64	41	—	—
5	—	—	77	47	—	—
6	—	—	64	39	34	—
7	—	—	60	35	34	—
8	—	—	—	48	39	—
9	—	—	77	46	—	—
10	—	—	80	47	—	—
11	—	—	75	45	—	—

измерений (табл. 28), размеры копытных костей невелики. Отношение наибольшей ширины к длине передней поверхности у трех передних копытных костей колеблется от 140,0 до 177,0%; отношение высоты кости к ее наибольшей ширине 42,3—49,4%. Таким образом, копытные кости у лошадей из Старой Рязани довольно широкие и низкие. Это же

М. Альбарат
Измерения плечевых костей лошадей

№	Общая длина в мм	Физиологическая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего блока в мм	Диаметр внутреннего края блока в мм	Диаметр диафиза в мм
1	290	268	87	78	53	39
2	268	248	—	69	48	32
3	—	—	—	76	52	—
4	—	—	—	70	47	—
5	—	—	—	72	51	—
6	—	—	—	75	53	—
7	—	—	—	74	51	—
8	—	—	—	70	48	—
9	—	—	—	71	51	—

Измерения передних путевых костей лошадей

№	Общая длина в мм	Длина снаружи в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина верхней суставной поверхности в мм	Ширина средины диафиза в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина нижнего суставного блока в мм	Отношение ширины диафиза к общей длине в %
1	87	76	55	49	35	—	—	40,2
2	87	73	52	49	35	46	45	40,2
3	79	69	56	50	35	47	44	44,3
4	93	84	61	55	36	51	47	38,7
5	85	72	—	—	32	42	41	37,0
6	77	69	52	47	34	45	43	44,2
7	85	76	—	51	36	47	45	42,3
8	82	72	56	51	35,5	49	45	43,3
9	86	78	54	49	34,5	48	44	40,1
10	84	75	53	49	32	46	44,5	38,1
11	79	72	47	43	30,5	43	40,5	38,6
12	—	78	—	50	36,5	49	45,5	—
13	85	77	52	47	31	42,5	44,5	36,5
14	82	74	54	49	32	—	43	39,0

Кости обеих найдены при раскопках Старой Рязани в довольно неизвестных местах.

Таблица 23

Вариационный ряд общей длины передних путевых костей лошадей

Классы	65	70	75	80	85	90	95	п	M	± m	σ	C	M. diff
Рязанские	—	—	3	6	3	1	13	83,25	1,21	4,35	5,2	—	2,74
Новгородские	1	2	4	2	1	—	10	77,50	1,72	5,45	7,0	—	—

Вариационный ряд относительной ширины диафиза передних путевых костей лошадей

Классы	36	38	40	42	44	46	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c	M. diff.
Рязанские	2	4	2	2	2	12	40,66	0,80	2,70	6,6		
Новгород- ские	—	1	5	4	1	11	41,90	0,48	1,60	3,8		1,33

Таблица 25

Измерения задних путевых костей лошадей

№	Общая длина в мм	Длина снаружи в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина верхн. суставн. поверхн. в мм	Ширина средней части диафиза в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина нижн. суставн. блока в мм	Отношение ширины диафиза к общей длине в %
1	83	76	57	48	35	47	43	42,2
2	71	63	51	46	31	42	39	43,6
3	81	72	57	49	36	47,5	44	44,4
4	78	70	51	45	30	41	39	38,4
5	69	62	46	42	28,5	39,5	—	41,3
6	79	71	52	47	30	42,5	39	38,0
7	88	79	—	50	36	—	—	40,9
8	83	74	57	49	34	44,5	41	40,9
9	84	74	54	48	34	47	45	40,5
10	79	70	55	48	33	46	43	41,8
11	72	67	50	43	31,5	43	39	43,7
12	73	66	49	46	29	41	39	40,0
13	72	66	48	44	30	40	39	41,7
14	74	66	53	47	32	46	41	43,2
15	77	70	54	48	32	44	42	41,6

Таблица 26

Вариационный ряд общей длины задних путевых костей лошадей

Классы	65	70	75	80	85	90	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c	M. diff.
Рязанские	1	5	4	4	1	15	77,15	1,38	5,35	6,9		
Новгород- ские	2	4	3	1	—	10	74,00	1,42	4,50	6,1		1,60

Таблица 27

Вариационный ряд относительной ширины диафиза задних путевых костей лошадей

Классы	36	38	40	42	44	46	\bar{n}	M	$\pm m$	σ	c	M. diff.
Рязанские	1	2	7	4	1	15	41,26	0,50	1,92	4,6		
Новгород- ские	—	1	3	4	2	10	42,40	0,57	1,80	4,2		1,52

ДОМАШНИЕ И ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ

Таблица 28

Измерения копытных костей лошадей

№	Название кости	Длина передней поверхн. в мм	Наибольшая ширина кости в мм	Ширина между копытными ветвями в мм	Ширина суставн. поверхн. в мм	Толщина суставн. поверхн. в мм	Высота кости в мм	Отношение наибольшей ширины к длине передн. поверхн. в %	Отношение высоты к наиб. ширине в %
3	Передняя . . .	48	85	—	47	23	36	177,0	42,3
4	" . . .	48	—	59	43	23	36	140,0	49,2
5	" . . .	45	67	56	43	22	33	168,8	49,4
2	" . . .	48	81	72	49	24	40	136,5	56,9
1	Задняя . . .	63	86	70	51	28	49	—	—
6	" . . .	50	—	—	44	23	40	—	—
7	" . . .	51	—	57	43	23	37	—	—
8	" . . .	51	65	57	39	22	37	127,0	57,0
10	" . . .	50	—	—	42	22	36	—	—

Таблица 9

Вариационный ряд роста лошадей в холке

Классы	115	120	125	130	135	140	145	150	155	п	M	± m	σ	c
Варианты	1	2	10	6	4	1	—	1	25	134,10	1,40	7,00	5,3	

шинства экземпляров варьирует от 125 до 135 см. Лошади высотой в холке до 137 см обычно считаются малорослыми, высотой от 138 до 148 см — среднерослыми. Следовательно, основная масса лошадей из Старой Рязани принадлежала к малорослым; среднерос-

лые лошади были относительно немногочисленны. Судя по нашим данным, на долю первых приходится около 86 %.

Относительная длина метаподий у лошадей очень изменчива. Поэтому применение для исчисления роста средних коэффициентов А. А. Браунера не дает, естественно, абсолютно точных результатов. Тем не менее, малорослость рязанских лошадей представляется, на основании приведенных данных, достаточно очевидной.

5. Собака

Кости собак найдены при раскопках Старой Рязани в довольно небольшом количестве: 230 костей от 40 особей разного возраста. По степени сохранности кости собак заметно отличаются от рассмотренных ранее костей сельскохозяйственных животных, в том числе и лошадей. Достаточно указать, что в числе определенных костей было обнаружено 9 удовлетворительно сохранившихся черепов, не считая ряда других, поврежде-

Пястные кости	Плюсневые кости			
	Длина снаружи (в мм)	Высота в холке (в см)	Длина снаружи (в мм)	Высота в холке (в см)
239	153	264	141	
214	137	260	138	
209	134	259	138	
207	132	257	137	
203	130	249	133	
199	127	248	132	
202	129	241	128	
211	135	245	130	
203	130	247	132	
202	129	235	125	
200	128	236	126	
199	127	234	125	
		221	118	

ния которых ограничиваются лицевой частью. Кроме того, имеется еще ряд мало или совсем неповрежденных нижних челюстей и длинных трубчатых костей конечностей. Вряд ли могут быть сомнения, что лучшая сохранность костей собак объясняется тем, что они не употреблялись в пищу.

Как видно по измерениям черепов (табл. 32), общая длина которых варьирует от 164 до 193 мм (в среднем, 175,5 мм), собаки из Старой Рязани были довольно мелки. О том же свидетельствуют и более многочисленные измерения длины альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти, варьирующей в пределах 65—80 мм (в среднем 70,25 мм).

6. Кошка

Количество костей домашних кошек в материале из раскопок Старой Рязани невелико: всего 23 кости от 7 взрослых особей. Они представляют собой фрагменты верхних и

нижних челюстей, плечевых, берцовых костей и бедер.

7. Лось

В исследованном материале остатки лосей довольно многочисленны и представлены 336 костями, происходящими от 37 взрослых особей. В основном, это небольшие фрагменты челюстей, отдельные коренные зубы, позвонки, кости конечностей, преимущественно фаланги пальцев. Как правило, все длинные трубчатые кости конечностей разрушены искусственным путем, в связи с употреблением мяса в пищу. Редкое исключение представляет один экземпляр плюсны, расколотый в продольном направлении и позволяющий измерить общую длину ее. Последняя (в проекции) оказалась равной 414 мм, по переднему краю — 404 мм, передне-задний диаметр суставного блока — 43 мм, передне-задний диаметр верхнего конца — 61 мм. Об-

Измерения черепов собак (в мм)

Таблица 30

Название признака	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 8	№ 9
Длина наибольшая . . .	193	181	172	164	171	174	182	169	171
Длина кондилобазальная	179	169	162	156	159	161	172	159	165
Длина базилярная . . .	169	159	152	148	150	152	162	152	156
Длина морды	84	78	73	71	72	72	77	73	76
Длина носовых костей	70	—	54	60	59	65	63	59	—
Ширина морды над клыками	36	37	36	32	32	—	38	35	—
Ширина межглазничная	39	36	36	30	30	32	40	33	32
Длина костного нёба . .	—	84	83	83	82	85	88	83	84
Ширина между задними коренными зубами . .	32	35	28	30	31	—	31	—	31
Длина альвеолярного ряда коренных зубов	65	61	61	57	59	58	63	56	57

Таблица 31

Вариационный ряд длины альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти собак

Классы	65	68	71	74	77	80	п	M	$\pm \sigma$	s
Варианты	6	5	2	1	2	16	70,25	1,00	4,02	5,7

рашают на себя внимание крупные размеры длины упомянутой кости, заметно превосходящие средние размеры ее у современных европейских лосей.

8. Бобр

Всего обнаружено 62 кости бобров, принадлежащих, по крайней мере, 23 взрослым особям. В их числе крупный фрагмент нижней челюсти, несколько плечевых костей, лучевые кости, бедра, отдельные резцы и коренные зубы. Почти все кости сильно повреждены и мало пригодны для измерений. Длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти 37 мм, длина диастемы 25 мм, наименьшая высота челюсти в области диастемы 24 мм, то же позади последнего коренного зуба 23,5 мм, ширина нижнего резца спереди 8,5 мм, длина жевательной поверхности коренных зубов нижней челюсти 36 мм, наибольшая ширина ее 9,6 мм. Одна вполне сохранившаяся плечевая кость имеет общую длину (в проекции) 91,5 мм, от верхнего края суставной головки до вырезки в суставном блоке — 88 мм.

9. Бурый медведь

Найдено 38 костей медведя (преимущественно довольно хорошо сохранившиеся нижние челюсти, фрагменты верхних челюстей, отдельные клыки и коренные зубы, фаланги пальцев). Они происходят примерно от 12 взрослых зверей. Кондиллярная длина одной хорошо сохранившейся нижней челюсти 243 мм, длина альвеолярного ряда коренных 88 мм, длина диастемы 37 мм, наименьшая высота челюсти в диастеме 46 мм. Размеры второго экземпляра нижней челюсти значительно меньше: кондиллярная длина ее 216 мм, длина альвеолярного ряда 75 мм, длина диастемы 33 мм, наименьшая высота в диастеме 42 мм. Длина альвеолярного ряда коренных зубов верхней челюсти 80 и 81 мм.

10. Кабан

Обнаружено всего лишь 26 костей 9 взрослых особей. Остатки этого животного представлены преимущественно фрагментами

нижних челюстей, одной верхней челюстью, отдельными коренными зубами, фрагментом нижнего конца плечевой кости и верхнего конца лучевой. Длина альвеолярного ряда настоящих коренных зубов нижней челюсти 94, 95 и 89 мм. Длина и ширина третьего моляра нижней челюсти: 46/21,5; 43/20,5; 51/21,8; 51/20,5; 49/22,0 мм. Длина альвеолярного ряда настоящих коренных зубов верхней челюсти 81 мм, размеры третьего моляра той же челюсти 42/23,5 и 41/23,5.

На фоне костей домашних свиней кости кабанов резко выделяются гораздо более крупными размерами. Приведенные выше измерения не оставляют сомнения в том, что упомянутые кости принадлежат именно диким кабанам. Повидимому, во времена Старой Рязани этот вид был довольно обыкновенен и исчез позднее, будучи истреблен человеком.

11. Косуля

Обнаружено 14 костей косули, они относятся к 4 взрослым особям. В основном, это мелкие фрагменты нижних челюстей, отдельные коренные зубы и мелкие же фрагменты костей конечностей. Из них наиболее интересны 2 плечевые кости. Обе они отличаются весьма крупными размерами: ширина суставного валика равна 34 и 33 мм. В этом отношении косули из Рязани существенно превышают размеры современных европейских косуль и более сходны с азиатскими.

12. Заяц

10 костей зайцев (4 фрагмента нижних челюстей, 5 костей конечностей, 1 позвонок), обнаруженные в остатках из Старой Рязани, относятся к 5 взрослым особям.

13. Белка

Белка представлена в исследованном на-
ми материале всего 4 костями (1 фрагмент черепа, нижняя челюсть и 2 плечевых кости) от 2 особей.

14. Сайга

Обнаружен костный стержень рога взрос-
лого животного. Удовлетворительная сохрани-

ность его, позволяющая установить характерные структурные особенности, свойственные сайге, не оставляет сомнения в точности определения.

* * *

Заканчивая на этом общий обзор костного материала по отдельным видам, обратимся теперь к итогам изучения остатков животных из Старой Рязани.

Как уже отмечалось выше, нами конституировано 8 видов диких млекопитающих. С. Н. Боголюбский нашел в материале из раскопок, производившихся В. А. Городцовым, помимо бобра, медведя, лоси и косули, также некоторые, нами не обнаруженные виды: лисицу, волка, куницу, мелкое плотоядное (вид не установлен), оленя (вид не установлен). Таким образом, в общем итоге в раскопках Старой Рязани установлено 13 видов диких млекопитающих, дающих ясный облик фауны Рязани того времени. Большинство упомянутых видов — характерные представители фауны лесной полосы Восточной Европы, и ныне встречающиеся в пределах Рязанской области, другие — полностью исчезли. Так, нет ныне в Рязанской области бобра, уничтоженного человеком почти повсеместно и сохраняющегося только в специальных заповедниках. Но в XIII в. нашей эры бобр был несомненно вполне обычным животным в этих местах, как и вообще на широких пространствах лесной полосы Европейской России.

Особенный интерес представляет находка в Старой Рязани остатков кабанов и косуль — видов, сейчас в этом районе отсутствующих. Районы современного распространения обоих этих видов значительно отдалены от Рязани. Обнаружение кабана и косули свидетельствует, что в еще сравнительно недавнем прошлом они были широко распространены на территории Европейской России и исчезли в ряде мест в результате истребительной, а может быть, в известной мере и хозяйственной деятельности человека.

Загадочной остается находка кости оленя, вид которого С. Н. Боголюбскому точно установить не удалось. Скорее всего упомянутая кость могла принадлежать северному оленю, до недавнего времени встречавшемуся в некоторых районах центральных областей Европейской России. Гораздо менее вероятной представляется возможность находки здесь благородного оленя.

Особо следует остановиться на находке в остатках из Старой Рязани сайги. Этот вид — типичный обитатель пустынно-степной полосы, и обнаружение его в Рязани не соответствует облику остальной фауны, имеющей, как уже отмечалось, лесной характер. Правда, известны случаи эпизодических забегов сайги на север, но все же более вероятным представляется предположение, что найденный в Рязани костный стержень рога был завезен из более южных степных областей страны. Это тем более вероятно, что северная граница степи отстояла от Рязани недалеко.

Количество костей диких животных в материале из Старой Рязани относительно очень невелико и составляет всего лишь 5,3% от общего количества определенных (по нашим данным) и 6,3% — по данным С. Н. Боголюбского.

Большая часть костей диких животных принадлежит копытным (лось, кабан, косуля, сайга), добывавшимся преимущественно ради мяса, бобру, имевшему вообще совершенное значение в хозяйстве древней Руси, и медведю, также несомненно использовавшемуся в пищу. К этой же категории должен быть отнесен и заяц. Виды животных, добывавшихся только ради пушнины, представлены в остатках из Старой Рязани весьма незначительным количеством костей. Это и естественно, поскольку исследованный материал состоит в основном из кухонных остатков. Таким образом, приведенные выше цифры характеризуют не общее значение охоты в экономике, а преимущественно ту скромную роль, которую она играла в питании населения Старой Рязани.

Соотношение между отдельными видами диких животных по количеству костей и особей дает весьма характерные цифры:

	Колич. костей (%)	Колич. особей (%)
Лось	68,5	39,7
Бобр	12,8	24,9
Медведь	7,7	12,9
Кабан	5,3	9,7
Косуля	2,7	4,3
Заяц	2,0	5,4
Белка	0,8	2,1
Сайга	0,2	1,0
	100,0	100,0

Как явствует из приведенных выше данных, основное значение в охоте населения Старой Рязани имел лось, вероятно, в то

время очень многочисленный и широко используемый в пищу. Второе место занимает бобр, мясо которого, видимо, было также довольно обычным блюдом в Старой Рязани. Далее следует медведь, кабан и, наконец, косуля. Вполне вероятно, что два этих последних вида уже в те времена были относительно немногочисленны.

При всем том, следует отметить, что общее значение охоты, как источника питания, в жизни населения Старой Рязани было, видимо, очень ограничено. Основным источником мяса были несомненно домашние животные, на долю которых приходится 94,7% всех определенных костей и 90,0% особей млекопитающих, обнаруженных в Старой Рязани.

Оставляя в стороне собак и кошек, не игравших в хозяйстве населения Старой Рязани сколько-нибудь значительной роли, обратимся к основным видам сельскохозяйственных животных. Соотношение между ними по числу костей дает следующую картину:

	Колич. костей	%
Крупный рогатый скот	4346	51,7
Свинья	1999	23,6
Лошадь	1217	14,4
Мелкий рогатый скот	871	10,3
	8433	100,0

Основная масса костей принадлежит, таким образом, крупному рогатому скоту. Второе место занимают свиньи, по количеству костей, однако, более чем вдвое уступающие крупному рогатому скоту. Третье место принадлежит лошадям, четвертое — овцам и козам, разводившимся в Рязани, как можно предполагать, в незначительных количествах.

Аналогичные соотношения были установлены С. Н. Боголюбским по материалу из раскопок, производившихся В. А. Городцовым:

	Колич. костей	%
Крупный рогатый скот	1527	50,9
Свинья	600	20,0
Мелкий рогатый скот .	498	16,6
Лошадь	377	12,5
	3002	100,0

Здесь, так же как и в материале из раскопок, производившихся А. Л. Монгайтом, обнаруживается весьма резкое преобладание

костей крупного рогатого скота над всеми остальными; второе место также занимают свиньи. Однако относительно несколько более многочисленны кости мелкого рогатого скота и немного ниже удельный вес костей лошадей.

Следует признать все же, что различия в результатах статистического анализа невелики и не исключена возможность объяснения этого явления просто различиями в размерах изученного материала. Объединяя наши данные с данными, опубликованными С. Н. Боголюбским, мы получаем в общем итоге следующие цифры:

	Колич. костей	%
Крупный рогатый скот	5891	51,4
Свинья	2599	22,7
Лошадь	1594	13,9
Мелкий рогатый скот .	1369	12,0
	11 453	100,0

Более близкое к действительности представление о роли отдельных видов в питании населения дает, однако, не соотношение между ними по количеству костей, а по количеству особей. К сожалению, по материалу из раскопок Старой Рязани, производившихся В. А. Городцовым, подобными данными мы не располагаем, поскольку количество особей не было установлено. Что же касается исследованных непосредственно нами костных остатков, то соотношение между видами по количеству особей дает такие сведения (в %):

Крупный рогатый скот	26,7
Свинья	40,3
Мелкий рогатый скот	21,1
Лошадь	11,9
	100,0

Приведенные выше данные показывают, что основную массу особей в кухонных остатках из Старой Рязани составляют свиньи. Второе место принадлежит крупному рогатому скоту, третье — мелкому рогатому скоту и, наконец, четвертое — лошадям.

Заслуживает внимания значительное обилие костей лошадей в пищевых остатках из Старой Рязани, свидетельствующее о несомненном использовании этих животных в пищу. Указанное обстоятельство находится в противоречии с летописными данными,

согласно которым лошадь населением древней Руси во II тысячелетии в пищу не употреблялась или употреблялась лишь в самых крайних случаях. В свете результатов исследования костных остатков справедливость этих исторических свидетельств представляется весьма сомнительной. И состояние костных остатков, и характер их нахождения на территории памятника убеждают в том, что мясо лошадей поедалось населением Старой Рязани. Если учесть при этом, что свиньи, овцы и козы поедались преимущественно в молодом возрасте и вообще отличались мелкими размерами, то становится ясным, что количество мяса, доставлявшегося каждой особью, было относительно очень невелико. В то же время каждая лошадь, весившая, судя по росту, в среднем 300—350 кг, давала мяса около 10 пудов. Основываясь на установленных соотношениях между отдельными видами по количеству особей, следует признать, что конина была, вероятно, для населения Старой Рязани не менее, а даже более важным источником мясной пищи, чем свинина, баранина и козлятина.

Интересные данные обнаруживаются при сопоставлении результатов анализа состава костных остатков из Старой Рязани с таковыми из других, близких по времени, памятников древней Руси.

Так, например, в остатках из раскопок Гродно нами установлены следующие соотношения между домашними животными по количеству особей (в %):

Крупный рогатый скот	24
Свинья	37
Мелкий рогатый скот	26
Лошадь	13
	100

Не трудно заметить, что состав остатков из этого последнего памятника весьма сходен с установленным нами в Старой Рязани. Наблюдается лишь незначительное уменьшение относительного количества особей крупного рогатого скота и свиней при соответствующем увеличении количества особей мелкого рогатого скота.

По данным В. И. Громовой, опубликованным В. И. Равдоникасом, в костных остатках из слоев IX—X вв. Старой Ладоги имеются следующие соотношения между домашними животными по количеству особей (в %):

Крупный рогатый скот	30
Свинья	49
Мелкий рогатый скот	15
Лошадь	6
	100

В этом последнем случае мы наблюдаем заметное увеличение роли в пище крупного рогатого скота и особенно свиней, при сокращении мелкого рогатого скота и лошадей.

Констатированные различия в составе костных остатков из упомянутых памятников установлены при изучении столь обширных материалов, что вряд ли может возникнуть мысль о случайном характере их. Вполне вероятно, что они отражают действительно существовавшие различия в питании населения этих городов древней Руси, обусловленные специфическими особенностями животноводства в отдельных районах страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Бибикова. Фауна Пекуновского городища. МИА, № 13, 1950.
2. С. Н. Боголюбский. Палеофауна сельскохозяйственных животных Старой Рязани. Институт археологии и искусствознания. Труды секции археологии, т. IV, 1929.
3. А. А. Браунер. Материалы к познанию домашних животных России. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. Записки о-ва сельского хозяйства Южной России, 1916.
4. Н. Н. Верещагин. О мерах к устранению препятствий развития молочного скотоводства, 1888.
5. Д. М. Зорин и Н. А. Каллистров. К вопросу о мещерском скоте. Труды о-ва исследователей Рязанского края, вып. XXIII, 1929.
6. Н. А. Каллистров. Пойманный скот по контрольным данным. Вестник животноводства, № 9—10, 1928.
7. Н. Н. Колесник. Эволюция крупного рогатого скота, 1949.
8. А. В. Леопольдов. Крупный рогатый скот на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, 1924.
9. А. Ф. Миддендорф. Отчет о породе рогатого скота Северной России и улучшении ее. Исследования современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот, вып. 1, 1884.
10. В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, т. XI, 1949.
11. В. И. Цалкин. Палеофауна Старой Рязани. КСИИМК, вып. XXI, 1947.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки, издание Московского археологического общества.

БАН — Болгарская академия наук.

ВДИ — Вестник древней истории.

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.

ЗОРСА — Записки отделения Русско-славянской археологии Русского археологического общества.

ЗРАО — Записки русского археологического общества.

ИАК — Известия Археологической комиссии.

ИЗ — Исторические записки.

ИИМК — Институт истории материальной культуры.

ИОИФ — Известия Академии наук, серия Отделения истории и философии.

ИОЛЕАЭ — Известия общества любителей естествознания, археологии и этнографии.

КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК.

МАО — Московское археологическое общество.

МАР — Материалы по археологии России.

МГУ — Московский государственный университет.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

НАРМ — Научный архив Рязанского музея.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РОКМ — Рязанский областной краеведческий музей.

СА — Советская археология.

СЭ — Советская этнография.

ТРУАК — Труды Рязанской ученой архивной комиссии.

УАН — Украинская Академия наук.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

- 299805 -

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	5
1. Общие замечания — 5. Положение городища — 6.	
2. Нахodka «рязанских барм» — 6. Раскопки Д. Тихомирова — 8. Находки кладов — 8. Археологические исследования РУАК — 1888 г. — 9. Кладоискатели — 9. Раскопки А. И. Черепнина и В. Крейтона — 10. Раскопки В. А. Городцова 1926 г. — 11. Раскопки 1945—1950 гг. — 12. Их методика — 13. Письменные источники — 14.	
II. Некоторые сведения по истории Рязанской земли и историческая топография Старой Рязани	16
1. Описание городища — 16. Следы древних поселений — 17. Славянская колонизация — 19. Славянское поселение на северо-западном мысу — 20. Его датировка — 21.	
2. Первые упоминания о Рязани — 23. Основные вехи истории — 23. Данные о возникновении феодальных отношений — 24. Развитие ремесла и торговли — 24. Политические связи княжества — 25. Границы Муромо-Рязанской земли — 25. Борьба с Владимирским княжеством — 25. Нашествие Батыя — 27. Последующая судьба Рязани — 28.	
3. Топография Старой Рязани — 28. Северное городище — 28. Кладбища — 28. Южное городище — 28. Храмы — 29. Кладбища — 30. Центральная часть Южного городища — 31. Клады — 31. Ремесленный район у Исадских ворот — 31. Дороги — 31. Торговая площадь — 31. Прибрежная часть — 31. Пристань — 32. Населенность Южного городища — 32.	
III. Оборонительные сооружения	33
Общие данные — 33. Раскопки у Новых Пронских ворот — 34. Деревянные конструкции — 34. Вал у Исадских ворот — 35. История сооружения внешнего вала — 37. Деревянные конструкции — 38. Внутренний вал — 38. Опыт реконструкции — 38.	
V. Жилища	40
Вводные замечания — 40.	
1. Наземные жилища — 41.	
2. Полуземляночные жилища — 53.	
3. Отдельные детали устройства жилищ — 64. Стены — 64. Подпольные ямы — 65. Полы — 66. Печи — 66. Внутреннее устройство — 71. Крыши — 71.	
4. Хронологическое распределение открытых в Старой Рязани жилищ — 71. Этнографические параллели — 72. Два типа жилища в Рязанской земле и их происхождение — 72.	
V. Каменное зодчество	76
Вводные замечания — 76.	
1. Храм, открытый в 1836 г. — 76. Раскопки 1926 г. — 78. Западный притвор — 79. Поливные плитки — 82. Склепы — 82. Роспись — 83. Кладки собора — 85.	
2. Храм, открытый в 1888 г. — 86. Его план — 86.	
3. Храм, открытый в 1949 г. — 87. Его план — 87.	
4. Названия храмов — 89. Борисоглебский ^{собор} — 90. Успенский собор — 90. Спасский собор — 90. Датировка Успенского собора — 91. Его облик — 91. Даты остальных храмов — 92. 5. Резной камень — 92. Связи рязанского зодчества — 96.	
VI. Ремесло	98
1. Металлургия — 98. Версия о домашней выплавке железа — 99. Находки сопел — 99. Сыродутные горны — 100. Реконструкция процесса — 100.	
2. Кузнечное дело — 101. Кузничный инструмент — 101. Изделия: ножи — 101, весы — 104, слесарное дело — 104. Замки и ключи — 104.	
3. Обработка дерева — 106, топоры — 106. Прочий инструмент — 106. Токарные резцы — 108. Молотки и гвозди — 108.	

4. Гончарное дело — 108. Способ изготовления посуды — 109. Тесто — 110. Обжиг — 112. Горны — 112. Орнаментация сосудов — 115. Клейма — 117. Вопрос об их значении — 118. Типология керамики: ранний тип — 121. I группа — 123. II группа — 123; III группа — 125; IV группа — 125. Глиняные изделия специального назначения — 125. Эволюция рязанской керамики — 128. Изготовление кирпича — 129. Кирпичные клейма — 130. Плитки для полов — 130.	
5. Обработка янтаря — 130. Изделия из стекла — 131. Костерезное дело — 131. Резьба по камню — 132.	
6. Литье из меди — 133. Литейные формы — 133. Фрагменты изделий — 135. Ковка и чеканка — 136. Тиснение и штамповка — 136. Гравировка и золотая наводка — 139. Мастерские — 140. Изделия из золота и серебра — 140. Клады: 1822 г. — 140; 1868 г. — 142; 1886 г. — 144; 1950 г. — 150; их датировка — 152. Вещи рязанского происхождения — 152. Выводы — 153.	
VII. Торговля	154
Старая Рязань и окский путь — 154. Древнейшие монетные клады — 154. Пути — 154. Монетные находки XII в. — 155. Привозные вещи: ткани — 157, эмали — 157, керамика — 157. Монетные находки XIII—XV вв. — 158. Болгарские вещи — 159. Донской путь — 159. Находки пломб — 160. Весы — 161. Рязанская пристань — 163.	
VIII. Сельское хозяйство и промыслы	164
Почва и колонизация — 164. Земледелие — 164. Орудия — 165. Состав культур — 165. Скотоводство — 165. Охота — 167. Рыбная ловля — 168. Бортничество — 168.	
IX. Предметы повседневного быта. Оружие. Грамотность. Верования	169
1. Одежда и украшения. Обувь — 170. Одежда — 170. Дорогие ткани — 171. Изготовление тканей — 174. Вопрос о покрове одежды — 174. Стеклянные браслеты и перстни — 175. Бусы — 175. Металлические перстни и браслеты — 175, подвески — 176.	
2. Прочие бытовые находки.	
3. Предметы воинского снаряжения: копья — 182; топоры — 182; шпоры — 182; стремена — 182; удила — 183; стрелы — 183.	
4. Данные о грамотности — 185. Книжные застежки — 185. Надписи на пряслицах и посуде — 186. Граффити на фресках Борисоглебского собора — 187.	
5. Верования. Крестики и иконки — 187. Пережитки язычества в погребальном обряде — 189. Совместные погребения — 191. Четырехликий идол — 191.	
X. Заключение	194
Приложение:	
В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Старой Рязани	201
Список сокращений	226
Литература	225

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР

Редактор издательства В. В. Косточкин Технический редактор Е. Н. Симкина

РИСО АН СССР № 79—78В. Сдано в набор 9/VI—1955 г. Подп. в печать 23/XI 1955 г. Формат бум. 84×108^{1/16}.
Печ. л. 14^{1/4}, +5 вкл. (23,47). Уч.-изд. лист. 22,2+вкл. 0,7. Тираж 3000. Т-09146. Изд. № 960. Тип. заказ 1642.

Цена 16р. 15 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

Исправления

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
20	Левая колонка, 7 сн.	число	числе
132	Подпись под рис. 95	(2, 3)	(2, 4)
180	Левая колонка 5 сн.	рис. 135, 12	рис. 139, 12
192	Правая колонка, 14—13 сн.	совершившегося	совершившемуся

А. Л. Монгайт. Старая Рязань.

16.6.10K.